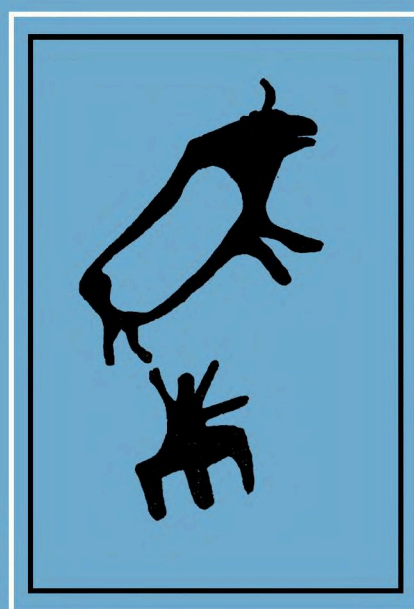

СИБИРЬ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

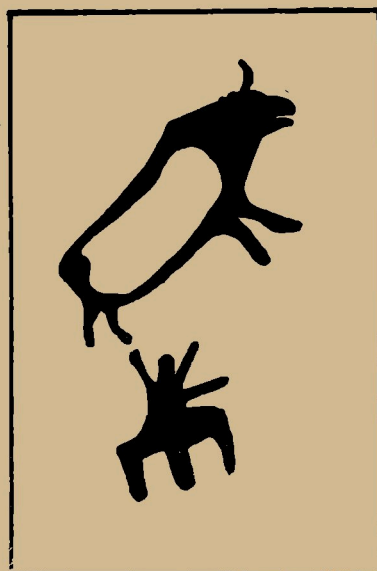
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СИБИРЬ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
(Сектор истории и археологии стран зарубежного Востока)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК · 1976

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY

SIBERIA,
CENTRAL AND EAST
ASIA
IN ANTIQUITY
(PALAEOLITHIC EPOCH)

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

PUBLISHING HOUSE «НАУКА»
SIBERIAN BRANCH
NOVOSIBIRSK 1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

СИБИРЬ,
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ
В ДРЕВНОСТИ
(ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК · 1976

Ответственный редактор В. Е. ЛАРИЧЕВ

Редколлегия: В. М. ГУБАЙДУЛИН, Т. И. КАШИНА,
А. Г. МАЛЯВКИН, В. М. НАДЕЛЯЕВ, Л. В. ТЮРЮМИНА.

В сборнике публикуются новые материалы по древнекаменному веку Сибири, Корейского полуострова, Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана, прослеживаются контакты между локальными культурами палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии.

Книга рассчитана на историков, археологов, а также на всех, кого интересуют вопросы древней истории Азии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сложная картина культурно-этнических зон восточной половины Азии на этапах неолита и ранней бронзы априори предопределяет вывод о том, что локализация их началась необычайно рано и поэтому истоки процесса дифференциации культур уходят в глубины древнекаменного века. Однако анализ такого многогранного явления чрезвычайно труден вследствие предельной узости фактической базы, а также слабой изученности ряда крупных областей востока Азии, где количество палеолитических памятников исчисляется часто единицами. Он сложен, кроме того, потому, что до сих пор на карте распространения донеолитических местонахождений региона остаются обширные «белые пятна», где еще только предстоит исследование. Если к сказанному добавить явно замедленный в отдельных районах ход накопления новых материалов и неразработанность и даже неразбериху с типологической классификацией инструментария, отсутствие сводок, в которых подводился бы итог всего известного по палеолиту отдельных областей, то станет ясно, как трудна для решения проблема выявления главных тенденций в культурной истории востока Азии на этапе древнекаменного века и вскрытия корней последующих событий, характерных для эпох неолита и ранней бронзы.

Вместе с тем рассматривая наиболее впечатляющие исследования по палеолиту Северной, Центральной и Восточной Азии, проведенные за последнюю четверть века, нельзя не заметить значительный шаг вперед в изучении древнейшей истории населения этой огромной зоны Старого Света. В результате открылись неведомые ранее стадии древнекаменного века, новые культуры и неожиданные особенности в них, что порой в корне ломало сложившиеся прежде представления. Разорванные ранее «белыми пятнами» и весьма обособленные ареалы плотной концентрации памятников связывались теперь друг с другом промежуточными звеньями, обеспечивая благоприятные возможности для воссоздания более многокрасочной и целостной картины

поступательного хода эволюции культур в их взаимодействии. К выдающимся достижениям палеолитоведения Азии относится сравнительно недавнее открытие и всестороннее изучение большого количества докерамических стоянок на островах Японского архипелага, а также на крайнем севере и северо-востоке Азии, на Камчатке и в долине Алдана. Много нового принесли, кроме того, результаты многолетних систематических раскопок как известных ранее, так и недавно открытых памятников палеолита в долинах Амура, Селенги, Ангары, Верхней Лены, Енисея, Чулыма и Оби. Что касается самых ранних для центральных и восточных районов Азии стоянок древнекаменного века, датированных эпохами нижнего и среднего палеолита, то самое пристальное внимание привлекли сообщения об открытии в бассейне среднего течения Хуанхэ местонахождений, культура которых, датированная ранней порой среднего плейстоцена, предшествовала по времени синантропу и к тому же (что, может быть, следует считать наиболее интригующим фактом) обладала в наборе изделий двусторонне обработанными орудиями типа рубил! Казавшаяся до недавнего времени такой очевидной теория Х. Л. Мовиуса о господстве на востоке и юго-востоке Азии в нижнем и среднем палеолите культур галечных орудий типа чопперов и чоппингов, своего рода могущественного антипода западной зоне распространения рубил, впервые подверглась испытаниям, поскольку возникли серьезные сомнения в истинности ее. То же, по существу, подтвердили затем результаты исследований памятников нижнего палеолита Вьетнама и, возможно, в какой-то мере Монголии, если будет подтвержден ранний возраст последних. В новом свете предстала теперь также индустрия патжитанской культуры Индонезии с ее отчасти своеобразными по типу, но бесспорно обработанными с двух сторон орудиями, в общем близкими по облику рубилам. Как бы, однако, ни было, но открытие в бассейне Хуанхэ точно датированных на основании геолого-палеонтологических

наблюдений стоянок ранней поры среднего плейстоцена привело к началу пересмотра сложившихся ранее концепций, приоткрывая несколько возможных путей решения вопроса. В частности, повысились шансы оправданности теории генеральных тенденций в эволюции ранних культур каменного века, в каком бы районе Старого Света они ни развивались, и формирования внутри территориально ограниченного региона резко отличающихся друг от друга локальных нижнепалеолитических провинций.

Тенденция удревнения начала освоения палеолитическим человеком в значительной мере отличающихся друг от друга географо-климатических зон оказалась характерной не только для Восточной и Центральной, но также для Северной Азии. Со все большей настойчивостью в ряде публикаций ставится проблема необычайно раннего проникновения палеолитических охотников в южные пределы Сибири и Дальнего Востока. Такие «рейды» в далекие от благоприятных условий районы, если они вообще имели место, могли происходить в периоды климатического оптимума межледниковий, а затем с похолоданием начиналась контрмиграция. Так, очевидно, следует оценивать во многих случаях непроверенные факты открытия поразительно ранних памятников палеолита в Японии, Корее, а также в Сибири. Объясняя увлеченностью и азартом первооткрывателей сообщения о находках здесь дошелевых и ашельских изделий (поскольку сенсационные выводы подобного плана, как и положено в таких случаях, не подкреплялись обычно сколько-нибудь вескими геолого-палеонтологическими обоснованиями), следует вместе с тем отметить, что, судя по отдельным открытиям в Японии, Забайкалье, а также на Алтае, реальность миграций неандертальского человека в южные районы Северной Азии отнюдь не исключена. Косвенным подтверждением того, что обезьянолюди мустье, а также *Homo sapiens* первых стадий верхнего палеолита достаточно прочно освоили юг Сибири, может служить факт очень раннего появления палеолитического человека в Новом Свете. Но количество памятников начала верхнего палеолита Северной Азии по сравнению с тем, что стало известно к 30-м гг., по существу не увеличилось, и поэтому представления о характере культуры в те периоды основываются по-прежнему на исследованиях, проведенных Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским и В. И. Громовым на Афонтовой горе II и III и М. М. Герасимовым в Мальте.

Вместе с тем значительно полнее можно теперь представить, как и в каком направлении развивались события в культурной истории на севере Азии в последующее время. Так, исследования Г. И. Медведева и М. П. Аксенова раскрыли характер культуры прибайкальского палеолита в послемальтинское время и впервые позволили обосновать необходимость выделения

как особого культурно-хронологического подразделения каменного века мезолитического этапа. Что касается концепций общего плана, то большой интерес вызывают идеи иркутских археологов о различных истоках отдельных локальных культур Прибайкалья и о связях населения его с забайкальским регионом культур. Вообще стремление зафиксировать локальность в пределах крупных подразделений сибирского палеолита, над чем столь эффективно начали работу Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский, стало сейчас одной из ведущих тем в исследованиях. Над ними плодотворно работают С. Н. Астахов, З. А. Абрамова, Н. Н. Диков и Ю. А. Мочанов. В связи с новыми открытиями памятников верхнего палеолита и мезолита в лесовых районах бассейна Хуанхэ и в примыкающих к ним на севере областях степной и пустынной зоны те же вопросы приобрели особую остроту и актуальность в исследованиях по палеолиту Восточной Азии.

При конструировании всеохватывающих гипотетических моделей хода культурной истории в Северной, Центральной и Восточной Азии на стадии палеолита важен максимальный по охвату и детализации учет накопленных за предшествующие десятилетия фактов и своевременный ввод в научный оборот новых материалов, которые могут внести существенные коррективы в складывающиеся представления. Способствовать в какой-то мере решению такой сложной задачи как раз и призван сборник статей «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита», подготовленный к изданию сотрудниками сектора истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СО АН СССР. События в истории региона, вопреки намеченному прежде плану издания, по хронологии не смыкаются с тем, что стало предметом анализа в опубликованном ранее томе — «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века»¹. Причина заключается в том, что обширные по объему материалы пришлось разделить на два тома и планировать на будущее издание особого выпуска — «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла».

Особое предпочтение при комплектовании сборника отдавалось статьям, в которых разрабатывались сюжеты, связанные с постановкой новых проблем, или которые содержали описания результатов новейших исследований в области палеолита и мезолита восточной половины Азии. Значительный интерес, в частности, вызывает публикация сводной работы ведущего в нашей стране специалиста по палеоантропологии Восточной Азии Н. Н. Чебоксарова — «Основные этапы истории антропологического со-

¹ *История и культура востока Азии*. Т. 3. Новосибирск, 1974.

става населения Китая (палеолит и мезолит)». В ней приведены краткие, но исчерпывающие сведения по палеоантропологии востока Азии. Привлекательность этого обзора заключается также в том, что он сделан на фоне широкого анализа материалов по археологии палеолита Китая и соседних с ним территорий. Тематически тесно связанные друг с другом статьи А. К. Гхоша «Мустьероидная фашия в палеолитических культурах Индии» и В. А. Ранова «Некоторые вопросы изучения палеолита Индостана» посвящены актуальным вопросам среднего палеолита юга Азии. Территориально район Индии не входит в зону Восточной Азии, но учитывая роль древнейших культур субконтинента в решении вопроса первоначального освоения человеком Средней, Центральной, а возможно, в какой-то мере и Восточной Азии, включение в сборник статей А. К. Гхоша и В. А. Ранова представляется оправданным.

Открытие в начале 60-х гг. Г. А. Авраменко Ачинской палеолитической стоянки с необычной для бассейна Енисея и Томи культурой, сходной по ряду важных элементов с мальтинской, вызвало в свое время оживленный обмен мнениями, поскольку впервые с такой наглядностью не только демонстрировалась взаимосвязь ангарского и енисейского очагов палеолитических культур, но подтверждалось нечто более важное — возможность миграции представителей одной культурной зоны в пределах территории, плотно освоенной «аборигенным» населением другой. Обсуждение деталей проблемы и вариантов путей решения ее затруднялось, однако, отсутствием публикации, посвященной описанию каменной индустрии Ачинской стоянки. Восполнить отчасти досадный пробел как раз и призвана статья М. В. Аниковича «Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки», в которой подробно рассматриваются особенности ее инвентаря.

В последнее десятилетие в связи с открытием докерамических культур Японии со всей остротой возникла проблема их происхождения и контактов с материковыми культурами Дальнего Востока и в целом Восточной Азии. Разумеется, в принципе пути решения ее представлялись очевидными, ибо первые группы палеолитических охотников проникли на острова, конечно же, с материка по периодически появляющимся между ними мостами суши. Однако до сих пор остается неясным, когда произошло такое важное в истории архипелага событие; один или несколько маршрутов использовали «эмигранты», переселяясь с материка, поскольку они с одинаковым успехом могли пройти на острова как с юга, так и с севера; какое количество миграционных волн можно выделить; нельзя ли зафиксировать признаки контрмиграций, а следовательно, и обратного влияния островных палеолитических и мезолитических культур на материковые. Впредь до начала широких и энергич-

ных исследований палеолита и мезолита Дальнего Востока многие из перечисленных вопросов останутся без ответа или придется довольствоваться выбором наиболее приемлемого из возможных вариантов его. Пока же самого пристального внимания заслуживают пусть даже скудные, а то и дискуссионные материалы по ранним культурам прибрежных областей континентальной части Азии и ближайших к Японии островов. С этой точки зрения вызывают интерес статьи Р. С. Васильевского и В. О. Шубина «Новые материалы по древней истории Сахалина» и О. А. Саловой «К вопросу о палеолите Курильских островов». В них ставится и с той или иной степенью вероятности решается проблема значительно более раннего, чем предполагалось до сих пор, освоения человеком Сахалина и Курильских островов. Вместе со статьей «Палеолит Кореи», в которой собраны воедино доступные сведения по докерамическим культурам полуострова, игравшего, бесспорно, особо важную роль в связях культур материка и островного мира, эти публикации позволят по-новому взглянуть на самые, пожалуй, важные из проблем древнейшей истории дальневосточных районов Восточной Азии. К дискуссионным по характеру публикациям следует отнести статью А. И. Мазина «Палеолитические наскальные рисунки долины реки Токко». Обнаруженные автором изображения действительно необычны, но палеолитический возраст их еще предстоит доказать, привлекая более весомые аргументы.

До недавних пор обращению к сложной теме происхождения североазиатского палеолита препятствовало отсутствие новых материалов по верхнему палеолиту Центральной и Восточной Азии. Теперь они появились, и поэтому возникла необходимость скрупулезной систематизации известного ранее материала и анализа старых сведений вместе с новыми фактами, полученными в результате исследований за последние два десятилетия. Задача эта трудоемка, и поэтому решать ее следует по частям, что и сделано в статье «Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана». В ней рассматриваются донеолитические памятники своеобразного географо-климатического района Азии — степного и пустынного пояса, окаймляющего с севера и запада лессовое плато долины Хуанхэ. Эта контактная зона, судя по всему, играла исключительную по значимости роль в процессе первоначального расселения первобытных охотников, а позже — во взаимоотношениях между локальными палеолитическими культурами Северной, Центральной и Восточной Азии.

Материалы сборника призваны содействовать решению ряда назревших проблем палеолитоведения востока Азии, которые оживленно обсуждаются в последнее время.

В. Ларичев

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ

(палеолит и мезолит)

1

Историю антропологического состава населения Китая естественно начинать с вопроса о времени появления на территории этой страны возможных предков гоминид — ископаемых антропоидов третичного периода. Существенное значение для поставленной проблемы имеют находки зубов дриопитеков на юго-западе Китая в уезде Кайюань провинции Юньнань. Зубы эти, обнаруженные в 1956—1957 гг. группой китайских геологов в нижнеплиоценовых слоях, описаны У Жу-каном, который отнес их к особому виду дриопитека — дриопитеку кайюаньскому (*Dryopithecus keiyuanensis*), по многим признакам близкому к дриопитеку панджабскому (*Dryopithecus punjabicus*) из Сиваликских холмов Северной Индии¹. Всего в Кайюане найдено 10 нижних зубов дриопитека (моляров и премоляров), принадлежащих, по-видимому, двум особям — самке и самцу. Здесь же обнаружены зубы тетралопфодона (*Tetralophodon*), очень характерного для фауны понтийского века начала плиоцена.

Как известно, многие специалисты, в том числе большинство советских антропологов, считают дриопитеков вероятными третичными предками людей и африканских человекообразных обезьян (понгид) — горилл и шимпанзе². Область расселения дриопитеков в миоцене и плиоцене охватывала обширную территорию Старого Света на востоке Африки, в Европе и на юге Азии. Находки в Кайюане показывают, что область эта простиралась далеко на восток вплоть до Юго-Западного Китая. Однако отнюдь не все виды полиморфной группы дриопитеков могут считаться предками гоминид. На эту роль, по свидетельству М. Ф. Нестурха,

больше других претендует дарвинов дриопитек, остатки которого найдены в Австрии³. Что касается кайюаньского дриопитека, то он вместе с близким ему панджабским видом того же рода обнаруживает значительное морфологическое сходство с гориллой. Таким образом, нет оснований включать дриопитеков Южного Китая в число предков древнейших гоминид.

Большой интерес для понимания путей развития и расселения высших приматов в конце третичного и начале четвертичного периода представляют костные остатки гигантопитеков на юге Китая. Первоначально (1935 г.) огромный моляр этого примата обнаружен в одной из китайских аптек Гонконга голландским палеонтологом Р. Кёнигсвальдом, который выделил особый род и вид *Gigantopithecus blacki*. Позднее Кёнигсвальд и Ф. Вейденрейх описали еще 7 зубов гигантопитека, приобретенных в Индонезии⁴. В 1956—1959 гг. китайские ученые, работавшие под руководством Пэй Вэньчжуна и У Жу-кана, обнаружили в пещерах Гуанси-Чжуанского национального района 3 нижние челюсти и большое количество разных зубов гигантопитеков вместе с костями других млекопитающих, принадлежавших характерной для Южного Китая нижнеплейстоценовой теплолюбивой фауне (крупные orangutanги, панды, тапиры, стегодоны и др.)⁵.

Судя по размерам зубов и челюстей, гигантопитеки — самые большие из всех известных

¹ Там же, с. 77.

⁴ Koenigswald J. H. R. *Gigantopithecus Blacki* von Koenigswald, a Giant Fossil Hominoid from the Pleistocene of Southern China. *Anthropological Papers*. — «American Museum of Natural History», 1952, v. 43, p. 291—326. Weidenreich F. *Giant Early Man from Java and South China*. — «American Museum of Natural History», 1945, v. 40, p. 1—134.

⁵ У Жу-кан. Антропология в Китае. — «Сов. антропология», 1959, № 1, с. 107—112; Pei Wen-chung, Woo Ju-kang. *New Materials of Gigantopithecus Teeth from South China*. — «Acta Palaeontologica Sinica», 1956, v. 4, p. 477—490 (на кит. яз. с англ. резюме); Aigner J. S. *Pleistocene Faunal and Cultural Stations in South China*. — In: Paper Submitted to Conference on Early Palaeolithic of East Asia. Montreal, august, 1973, p. 1—41.

¹ Woo Ju-kang. *Dryopithecus Teeth from Keiyuan, Yunnan Province*. — «Vertebrata Paleosinica», 1957, v. 1, №1, p. 25—31; Woo Ju-kang. *New Materials of Dryopithecus from Keiyuan, Yunnan*. — «Vertebrata Paleosinica», 1958, v. 2, № 1, p. 38—43.

² Нестурх М. Ф. Происхождение человека. М., 1970, с. 70—94.

до настоящего времени современных и ископаемых приматов. По объему коренные зубы гигантопитеков почти в шесть раз превосходят моляры человека. Общая длина тела гигантопитека, по-видимому, значительно превышала 2 м, а вес его мог достигать 250 кг и более; по тотальным размерам обезьяна эта больше напоминала горилл. По многим особенностям строения зубов и нижней челюсти гигантопитеки заметно отличались от всех гоминид, в том числе и от питекантропов и синантропов. В то же время по некоторым особенностям зубы гигантопитеков приближались к человеческим (резцообразные клыки, слабо выраженная диастема).

Пай Вань-чжун и У Жу-кан справедливо рассматривают гигантопитеков как крупных антропоидов, по отдельным признакам сходных с гоминидами, но ни в коем случае не принадлежавших к ним. Мнение Ф. Вейденрейха о том, что эти животные не обезьяны, а древнейшие гигантские люди («гигантропы»), не обосновано, так как гигантопитеки лишь по некоторым чертам сходны с людьми, отличаясь от них по большинству морфологических особенностей. Отнесение гигантопитеков к гоминидам или даже их включение в число предков современных людей невозможно, в частности, из-за огромных размеров тела. Маловероятно, что в дальнейшем они по каким-то причинам сократились: в эволюции животного мира подобные случаи наблюдаются крайне редко. Вместе с тем вполне допустимо, что гигантопитеки стояли на пути известного приближения к гоминидам в связи с паземным образом жизни.

Китайский антрополог Дун Ти-чэнь, посвятивший положению гигантопитека в системе приматов специальное исследование, также высказывается против причисления этой обезьяны к гоминидам и предлагает рассматривать ее как представителя особого подсемейства гигантопитековых (*Gigantopithecinae*) в составе семейства поигид⁶. Советские антропологи М. А. Гремяцкий, М. Ф. Нестурх, В. П. Якимов, как и китайские специалисты, считают гигантопитека крупной человекообразной обезьяной, вымершей в начале или в середине плейстоцена⁷. По мнению М. Ф. Нестурха, огром-

ная физическая сила гигантопитеков давала им большое преимущество в борьбе за существование; обращаться к орудиям у них, по-видимому, не было необходимости. Они, вероятно, охотились на животных и уносили добычу по частям в свои пещеры. Нет оснований предполагать, что гигантопитеки могли вступить на путь очеловечения.

Гигантопитеки не единственные ископаемые приматы Юго-Восточной Азии, достигавшие огромных размеров. Близкие к ним по величине мегантропы (буквально «огромные люди»), нижние челюсти которых найдены на Яве в районе Сангирана, относились, скорее всего, к аналогичной группе крупных антропоидов, вымерших в начале или середине плейстоцена⁸. В ту же группу можно включить и нижнюю челюсть среднеплиоценового гигантского антропоида из Сиваликских холмов Северной Индии, обнаруженную в 1968 г. Э. Саймонсом и С. Чопрой. Эта находка сделана недалеко от района, где обнаружены челюсти рамапитека и дриопитека, живших 10—12 млн. лет тому назад; индийский гигантопитек обитал только 5—10 млн. лет тому назад⁹. Таким образом, можно предполагать, что среди дриопитеков Юго-Восточной Азии (Индии, Китая, Индонезии) существовали виды, эволюция которых в конце третичного и начале четвертичного периода шла по линии увеличения общей массы тела и физической мощи. Эти виды вели наземный, скорее всего «пещерный», образ жизни и могли обладать некоторыми гоминидами признаками, отнюдь не являясь предками каких-либо гоминид.

Подводя итоги сказанному о костных остатках дриопитеков и гигантопитеков, найденных на юге Китая, следует подчеркнуть, что остатки эти свидетельствуют о широком расселении в Юго-Восточной Азии плиоценовых и раннеплейстоценовых высокоспециализированных антропоидов, но противоречат гипотезе, что среди них находятся непосредственные предки гоминид. Маловероятно также, что жившие до начала, а может быть, и до середины четвертичного периода гигантские антропоиды имели прямое отношение к человеческой родословной (особенно если учесть, что они еще жили в такую эпоху, когда на земле существовали несом-

⁶ Дун Ти-чэнь. Морфологические особенности скелетных остатков и зубов гигантопитека в связи с его положением в системе приматов. Автореф. канд. дис. М., 1961; Он же. Морфологические особенности скелетных остатков и зубов гигантопитека в связи с его положением в системе приматов.— «Вопр. антропологии», 1963, вып. 13, с. 3—32.

⁷ Гремяцкий М. А. Мегантатные плейстоценовые формы высших ископаемых приматов.— В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966, с. 120—141; Нестурх М. Ф. Ископаемые гигантские антропоиды Азии и ортогенетическая гипотеза антропогенеза Вейденрейха.— «Учен. зап. Моск. ун-та», 1954, вып. 166, с. 29—46; Якимов В. П. Основные направления адаптивной радиации высших обезьян в

конце третичного и начале четвертичного периода.— В кн.: Современная антропология, 1964. (Труды Моск. о-ва испытателей природы, вып. 14), с. 179—189; Woo Ju-kang. The Mandibles and Dentition of Gigantopithecus.— «Palaeontologia Sinica. New Ser. D», 1962, N 11.

⁸ Нестурх М. Ф. Ископаемые гигантские антропоиды..., с. 29—46; Он же. Проблема первоначальной прародины человечества.— В кн.: У истоков человечества. М., 1964, с. 7—32; Он же. Происхождение человека, с. 119—124; Weidenreich F. Giant Early Man..., p. 1—134; Он же. Apes, Giants and Man, Chicago, 1947.

⁹ Simons E. L. Gigantopithecus in India.— «Yerkes News Letter», 1968, v. 5, N 2.

ненные гоминиды). Вряд ли человеческая пра-родина охватывала, хотя бы частично, территорию современного Китая.

2

Древнейшими достоверными представителями гоминид на территории современного Китая до недавнего времени считались синантропы, костные остатки которых обнаружены около Чжоукоудяня, в 54 км от Пекина¹⁰. Однако в 1963—1965 гг. в уезде Ланьтянь провинции Шэньси в долине р. Бахэ китайские исследователи нашли уникальные палеоантропологические, палеонтологические и археологические материалы, относящиеся к началу среднего плейстоцена (600—500 тыс. лет тому назад)¹¹. Костные остатки древнейших людей представлены нижней челюстью из окрестностей д. Чэньцзяо и обломками черепа из Гунванлина. От черепа сохранились лобная, теменные и правая височная кости, большая часть глазниц и основание носовых костей, правая и обломок левой стороны верхней челюсти с двумя зубами *in situ* — правым вторым коренным и правым третьим коренным. Кроме того, в Гунванлине найден отдельно коренной зуб верхней челюсти, по-видимому принадлежащий тому же субъекту, что и череп¹².

Нижняя челюсть и череп из Ланьтяня относятся, по данным описавшего их У Жу-кана, к одному виду древнейших людей (архантропов), близкому к пекинскому синантропу, но вместе с тем отличному от него по многим существенным морфологическим признакам. Этот вид У Жу-кан именует «синантроп ланьтяньский» (*Sinanthropus lantianensis*). Череп архантропа из Ланьтяня по многим особенностям примитивнее черепов пекинских синантропов и даже большинства питекантропов. У ланьтяньца исключительно массивные надглазничные валики, резко наклонный лоб, крайне малая высота черепа, утолщенные черепные кости. Длина ланьтяньского черепа 189 мм, ширина — 149, высота — только 87 мм. Особенно поразительна последняя величина: она меньше высоты черепов не только синантропов, но и питекантропов. Крайне мал также объем мозга ланьтяньского архантропа: по У. Жу-кану, он составляет около 780 см³. Все перечисленные признаки позволили У Жу-кану считать ланьтяньца одной из наиболее ранних форм архан-

тропов и сближать его с самым древним и примитивным видом питекантропов — *Pithecantropus robustus* из Джетиса. Пол и возраст ланьтяньского черепа определяются с трудом: предположительно он принадлежал женщине несколько старше 30 лет¹³.

Нижняя челюсть из Ланьтяня по многим признакам напоминала челюсти синантропов из Чжоукоудяня, но отличалась от них некоторыми существенными особенностями: более сильным наклоном передней части, иными пропорциями в соотношении высоты симфиза и восходящих ветвей, более широким углом расхождения горизонтальных ветвей, менее отчетливой выраженностью костного рельефа. Зубы нижней челюсти ланьтяньского человека очень крупные: они больше соответствующих зубов женских особей пекинских синантропов, но меньше мужских. Интересно, что на ланьтяньской челюсти отсутствуют третьи коренные зубы (зубы мудрости) на обеих сторонах и нет следов патологических изменений, обусловленных воспалением надкостницы (периодонтоклазией). Это, вероятно, объясняет и отсутствие первого правого предкоренного зуба, выпавшего из челюсти еще при жизни ланьтяньского гоминида¹⁴.

Многочисленные остатки фауны, найденные в тех же слоях, где обнаружены и кости ланьтяньского архантропа, позволяют уточнить время его существования и составить довольно ясное представление об окружающей его естественно-географической среде. Среди млекопитающих, живших тогда в районе Ланьтяня, преобладали лесные виды, но в значительном количестве встречались и степные. К первым относятся гигантский макак (*Macacus robustus*), саблезубый тигр (*Machairodus*), лев (*Felis leo*), тапир (*Tapirus indicus*), гигантский олень (*Sinomegaceros*), панда (*Ailuropodamelanoleuca*), тибетский медведь (*Ursus thibetanus*), лесная мышь (*Apodemus sylvaticus*); ко вторым — примитивный бык (*Leptobos*), лошадь (*Equus sammienensis*), гиена (*Hyaena sinensis*), газель (*Gazella*), полевка (*Microtus epiratticeps*), сепославка (*Ochotona daurica* Pallas). Состав фауны включает большое количество субтропических и даже тропических форм. Это позволяет предполагать, что климат Северного Китая в период жизни ланьтяньского архантропа был гораздо теплее, чем в более позднюю эпоху среднего плейстоцена, когда жили пекинские синантропы¹⁵.

Множество орудий найдено в тех же слоях, где обнаружены и остатки ланьтяньского гоминида. Они изготовлялись в основном из квар-

¹⁰ У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая. — «Сов. этнография», 1959, № 4, с. 5—8.

¹¹ Ларичев В. Е. Открытия в Ланьтяне. — «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1970, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 39—47. (Там же список литературы на кит. яз.).

¹² Там же, с. 43—44.

¹³ Woo Ju-kang. The Skull of Lantian Man. — «Current Anthropology», 1966, v. 7, N 1, p. 83—86.

¹⁴ Woo Ju-kang. Mandible of Sinanthropus Lantianensis. — «Current Anthropology», 1964, v. 5, N 2, p. 98—101.

¹⁵ Ларичев В. Е. Открытия в Ланьтяне, с. 42—43.

цита или зернистого кварца. Среди археологических материалов из различных местонахождений в Ланьтяне в большом количестве встречаются галечные нуклеусы, разных размеров гальки с односторонней оббивкой. Особого внимания заслуживают необычные для раннего палеолита Восточной Азии орудия типа острокопечников и скребков, а также рубила, напоминающие аналогичные изделия из нижнепалеолитических стоянок Западной Евразии¹⁶. В. Е. Ларичев, посвятивший нижнему палеолиту Восточной Азии несколько специальных работ, сравнивает ланьтяньские орудия с более или менее синхронными изделиями из Кэхэ и Динцуня, где также найдены двусторонне обработанные рубила. «Открытие рубил в нескольких пунктах уезда Ланьтянь, — пишет он, — еще раз подтвердило наблюдение, что для палеолитической культуры ранней поры среднего плейстоцена Восточной Азии характерны двусторонне обработанные рубящие инструменты «западного» облика. Рубила, таким образом, являются своего рода хронологическим показателем — все памятники, где они обнаружены, относятся к нижнему палеолиту. Стоянки, где рубила отсутствуют, как правило, премустьерские и мустьерские по времени»¹⁷.

Палеоантропологические открытия в Ланьтяне позволили по-новому подойти к изучению пекинских синантропов, костные остатки которых открыты большей частью в пещере Чжоукоудянь китайскими и некоторыми другими исследователями. С 1927 по 1937 г. там найдено большое количество человеческих костей и зубов, включая 5 почти полных черепов, 9 черепных фрагментов, 14 кусков нижних челюстей. Раскопки в Чжоукоудяне, прерванные японской оккупацией и гражданской войной, возобновлены Академией наук КНР. В 1949 и 1951 гг. обнаружено 5 зубов синантропа, 1 плечевая и 1 большеберцовая кости. Эти находки изучались Цзя Лань-по, У Жу-каном и другими китайскими учеными; о них опубликовано несколько работ на китайском и английском языках¹⁸. Вся научная литература о синантропах настолько обширна, что в настоящей статье нет никакой возможности даже пере-

числить основные работы. Отметим только, что значительный вклад в изучение архантропов из Чжоукоудяня сделан советскими антропологами¹⁹.

По новейшим геологическим данным, остатки синантропов должны быть отнесены к концу среднего плейстоцена. Они синхронны, по-видимому, второму межледниковому периоду Гималаев. В абсолютных датах это соответствует примерно времени от 400 до 200 тыс. лет тому назад (на 200 тыс. лет позднее эпохи жизни ланьтяньских архантропов). Естественно-географические условия, в которых жили синантропы, сравнительно мало отличались от современных; можно предполагать только, что климат Северного Китая в то время был несколько более мягким и влажным, чем теперь. В окрестностях Чжоукоудяня чередовались тогда степные и лесные ландшафты и обитали различные животные, связанные как с теми, так и с другими. Вместе с синантропами встречаются кости древних слонов, верблюдов, антилоп, буйволов, носорогов, различных оленей, диких козлов, медведей, махайродов (саблезубых тигров), гиен, нескольких видов грызунов²⁰. Сравнение чжоукоудяньской фауны с ланьтяньской показывает, что первая менее теплолюбивая и вместе с тем включает меньшее количество архаических видов, характерных для раннего и начала среднего плейстоцена²¹.

Морфологии синантропов посвящена специальная литература на русском, китайском, английском, немецком и других языках²². В настоящей статье нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Подчеркнем только, что пекинские синантропы отличались более прогрессивными чертами от живших несколько ранее ланьтяньских и яванских архантропов. Восстанавливая приблизительно полные размеры длинных костей нижних конечностей, советские антропологи, вслед за Вейденрейхом, определяют средний рост мужских особей синантропа в 162—163 см, а женских — в 152 см²³. В отличие от питекантропов синантропы, по-видимому, уже вполне усвоили вертикальную походку, хотя и обладали еще большим количеством примитивных черт в строении скелета, черепа, зубов и мозга. Руки «пекинских людей» полностью освободились от функции передвижения и всецело использовались для трудовой деятельности. Это доказывается как разнообра-

¹⁶ Ларичев В. Е. Открытия в Ланьтяне, с. 42—43.

¹⁷ Там же, с. 48; см. также: Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971; Ларичев В. Е., Кашина Т. И. Новые данные о памятниках нижнего палеолита Восточной Азии. — «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1969, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 83—93.

¹⁸ У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 5—10; У Жу-кан, Цзя Лань-по. Новые открытия, относящиеся к *Sinanthropus pekinensis* в Чжоукоудяне. — «Acta Palaeontologica Sinica» 1954, т. 11, № 3, с. 267—288 (на кит. яз.); Woo Ju-kang, Chia Lan-po. New Discoveries about *Sinanthropus Pekinensis* in Choukoutien. — «Scientia Sinica», 1954, v. 3, p. 335—351; Chang Kwang-chih. New Evidence on Fossil Man in China. — «Science», 1962, v. 136, N 3518, 1 June, p. 749—760.

¹⁹ См., напр.: Нестурх М. Ф. Происхождение человека, с. 292—305. (Там же обширный список литературы).

²⁰ У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 6.

²¹ Ларичев В. Е. Открытия в Ланьтяне, с. 42—43.

²² Хорошая сводка основных работ дана в неоднократно цитированной книге М. Ф. Нестурха «Происхождение человека» (с. 414—437).

²³ См.: Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1963, с. 224; Нестурх М. Ф. Происхождение человека, с. 300.

зием и сложностью орудий, изготовлявшихся синантропами, так и некоторыми характерными морфологическими особенностями строения конечностей.

Череп синантропов удлиненные, очень низкие (хотя и выше, чем у ланьтянца), большей частью узколобые; черепные кости отличаются большой толщиной. Лоб, однако, не такой покатый, как у питекантропов. Характерны значительное развитие надглазничного валика, наличие прогнатизма, большая ширина лица по сравнению с высотой, тенденция к широконосости. Жевательный аппарат у синантропа более мощный, чем у современного человека, но слабее, чем у питекантропов. Зубы архантропов из Чжоукоудяня сохраняли многие архаические особенности, хотя и в меньшей мере, чем зубы нижней челюсти из Ланьтяня. Коронки моляров у синантропов очень массивные — длинные и широкие, но низкие; на коренных и предкоренных четко выражен своеобразный рисунок, известный в специальной литературе под названием «узора триопитека». Диастемы, однако, отсутствовали. Мужские и женские зубы заметно различаются по величине и массивности. Эти различия указывают на выраженный половой диморфизм.

Вместимость мозгового черепа синантропов колебалась от 850 до 1225 см³, составляя в среднем 1075 см³. Следовательно, она гораздо больше, чем у питекантропов (в среднем 867 см³) и ланьтянца (780 см³), но меньше, чем у современных людей (около 1400 см³). Однако по величине мозга отдельные мужские особи «пекинских людей» не отличались иногда от *Номо зариенс*. Форма мозговой полости синантропов сохраняла немало примитивных особенностей. Так, ее высота в процентах длины равнялась в среднем только 64,6 (у современного человека — 78,7). Передний отдел лобных долей сильно сужен, теменная область уплощена, височные доли узки. Все это показывает, что психическая деятельность синантропов, хотя и была, несомненно, весьма сложной, но не достигла еще высокого уровня мышления людей современного вида. По мнению В. В. Бунака, для синантропов (как и для всех архантропов) в области мышления были характерны, наряду с разнообразными представлениями, и начальные понятия, а в области речи — выкрики-призывы, находившие выражения в определенных, но еще не достаточно дифференцированных артикуляциях²⁴.

В научной литературе вопрос о морфологическом и генетическом соотношении синантропов с другими древнейшими гоминидами освещен по-разному. В то время как Ф. Вейденрейх счи-

тал питекантропов, синантропов и даже гейдельбержцев Западной Европы более или менее синхронными формами и различия между ними рассматривал как региональные, по масштабу соответствующие расовым различиям современного человечества²⁵, большинство советских и китайских антропологов видели в «пекинских людях» по сравнению с яванскими «обезьянолюдьми» более высокоорганизованный тип гоминид. Действительно, синантропы с их большим, чем у питекантропов, объемом мозговой коробки, менее плоским лбом и некоторыми другими относительно прогрессивными чертами заметно отличаются от питекантропов в сторону приближения к людям современного вида и занимают, по-видимому, одну из высших ступеней в эволюции архантропов: их можно рассматривать (вместе с гейдельбержцами) как форму, переходную от архантропов к палеонтропам²⁶. После находок в Ланьтяне стало вероятным, что на протяжении среднего плейстоцена происходило непрерывное прогрессивное развитие древнейших гоминид Северного Китая, которые за 200—300 тыс. лет прошли путь от архаических форм, близких к питекантропам, до кануна перехода к неандертальцам.

Что касается региональных различий среди архантропов, то их существование надо признать вполне вероятным, особенно если принять во внимание огромную территорию расселения древнейших гоминид этой эволюционной стадии, простиравшуюся на западе от Северной Африки (атлантропы) и Германии (гейдельбержцы) до Явы (питекантропы) и современного Китая (синантропы) на востоке. Как известно, Ф. Вейденрейх связывал разные локальные формы древнейших гоминид с определенными современными расами, рассматривая, в частности, питекантропов как исходный тип развития австралоидов, а синантропов как предков монголоидов. Для доказательства специфического родства «пекинских людей» с позднейшими монголоидными расами, Вейденрейх указывал на некоторые морфологические признаки, свойственные тем и другим, например: на уплощенность лицевого скелета в горизонтальном сечении, крупные широтные и височные размеры лица, ореховидные вздутия на внутренней стороне альвеолярного отдела нижней челюсти, лопатообразную форму передних резцов и другие детали строения зубной системы.

В свое время Я. Я. Рогинский обратил внимание на недостаточную обоснованность многих аргументов Вейденрейха для доказатель-

²⁴ Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии. — В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия, т. 16), с. 203—290.

²⁵ Weidenreich F. The Skull of *Sinanthropus Pekinensis*: a Comparative Study on a Primitive Hominid Skull. — *Palaeontologica Sinica. New Ser. D*, 1943, N 10, p. 1—298.

²⁶ Woo Ju-kang. Human Fossils Found in China and their Significance in Human Evolution. — *Scientia Sinica*, 1956, v. 5, N 2, p. 389—397.

ства происхождения современных монголоидов от синантропов. Действительно, лицевой скелет изучался на реставрированных черепах, поэтому этим наблюдениям трудно придавать решающее значение. Оказалось также, что ореховидные вздутия в нижней челюсти встречаются у 15% современных китайцев, у 32% бушменов, у 66% древних норвежцев (в Гренландии)²⁷. Очевидно, и эту особенность трудно считать специфической для монголоидов. Однако лопатообразные резцы действительно очень характерны для большинства монголоидных популяций, включая американских индейцев: концентрация этого признака, наследственно детерминированного и автономного от воздействия среды, достигает 80—100%, в то время как у европеоидов и негроидов она редко превышает 10—15%. Именно на этом признаке основывается В. П. Алексеев в своем утверждении, что «синантроп связан с современными монголоидами прямой генетической преемственностью»²⁸. Однако новейшие данные свидетельствуют против этой гипотезы, поскольку архантропы и палеантропы не только на востоке, но и на западе первобытной эйкумены — в Африке, Европе и Передней Азии — также обладали лопатообразными резцами²⁹.

Для кардинальных проблем антропогенеза и расогенеза важен вопрос об отношении синантропов и питекантропов. Находки в Ланьтяне показали, что у ланьтяньского архантропа, бывшего, несомненно, предком синантропа, гораздо большее морфологическое сходство и хронологическая близость с питекантропом, чем со своим потомком из окрестностей Пекина. В высшей степени вероятно, что архаические архантропы, сходные с ланьтяньцем и питекантропом IV из Джетиса (так наз. *Pithecantropus robustus*), представляют собой исходную форму в развитии как синантропов, так и более прогрессивных питекантропов. В этой связи интересна находка (1964 г., Германо-Вьетнамская четвертичная экспедиция в пещере Тан-

Ван в ДРВ) коренного зуба, морфологически очень сходного с соответствующим моляром гоминида из Ланьтяня. Сопровождающая фауна позволяет датировать находку средним плейстоценом³⁰. В свете изложенных новых данных заслуживает внимания гипотеза М. И. Урысона, предполагающего, что «весьма древние ископаемые гоминиды ланьтяньского типа, жившие в материковой части Юго-Восточной Азии, могли быть исходной предковой группой для двух основных ветвей азиатских архантропов — северо-восточной (синантропы) и юго-восточной (питекантропы)»³¹.

Проблемы происхождения, развития и расселения древнейших гоминид Восточной Азии должны быть рассмотрены в свете не только антропологических, но и археологических данных. Костные остатки синантропов сопровождалась, как известно, находками многочисленных каменных орудий, изготовленных большей частью из галек, а также разбитых и обожженных костей животных, что свидетельствует об употреблении огня. Орудия изготавливались как из ядрищ, так и из отщепов: материалы служили тонкозернистый песчаник, кварц и изредка кремнь. Форма орудий довольно разнообразна. Среди них встречаются дисковидные скребла со слегка ретушированными краями, изделия типа остроконечников. Наиболее древние поделки обнаружены в местонахождении № 13. Найденный здесь грубо обработанный чоппер Пэй Вэнь-чжун датировал началом среднего плейстоцена³².

Большинство орудий синантропов найдено, однако, вместе с их костными остатками в той же пещере в местонахождении № 1. Особого внимания заслуживает нахождение в самом верхнем «травертиновом» слое, состоящем из красных глин со сталагмитовыми прослойками, скреблообразных орудий из рогового камня, гораздо лучшей выделки по сравнению с инвентарем нижних слоев. Значительный интерес представляют находки из местонахождений № 15, датируемые более поздним временем, чем орудия из пещеры синантропа (300—200 тыс. лет тому назад). Среди этих находок обращают внимание остатки страусов и тушканчиков, свидетельствующие о более сухом климате, чем в предшествующие периоды. Орудия труда сходны с найденными в местонахождении № 1, но техника обработки камня здесь бесспорно выше: появляются новые типы орудий, например остроконечники с мелкой ретушью. Есть сведения, что в местонахождении № 15, обна-

²⁷ Рогинский Я. Я. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения человека и его рас. М., 1949; Он же. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия, т. 16), с. 153—204; Он же. О нерешенных проблемах возникновения человека современного типа. — «Вопр. антропологии», 1972, вып. 40, с. 5—14.

²⁸ Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования. — «Сов. этнография», 1969, № 1, с. 20; см. также: Carbonell V. Variations in Different Populations. «Dental Anthropology», Oxford e. a., 1963; Suzuki M., Sakai T. Shovel-Shaped Incisors the Living Polynesians. — «Amer. Journ. of Physical Anthropology. New series», 1964, v. 22, N 1.

²⁹ Зубов А. А. О расоводиагностическом значении некоторых одонтологических признаков. — «Сов. этнография», 1968, № 3, с. 49—59; Он же. Этническая одонтология. М., 1973, с. 100—108.

³⁰ Kahlke H. D. Neue Funde von Urmenschen-Resten in Ostasien. — «Natur und Museum», 1965, Bd. 95, N 3.

³¹ Урысон М. И. Новые находки костных остатков ископаемых гоминид в Восточной Азии. — «Вопр. антропологии», 1966, вып. 24, с. 143—144.

³² Пэй Вэнь-чжун. Чжунго цзюйши шидай ды вэньхуа. (Культура палеолита в Китае). Пекин, 1955, с. 53—90 (на кит. яз.).

ружены и типичные ручные рубила миндалевидной формы³³.

Таким образом, нижнепалеолитическая «чжоукоудяньская культура» носит ярко выраженный «галечный характер» и во многом походит на другие более или менее синхронные культуры Юго-Восточной и Южной Азии — «патжитанскую» на Яве, «тампанскую» на Малакке, «аньятскую» в Верхней Бирме и «соанскую» в Панджабе. Х. Л. Мовиус считает основными типами индустрии этих культур чопперы и чоппинги и выделяет особую «восточно-азиатскую культурную провинцию первого порядка», противопоставляя ее другой провинции нижнего палеолита, охватывающей юг Индии, Переднюю Азию, Африку и Западную Европу и характеризующейся «классическими» ручными рубилами³⁴. В. П. Алексеев, опираясь на работы Х. Л. Мовиуса, связывает с восточно-азиатской провинцией один из первичных очагов расообразования, в котором на базе популяций синантропов формировались монголоидные расы³⁵. Еще дальше идет американский антрополог К. С. Кун. Он противопоставляет восточный ареал нижнепалеолитических культур чопперов, а также формирования монголоидов и австралоидов западному ареалу культур с ручными рубилами, в пределах которого складывались европеоиды (по Куну «кавказоиды») и негроиды («капоиды» и «конгоиды») ³⁶. С антропологической точки зрения гипотезы Вейденрейха, Куна и Алексеева, представляющие собой различные варианты «полицентризма» или «дицентризма», не выдерживают, как мы уже видели, критики и по существу противостоят твердо установленному видовому единству современного человечества³⁷.

Вопрос о локальных формах нижнепалеолитических культур (как и о расах архантропов) до сих пор не может считаться окончательно решенным. Нельзя думать, что ручные рубила шелльского и ашельского облика отсутствуют в восточноазиатских стоянках того периода. О наличии подобных орудий в местонахождениях Ланьяня, а вероятно, и Чжоукоудяня уже говорилось выше. Недавно открытые памятники новой палеолитической культуры Кэхэ на крайнем юго-востоке Ордоса, датируемые началом

среднего плейстоцена, также содержат наряду с чопперами и чоппингами двусторонне обработанные рубила и остроконечники³⁸. В еще большем количестве такие орудия найдены на стоянке Динцунь, которая относится к раннему палеолиту, но вызывает известные разногласия в более точной датировке. В. Е. Ларичев считает даже, что нижний палеолит на территории Среднего Китая неоднороден: наряду с галечной культурой чопперов, представленной Чжоукоудянем, в этой части Азии одновременно существовала культура так называемого «западного облика», или, как иногда говорят, «культура рубил», наиболее яркий памятник которой — Динцунь³⁹.

За пределами Китая ручные рубила нередко встречаются в составе инвентаря нижнепалеолитической патжитанской культуры на Яве. Попадают они и среди орудий тампанских, аньятских и соанских местонахождений. В 1960—1961 гг. нижнепалеолитические орудия типа ручных рубил с двусторонней обработкой найдены также на горе До в Северном Вьетнаме и в Чэндэ и Тхаманао на западе Таиланда⁴⁰. В то же время в нижнепалеолитических стоянках Западной Азии, Африки и Европы найдено немало галечных орудий, сходных с восточно-азиатскими чопперами и чоппингами. Приходится, таким образом, говорить не о специфичности орудий определенных типов для восточной и западной частей нижнепалеолитической эйкумены, а только об их преобладании в пределах этих частей. В выработке известных локальных традиций изготовления нижнепалеолитических орудий большую роль играл, вероятно, используемый материал: в Европе таким материалом был главным образом кремнь, хорошо поддающийся обработке, в Восточной же Азии, где кремня мало, чаще использовались другие, менее «податливые» породы⁴¹. Большой интерес для проблем развития архантропов и их культуры в Восточной и Центральной Азии представляют новейшие данные Советско-Монгольской археологической экспедиции под руководством академика А. П. Окладникова. А. П. Окладников считает, что эти регионы первобытной эйкумены в раннем палеолите осваивались двумя группами популяций: более древней, имеющей, вероятно, южное происхождение и связанной галечной техникой чопперов и чоппингов, и более поздней, пришедшей с запада и обладавшей развитой традицией изго-

³³ У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 8.

³⁴ Movius H. L. Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia. — «Papers Peabody Museum American Archeology and Ethnology, Harvard University», 1944, т. 19, № 3; Сорокин В. С. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита. — «Сов. этнография», 1953, № 3; Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, с. 47—52; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 139—146.

³⁵ Алексеев В. П. О первичной дифференциации..., с. 18—24.

³⁶ Coon C. S. The Living Races of Man. N. Y., 1965.

³⁷ К этому вопросу, одному из важнейших в антропологии, вернемся ниже.

³⁸ Ларичев В. Е., Кашина Т. И. Указ. соч., с. 83—94.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Борисковский П. И. Исследования памятников каменного века в Демократической Республике Вьетнам в 1960—1961 гг. — «Сов. археология», 1962, № 2; Он же. Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966, с. 28—71; Кабо В. Р., Чебоксаров Н. Н. Первоначальное заселение и древнейшая этническая история. — В кн.: Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966, с. 23—64.

⁴¹ Кабо В. Р., Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 27—28.

товления двусторонние обработанных ручных рубил ашельского типа ⁴².

Проблема происхождения восточноазиатских архантропов до сих пор вызывает много споров среди советских и зарубежных ученых разных специальностей. Если правы исследователи, считающие вслед за Ч. Дарвином прародиной человечества Африку, а предками всех гоминид «человека искусного» (*Homo habilis*) и близких к нему вышших приматов, живших более 2 млн. лет тому назад, то надо допустить, что предки питекантропов и синантропов пришли на восток азиатского материка с запада ⁴³. Пути их распространения из Африки через Переднюю Азию были, скорее всего, благоприятные для жизни людей области Северной Индии, Индокитая и Южного Китая. Галечные раннепалеолитические культуры Панджаба, Бирмы, Таиланда, Вьетнама, Китая и Индонезии, — вероятно, следы деятельности различных популяций этих древнейших гоминид, постепенно продвигавшихся с запада на восток. Не исключена возможность, что архантропы использовали и другой путь, который пролегал из Средней Азии через современный Синьцзян в бассейн Хуанхэ. «Западные» черты в культурах Ланьтяня, Кэхэ, Динцуня и особенно Монголии — веский аргумент в пользу этого предположения ⁴⁴.

3

Пока еще очень немногочисленны в Китае остатки гоминид следующей за древнейшими людьми или архантропами, стадии развития — ступени «древних людей», или «палеоантропов». Самая ранняя из этих находок, — по-видимому, череп, найденный в 1958 г. на севере провинции Гуандун, в уезде Шаогуань, в одной из пещер около с. Маба. Сопутствующая фауна позволяет высказать предположение о среднеплейстоценовом возрасте мабаского черепа. Черепная крышка сохранилась почти полностью. Она отличается массивностью и большой толщиной костей, удлинненно-овоидным контуром (продольный диаметр 196 мм), низким сводом (высотный диаметр 81,5 мм), очень покатым лбом

(угол лба 70°), резко выраженным надглазничным валиком. От лицевой части черепа сохранились, к сожалению, только отдельные костные фрагменты, включая носовые кости и большую часть правой глазницы, которая абсолютно и относительно очень высокая (орбитный указатель 88). Швы на черепе из Маба уже почти заросли, что указывает на зрелый возраст его обладателя. Пол определяется как мужской ⁴⁵. Костные остатки животных, обнаруженные в Маба, принадлежат таким представителям родов млекопитающих, как гиена, медведь, панда, тигр, тапир, носорог, кабан, олень, бык, дикобраз, заяц, стегодон, древний слон и некоторые другие.

Орудий с черепом из Маба не найдено, однако геологические, палеонтологические и сравнительно-морфологические данные указывают, что череп этот, вероятно, самый древний в Китае после синантропа. По мнению У Жу-кана и Пэн Жу-цэ, мабаский человек занимает промежуточное положение между синантропами и неандертальцами; он относится, по-видимому, к ранним представителям палеоантропов. Пэй Вэнь-чжун рассматривает его даже как непосредственного потомка синантропа.

Находки из Маба значительно расширили наши представления о ранних гоминидах, обитавших на территории Китая в эпоху древнего каменного века. Особенно важно, что находка эта сделана в южной части страны, откуда до самого последнего времени не было известно почти никаких палеоантропологических материалов столь большой древности ⁴⁶.

Несколько более поздним периодом по сравнению с черепом из Маба датируется так называемый «чанъянский человек», костные остатки которого найдены в 1956 г. в пещере Лундун в уезде Чанъян провинции Хубэй. Остатки эти включали фрагмент левой верхней челюсти с двумя зубами (первым премоляром и первым моляром), а также отдельный второй левый предкоренной. Сопровождающая фауна стегодон-аилуруподного типа позволяет отнести чанъянскую находку к среднему плейстоцену, скорее всего к самому его концу. Морфологически челюсть и зубы чанъянца обнаруживают ряд примитивных особенностей, позволяющих

⁴² Окладников А. П. Палеолит Монголии (к истории первоначального освоения человеком Центральной Азии). — В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973, с. 1—15.

⁴³ Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974, с. 141; Урисон М. И. Неужели человеку 3 миллиона лет? Человек: биология и социологические проблемы. — «Природа», 1974, № 6, с. 10—14; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. соч., с. 146—153.

⁴⁴ Ларичев В. Е. Ашельско-мустьерские памятники Китая (Шаньси). — «Вопр. антропологии», 1960, вып. 1, с. 111—115; Он же. Открытия в Ланьтяне, с. 39—48; Ларичев В. Е., Кашина Т. И. Указ. соч.

⁴⁵ Цуй Чэн-яо. Неандерталоидная находка из Маба, провинция Гуандун, Китай. — «Вопр. антропологии», 1963, вып. 13, с. 151—155; Крюков М. В., Чебоксаров Н. Н. Древнее расселение человека. — В кн.: Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, с. 39—43; Лян Чжао-тао, Ли Цзянь-сянь. Обследование местонахождения и предварительный осмотр черепа человека из Маба. — «Вестн. Чжуншаньского ун-та», 1959, т. 1-2 (на кит. яз.); Woo Ju-kang, Peng Ru-ce. Fossil Human Skull of Early Paleolithic Stage Found at Maba, Shaoguan, Kwantung province. — «Vertebrata paleoasiatica», 1959, v. 3, N 4; Woo Ju-kang. New Discoveries of Palaeoanthropology in China. — «Science Record. New series», 1960, v. 4, N 2; Aigner J. S. Op. cit.

⁴⁶ У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 10.

сближать их с соответствующими остатками неандертальцев и близких к ним форм, в частности родезийцев. К числу таких примитивных признаков относятся, например, большие размеры моляра и премоляров, прямоугольно-вытянутая форма их коронок, сильно развитые зубные корни. Все же по сравнению с синантропом чанъянец, по свидетельству описавшего его Цзя Лань-по,—относительно более прогрессивная форма древних гоминид⁴⁷.

К палеоантропам относится, по-видимому, динцуньский человек, 3 зуба которого (2 верхних правых резца и нижний правый второй коренной) найдены в ноябре 1954 г. около д. Динцунь в провинции Шаньси. Зубы эти принадлежали, по всей вероятности, ребенку 12—13 лет. Геологические и палеонтологические данные позволили большинству китайских палеонтологов и археологов датировать место нахождения в Динцуне поздним плейстоценом, или «периодом лёсса», очень характерным для Северного Китая (150—100 тыс. лет тому назад)⁴⁸. Однако Цзя Лань-по, один из авторов монографии о динцуньских находках, высказал предположение о более раннем — среднеплейстоценовом — возрасте динцуньца. Недавно точку зрения Цзя Лань-по поддержал В. Е. Ларичев, считающий гоминида из Динцуня нижнепалеолитическим архантропом и связывающий его культуру с еще более ранними культурами Ланьтяня и Кэхэ⁴⁹.

Морфологическая характеристика динцуньских находок затрудняется их фрагментарностью и принадлежностью молодому субъекту. Несомненно все же, что зубы ребенка из Динцуня сравнительно с зубами синантропов соответствующего возраста небольшие. Во многих отношениях резцы и моляр динцуньца напоминают гомологичные зубы неандертальских детей. Сближающими особенностями являются здесь примитивные признаки: нечто вроде базальных бугорков на внутренней поверхности резцов или более сложного, чем у современных людей, рисунка на жевательной поверхности моляра («узор триопитека»). Отмечена лопатообразная форма резцов динцуньца, характерная, как известно, в эпоху нижнего палеолита для синантропов⁵⁰. Во всяком случае динцуньские наход-

ки занимают в эволюционном ряду восточноазиатских гоминид промежуточное положение между синантропами и современными людьми.

В Динцуне вместе с костными остатками человека найдены многочисленные каменные орудия, изготовленные преимущественно из роговика. Среди них встречаются орудия, обработанные как с одной, так и с двух сторон. Некоторые напоминают европейские ручные рубила, другие же обнаруживают определенное сходство с мустьерскими скреблами и остроконечниками. Известны также изделия из галек, близкие чжоукоудиньским. В. Е. Ларичев обращает внимание на специфические черты динцуньского комплекса каменных орудий, сближая его, с одной стороны, с инвентарем нижнепалеолитических местонахождений Кэхэ, Ланьтяня и стоянок, недавно открытых Советско-Монгольской археологической экспедицией в различных районах Гоби⁵¹, с другой стороны — с цзячэнским комплексом (Шаньси), который рассматривается как более поздний по сравнению с динцуньским⁵². Несмотря на спорность некоторых положений В. Е. Ларичева, его гипотеза о преемственности развития раннепалеолитических популяций и культур в ряду Кэхэ — Ланьтянь — Динцунь — Цзячэн очень интересна.

К палеоантропам следует отнести также хэтаоского, или ордосского, человека, костные остатки которого обнаружены в среднепалеолитических стоянках Внутренней Монголии. Еще в 1922 г. французские исследователи Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден нашли на стоянке Шароосогол в районе Ордоса (Хэтао) верхний левый боковой резец ребенка 7—8 лет. По размерам этот зуб напоминает зубы современного человека, но на лингвальной поверхности находится выступающий базальный бугорок (*Tuberculum dentale*), который обычно считается примитивным признаком. Форма резца лопатообразная, такая же, как у синантропов и динцуньского ребенка⁵³. Вообще сходство хэтаоского резца с

⁴⁷ Chia Lan-po. Notes on the Human and some other Mammalian Remains from Changyang Hupei.—«Vertebrata Paleosinensia», 1957, v. 1, N 3, p. 247—257 (на кит. и англ. яз.); У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 10—11; Крюков М. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 40.

⁴⁸ Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, Chia Lan-po etc. Report on the Excavation of Palaeolithic Sites at Ting-tsun, Hsiangfensien, Shansi province, China. Peking, 1958 (на кит. и англ. яз.); У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 11—12; Крюков М. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 40—42.

⁴⁹ Ларичев В. Е. Открытия в Ланьтяне; Ларичев В. Е., Кашина Т. И. Указ. соч.

⁵⁰ Woo Ju-kang. Human Fossils Found in China..., p. 389—397.

⁵¹ Ларичев В. Е. Ашельско-мустьерские памятники...; Он же. Древнейшие памятники культуры Монголии.—«Природа», 1964, № 4; Он же. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии...; Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии.—«Сов. этнография», 1962, № 1; Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1961—1962 гг.—«Изв. Сиб. отделения АН СССР», 1963, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 78—79; Они же. Археологические исследования в Монголии в 1964 и 1966 гг.—«Изв. Сиб. отделения АН СССР», 1967, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 80—91; Они же. Археологические исследования в Монголии в 1967 г.—«Изв. Сиб. отделения АН СССР», 1968, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 104—115.

⁵² Ларичев В. Е. Ашельско-мустьерские памятники Китая.

⁵³ Licent E., de Chardin P. T., Black D. On an Presumably Pleistocene Human Tooth from the Sjara-Ossogol (South-Eastern Ordos) Deposits.—«Bulletin Geological Society of China», 1926, N 5, p. 285—290; Woo Ju-kang. Human Fossils found in China...

динцуньским поразительно; несмотря на фрагментарность находок, оно позволяет говорить о генетическом родстве обеих форм восточноазиатских древних людей, обитавших в плейстоцене в сходных естественно-географических условиях сравнительно недалеко друг от друга.

В 1957 г. в районе Шароосогола обнаружены новые находки хэтаоского человека — теменная и бедренная кости, пролежавшие в земле примерно 70—100 тыс. лет. Теменная кость извлечена из почвы террасовидного сброса речной долины. От поверхности земли она находилась на глубине 35,5 м. По описанию У Жу-кана, эта теменная кость толще, чем соответствующая кость современного человека, но тоньше такой же кости синантропа. На внутренней поверхности ее заметны отпечатки артериального разветвления. Оно расположено в центре передней половины теменной кости, тогда как у синантропа такое разветвление сдвинуто к середине кости, а у современного человека — к ее передней части⁵⁴.

Археологическая датировка хэтаоских находок довольно затруднительна, так как каменная индустрия палеолитических стоянок Ордоса имеет очень сложный, как бы противоречивый характер. Условия залегания этой индустрии и состав сопровождающей фауны указывают на глубокую древность; здесь найдены кости слона, близкого к мамонту, носорога, дикого быка, газели, а также фрагменты скорлупы страусовых яиц. Материалом для изготовления орудий служили преимущественно грубые кварцевые гальки или валуны кремневого известняка. Нуклеусы имели в большинстве случаев типично мустьерскую форму, а из сколотых с них пластин выделялись скребла и остроконечники, также мустьерского облика. Но эти грубые орудия сопровождалась в стоянках Хэтао изделиями верхнепалеолитического типа, в том числе довольно миниатюрными поделками.

Наибольшее внимание из хэтаоских стоянок заслуживают две: Шуйдунгоу и уже знакомая нам Шароосогол, на которой найден описанный выше зуб ребенка. Первая из них доставила наряду с относительно небольшим числом костей животных (носорог, бык, пещерная гiena, антилопа и др.) большое количество каменных орудий крупного размера, главным образом скребла. На второй стоянке, наоборот, весьма обильные остатки животных тех же видов, но почти отсутствовали крупные орудия, а собранные в небольшом количестве обработанные кремни очень мелкие. Причину разницы в облике и количестве изделий надо, возможно, искать в том, что Шуйдунгоу расположена в местности, богатой галечниками из пород, служивших материалом для изготовления орудий, тогда как Шароосогол находится в районе

мощного развития лессовых отложений, где нельзя встретить даже самой маленькой какой-либо плотной породы.

Определенную роль в различиях инвентаря Шуйдунгоу и Шароосогола могли, впрочем, играть и хронологические моменты. В схеме археологической периодизации древних культур Китая, составленной Пэй Вань-чжун, стоянка Шуйдунгоу рассматривается как более древняя (около 120—100 тыс. лет тому назад). Стоянка Шароосогол датируется приблизительно 100—80 тысячелетиями до н. э. Обе стоянки Пэй Вань-чжун относит к особой хэтаоской культуре, возникшей в бассейне Хуанхэ еще в начале среднего палеолита и прогрессивно развивавшейся вплоть до порога поздней эры древнекаменного века. Важно подчеркнуть в данном случае именно непрерывность развития северо-китайского среднего палеолита на протяжении, по крайней мере, 40—50 тыс. лет⁵⁵.

Скудность костных остатков восточноазиатских палеоантропов затрудняет окончательное решение вопроса об их отношении к древним людям других частей эйкумены — неандертальцам и близким к ним неандерталоидным формам. Однако хронологически и морфологически промежуточное положение мабасцев, чанъянцев динцунцев и ордосцев между синантропом и современными людьми позволяет выдвинуть гипотезу о существовании на востоке Азии «своих» неандертальцев — потомков местных архантропов. Китайские ученые Пэй Вань-чжун, У Жу-кан, Цзя Лань-по и др. считают этих палеоантропов предками современного населения Китая. Для доказательства этого положения обычно используются данные о лопатообразной форме резцов, характерной, как мы уже знаем, для архантропов и палеоантропов Восточной Азии, а также для современных монголоидов. Однако аргумент этот теряет свою убедительность, если учесть, что лопатообразная форма резцов была свойственна древнейшим и древним людям всей первобытной эйкумены⁵⁶. Вопрос об отношении восточноазиатских неандертальцев к сапиентным популяциям того же региона очень сложен, далек от окончательного решения и должен быть рассмотрен в связи с проблемой появления на территории современного Китая людей современного вида.

4

Костные остатки неантропов обнаружены на территории Китая только в 50—60-х годах нашего века. Чрезвычайно большое значение для

⁵⁴ Woo Ju-kang. Fossils Human Parietal bone and femur from Ordos, Inner Mongolia. — «Vertebrata Paleosinica», 1958, v. 2, N 4 (на кит. и англ. яз.).

§ Заказ № 699

⁵⁵ Пэй Вань-чжун. Указ. соч.; У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 12—13; Крюков М. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 42—43.

⁵⁶ Зубов А. А. О расово-диагностическом значении..., с. 49—59; Он же. Этническая одонтология, с. 100—106.

истории расового состава населения Восточной Азии имеет найденный в 1958 г. в пещере Тунтяньань около г. Лючжоу (уезд Люцзян Гуанси-Чжуанского автономного района) череп взрослого мужчины, датируемый У Жу-каном началом позднего палеолита. Орудия вместе с этим черепом не обнаружены, но костные остатки животных оказались многочисленными (китайский носорог, гигантский тапир, стегодон, дикий кабан, пещерный медведь, различные олени, быки и др.). В непосредственной близости к костям человека открыт почти полный скелет гигантской панды. В целом состав фауны, обычный для айлуруподостегодонового комплекса пещер Южного Китая, позволяет датировать люцзянские находки поздним плейстоценом. Кроме черепа, сохранившегося почти полностью (без нижней челюсти), в пещере Тунтяньань найдены принадлежащие тому же субъекту поясничные позвонки, крестец и правая тазовая кость⁵⁷.

Люцзянский череп, массивный, удлинённой формы, очень узкий, умеренно высокий, мезодолхокранный с наклонным лбом и значительно развитым надбровьем. Его продольный диаметр 189,3, а поперечный 142,2 мм, черепной указатель 75,1, высота от базиса 134,4 мм. Лицо люцзянца очень низкое, умеренно широкое, резко уплощенное как в верхней, так и в средней части; скуловой диаметр около 136 мм, средняя высота лица (назион-простион) — 65,9 мм. Назомолярный угол 143,5°, зигомаксиллярный — 138°. Глазницы прямоугольной формы абсолютно и относительно очень низкие (орбитный указатель 68,3). Носовое отверстие широкое, с выраженной предносовой ямкой, носовой указатель исключительно высок (58,5), что свидетельствует о резко выраженной хамэринии; носовые косточки также широкие и плоские, предносовой шип развит слабо; симметрический указатель 28,3. Альвеолярный прогнатизм выражен вполне отчетливо (угол 75°)⁵⁸. «Все эти черты, — справедливо указывает В. П. Якимов, — определяют в известной степени промежуточное положение новой находки между монголоидами, с одной стороны, и австралоидами и негроидами — с другой»⁵⁹.

Действительно, почти по всем основным разграничительным расовым признакам люцзянский череп занимает среднее место между амплитудами групповых вариаций монголоидных и австралоидных рас, обнаруживая особую близость с древними и современными южными локальными типами первых, обычно объединя-

емыми в расовых классификациях в южноазиатскую расу. Таким образом, люцзянская находка — ценное свидетельство в пользу гипотезы о том, что в позднем палеолите на юге Китая существовали переходные популяции между монголоидами и австралоидами, вероятно, связанными единством происхождения от первоначальных сапиентных обитателей восточной половины первобытной эйкумены. В свете этих соображений мнение У Жу-кана о том, что люцзянский человек наиболее ранний представитель монголоидной расы, формировавшейся на юге Китая, можно принять только с определенными оговорками. Речь идет не обо всех монголоидах, а только об их тихоокеанской ветви, южные варианты которой, переходные к австралоидам, действительно складывались, скорее всего, в материковой части Юго-Восточной Азии в пределах Северного Индокитая и Южного Китая.

Позднее люцзянца жил, по-видимому, лайбиньский человек, костные и культурные остатки которого найдены в 1956 году Цзя Лань-по в уезде Лайбинь Гуанси-Чжуанского автономного района. Обнаружена разбитая на три куса нижняя часть черепа (обе половины верхней челюсти, правая скуловая, небная и затылочная кости). По степени стертости зубных коронок можно предполагать, что остатки принадлежали взрослому человеку, вероятно мужчине. Расовую принадлежность лайбиньца вряд ли можно точно определить, хотя его, несомненно, следует отнести к людям современного вида. Из поделок найдено 2 каменных отщепа со следами обработки и орудия из кварцевой гальки. Предположительная датировка лайбиньца позднелейстоценовым временем основана всецело на геологическом и палеонтологическом материалах. Однако факт нахождения еще одного позднелейстоценового представителя неантропов на территории Гуанси-Чжуанского автономного района представляет большой интерес, так как свидетельствует, подобно люцзянской находке, о том, что в ту эпоху люди современного вида уже заселяли Центральный и Южный Китай⁶⁰.

В данной связи очень интересно отметить, что, по мнению Пэй Вэнь-чжуна, к позднему палеолиту следует отнести некоторую часть хозяйственно-культурных находок, сделанных китайскими археологами в пещерах того же автономного района. Они включают многочисленные каменные орудия, изготовлявшиеся главным образом из расколотых галек и нередко имевшие форму топоров или тесел. В гуансийских пещерах найдены и костяные орудия, в том числе проколки. Южнокитайские позднелейстоцено-

⁵⁷ Woo Ju-kang. Human Fossils Found in Liukiang, Kwangsi, China. — «Paleovertebrata et Paleoanthropologia», 1959, N 3, p. 97—105, 109—118 (на кит. яз.).

⁵⁸ Там же, с. 104.

⁵⁹ Якимов В. П. Сведения о древних людях в Китае в журнале «Vertebrata Paleosinica», № 1—3 за 1959 год. — «Вопр. антропологии», 1960, вып. 3, с. 152—155.

⁶⁰ Woo Ju-kang, Chia Lan-po. Fossil Human Skull of Late paleolithic Stage from Chilinshan, Leipin district, Kwangsi Province. — «Vertebrata Paleosinica», 1959, v. 3, N 1.

ские материалы обнаруживают большое сходство с более или менее синхронными находками, сделанными на севере Вьетнама, особенно в пещере Кео-Фай в горах Баксона. Более отдаленные, но все же вполне определенные аналогии прослеживаются между этими остатками и позднепалеолитическим инвентарем Индокитаю, Индонезии и даже Австралии. Вполне возможно, что указанные аналогии свидетельствуют о реальных генетических связях древнейших обитателей Австралии с позднепалеолитическими популяциями Юго-Восточной Азии, откуда и происходило, по всем данным, первоначальное заселение австралийского материка. О том же говорят, вероятно, и австралоидные особенности древних черепов из Ваджака па Яве, из Ниа на Калимантане и из Аитапе на севере Новой Гвинеи⁶¹.

Наиболее многочисленные остатки нижнепалеолитических людей в пределах всей Восточной Азии обнаружены в так называемой Верхней пещере (по-китайски Шаньдиндун). Здесь Пэй Вэнь-чжун еще в 1933 г. нашел скелетные остатки, по крайней мере, семи особей, которые он датировал по геологическим, палеоантропологическим и археологическим данным концом древнекаменного века (50—25 тыс. лет тому назад)⁶². Из шаньдиндунских черепов лучше сохранились три: 1 мужской и 2 женских. Как ни мал количественно материал, но он все же позволяет судить не только о стадияльных, но и расовых особенностях населения в эпоху позднего палеолита. Шаньдиндунские черепа детально изучены Ф. Вейденрейхом, который посвятил им специальную работу «О самых ранних представителях современного человечества, открытых в Восточной Азии», изданную еще в 1939 г.

Мужской череп из Шаньдиндуна, обозначенный Ф. Вейденрейхом № 101, отличается значительной массивностью, крупными абсолютными размерами и большой вместимостью мозговой коробки (около 1500 см³). Череп этот резко долихокраний (70,2), с огромным продольным диаметром (204 мм!), умеренной шириной (143 мм). Обращают на себя внимание сильно наклонный лоб и мощное надбровье. Лицо исключительно высокое (77 мм) и в то же время широкое (143 мм), глазницы прямоугольной формы, абсолютно и относительно низкие (орбитный указатель 64,9). Носовые кости выступают умеренно, ширина носа значительна, носовой указатель 55,2. Отчетливо выражен альвеолярный прогнатизм. Женские черепа № 102

и 103 в общем сходны с мужским по таким признакам, как крупные абсолютные размеры, долихокrania (69,3—71,3), наклонный лоб, значительная ширина лица, низкие глазницы, альвеолярный прогнатизм. Естественно, что женские черепа по сравнению с мужским характеризуются меньшей величиной и не такой большой массивностью. Интересно отметить огромную абсолютную высоту обоих женских черепов (143—150 мм) и обусловленную этим гипсисенокранию (высотно-поперечный указатель 109—110).

Если принадлежность шаньдиндунских черепов человеку современного вида (*Homo sapiens*) и не вызывала никаких сомнений, то вопрос об их расовой диагностике получил в специальной литературе различное освещение. Описавший эти объекты Ф. Вейденрейх указывает на сходство мужского черепа с позднепалеолитическими черепами Западной Европы, отличая вместе с тем ряд его монголоидных особенностей: выступающие вперед и в стороны скуловые дуги, очень узкие носовые косточки, сильное развитие предносовых ямок. Один из женских черепов (№ 102) Ф. Вейденрейх сближает с меланезийскими черепами, а другой (№ 103) — с эскимосскими. Сходство с меланезийцами устанавливается на основании исключительной высоты черепа № 102 при сравнительно малой ширине (136 мм), альвеолярного прогнатизма, значительной пирокносоности (носовой указатель 56,3). «Эскимоидность» черепа № 103 доказывается будто бы крышеобразной формой черепного свода, долихокранией, большим высотным диаметром и сравнительно невысоким носовым указателем. Таким образом, получается парадоксальный вывод, что население одной пещеры состояло из представителей трех различных рас, — факт настолько необыкновенный, что Ф. Вейденрейх для придания ему внешней правдоподобности нарисовал фантастическую историю похищения монголоидным мужчиной двух женщин — «эскимоски» и «меланезийки». Однако все это выглядит крайне неубедительно.

Правда, монголоидные черты мужского черепа № 101, подмеченные Ф. Вейденрейхом, заслуживают того, чтобы на них обратить внимание, но в полном соответствии с ним находятся и аналогичные особенности женского черепа № 103, по Ф. Вейденрейху — «эскимоидного». Ведь и эскимосы — тоже монголоиды, к тому же сохранившие много древних морфологических признаков. Даже «меланезийский» череп № 102 по крупным абсолютным размерам лица, большой вместимости обнаруживает, скорее, «монголоидность», чем «меланезоидность». Укажем хотя бы, что у черепа № 102 продольный и поперечный диаметры 196 и 156 мм, тогда как у черепа № 103 («эскимоидного») они соответственно равны 184 и 131 мм. Прогнатизм — и тот у «меланезийки» Ф. Вейденрейха выражен слабее, чем у «эскимоски» (лицевые углы соот-

⁶¹ У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 13; Кабо В. Р. К вопросу о происхождении австралийцев и древности заселения Австралии (по антропологическим материалам). — «Вопр. антропологии», 1961, вып. 7, с. 77—94; Кабо В. Р., Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 23—64.

⁶² Pei Wen-chung. On the Upper Cave Industry. — «Peking Natural History Bulletin», 1939, v. 13, p. 175—179.

ветственно 80 и 79°). Правильно определить место описанных черепов в систематике гоминид Ф. Вейденрейху помешало то, что он исходил из сопоставления их с современными и притом очень специфическими локальными типами эскимосов и меланезийцев. В нерезкой дифференцированности расовых особенностей шаньдиндунских черепов отразились, по-видимому, общие закономерности формирования людей современного вида, долгое сохранение среди них полиморфизма.

В то же время необходимо отметить, что при общей слабой дифференцированности монголоидных особенностей шаньдиндунских черепов на них уже можно обнаружить некоторые специфические признаки, характерные для тихоокеанских (юго-восточных) монголоидов, к которым в более поздние исторические эпохи принадлежали почти все популяции Восточной и Юго-Восточной Азии. К таким «тихоокеанским» чертам шаньдиндунцев относятся значительная высота мозговой коробки (136—150), альвеолярный прогнатизм и некоторая тенденция к широконосости. Если же учесть большую высоту лица всех шаньдиндунских черепов (69—77 мм), то наиболее близкие аналогии им встречаются только в Восточной Азии и в полярной Америке. Вполне возможно, что люди, обитавшие в конце древнего каменного века и на севере современного Китая, — предки позднейших популяций, на базе которых складывались восточные, а может быть, и северо-восточные (арктические) монголоиды⁶³. С другой стороны, сравнение шаньдиндунских черепов с люцзянским показывает, что на юге современного Китая в эпоху позднего палеолита были распространены расовые типы, отличавшиеся от северо-китайских меньшими абсолютными размерами, более грациальным общим обликом, несколько более узким и гораздо более низким лицом, относительной широконосостью. Таким образом, уже тогда среди тихоокеанских монголоидов наметились две группы популяций: восточноазиатская — географически и морфологически переходная к континентальным (северо-западным) монголоидам, представленным в позднем палеолите фрагментом лобной кости из стоянки «Афонтова гора II»,⁶⁴ и южноазиатская, связывающая монголоидов с австралоидами.

Наличие известной преемственности между ранне- и позднепалеолитическими популяциями Восточной Азии подтверждается археологическими материалами, в частности хозяйственно-культурными остатками деятельности шаньдин-

дунских людей. В Верхней пещере в большом количестве обнаружены разнообразные каменные орудия типа чопперов и чоппингов, костяные и роговые изделия, в том числе полированные куски оленьих костей и рогов, один из которых напоминает «начальнические жезлы» европейского палеолита, а также различные орнаментированные предметы. Среди последних особенно интересны крупные каменные «бусины» с отверстиями, просверленные клыки оленя, лисы, дикой кошки и других хищников, костяные подвески, сверленные речные и морские раковины, доставленные сюда с морского берега за несколько десятков километров. В целом индустрия Шаньдиндуна при сохранении некоторых архаичных черт производит впечатление очень поздней, вероятно близкой к переходному периоду от палеолита к мезолиту⁶⁵.

Вопрос об отношении людей современного вида, живших на территории Китая и Восточной Азии в целом, к архантропам и палеоантропам того же региона очень сложен и не может считаться окончательно решенным. Сторонники гипотезы полицентризма, например, Ф. Вейденрейх, К. Кун, а также почти все китайские антропологи считают, что между древнейшими, древними и современными людьми Дальнего Востока существует непосредственная генетическая преемственность. Как упоминалось выше, эти исследователи выводят истоки монголоидных рас непосредственно от синантропов и их среднепалеолитических потомков⁶⁶. Среди советских ученых близкую гипотезу поддерживает В. П. Алексеев, допускающий существование в древнем каменном веке двух основных очагов сапиентации и расообразования — западного (атланти-средиземного или афроевразийского), хронологически более раннего, и восточного (тихоокеанского или восточноазиатского), несколько более позднего⁶⁷. По мнению В. П. Алексеева, появление современного человека произошло в двух местах. Первое из них — Передняя Азия, возможно, с прилегающими районами; второе — междуречье Хуанхэ и Янцзы, с прилегающими районами. В передней Азии сформировались предки европеоидов и негроидов, в Китае — предки монголоидов⁶⁸.

Одного гипотезы о формировании *Homo sapiens* в нескольких (хотя бы двух) самостоятель-

⁶³ Weidenreich F. On Earliest Representatives of Modern Mankind Recovered on the Soil of East Asia. — «Peking Natural History Bulletin», 1939, v. 13, p. 161—174.

⁶⁴ Дебец Г. Ф. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском. — «Бюл. Комис. по изучению четвертичного периода», 1946, № 8, с. 73—76

⁶⁵ Pei Wen-chung. On the Upper Cave Industry...; У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 19—21.

⁶⁶ Weidenreich F. The Skull of Sinanthropus Pekinensis...; C. Coon The Origin of Races. L., 1963; Он же. The Living Races of Man. N. Y., 1965.

⁶⁷ Алексеев В. П. Расы человека в современной науке. — «Вопр. истории», 1967, № 7, с. 71—86; Он же. От животных к человеку. М., 1969; Он же. О первичной дифференциации человечества...; Он же. Два очага происхождения человека. — «Природа», 1970, № 10, с. 37—40.

⁶⁸ Алексеев В. П. Два очага..., с. 37; ср. также: Он же. География человеческих рас, с. 115—164.

ных очагах на основе разных подвидов архантропов и палеоантропов находятся в противоречии с открытыми еще Ч. Дарвином общими закономерностями эволюции всего органического мира под воздействием естественного отбора и не согласуются с твердо установленным единством всех древних и современных сапиентных человеческих популяций. В конечном счете полицентризм во всех его разновидностях приводит к телеологической или по существу «номогенетической» концепции, эволюции человека и формирования его рас; но с позиций современной биологии теория номогенеза **некорректна**, как понимают это определение в физике, т. е. находится в противоречии с другими, точно установленными фактами. И поэтому она должна быть отброшена⁶⁹.

Конкретные палеоантропологические данные также не дают никаких оснований для вывода о специфическом родстве восточноазиатских архантропов и палеоантропов с монголоидами, особенно если учесть уже известные нам данные о всеобщем распространении лопатообразной формы резцов у древнейших и древних людей. Очевидно, правы советские антропологи Я. Я. Рогинский и В. П. Якимов, М. И. Урысон, А. А. Зубов и другие, которые стоят на точке зрения «широкого» моноцентризма, считая, что сапиентация развигывалась на обширной, но все же непрерывной территории, включающей Юго-Западную и частично Южную Азию с прилегающими регионами Северо-Восточной Африки и Юго-Восточной Европы⁷⁰. Вместе с тем надо иметь в виду, что археологические материалы позволяют проследить преемственность хозяйственно-культурного развития населения Восточной Азии на протяжении всего древнего каменного века. Нет никаких данных для утверждения, что архантропы и палеоантропы, жившие на территориях Китая, вымерли, были истреблены позднейшими пришельцами или куда-то ушли с мест своего коренного обитания.

Таким образом, создается кажущееся противоречие между данными археологии с одной стороны и палеоантропологии — с другой. Противоречие это, однако, отпадает, если допустить, что сапиентация, начавшаяся на рубеже среднего и

позднего палеолита в Восточном Средиземноморье и соседних регионах, постепенно захватывала все новые и новые территории по мере расселения быстро размножавшихся подвижных, сапиентных популяций и их смешения с другими группами древних людей, которые вследствие этого процесса насыщались сапиентными генами и вовлекались в общий ход формирования людей современного вида и их распространения в разных направлениях, в частности из Передней через Южную и Среднюю Азию на восток в глубины Азиатского материка и далее вплоть до берегов Тихого океана. Очевидно, Дальний Восток на протяжении всего палеолита был периферией первобытной эйкумены, куда периодически докатывались волны переселенцев с Запада, которые, надо думать, смешивались с аборигенами. Наиболее интенсивными эти процессы переселения были в период позднего палеолита, когда люди впервые заселяли не только новые территории Восточной Азии, но и осваивали Америку и Австралию. Новейшие археологические материалы свидетельствуют, что на востоке Азии нет раннего верхнего палеолита, а там, где элементы верхнего палеолита прослеживаются, они непременно соединяются с мустьерскими либо носят поздний облик и неотличимы от следующей ступени развития каменных орудий мезолита⁷¹.

В рецензии на книгу В. П. Алексеева «География человеческих рас» (1974) В. М. Массон, оценивая в целом положительно этот труд, подвергает критике гипотезу о двух очагах сапиентации и о начале образования современных рас в раннем палеолите. Согласно этой гипотезе, «может сложиться впечатление, что процесс расогенеза шел наряду и параллельно с процессом антропогенеза и в каждом из двух очагов самостоятельно формировались как разные виды: в одном — синантроп, в другом — *Homo sapiens*. При этом, несмотря на двухочаговый генезис, в обоих случаях складывался идентичный биологический вид»⁷². Неприемлемость этой точки зрения очевидна, и ссылки В. П. Алексеева на роль социологических факторов и стабилизирующего отбора⁷³ не спасают положения. Можно вполне согласиться с В. М. Массоном, «что более естественно принять гипотезу Я. Я. Рогинского о широком моноцентризме формирования вида *Homo sapiens* и о его миграциях в глобальном масштабе»⁷⁴.

Первоначальные ареальные (расовые) различия между западными и восточными популяци-

⁶⁹ Яценко-Хмельевский А. А. Предназначена ли эволюция? — «Природа», 1974, № 8, с. 58—65.

⁷⁰ Рогинский Я. Я. Теория моноцентризма и полицентризма...; Он же. Основные антропологические вопросы..., с. 153—204; Он же. Некоторые проблемы происхождения человека. — «Сов. этнография», 1956, № 4, с. 11—17; Он же. Проблемы антропогенеза. М., 1969; Он же. Аргументы в пользу моноцентризма. — «Природа», 1970, № 10, с. 34—37; Урысон М. И. Некоторые проблемы происхождения человека в свете новых данных. — «Биол. науки», 1969, № 16, с. 150—160; Якимов В. П. Стадии и внутростадиальная дифференциация в эволюции человека. М., 1967; Зубов А. А. Систематические критерии рода *Homo* и его эволюция. — «Вопр. антропологии», 1970, вып. 43, с. 92—106.

⁷¹ Григорьев Г. П. К методике установления локальных различий в палеолите. — «Успехи среднеазиатской археологии», Л., 1972, вып. 2, с. 14—19.

⁷² Массон В. М. Современная антропология об образовании рас. — «Природа», 1975, № 1, с. 119—121.

⁷³ Алексеев В. П. География человеческих рас, с. 142.

⁷⁴ Массон В. М. Современная антропология об образовании рас, с. 121.

ями людей современного вида начали складываться, вероятно, только в самом начале позднего палеолита и касались главным образом нейтральных, неадаптивных признаков с простой генетической структурой. Различия эти обязаны своим происхождением генетико-автоматическим процессам, которые стимулировались временной, но достаточно длительной изоляцией отдельных групп неантропов, продвигавшихся на заре человеческой истории из западных районов эйкумены в восточные и ассимилировавших разные группы неандертальцев. Сформировавшиеся гораздо позднее (не ранее конца позднего палеолита) австралоидные и монголоидные расы тихоокеанского бассейна унаследовали указанные ареальные различия от позднепалеолитических предков и в свою очередь передали их своим потомкам, у которых они сохранились, по крайней мере частично, до наших дней⁷⁵. «Восточные» (монголоидные, а вероятно, и австралоидные) группы популяций отличались от «западных» (европеоидных и негроидных) сохранением большей доли резцов лопатообразной формы, высокой частотой круговых узоров на подушечках пальцев, специфическим распределением генов по некоторым системам групп крови (например, почти 100%-ной концентрацией резус-положительности или высокой встречаемостью особого фактора Даффи), отсутствием одного из типов сывороточного белка — гаптоглобина Hр^{1F} и многими другими одонтологическими, дерматоглифическими и серологическими особенностями⁷⁶.

5

Следующий за поздним палеолитом период археологической классификации — мезолит, или средний каменный век, — изучен на территории современного Китая очень слабо и трудно отделим как от древнекаменного, так и от повокаменного века. Предположительно к рассматриваемому периоду может быть отнесен череп, найденный в 1951 г. в полукилометре к западу от г. Цзыяна в провинции Сычуань при реконструкции железнодорожной линии Чэнду —

Чунцин⁷⁷. Мозговая коробка у этого черепа сохранилась почти полностью, но лицевые кости отсутствуют, за исключением части верхней челюсти с костным небом и несколькими альвеолярными отростками, в одном из которых сохранился корень второго левого премоляра. Череп из Цзыяна небольшой, с сильно выступающими теменными буграми, первоначально его считали детским, но позднее китайские антропологи пришли к заключению, что он принадлежал женщине в возрасте около 50 лет. В пользу такого предположения свидетельствуют тонкость костей, умеренное развитие рельефа, в частности глабеллярной и надглазничных областей, четкость лобных бугров, глубокие отпечатки мозговых извилин на внутренней поверхности черепа, а также следы застарелой многолетней болезни зубов (поражение зубных каналов). По общему облику цзыянский череп относится, несомненно, к современному виду человека, хотя и обнаруживает значительное развитие надбровных дуг, заметную выраженность сагиттального возвышения и некоторые другие особенности, частые у палеоантропов.

О расовой принадлежности цзыянского черепа судить тяжело из-за почти полного отсутствия лицевых костей. Высказанная устно мысль чунцинского антрополога Фэн Хань-цзи о пигментности этой находки не может считаться обоснованной. Большого внимания заслуживают данные о сходстве человека из Цзыяна с люцзянским и шаньдиндунскими черепами, которые рассматриваются У Жу-каном в качестве ранних представителей монголоидных рас. Сближающими чертами являются здесь такие признаки, характерные для цзыянского черепа, как значительное развитие предносовых ямок (при отсутствии клыковых), несколько повышенное переносье (при общей широконосости), крышеобразная форма черепного свода (особенно характерная для эскимосов), уплощенность теменных костей по обе стороны сагиттального шва. Все эти черты, особенно в сочетании с общим грациальным обликом, сближают цзыянского человека с южными формами тихоокеанских монголоидов, которые, в свою очередь, занимают переходное положение между континентальными монголоидами и австралоидами.

Наибольшая длина цзыянского черепа 169,3 мм, наибольшая ширина — 131,1 мм, черепной указатель 77,4 (мезокrania). Ушная высота 110 мм, ее отношение к ширине 84%. Череп, таким образом, небольшой по абсолютным размерам, умеренно удлинённый, очень узкий, относительно более низкий, чем у большинства современных людей. Черепной свод

⁷⁵ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. соч., с. 88—163; Зубов А. А. Первые итоги одонтологических исследований в Индии. — В кн.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973, с. 20—27; Чебоксаров Н. Н. Новые данные по этнической антропологии Индии. — В кн.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973, с. 3—19.

⁷⁶ Воронов А. А. Дифференциация гаптоглобина на подтипы и антропологические особенности их распространения. — «Вопр. антропологии», 1970, вып. 34, с. 85—89; Чебоксаров Н. Н., Зубов А. А. Essential Problems of India's Ethnical Anthropology. — In: XVIII International Congress of Orientalists. Canberra, January 6—12, 1971, М. 1970, р. 1—18.

⁷⁷ Pei Wen-chun, Woo Ju-kang. Tzeyang Paleolithic Man. Peking, 1957 (на кит. и англ. яз.); У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 13—15; Якимов В. П. Рецензия на работу Пэй Вэнь-чжуна и У Жу-кана. — «Сов. антропология», 1959, № 1, с. 141—144.

цзяньской женщины следует признать, однако, довольно высоким, лоб у нее слабопокатый. По мнению У Жу-кана, цзяньский человек — более ранняя форма, чем люди из Шаньдиндуна или западноевропейские кромапюны⁷⁸. Однако В. П. Якимов в рецензии на монографию о цзяньском человеке считает вывод У Жу-кана дискуссионным, указывая на ошибки, которые вкрались в определение некоторых углов и индексов. Тем не менее «вне зависимости от той или иной трактовки эволюционного положения цзяньского человека в системе древних гоминид, эта находка представляет очень большой интерес, так как является первой на территории Южного Китая»⁷⁹.

Костные остатки животных, обнаруженные вместе с цзяньским черепом, могут быть подразделены, по данным Пэй Вэнь-чжуна, на 2 группы: позднюю, синхронную находкам человека, и более раннюю (плейстоценовую), представители которой обитали в Сычуани гораздо раньше, и попавшую в Цзяньское месторождение уже вторично в сильно минерализованном состоянии. К первой группе, имеющей для палеоантропологии Китая интерес, относятся кости и зубы мамонта, лошади, кабарги, во вторую группу входят остатки стегодонов, носорогов, различных оленей. В обеих группах представлены такие животные, как тигр, гиена, кабан, некоторые грызуны (в том числе дикобраз). Обращает на себя внимание большое количество видов, живущих или живших в прошлом в условиях открытых — парковых и степных — ландшафтов умеренного пояса. Из орудий найдено только небольшое костяное шило. По свидетельству Пэй Вэнь-чжуна, оно имеет архаичный облик и заметно отличается от более поздних неолитических форм короткой заостренной частью. Несмотря на единичность этой находки, она представляет огромный научный интерес, так как свидетельствует о знакомстве цзяньского человека с обработкой кости. Цзяньский череп долгое время считался позднепалеолитическим. Однако по новейшим данным китайских археологов он датируется 7,5 тыс. лет до н. э., т. е. хронологически относится уже не к палеолиту, а, скорее, к мезолиту⁸⁰.

К тому же периоду предположительно могут быть отнесены 2 черепа, найденные около Чжалайнора во Внутренней Монголии. Предварительное ознакомление с этими черепами показывает, что лицо у них очень плоское, абсолютно широкое и высокое, носовые кости слабо

выступают, клыковые ямки выражены нерезко, предносовые же, напротив, сильно развиты. Все это указывает на принадлежность чжалайнорских находок к континентальным монголоидам, в последующие эпохи широко распространенным в Сибири и в Центральной Азии вплоть до Большого Хингана. Чжалайнор в мезолите находился, вероятно, на восточных рубежах расселения этой ветви монголоидов. Важно подчеркнуть, что и в настоящее время граница между ареалами преобладания тихоокеанских и континентальных монголоидов проходит приблизительно по тем же рубежам⁸¹.

В 1936 г. недалеко от южных границ Китая в Тампонге (Верхний Лаос) был найден женский череп, относящийся, по свидетельству описавших его французских археологов Ж. Фромаже и Е. Сорепы, к мезолитическому периоду. Череп этот отличается крупными для женщины абсолютными размерами, малой длиной (175 мм), средней шириной (136 мм) и значительной высотой (138 мм). По указателю тампонгский череп мезокраний (77,2). Очень большой высотнопоперечный индекс (101,4) говорит о гяпсистонокрании тампонгской женщины. Лицо у нее было очень высоким (73,5 мм) и широким (136,5 мм), уплощенным. Глазницы по высоте средние с округленными углами, орбитный указатель 84,9. Нос, слабо выступающий с плоским переносьем и суженными в верхней части носовыми костями, по указателю относительно очень широкий (60,1 мм). Предносовые ямки сильно развиты, клыковые же, напротив, отсутствуют. Альвеолярный прогнатизм имеется, но выражен не слишком сильно. Нижняя челюсть массивная и широкая. По костяку, найденному вместе с черепом, общая длина тела тампонгской женщины определена описавшими ее авторами в 157 см⁸². В принадлежности этой находки к людям современного вида (*Homo sapiens*) нет ни малейших сомнений.

Многие морфологические особенности тампонгского черепа оказываются общими с древнейшими тихоокеанскими монголоидами, в первую очередь с женскими черепами из Шаньдиндуна. Сходные признаки — сравнительно крупные абсолютные размеры черепа, большая его высота, уплощенное широкое и высокое лицо, слабо выступающий широкий нос, альвеолярный прогнатизм и даже (судя по фотографиям) крышеобразная форма черепного свода. Меньшее, но все же отчетливое сходство прослеживается у тампонгского черепа с люцзяньским. Тампонгские находки можно, таким образом, рассматривать как принадлежащие представителю южноазиатской группы тихоокеанских монголоидов

⁷⁸ *Pei Wen-chung, Woo Ju-kang. Op. cit., p. 30—49, 70—71.*

⁷⁹ *Якимов В. П. Рецензия на работу..., с. 142.*

⁸⁰ Отчет об определении возраста археологических памятников по радиоуглероду (1). — «Каогу», 1972, № 1, с. 55 (на кит. яз.); *Ларичев В. Е.* Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Китая. — Изв. отд. АН СССР, 1976, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 106—114.

⁸¹ *У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 23; Крюков М. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 51.*

⁸² *Fromaget J., Saurin E. Note préliminaire sur les formations cénozoïques et plus récentes de la Chaîne Annamitique Septentrionale. — «Bull. de Service Géologique de L'Indochine», 1936, v. 22, N 3, p. 1—48.*

той стадии развития, когда не все специфические особенности этой расы успели выработаться. В то же время некоторые черты черепа (сильная прогнатность, крайняя хамэриния) сближают его с австралоидными расами Юго-Восточной Азии и Океании. Остается открытым вопрос: является ли тампонгский череп таким же промежуточным звеном между монголоидами и австралоидами, как люцзянский, или же он несет на себе следы смешения уже сложившихся тихоокеанских монголоидов, продвигавшихся к югу, с аборигенными австралоидными популяциями Индокитая.

Ж. Фромаже и Е. Сорен рассматривают тампонгскую находку в качестве прототипа, сочетающего признаки различных рас: австралоидов, негроидов и даже европеоидов. Монголоидные особенности черепа авторы отрицают. В действительности же, если тампонгский череп и отличается от черепов современного, большей частью брахицефального монголоидного населения Индокитая, то с другими мезодолхоцефальными монголоидными типами Юго-Восточной и Восточной Азии он обнаруживает вполне реальное сходство, особенно если иметь в виду не современные, а древние популяции. Совершенно необосновано мнение немецкого антрополога Е. Эйкштедта о принадлежности тампонгского человека к веддоидам⁸³. Ни крупные абсолютные размеры черепа, ни высокое и сравнительно широкое лицо, ни округлые глазницы, ни в какой степени не оправдывают отнесение этой находки к веддоидам. Такой вывод не противоречит, конечно, приведенным выше данным о наличии у тампонгца известных австралоидных черт, независимо от того, обусловлены ли они сохранением древних переходных форм или же ранней межрасовой метисацией.

Для палеоантропологии Южного Китая большой интерес представляют также данные о двух черепах, найденных в местонахождении Куиньван в провинции Нгеан (ДРВ) в кьеккенмёдигах, относящихся к периоду бакшонско-хоабиньской культуры. Из этих черепов, описанных вьетнамскими археологами Нгуен Зуем и Нгуен Куанг Куеном, один принадлежал взрослой женщине в возрасте около 30 лет, а другой — молодому мужчине. Оба черепа относятся к одному расовому типу; их мозговая коробка характеризуется большой вместимостью (1500—1600 см³), огромной длиной (192—202 мм), небольшой шириной (133 мм), гипердолохокранией (черепной указатель 66—69), значительной ушной высотой (124—125 мм), выраженной гипсистернокранией (93—94), сравнительно крупной шириной лба (минимальный фронтальный диаметр 100—101 мм). Черепа довольно массивные, с покатым лбом и умеренно разви-

тым надбровьем. Лицевой скелет сохранился только частично; скуловая ширина огромна (140—146 мм) и значительно превышает поперечник мозговой коробки; о вертикальных размерах лица и о строении носа судить нельзя, так как орбиты, носовые и верхнечелюстные кости отсутствуют. Нижняя часть, принадлежащая жепскому черепу, массивная, с хорошо выраженным подбородком⁸⁴.

Из-за плохой сохранности лицевого скелета сказать что-нибудь определенное о расовой принадлежности черепов Куиньвана нелегко. Описавшие их вьетнамские ученые отмечают сочетание на обоих черепах австралоидных и монголоидных особенностей и сближают их с индонезийским типом в понимании Е. Жене-Варсеп, которая, как известно, рассматривает «индонезийцев» как результат смешения монголоидов с австралоидами⁸⁵. Можно, следовательно, думать, что и в этом случае перед нами какие-то промежуточные формы, связывающие южные группы тихоокеанских монголоидов с австралоидами, характерные признаки которых выражены на куиньванских черепах гораздо резче, чем на находках из Люцзяна или Тампонга. Таким образом, новейшие палеоантропологические материалы, несмотря на их фрагментарность, дают возможность констатировать на территории Китая и соседних стран в самом конце палеолита и в мезолите наличие всех основных расовых компонентов населения Восточной Азии позднейших исторических периодов: северных монголоидов (Чжалайнор), восточных монголоидов (Шаньдиндун), южных монголоидов (Тампонг) и австралоидов (Куиньван). В этом ряду в направлении север — юг наблюдается постепенное ослабление монголоидных и нарастание австралоидных особенностей, которое сохраняется здесь и во все последующие исторические периоды вплоть до наших дней⁸⁶.

⁸⁴ *Nguyễn Duy, Nguyễn Quang Quyên*. Nguyên cứu về hai sọ cổ ở Quỳnh Văn (Nghệ An), (К изучению древних черепов из Куиньвана в провинции Нгеан). «MÔT SỐ BAO CÀO VÊ, KHO CÔ HỌC VIỆT NAM», 1966, p. 351—368.

⁸⁵ *Génet-Varcin E.* Les restes osseux des 100 rues. — «Bull. de l'Ecole Française de L'Extrême Orient», 1958, t. 49, fasc. 1.

⁸⁶ *Чебоксаров Н. Н.* К вопросу о происхождении китайцев. — «Сов. этнография», 1947, № 1, с. 30—70; *Он же.* Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия, II», 1947, с. 24—83; *Он же.* Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока. — В кн.: Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965, с. 37—59; *Chebozarov N. N.* The ethnic Anthropology of the Eastern Asia. — In: XI Pacific science congress, 1966, p. 1—15.

⁸³ *Eickstedt E. F.* Rassendynamik von Ostasien. Berlin, 1944.

В. Е. ЛАРИЧЕВ

ПАЛЕОЛИТ КОРЕИ

Среди своеобразных географо-климатических и культурных зон Азии Корейский полуостров вызывает особенно живой интерес при анализе сложных проблем ранних страниц истории человека восточной окраины континента. Притягательное внимание к далеко выступающему на юго-восток широкому, почти сплошь покрытому горными хребтами и расчлененному густой сетью рек мосту суши, одному из благодатных по природным условиям районов Азии, объясняется просто: Корея, при всей оригинальности ее блестящей древней цивилизации, что само по себе явление, бесспорно, чрезвычайно примечательное, издавна представляла собой, насколько позволяют заглянуть в глубь веков письменные источники, прочное связующее звено между миром разнохарактерных по особенностям континентальных и островных культур. Если же обратиться к временам значительно более древним, эпохам раннего железа, когда закладывались основы могучего государства Чосон, а затем бронзы или неолита, то без знания основной канвы событий в культурной истории далеких предков современных корейцев часто трудно, а то и совсем невозможно понять существо происходящего как в соседнем Дунбэе, на севере Китая, в Приморье и Приамурье, так и в пределах большей части островов Японского архипелага. Что касается последнего региона, то уже сейчас можно сделать такой вывод: ключ к пониманию ряда загадочных, но бесспорно кардинальных по значению изменений в культуре населения древней Японии нужно искать в земле Кореи. От нее, а также, что не менее важно, через полуостров как незаменимый по значимости «передаточный пункт» исходили с континента мощные импульсы, которые как своего рода катализатор стимулировали эволюцию культур островного мира. Приходится поэтому лишь сожалеть, что политическая обстановка в стране долгое время складывалась так, что археологические исследования не могли стать в исторических исследованиях делом первостепенного значения. Лишь после образования в 1948 г. на севере полуострова Ко-

рейской Народно-Демократической Республики наступил коренной перелом в отношении к культурному наследию, в масштабах и методах его изучения. Результаты широко развернувшихся археологических исследований корейских археологов впечатляющи и плодотворны. Они позволяют по-новому взглянуть на основополагающие проблемы древней истории Дальнего Востока.

Если, однако, вновь обратиться к затронутому вопросу о значительности роли ранних культур Кореи в истории Восточной Азии, то, пожалуй, наиболее интересными и наименее разработанными оставались до последнего времени проблемы, связанные с палеолитом. Они к тому же выглядели особо волнующими, поскольку долго, несмотря на значительные усилия, не удавалось открыть в пределах границ огромного полуострова ни одного достаточно бесспорного памятника, датированного древнекаменным веком. Между тем следовавшие за последние три десятилетия одна за другой успехи в поисках стоянок так называемой «докерамической стадии» культуры каменного века Японии давно поставили вопрос о путях и времени первоначального проникновения палеолитического человека на острова¹. В гипотетически реконструированных вариантах маршрутов миграций древних охотников Корею по праву отводилось первое место, поскольку путь через нее на Японский архипелаг представлялся самым естественным, кратчайшим и удобным. Геолого-палеонтологические факты, кажется, не противоречили такому заключению, и, следовательно, дело оставалось только за тем, чтобы обнаружить на полуострове палеолитические стоянки. В таком случае при разработке общих концепций, связанных с древнейшими миграциями человека в северной половине Азии, Корея заняла бы

¹ Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Вып. 3. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1970; Он же. Пути и время первоначального заселения Японии палеолитическим человеком. — «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1968, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1.

не менее важное место, чем Сахалин, Камчатка, Курильские острова и, в особенности, Чукотка при решении проблем освоения Нового Света палеолитическими охотниками.

Первые обнадеживающие намеки на возможность удачи в поисках палеолитических стоянок появились достаточно давно и связаны с открытием на территории Кореи костных остатков плейстоценовых животных — современников людей древнекаменного века. Так, еще в 1930 г. при сооружении железнодорожного полотна в районе Тонгвана уезда Чонсон провинции Северная Хамгён землекопы вскрыли горизонты, заполненные большим количеством костей вымерших животных. Значительная часть их оказалась безвозвратно потерянной, и к тому же остались неясными условия залегания палеонтологических остатков и стратиграфия местонахождения. Известно лишь, что в том месте прослеживались аллювиальные отложения мощностью около 3 м. Позже, когда в ходе земляных работ местонахождение оказалось почти полностью уничтоженным, студенты, мало сведущие в археологии, собрали в Тонгване небольшую коллекцию костей, а также, что особенно интересно, два изделия из обсидиана и несколько клиньев, изготовленных из рогов оленей *Megaceros* и *Cervus*. В последовавших затем публикациях Н. Наора, Р. Фудзита и С. Умехара дали общую характеристику находок и высказали убеждение в возможности открытия на территории Кореи палеолита, памятники которого к тому времени удалось обнаружить не только в соседнем Китае, но и на Японских островах². Действительно, если определения костей, собранных в Тонгване, сделаны правильно, то плейстоценовый возраст аллювиальной толщи, в которой первоначально залегали находки, не вызывал каких-либо сомнений. Так, Н. Наора упоминал в отчете об открытии в Тонгване костных остатков таких древних животных, как слон (возможно, мамонт), лошадь, носорог и гигантский олень. Что касается каменного инвентаря, то предельная малочисленность находок не позволяла, естественно, описать хоть в какой-то степени удовлетворительно особенности палеолита Кореи. Следовало лишь отметить, что для него, по-видимому, была характерна пластинчатая индустрия, поскольку одна из находок представляла собой треугольную в сечении пожевидную пластину, которая, возможно, использовалась как скребок. Пластина в верхней части более узкая и тонкая, чем в нижней; техника отделения ее от желвака не отличалась совер-

шенством, вследствие чего общие контуры ее выглядели неправильными. Вторая находка, простой отщеп, давала еще меньше поводов для размышлений. Правда, Н. Наора, известный своим пристрастием к внимательному изучению костных остатков, выделил из фаунистической коллекции Тонгвана серию костных и роговых орудий: наконечники копий из расколотых вдоль и заостренных на концах трубчатых костей, края которых обрабатывались так, что на них появлялись пальчатые выступы; прямоугольное со скошенным лезвием рубящее орудие вроде топора с нарезкой у обушка; наконечник из отростка рога с заостренным концом и отчетливыми выемками по сторонам, а также другие изделия из рога с разнообразными нарезками и царапинами. Однако несмотря на все усилия Н. Наора доказать подлинность «костяной индустрии» Тонгвана, его рассуждения не могли рассеять скептического отношения к ней. Так пазываемые костяные и роговые инструменты, возможно за редчайшим исключением, представляли собой обычные фаунистические остатки, лишь по случайному совпадению очертаний обломков напоминавшие орудия труда палеолитического человека. Такое обстоятельство не снижает вместе с тем важности сделанного Н. Наора открытия, поскольку ему, благодаря достаточно интересным находкам, удалось впервые поставить на реальную почву фактов проблему корейского палеолита. Он, кроме того, попытался решить сложный вопрос взаимоотношения самой ранней из известных тогда культур Корейского полуострова с палеолитом материковой части Восточной Азии. Особенности костяной индустрии Тонгвана, также как подавляющее преобладание инструментов из кости и рога над каменными изделиями, привели Н. Наора к выводу о сходстве этого памятника с Гусянтунем Дунбэя. По его мнению, хронологически они тоже близки и датировались одним из поздних этапов палеолита. В то же время отдельные особенности культуры Тонгвана и наблюдения по стратиграфии памятника позволили Н. Наора прийти к заключению о более позднем возрасте ее по сравнению с палеолитической культурой, представленной находками в Гусянтуне³.

После открытия в Тонгване каменных изделий, которые, вероятно, залегали в одном слое с остатками вымерших животных, особое внимание с точки зрения перспектив поиска в Корее новых стоянок эпохи палеолита привлекли большей частью единичные находки костей плейстоценовых обитателей полуострова. Они свидетельствовали о разнообразной в видовом отношении фауне того времени и, следовательно,

² Naora N. Palaeolithic artifacts from Tongkwanchin, Korea. — In: Report of the First scientific expedition to Manchuria and Mongolia. Div. 6, Sect. 3. Tokyo, 1940; Он же. Палеолитические культуры в Восточной Азии. — «Кокогаку», 1940, т. 4, № 9; Фудзита Р. Лекции по дальневосточной истории. Токио, 1942 (на япон. яз.); Умехара С. Древние культуры Кореи. Киото, 1946 (на япон. яз.); Воробьев М. В. Древняя Корея. М., 1961.

³ Подробности, связанные с исследованием Гусянтуня, см.: Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 2. Азия и проблема локальных культур. Новосибирск, 1973.

о возможном широком проникновении на территорию Кореи палеолитического охотника, ее современника и неизменного спутника. Слабое развитие ледниковых явлений в четвертичную эпоху показывает, что с начала плейстоцена Корея представляла собой поистине благодатный для обитания край с достаточно мягким климатом, богатой растительностью и разнообразным животным миром. Не случайно в его пределах удалось обнаружить кости таких теплолюбивых животных, как *Elephas indicus*, *Rhinoceros koreanicus*, *Megaceros* sp., *Machairodus* sp. В Корею найдены также костные остатки *Equus caballus*, *Cervus elaphus*, различных видов *Bos* и *Sus*⁴. К более позднему времени, когда начало сказываться общее похолодание на Дальнем Востоке в связи с появлением региональных ледников на территории Маньчжурской горной страны, а также на Сихотэ-Алине, относятся находки в долине Тумангана бивня, зуба и костей конечности мамонта, зубов носорога и лошади (Дамалугоу и Самбон-ни)⁵. Упоминаются также находки костей оленей, медведей, коз, барсуков, лисиц и выдр. Очевидно, фаунистический комплекс позднего плейстоцена севера Корейского полуострова не отличался в существенном от того, что характерно для животного мира заключительной поры четвертичной эпохи Маньчжурии. Какой бы, однако, интерес не вызывали открытия очередных местонахождений плейстоценовой фауны Кореи, они лишь свидетельствовали о потенциальных возможностях успешного поиска палеолитических стоянок, но сами по себе не увеличивали их числа. Поэтому скудные находки из Тонгвана да очень сомнительное костяное орудие из Самбон-ни, найденное в том же месте, где в 1931 и 1933 гг. удалось обнаружить костные остатки мамонта и лошади, — вот все, что было известно о корейском древнекаменном веке.

Первые впечатляющие и бесспорные открытия в области палеолита Кореи относятся к началу 60-х годов. Они, к тому же, сопровождались специальными исследованиями, проведенными с точки зрения стратиграфических наблюдений на достаточно высоком уровне, чтобы исключить сомнения в достоверности вывода о докерамическом возрасте памятников. Сначала палеолитический горизонт с каменными изделиями удалось обнаружить на крайнем северо-востоке полуострова, в 10 км от устья р. Туманган, в уезде Унги провинции Северная Хамгён

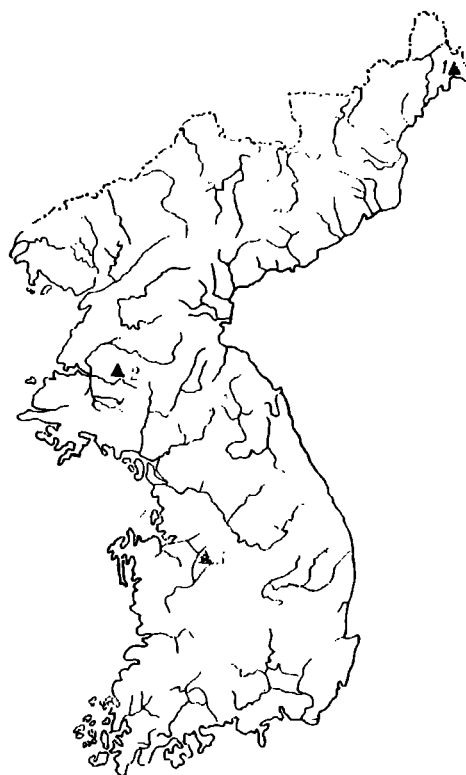

Рис. 1. Карта палеолитических местонахождений Корейского полуострова. 1 — Кульпхо; 2 — Комык-мору; 3 — Сокдьян-ни.

около д. Кульпхо (рис. 1). История открытия и раскопок многослойного поселения Сопхохан, расположенного в ее окрестностях, заслуживает того, чтобы остановиться на отдельных обстоятельствах поисков несколько подробнее.

В 1960 г. участники археологической экспедиции Института археологии и этнографии Академии наук КНДР, работами которой руководил один из старейших и опытных археологов То Ю Хо, получили сообщение, что крестьяне д. Кульпхо при добыче удобрений из пластов обширной раковинной кучи, расположенной на склонах небольшой возвышенности около берега озера морского происхождения Пупхо, обратили внимание на обломки старинной глиняной посуды и каменные орудия. Сотрудники экспедиции осмотрели место находок каменных изделий, и поскольку стоянка показалась То Ю Хо перспективной для организации стационарных раскопок, тем же летом в местности Сопхохан развернулись широкие исследования (рис. 2). Работы первого полевого сезона не привели к открытию палеолитических изделий. Сначала в раковинной куче Сопхохан, с ее чрезвычайно сложной и запутанной стратиграфией, удалось выявить культурные горизонты эпохи железа, бронзы и неолита.

Осенью 1962 г. корейские археологи возобновили раскопки многослойного поселения. В кон-

⁴ Takai F. A Summary of the mammalian faunal of Eastern Asia and the interrelationships of continents since the mesozoic. — «Japanese journal of geology and geography», 1952, v. 22; Tokunaga Sh. A list of the fossil mammals of Japan and Korea with descriptions of new eocene forms from Korea. — «American museum novitates», 1933, N 627; Воробьев М. В. Указ. соч.

⁵ Имажура Ю. Человек каменного века Корея. — «Дорумэн», 1935, т. 4, № 6; Воробьев М. В. Указ. соч.

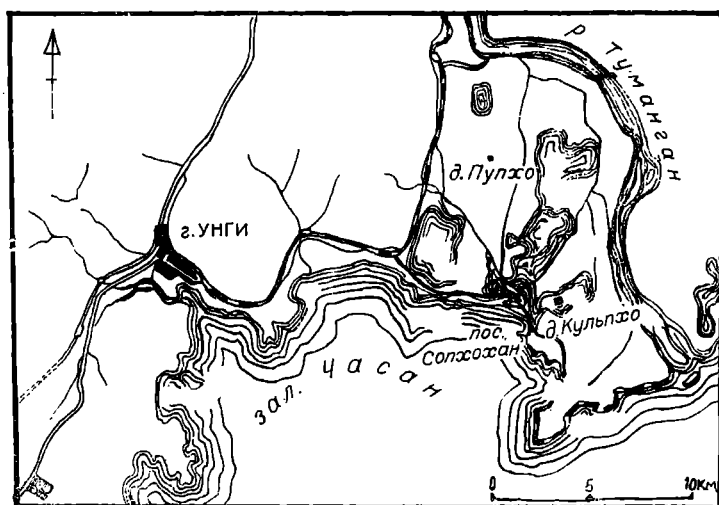

Рис. 2. Район провинции Северная Хамгён, где около д. Кулькхо велись раскопки многослойного памятника.

це работы при окончательной зачистке поверхности самого нижнего из культурных горизонтов, датированного периодом раннего неолита, в расположенном глубже слое им удалось обнаружить кварцитовое орудие, которое обратило на себя внимание необычностью облика и характера обработки. Это изделие из гальки размером $10 \times 8 \times 3,8$ см настолько резко отличалось от обычных в Сопсохане неолитических орудий и вместе с тем напоминало То Ю Хо чопперовидные инструменты, широко распространенные в палеолите Азии, в частности в соседнем Приморье (Осиновка), что у корейских археологов возникло предположение о возможности открытия в Сопсохане ниже неолитического горизонта еще одного слоя с культурными остатками докерамической эпохи (см. рис. 20, 5).

Для окончательного подтверждения столь очевидной перспективы в поисках горизонта с палеолитическими или мезолитическими находками в апреле 1963 г. в Сопсохане начался новый этап исследований, в ходе которых при раскопках и шурфовке особое внимание уделялось пластам, залегавшим ниже слоя с культурными остатками эпохи неолита. Предположение о возможности открытия в Кулькхо необычайно древней для Кореи культуры каменного века блестяще подтвердилось. Корейские археологи обнаружили как в подстилающем неолитический горизонт слое, так и местами на поверхности при подъемных сборах целую серию изделий, изготовленных из галек кварца, кварцита и роговика. Стратиграфия разведочных шурфов, а также обширность территории, на которой при поверхностных сборах встречался весьма специфический подъемный материал, свидетельствовали о том, что площадь распространения древнейшего для Сопсохана культурного слоя довольно значительная. Тогда же удалось прийти к не менее важному выводу о том, что на посе-

лении находки, датированные донеолитической эпохой, залегают в двух культурных горизонтах, четко отличающихся друг от друга по чисто геологическим характеристикам. Важно при этом подчеркнуть, что в самом древнем из культурных слоев преобладали, согласно предварительным наблюдениям, изделия из кварцитовых галек, а в верхнем — из роговика. Новую культуру каменного века корейские археологи назвали культурой Кулькхо и подразделили ее на два периода: древнейший — Кулькхо I, и поздний — Кулькхо II.

В июле — августе 1963 г. на стоянке Сопсохан снова развернулись широкие раскопки, которые привели к открытию большого количества обработанных каменной палеолитического облика. Они полностью подтвердили сделанные ранее выводы о необычайно древнем для Кореи возрасте двух нижних культурных горизонтов памятника. Так палеолит Кореи вышел из сфер предположений и гипотетических фантазий, превратившись в неоспоримую реальность. Сообщения о таком бесспорно выдающемся достижении молодой корейской археологии появились в газетах КНДР, а в 1964 г. То Ю Хо опубликовал предварительный отчет о главных результатах исследований в Кулькхо слоев с находками, предшествующих по времени самым ранним этапам неолита⁶. Затем последовало открытие еще одной палеолитической стоянки — Пулхо, расположенной невдалеке от Кулькхо, по материалам которой остаются пока неизданными. Сведения об открытии палеолита Кореи привлекли пристальное внимание к древнейшим этапам истории Дальнего Востока⁷.

В 1972 г. Корейской Народно-Демократической Республике вышла из печати монография, посвященная итогам многолетних полевых исследований в Кулькхо⁸. Это издание позволяет во всей полноте представить как последовательный ход раскопок на многослойном поселении, так и в деталях результаты их, в том числе ка-

⁶ То Ю Хо. О корейской палеолитической культуре Кулькхо. — «Сообщ. Ин-та археологии и этнографии АН КНДР», 1964, № 2; То же. Пер. Чанг Хан Дога. — «Кокосаку дзасси», 1965, т. 5, № 3 (на япон. яз.); То Ю Хо. Очередной доклад о культуре Кулькхо. — «Сообщ. Ин-та археологии и этнографии АН КНДР», 1965, № 1; См. так же: *Первобытная археология Кореи*. Пхеньян, 1971 (на кор. яз.).

⁷ Ларичев В. Е., Григоренко Б. Г. Открытие палеолита в Кореи (культура Кулькхо). — «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, 1967; Larichev V. E., Grigorenko B. G. The discovery of palaeolithic in Korea (the Caulpo culture). — «Arctic Anthropology», 1969, v. 6, № 1; Won-yong Kim. New lights on Korean archaeology. — «Asia Perspectives», 1967, v. 10.

⁸ Ким Ён Ган, Со Гук Тха. Отчет о раскопках первобытной стоянки Сопсохан. — «Археолого-этнографический сб.», 1972, № 4 (на кор. яз.).

сающиеся палеолитических находок, и, что в особенности важно, уточнить стратиграфию, а также последовательность культурных напластований на памятнике. Из раздела об истории исследования его становится, в частности, ясно, что о Сопхохане археологи узнали еще в 1947 г. Однако до раскопок здесь местонахождение это датировалось эпохой бронзы. С 1960 по 1964 г. археологи провели 5 полевых сезонов, раскапывая различные участки поселения, которое охватывало значительную площадь и характеризовалось мощным культурным слоем. Исследования были начаты на северо-западном крае жилой площадки и каждый год последовательно перемещались на юго-восток. Раскопанная в первый сезон западная окраина поселения оказалась затем затопленной. Примыкавшую к этому месту часть поселения с хорошо выраженным культурным слоем и выразительными находками исследователи обозначили участком № 1. В 14 м южнее располагался участок № 2, который занимал площадь 96,5 м². В 1961 г. к северо-востоку от участка № 2 был заложен раскоп участка № 3 площадью 90 м². Участок № 4 примыкал к юго-восточному краю и занимал 117 м². Сначала на этих участках велись раскопки лишь верхнего культурного горизонта, датированного эпохой бронзы. В 1962 г. на участках № 3 и 4 исследованию подвергались расположенные ниже культурные горизонты, и к тому же у северо-восточной окраины участка № 4 был заложен первый раскоп (участок № 5), охвативший площадь 48 м². Именно здесь в пределах участка № 5, при зачистке глинистого слоя, который считался ранее материковым, удалось обнаружить первое изделие палеолитического облика. Корейские археологи пришли к выводу, что слой глины отнюдь не стерил и может содержать культурные остатки палеолитического облика. Поэтому на участках № 5—7 и частично на участке № 4 после завершения раскопок неолитического горизонта производились раскопки пласта глины с целью поиска изделий эпохи палеолита (участок № 6 раскапывался в 1963 г.; с северо-востока он примыкал к участку № 5 и занимал площадь 48 м²; участок № 7 площадью 34 м² располагался на северо-восточной окраине участка № 4). В 1964 г. около юго-западной стороны участков № 6 и 7 был заложен очередной раскоп — участок № 8, площадь которого составляла 186 м². Здесь ниже неолитического горизонта в слое глины тоже удалось обнаружить обработанные камни эпохи палеолита. В 1966 г. с целью выяснения протяженности поселения в 50 м восточнее старых раскопов на территории школьной площадки были произведены раскопки на участке площадью 40 м². Здесь удалось зафиксировать 4 неолитических слоя и горизонт эпохи бронзы.

Итак, подводя итоги, можно констатировать, что исследования производились в Кульхо на

участках № 4—8. Слои с культурными остатками эпохи палеолита концентрировались главным образом в восточной части раскопанной в Сопхохане площади. Описание стратиграфии памятника и палеолитических находок приводятся ниже.

К весне 1964 г. относится, кроме того, открытие палеолита в южной части Корейского полуострова. Первые сборы каменных изделий палеолитического облика произвели здесь стажеры Висконсинского университета (США) в Ёнсейском университете Сеула супруги А. Мор и Л. Л. Сэмпл, которые специализировались на изучении «доистории Кореи» и вели полевые исследования, связанные с поисками и обследованиями древних стоянок и поселений. Во время археологических разведок в долине р. Кымган в 240 км на юго-запад от Сеула они обнаружили у подножия размытой террасы северного берега в районе небольшой деревушки Сокдянни, расположенной в 6,4 км от г. Кончжу⁹, 4 каменных орудия и около 10 фрагментов изделий. Обработанные камни, как выяснилось при осмотре обнажения, вымыла вода из нижней части берега во время недавнего разлива реки. 20 мая 1964 г. А. Мор и Л. Л. Сэмпл, возвратившись в Сеул, сообщили о находках директору музея Ёнсейского университета профессору истории и доистории, доктору Сон По Ги и предложили ему провести совместные раскопки стоянки. Тогда же руководство исторического факультета университета пришло к заключению о важности открытия и необходимости организации в ближайшее время стационарных исследований.

Сон По Ги вместе с А. Мором вскоре посетили Сокдянни и осмотрели место будущих работ. При осмотре района выяснилось, что стоянка каменного века находится в долине реки на участке, где напротив друг друга располагались две горы высотой около 350 м над ур. м. Южные склоны гор крутые, неудобные для обитания, и поэтому современные постройки крестьян ютятся у подножия более или менее пологих северных склонов. Окрестности возвышенности покрыты редким лесным покровом, эрозия склонов довольно значительна. В ходе ее произошло обнажение пластов кварцита и порфирита, пригодных для изготовления орудий. Терраса на окраине долины реки образовалась, по мнению Сон По Ги, при «сползании почвы, намытой водой и сконцентрированной в этом месте»¹⁰. В толщах террасы почти нет окатанных водой галек, а преобладают угловатые обломки камней. Во время экскурсии Сон По Ги подобрал несколько отщепов и огромную ножевидную пластину, достигавшую в длину почти 15 см.

⁹ Уезд Кончжу, пров. Южная Чунчон; 36°21' северной широты и 127°18' восточной долготы.

¹⁰ Won-yong Kim. Op. cit.

Он обратил внимание на то обстоятельство, что в коллекции подъемных находок входили типологически чрезвычайно выразительные инструменты, которые, однако, определенно относились к различным культурно-хронологическим подразделениям палеолита: наконечник, по его мнению, солютрейского типа, острокопечник — эпохи мустье, леваллуазский нуклеус, примитивные скребла, клетонские отщепы, микропластины, архаические рубящие инструменты типа чопперов и чоппингов, изготовленные из галек, изделия типа рубил и, наконец, костяные орудия — позднепалеолитического облика.

Объяснить столь причудливую смесь, кажется, несопоставимых по культурным подразделениям изделий можно было, лишь предположив, что на террасе в Сокдянни располагалась многослойная палеолитическая стоянка и что при разрушении ее горизонтов с находками остатки самых различных эпох перемешивались у подножия обрыва. Но если стоянка действительно многослойная, то можно ли представить более желанный объект для развертывания раскопок, чтобы сразу же выявить последовательную эволюцию палеолитической культуры, ранее не известной в Корее? Необходимость начала исследований здесь определялась, кроме того, еще одним фактором: даже беглое изучение террасы показало, что памятнику угрожает в ближайшем будущем уничтожение от катастрофических по разрушительности паводков. Дело в том, что за последние десятилетия покровные отложения бортов речной долины подверглись значительной эрозии, р. Кым обмелела и русло ее переместилось с юга на север ближе к возвышенности, где располагалась стоянка. Впадающие в реку ручьи подняли ее ложе за счет песчаных наносов, и теперь, когда начались дожди, водный поток повышался до 15 м при обычном уровне в 7—9 м. После 1960 г. один-два раза в год 12-метровая терраса, в отложениях которой располагались обработанные камни, на 1—2 недели регулярно становилась объектом разрушительного действия паводков, когда обваливались ее края и размывались рыхлые слои. Собранные в Сокдянни коллекция каменных изделий и результаты осмотра стоянки убедили руководство университета в необходимости организации на ее территории раскопок, по из-за разного рода бюрократической волокиты и проволочек сеульских властей исследования удалось организовать лишь через полгода, когда первооткрыватели памятника необычайно архаической культуры каменного века А. Мор и Л. Л. Сэмпл, так и не дождавшись решения вопроса, уехали в Висконсин.

Экспедицию в Сокдянни возглавил Сон По Ги. Первый полевой сезон продолжался с 11 по 29 ноября 1964 г.¹¹ Раскопки выявили довольно

сложную стратиграфию памятника (см. рис. 9, 20). Под слоем дерна и современной почвы залегали I и II слои глины, ниже которых, на глубине 1,7 м, прослеживался I горизонт гравия. Затем снова появился глинистый пласт, третий по счету, при раскопках которого была обнаружена площадка грунта размером 1×2 м, определенно подверженная действию огня. На глубине 3—4 м от поверхности под III слоем глины залегал II гравиевый горизонт, в котором удалось обнаружить обработанные камни из порфирита. В расположенном ниже IV горизонте прослеживались прослойки обожженного грунта и значительное количество разнообразных каменных изделий. Сон По Ги в первом информационном сообщении упоминал извлеченные из этого слоя рубила из кварцита, чоппинги из порфирита, галечные песты, а также отщепы. Еще глубже залегал V слой глины, где находки также отличались многочисленностью и типологическим разнообразием — помимо чоппингов и пестов Сон По Ги упоминал также чопперы, микропластины из фельзита, скребки из роговика, резцы, наконечники и рубящие инструменты вроде топоров. В качестве сырья большей частью использовался кварцит. III гравиевый слой, подстилавший V слой глины, располагался на глубине 4—5 м и не содержал каких-либо культурных остатков. Разрез завершился VI слоем глины, культурные остатки в котором, напоминая по типологии изделия V слоя глины, отличались от них большими размерами. Все инструменты изготовлялись из кварцита. Поскольку водоносный горизонт прослеживался в районе раскопа на глубине 6 м от поверхности, то обработанные камни в последних 4 м вскрытой толщи отложений находились под водой.

Несмотря на кратковременность раскопок и небольшой их масштаб, Сон По Ги, не очень подготовленный, судя по первому описанию изделий, к исследованиям докерамической культуры, сделал, тем не менее, важные выводы, которые подтвердили значительность открытия в Сокдянни. Прежде всего, поскольку ни в одном из культурных горизонтов не удалось обнаружить вместе с каменными изделиями ни одного фрагмента керамики, то более ни у кого не оставалось сомнений в наличии на юге Кореи культуры, предшествовавшей по времени неолиту. Правда, археологические исследования в Сокдянни не сопровождалось геоморфологическим обзором района, а заявление главы Геологической службы Сеула Сан Го Ома о том, что стоянка «расположена на развитой речной террасе», не проясняло вопроса о времени формирования отложений, составляющих ее толщу. Но сам по себе архаический характер каменной индустрии каждого из культурных горизонтов стоянки достаточно ясно свидетельствовал о глубокой древности памятника. Сон По Ги к тому же, собрав при раскопках органические ос-

¹¹ Сон По Ги. Докерамическая культура Сокдянни Кочжу. — «Археология и искусство», 1965, т. 6, № 3-4, (на кор. яз); *Won-yong yŏkŭm*. Op. cit.

татки, которые залегали в слоях с обработанным камнем, намеревался в ближайшем будущем подтвердить свои выводы радиокарбонowymi датами. Не меньшее по важности значение представляло то обстоятельство, что Сокдзяни, как стало ясно в ходе раскопок, оказался многослойным памятником, и, следовательно, возникла возможность проследить эволюцию докерамической культуры Кореи на протяжении достаточно длительного времени. В последующем стоянка Сокдзяни могла стать своего рода эталоном при определении возраста и культурной принадлежности других палеолитических и мезолитических местонахождений полуострова. Во всяком случае, Сон По Ги уже на первой стадии ознакомления с полученными при раскопках материалами заметил некоторые важные особенности, характеризующие каменную индустрию Сокдзяни. В частности, он обратил внимание на то, что порфирит использовался для изготовления орудий в горизонтах, залегающих выше прокаленных огнем площадках в IV слое глины; инструменты микролитического типа из фельзита встречались главным образом в пределах обожженных прослоев глины, а кварцит как сырье для разного рода инструментов применялся тем чаще, чем глубже располагался культурный слой. Открытие в Сокдзяни, как и находки, сделанные ранее в Кульпхо, показывали перспективность поиска докерамических стоянок в Корее. Впервые, таким образом, появилась надежда выяснить истоки неолита полуострова и проанализировать новую неведомую ранее эпоху в ее культурной истории, продолжавшейся десятки тысячелетий.

Многие проблемы оставались, однако, нерешенными после первого сезона раскопок в Сокдзяни. Сон По Ги понимал, что не продолжая самых энергичных исследований на стоянке, невозможно установить ни время ее горизонтов с каменными изделиями, ни в целом характер новой культуры каменного века, ни главные тенденции, характеризующие ее эволюцию. Он рассчитывал провести еще несколько полевых сезонов, продолжая работы на стоянке, и в мае 1965 г. заложил рядом, слева от первого разведочного шурфа, новый раскоп. Очередной этап исследований тоже оказался удачным: Сон По Ги обнаружил при раскопках около 700 каменных орудий, а в самом нижнем из культурных горизонтов выявил рабочую площадку с огромным количеством отщепов, разбросанных вокруг наковален. Еще более продуктивным оказался полевой сезон мая 1966 г. — при раскопках очередного участка стоянки, вскрытого к северу от первого, Сон По Ги извлек из слоев в общей сложности около 10 000 обработанных камней, из которых около 40% составляли изделия достаточно определенных форм. Стратиграфическая колонка культурных горизонтов Сокдзяни пополнилась новыми подразделениями, отсутствовавшими ранее: в I и II слоях гли-

ны, стерильных в I шурфе, Сон По Ги обнаружил большое количество «микролитических» изделий, изготовленных из фельзита. Он датировал их эпохой мезолита. Важно отметить, что в перекрывающем I слой глины песчанистом горизонте залегали неолитические черепки, украшенные на поверхности резным узором. Анализ материала, собранного за три полевых сезона раскопок, позволил Сон По Ги подразделить докерамические культурные слои Сокдзяни на три этапа: верхняя часть стратиграфической колонки охватывала период мезолита и верхнего палеолита, а глубже расположенная — среднего и нижнего палеолита. Стали высказываться также соображения о наличии в каменной индустрии Сокдзяни двух технических традиций — микропластин из фельзита и чопперов-чоппингов из кварцита. Многие между тем продолжало оставаться неясным из-за невозможности провести квалифицированное геологическое обследование района стоянки (в Сеуле отсутствовали кадры геологов-четвертичников), а радиоуглеродную датировку по собранному в 1965 г. органическим остаткам произвести не удалось. Из Института ядерных исследований в Оукридже Сон По Ги ответили, что образцы, оказавшись в культурном слое, пострадали от частых наводнений и поэтому нельзя надеяться на получение точных дат. Анализы не удалось провести также в лаборатории Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе.

В последующие три полевых сезона 1967—1969 гг. Сон По Ги продолжал исследование стоянки¹². Сначала обособленные раскопы достигали максимальной глубины 7,5 м, затем землекопы пробили разведочный шурф до глубины 10,5 м, но так и не обнаружили пластов коренной породы. Лишь в конце работ на территории местонахождения, где с самого начала велись раскопки, удалось достигнуть скального цоколя и представить полный стратиграфический разрез отложенных террасы (см. рис 9). Мощность ее рыхлых пластов составляла в общей сложности 11,3 м. Они подразделялись на 27 обособленных геологических горизонтов, в 12 из которых удалось зафиксировать культурные остатки, представленные разного рода обработанными камнями. Семь нижних культурных горизонтов Сон По Ги датировал ранним палеолитом (мустье и более древние этапы), а 5 расположенных выше слоев с находками — верхним палеолитом и более поздними стадиями каменного века. Такое подразделение стало возможным после получения в июне 1969 г. в Радиоуглеродной лаборатории Института изучения атомной энергии Сеула первой радиокарбоновой даты одного из

¹² Sohn Pow-key. Stratified palaeolithic cultures newly excavated in Korea. (Отд. отт.); Sohn Pow-key. Early palaeolithic industries of Sokchang-ni, Korea. — In: Papers submitted to conference on the early palaeolithic of East Asia. August 28—30 1973. Montreal, 1973.

докерамических горизонтов Сокдяни. Каменные орудия датировались в нем 30692 ± 3000 лет. В результате тщательного изучения стратиграфии и минералогического состава отложений Сон По Ги удалось провести детальную классификацию горизонтов террасы, восстановить геологические и климатические условия их формирования. Он осуществил также скрупулезную статистическую обработку каменного инвентаря каждого из культурных слоев с точки зрения типологии, техники обработки и разновидностей сырья, которое использовалось для изготовления каменных орудий. В итоге у него сложилось довольно четкое представление о времени существования докерамической культуры Сокдяни в рамках подразделений плейстоцена и археологии древнекаменного века, а также мезолита. Все эти проблемы удобнее рассмотреть далее в соответствующих разделах статьи.

В 1970 г. Сон По Ги начал раскопки нового пункта стоянки Сокдяни — местонахождения № 1 (район, где работы велись ранее, стал называться местонахождением № 2) (см. рис. 8). Исследования здесь продолжались также в 1971—1972 гг., по не исключено, что они осуществлялись и в последующее время. Местонахождение № 1 Сокдяни вызвало у археологов огромный интерес потому, что в напластованиях его несравненно полнее и разностороннее, чем в пункте, где раскопки производились в предшествующие годы, представлен верхнепалеолитический этап докерамической культуры долины р. Кым¹³. В V слое плотной глины на глубине 3,14 м Сон По Ги обнаружил культурный комплекс, который он описал как остатки жилища (см. рис. 23). В границах, а также за пределами его при раскопках найдено множество обработанного камня, в том числе выразительных орудий. Вместе с подъемными находками количество камней со следами искусственного раскалывания составило по подсчетам Сон По Ги около 7 000 экз. Возраст местонахождения № 1 Сокдяни по радиоуглероду оказался равным $20\,830 \pm 1\,880$ лет. При раскопках стоянки проведено тщательное описание напластований, взяты пробы на спорово-пыльцевой анализ. Затем при суммарном обзоре материалов Сон По Ги достаточно подробно охарактеризовал результаты типологической и статистической обработки коллекции каменных изделий и выдвинул на суд специалистов свои не липенные в

отдельных случаях рискованной фантастики предположения о назначении разного рода комплексов и деталей, выявленных в ходе раскопок жилища.

Итоги и значение исследований местонахождения № 1 трудно переоценить, поскольку палеолитическая культура, зафиксированная здесь, представляла собой большой этап в развитии каменного века Кореи, следовавшей за эпохой, которую характеризовали материалы местонахождения № 2 Сокдяни. Таким образом, впервые появилась возможность, используя итоги многолетних раскопок двух памятников — Кульпхо и Сокдяни — составить ретроспективное впечатление об основной канве событий в культурной истории Кореи, начиная с периода, по всей видимости предшествовавшего верхнему палеолиту и кончая мезолитической стадией. Кроме того, открывалась также заманчивая перспектива начать, наконец, основываясь на фактах, а не на чисто логических рассуждениях и домыслах, разработку проблемы взаимоотношений культур древнекаменного века континентальной части Восточной Азии и Японии с помощью материалов, полученных при изучении памятников как раз той территории, которая, вероятно, наиболее прочно связывала их на протяжении десятков, а может быть и сотен тысячелетий.

Особое значение в связи с этим приобретал вопрос уточнения времени самого раннего периода заселения Кореи древнейшим человеком. К сожалению, как выяснилось далее, геологическая датировка нижних культурных горизонтов местонахождений № 2 Сокдяни, как, впрочем, и Кульпхо I, оставляет желать много лучшего из-за ее неопределенности и нечеткости обоснования. По существу, возраст отложений, в которых залежали обработанные камни, определялся архаичностью техники обработки последних и примитивизмом их типологических подразделений, которые, с точки зрения исследователей стоянок, позволяли связывать самые ранние из палеолитических индустрий Кореи с кругом мустьерских, а может быть, даже и ашельских культур Запада. Учитывая длительное переживание в палеолите Азии особенностей, характерных для ранних этапов древнекаменного века, подобные заключения рискованны и могут привести к неоправданно значительному удревнению культуры, исследование которой в новом ареале распространения ее памятников только начинается. В таком случае необходимую ясность в уточнении датировки культурных напластований в рамках плейстоценовой истории могли бы внести палеонтологические остатки. Но, к несчастью, их не удалось обнаружить при раскопках нижних горизонтов ни в Кульпхо, ни в Сокдяни. Вот почему такой огромный интерес вызвали недавно появившиеся публикации о результатах исследований в КНДР пещеры Комын-мору, где вместе с камнями, имеющими на поверхности, по мнению

¹³ Сон По Ги. Индустрия галечных чоппинг-орудий стратифицированных палеолитических культур Сокдяни, Корея. — «Журн. корейской истории», 1967, № 1; Он же. Индустрия резцов стратифицированных палеолитических культур Сокдяни, Корея. — «Журн. корейской истории», 1967, № 5; Он же. Среднепалеолитические индустрии стратифицированных культур Сокдяни, Корея. — «Журн. корейской истории», 1967, № 7 (все статьи на кор. яз.); Sohn Pow-kye. The upper palaeolithic habitation Sokchang-ni, Korea. A Summary report. — In: Publication of Yonsei university. English series. Seoul, 1973.

корейских археологов, следы искусственной обработки, была собрана довольно богатая коллекция плейстоценовых животных необычайно древних разновидностей¹⁴. Как бы ни решился в будущем остро дискуссионный вопрос о действительно искусственном раскалывании камней, извлеченных вместе с костями из отложенной пещеры Комын-мору, что в течение нескольких последних лет оживленно обсуждается в кругах археологов КНДР, памятник этот заслуживает самого пристального внимания, а находки, обнаруженные при исследовании его, — подробного описания.

Пещера обратила на себя внимание археологов при следующих обстоятельствах. В связи с тем, что р. Санвонган, изменив свое русло, переместилась на север и начала угрожать паводками местности Комын-мору («Черный бугор»), расположенной в 3 км к западу от волостного центра Санвон уезда Санвон г. Пхеньяна, уездные власти приняли в 1965 г. решение укрепить ограждающую дамбу. Камень для нее крестьяне начали добывать в старом карьере, заложённом на южном склоне горы Умульбон во времена оккупации страны японцами, которые использовали добытый здесь известняк при сооружении теперь заброшенного полотна шоссе. Оно проходило в 7—8 м севернее современной дороги, прямо у подножия обрыва горы Умульбон (рис. 3). При ломке камня крестьяне в начале 1966 г. обратили внимание на попадающиеся между глыбами кости животных, покрытые твердой, как камень, глиной и известковистой корочкой. Ответственные работники уездного комитета партии и Совета кооперативов сообщили об открытии в вышестоящие органы, и в марте 1966 г. Институт археологии направил в Санвон сотрудников, чтобы на месте осмотреть находки. Археологи при осмотре Умульбона установили, что fossilizованные и беспор-

но необычайно древние кости животных первоначально находились на глубине 5—6 м в глинистых отложениях, остатки которых прослеживались в центральной части южного склона горы, известного под названием Комын-мору, на высоте 15—17 м от уровня дороги. В том месте ранее находилась пещера, в значительной мере уничтоженная японцами при ломке известняка. Они не обратили внимание на содержимое рыхлых отложений пещерной камеры, когда использовали их, сооружая шоссе. В результате и сейчас обломки костей часто попадают в засыпку заброшенной дороги.

Костеносный горизонт Комын-мору прослеживался полосой с востока на запад на расстоянии около 30 м (см. рис. 4). Наиболее широкие участки его достигали 2,5 м, а наибольшая мощность — свыше 2,5 м. Остатки длинной карстовой каверны тянулись вдоль каменистого обрыва, то повышаясь, то понижаясь, то становились широкими, то сужались. В отдельных местах глинистые отложения, в которых залегают кости, заполняли полностью пространство пещеры, представляя собой наиболее благоприятные объекты для начала планомерных раскопок. Осмотр горы Умульбон показал, что на южном склоне ее располагается множество других пещер, напоминающих щели. Так, на восточной окраине ниже по уровню от главной пещеры на 7—8 м и к западу ниже на 4—5 м находилось еще две пещеры. Однако при добыче камня обе они оказались почти полностью уничтоженными. В восточной пещере во время обследования не удалось найти каких-либо палеонтологических остатков, а в глинистых отложениях западной заледало множество костей грызунов. Как показали последующие разведки в районе Умульбона, в «санвонских» известняках окрестных гор располагалось множество больших и малых пещер. Так, три камеры разного размера находились всего в 300 м от Умульбона на северо-восток. Они представляли собой каверны в доломитовых пластах. В глинистых отложениях пещер попадались fossilizованные кости млекопитающих. Обширные пещеры удалось зафиксировать также около деревень Тэчхен, Синха, Тэдон, а в 2,5 км к востоку от Санвона среди выявленных здесь гrotто в особенности впечатляющей по размерам оказалась пещера Чхончхонам, где при шурфовке удалось обнаружить окаменевшие кости свиней, оленя и других плейстоценовых животных.

Среди возможных объектов, пригодных для широких стационарных исследований, гора Умульбон вызвала наибольший интерес. Сотрудники Института археологии КНДР пришли к заключению о необходимости начать раскопки в главной пещере Комын-мору, в апреле 1966 г. на место открытия выехал специальный отряд, в состав которого входили археологи, а также палеонтологи и антропологи. Исследования продолжались в течение нескольких лет и,

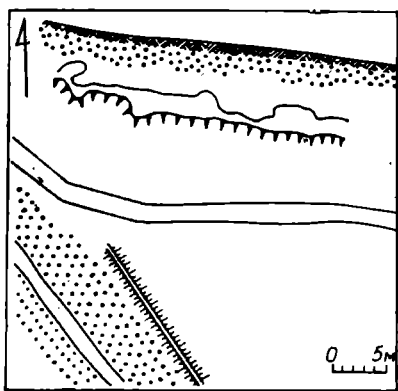

Рис. 3. Район горы Умульбон с пещерой Комын-мору.

¹⁴ Предварительный отчет о раскопках памятника Комын-мору в уезде Санвон. — «Сб. статей по археологии и этнографии», 1969, № 1 (на кор. яз.). См. также: Основы первобытной археологии Кореи. Пхеньян, 1971 (на кор. яз.).

по-видимому, осуществляются до сих пор. Предварительные итоги работ, проведенные до конца 60-х годов, опубликованы, и по отчету можно судить о главных результатах, достигнутых в ходе раскопок. Подробная характеристика найденных материалов, костей животных и камней, имеющих, по утверждению автора изданного текста, следы искусственного раскалывания и обработки, приводится далее, а пока можно лишь отметить, что пещере Комын-мору и находкам в ней корейские археологи уделяют исключительное внимание, оживленно дискутируя по проблемам, поднятым в процессе исследований памятника. Главное заключается в бесспорно очень древнем, не выходящем, очевидно, за пределы начальной поры среднего плейстоцена возрасте пещерных отложений, где вместе с костями залегали раздробленные и обколотые камни. Такая ранняя датировка находок, как увидим, убедительно подтвержденная анализом видового состава фауны Комын-мору, ставит это местонахождение в один ряд с древнейшими из пока открытых стоянок нижнего палеолита Восточной Азии. Очевидно, горячие дискуссии о том, обработаны ли в действительности камни, извлеченные из Комын-мору, затихнут не скоро, но следует иметь в виду, что даже в случае негативного решения вопроса о каменной индустрии пещеры результаты исследования ее отнюдь не утратят своего значения. Дело в том, что даже сам по себе факт распространения в пределах Кореи столь древнего фаунистического комплекса чрезвычайно примечателен и важен, поскольку он открывает надежду на успех в поисках стояниц древнекаменного века, сопоставимых по времени с такими известными на востоке Азии памятниками, как местонахождение № 13 Чжоукоудня, Ланьтянь и Кэхэ.

Результаты, таким образом, будут зависеть от интенсивности исследований и настойчивости в разведывательных работах, связанных со специализированными изысканиями в области палеолита. Можно не сомневаться, что теперь, когда стадия древнекаменного века в культурной истории Кореи выявлена и доказана, количество новых, не известных ранее памятников эпохи плейстоцена станет возрастать и чем далее, тем стремительнее. Так, уже сейчас, согласно подсчетам Сон По Ги, в южных районах полуострова обнаружено около 30 отдельных пунктов, где зафиксированы каменные изделия палеолитического облика, наиболее выразительные образцы которых описываются далее¹⁵. Волнующие перспективы открываются, в частности, при изучении пещер. Сон По Ги упомянул три пещерные стоянки, в которых найдены ископаемые или полуйскопаемые кости животных, а в одной из них выявлены два палеолитических

горизонта с многочисленными костяными орудиями и один костеносный слой без орудий¹⁶. Вместе с тем уже сейчас опубликовано достаточно много материалов, чтобы, обобщив накопленные факты, представить связную картину событий в культурной истории Кореи на этапах палеолита и мезолита.

К бесспорно древнейшим из известных пока местонахождений относятся пещера Комын-мору (см. рис. 3). Как уже отмечалось, она располагается в долине р. Санвонган, которая на северо-западе впадает в приток Тэдонгана — р. Намган. Наиболее выразительную ландшафтную часть района представляет возвышающийся к северу от р. Санвонган хребет, который тянется с запада на восток. Отдельные известняковые отроги волости Санвон представляют части этого хребта, а на их южном склоне к западу от горы Умульбон, поднимающейся в высоту на 117,58 м, и находится пещера Комын-мору. Далее на юг виднеется еще одно ответвление горной цепи. Долина р. Санвонган в районе пещеры достигает ширины около 2 км. От подножия Умульбона до мелкого шириной 5—6 м русла реки на 40—50 м тянется галечная отмель, возвышающаяся над потоком на 1—2 м. Она обычно затопляется во время половодий. Русло Санвонгана некогда охватывало Умульбон с трех сторон, поэтому всюду, за исключением северо-западного склона, гора круто обрывается к речной долине.

Раскопки в Комын-мору велись на четырех отдельных участках, первый из которых располагался на восточной окраине пещеры (рис. 4). Здесь камера круто поворачивала на север и образовывала нишу, протянувшуюся почти на 2 м. Учитывая масштабы разрушений при добыче камня, корейские археологи предполагают, что ее размеры первоначально составляли 2,4—2,5 м, а уничтоженная стенка находилась далее к северо-востоку. Нишу заполняла плотная и твердая глина с торчащими из ее слоя фрагментами костей. На западном конце глинистый слой исчезал. Участок № 2, открытый в 5 м к востоку от первого, по уровню находился ниже — потолок западной части ниши располагался здесь на той же высоте склона горы, что и пол участка № 1. Эта же западная часть участка № 2 выдвигалась на юг на 2 м по сравнению с северной стенкой камеры участка № 1. Северная стенка ниши участка № 2 круто наклонена на юг. Глинистый костеносный слой участка № 2 на западе прерывался, но затем

Рис. 4. План пещеры Комын-мору.

¹⁵ Sohn Pow-key. Early palaeolithic industries of Sokkhang-ni, Korea.

¹⁶ Там же.

через 3 м появлялся вновь и чем далее к востоку, тем становился мощнее, достигая на крайнем восточном отрезке ширины 1 м. Разрушенный склон не позволяет установить ширину пещеры на участке № 2, но можно сказать, что высота камеры постепенно понижалась с востока на запад, пока нисходила на нет. Столь же резко в том же направлении уменьшалась толщина костеносного горизонта. Участок № 3, где удалось вскрыть самый мощный слой глины, насыщенный обломками костей, располагался далее к востоку от участка № 2. Он протянулся по склону горы на расстояние 13 м. Северная стена пещеры сначала тянется здесь прямо на восток от участка № 2, затем посредине круто поворачивает на север, образуя камеру, ширина которой составляет 2 м, а глубина 1 м. Далее стенка снова тянется на восток, а в конце участка поворачивает на юг. Уровень пола пещеры на участке № 3 понижается с востока на запад, но около участка № 2 круто поднимается. Ровный пол участка № 2 располагается на 1 м выше самой нижней из поверхностей пола участка № 3. Несмотря на ярко выраженные неровности пола, некогда рыхлые глинистые отложения залегают ровно, маскируя впадины и выступы. Толщина слоя достигала в отдельных местах 2,5 м. Корейские археологи сделали поэтому вывод, что свод пещеры на участке № 3 достигал довольно значительной высоты. Установить длину пещерной камеры из-за разрушений на южном склоне горы невозможно. Что касается сохранившихся участков, то они максимально тянутся в глубь горы на расстояние 2,5 м. Участок № 4 располагался далее к востоку, и отложения его прослеживались вдоль склона горы Умульбон на протяжении более 10 м. Северная стенка пещеры здесь, как и на восточном отрезке участка № 3, тянулась сначала на юг, а затем через 2 м круто поворачивала на север, удаляясь на 3 м от самой крайней на юге точки. На участке № 4 пещерная камера проникала в глубь горы несколько дальше, и поэтому здесь сохранились более обширные пространства пола, покрытые уступами и ямами. Уровень пола участка № 4 выше, чем самые высокие отметки пола, установленные при исследовании участка № 3. Мощность отложений, перекрывающих поверхность скалы участка № 4, достигала в наиболее углубленных частях пещерной камеры 1,5 м. Потолок отстоял от поверхности глинистого слоя всего на 20 см. При раскопках в Комын-мору эта часть пещеры привлекла наибольшее внимание, поскольку в отложениях ее залегают не только обломки костей, но также камни, которые корейские археологи описали как палеолитические орудия.

Наиболее полно стратиграфическая колонка отложений пещеры Комын-мору прослежена при раскопках западной части участка № 3 (рис. 5). Здесь на скалистом дне пещеры отло-

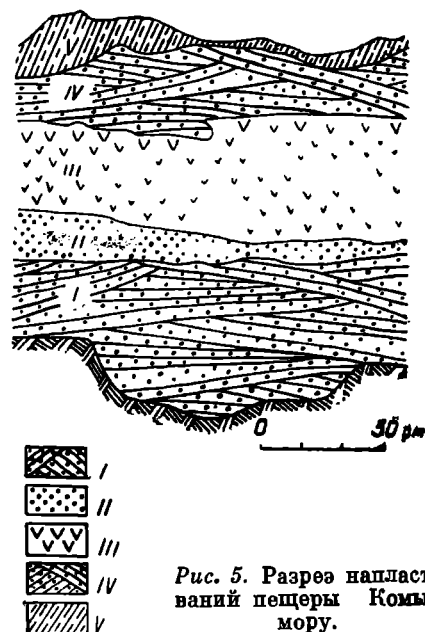

Рис. 5. Разрез напластований пещеры Комын-мору.

жился вначале слой темно-зеленого с примесью гумуса песка, затвердевшего до прочности камня. Нижнюю часть его составлял горизонт зеленоватого крупнозернистого песка, смешанного с глиной и мелкими частицами известняка. Максимальная толщина I слоя достигала 1,7 м, но к востоку, где уровень пола постепенно повышался, песчанисто-глинистый пласт становился тоньше и, наконец, выклинивался полностью. В нем при раскопках найдены залегавшие в полном беспорядке темные со следами окатанности обломки костей носорога, оленя и других животных. II слой, залегавший выше, представлял собой сравнительно тонкий (9—15 см) глинисто-песчанистый пласт желтого цвета. Процент содержания глины в нем довольно велик; песок — тонкозернистый. II слой, лишенный фаунистических остатков, по сравнению с другими отложениями пещеры не такой твердый. По мнению корейских геологов, при формировании его значительную роль играла вода. I и II слой прослежены при раскопках на участках № 2 и 3, которые, по-видимому, составляли часть одной пещерной камеры, располагавшейся ниже по сравнению с участками № 1 и 4, каждый из которых представлял собой, в свою очередь, отдельные гrotты. После того как I и II слой сформировались на дне участков № 2 и 3, все четыре участка сравнялись по уровням и началось их равномерное заполнение. Вот почему следующие два слоя, III и IV, прослежены на каждом из них. III слой, достигавший толщины 20—24 см, представляет собой очень твердый пласт коричневатой глины с отдельными желтыми глинистыми прослойками. В глине отмечена примесь тонких круглых песчинок красного цвета. Кости животных в слое встре-

чались крайне редко. Заполнение пещерных камер завершилось после отложения IV слоя. Он твердый, глинистый по консистенции, красновато-коричневый по цвету и густо насыщен обломками беспорядочно разбросанных минерализованных костей животных и фрагментами сталактитов. В отдельных местах пласта прослежены менее твердые глинистые прослойки; кости в них встречались значительно реже и имели на поверхности отчетливые следы окатанности. Толщина таких прослоек составляла 7—10 см. Мощность IV слоя в целом не превышала 50 см. На участке № 2 из-за низко расположенного потолка IV слой по толщине не превосходил 20 см, а местами вообще не прослеживался. На других участках толщина его составляла всего около 10 см. Обнаруженные при раскопках IV слоя кости не отличались особой твердостью. Цвет их — белый.

Анализ характера отложений позволил корейским геологам прийти к заключению о том, что главные из горизонтов, в том числе III и IV слои, при всем различии условий формирования их, датируются в общем одним этапом плейстоцена. Так, II и III слои образуют одинаковые по консистенции пласты глины, к которой примешан песок, а IV отличается от III тем, что в нем песчанистая примесь отсутствует. С геологической точки зрения такие различия представляются корейским геологам незначительными, и поэтому они пришли к заключению о сравнительно коротком промежутке времени, в течение которого происходило заполнение пещеры рыхлыми толщами. Даже самый древний (I) слой, при всем его отличии от II, отложился незадолго до следующего цикла, и поэтому нет оснований датировать его другим этапом четвертичной эпохи. История формирования пещерных отложений Комын-мору представляется участникам раскопок следующим образом. Сначала вода отложила на дне самых глубоких ответвлений пещерной камеры (участки № 2 и 3) I слой. О том, что именно вода сформировала его, свидетельствует песчанистое содержимое слоя, беспорядочное расположение обломков фауны, а также отчетливые следы окатанности. Вода отложила также II глинисто-песчанистый слой и, судя по особенностям пластов и рассредоточенности костей, III и IV слои. Вот почему, делают выводы корейские геологи, на территории участков № 1 и 4 отсутствуют следы первого слоя — глина и песок смывались с них в нижерасположенные каверны в известняке на участках № 2 и 3. Лишь после того, как они оказались заполненными до уровня, на котором располагался пол пещеры на участках № 1 и 4, началось синхронное отложение III и IV слоев на всех четырех участках. Три отдельные пещеры, расположенные в их пределах, представляют собой или остатки их, или, лучше сказать, отдельные ответвления большого грота, располагав-

шегося южнее и уничтоженного при добыче камня на склоне горы Умульбон. Именно оттуда, с юга, с пола грота или с площадки перед ним, по мнению корейских геологов, вода сносила внутрь находившихся в глубине горы каверны рыхлые отложения и обломки костей животных. Как уже отмечалось, глинисто-песчанистый ил сначала заполнил самые низкие участки пола ответвлений, а затем и расположенные выше площадки, рассеивая всюду костяные фрагменты. Формирование горизонтов происходило поэтапно, но временной цикл не выходил за рамки одной из эпох плейстоцена. Во всяком случае III и IV слои не разделял какой-то особый стратиграфический горизонт, свидетельствующий о резких геоморфологических изменениях. Участники раскопок пришли к выводу, что несколько сот костей, открытых при исследовании трех пещер, первоначально располагались в виде скоплений вместе с обломками известняка — где-то выше и южнее под сводами разрушенного грота или на открытой площадке перед ним. Отсюда с изменением условий, геологических и климатических, вода, постепенно размывая рыхлые пласты, переместила фаунистические остатки в те места, где их удалось обнаружить при раскопках. Так в I слое оказались кости, которые на площадке располагались вверху, а в III и IV слоях — те, что залегали первоначально внизу. Корейские археологи уделили большое внимание вопросу о том, каким образом появились в гроте груды костей. Последовательно анализируя возможные варианты ответа (естественная ловушка, остатки пищи птиц или плотоядных животных), они в конце концов пришли к выводу, что палеонтологическая коллекция из Комын-мору представляет собой часть кухонных отходов палеолитического охотника. Такой вывод они подкрепили наблюдениями за характером разломов костных фрагментов (продольно расколотые трубчатые кости, содержавшие мозг), а также наличием среди находок рассеянных по полам черепов свиней, отсутствием хотя бы одного целого черепа мелких животных, преобладанием в коллекции остатков молодых особей животных и, наконец, самое главное, открытием при раскопках IV слоя участка № 4 орудий и камней со следами искусственной обработки.

Как отмечалось ранее, вопрос об искусственном раскалывании камней, обнаруженных вместе с костями в Комын-мору, отнюдь не легок для решения вследствие невыразительности фасеток сколов и типологической аморфности находок, которые описываются в предварительном отчете как инструменты определенного назначения. Большого внимания и по возможности полного описания заслуживает анализ особенностей каменной индустрии Комын-мору, как они представлены в публикациях корейских археологов. В качестве сырья для

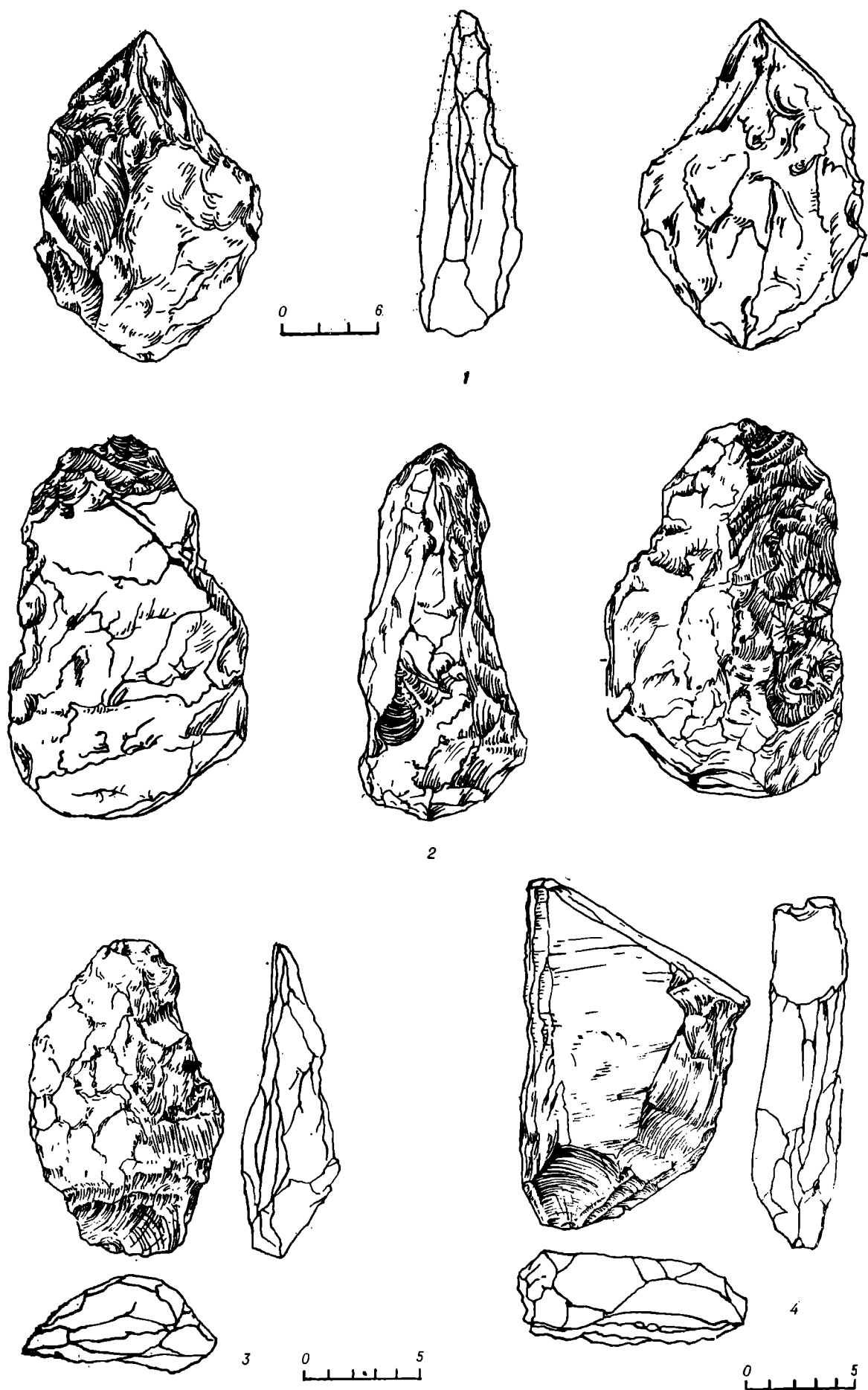

Рис. 6. Каменные изделия на Комын-мору.

изготовления орудий обитатели грота использовали самые доступные по широкому распространению в долине р. Санвонган породы камня — светло-голубой кремнистый известняк, твердый и мелкозернистый по структуре, образующий при раскалывании острые края, легко поддающийся обработке, и кварцитовые гальки, часто встречающиеся в русле р. Санвон. Последние применялись главным образом в качестве «ударных камней», т. е., по-видимому, отбойников. Метаморфизированные известняки горы Умульбон из-за их недостаточной прочности и мягкости для изготовления орудий не использовались. Способы обработки заготовок инструментов отличались предельной простотой. Корейские археологи определили два варианта оформления рабочих лезвий и рукояток орудий — оббивка с помощью отбойника и заострение края заготовки ударом вниз по другому камню, своего рода наковальни. В целом техника обработки сырья индустрии Комын-мору отличалась исключительным примитивизмом и грубостью. Следы оббивки на изделиях предельно экономны и просты, и поэтому они по форме мало чем отличаются от обычных камней, расколотых естественным образом. У них лишь слегка оформлялась рукоятка для удобства зажима в руке и подтесывалось рабочее лезвие. Неудивительно поэтому, что по очертаниям инструментов из Комын-мору близки природным камням. Корейские археологи отметили как одну из важнейших особенностей односторонность оббивки изделий. При раскопках в Комын-мору не удалось найти ни одного орудия, у которого были бы обработаны две плоскости.

Далеко не идеальные качества сырья и примитивизм техники обработки камня предопределили технологическую аморфность большинства инструментов, обнаруженных при раскопках. Даже самые выразительные из них, опубликованные в предварительном отчете, поражают случайностью форм и нечеткостью следов искусственной обработки. Поэтому как условность воспринимается включение их в группы известных вариантов орудий эпохи палеолита. Одно из таких наиболее, по-видимому, выразительных изделий описано как ручное рубило (рис. 6, 2). Длина его 14 см, ширина рабочего лезвия, приостренного на конце, 9,3 см, толщина 5,2 см, вес 750 г. Края обломка кремнистого известняка не обработаны — они образуют «естественные лезвия». Одна сторона обломка представляет собой поверхность раскола, а вторая, «ребристая», покрыта тонким известковым налетом и кавернами выветривания. Следы дополнительной оббивки не заметны ни с той, ни с другой, стороны. «Следы использования» и «забитости» отмечены лишь на узком конце инструмента и по краю сторон, оконтуривающих его. Противоположный конец рукоятки лишен следов об-

работки. Чтобы представить, насколько нечеткими выглядели следы оббивки, достаточно привести ниже следующее описание орудия из книги «Основы первобытной археологии Кореи»: «Можно сказать, что расколотый камень почти не обрабатывали, а использовали в естественном виде его острые края и острие». Второе изделие названо «трапециевидным орудием» (см. рис. 6, 4). Оно изготовлено из плитки синеватого кремнистого известняка, у которой одна сторона образована ровной поверхностью раскалывания, а вторая представляет собой тоже ровную, но не столь гладкую плоскость. Край одной из сходящихся под острым углом сторон плитки обработан крутыми, почти вертикально направленными ударами, в результате чего появилось ножевидное лезвие. Краю другой стороны тоже «придали» вид режущей кромки. В итоге оббивки удалось изготовить орудие, «по форме напоминающее трапецию с затупленными углами». Три фасетки сколов, крупные и сильно вогнутые, в особенности отчетливы, и по их конфигурации видно, что удары наносились от края к центру плитки. Следы дополнительного ретуширования лезвия отсутствуют. Длина орудия 9—15 см, ширина 8,5—10,3, толщина 4 см, вес 780 г. Корейские археологи считают, что оно использовалось как рубящий инструмент и усматривают на его лезвии следы притупленности, появившиеся при использовании. Третье изделие описано как остроконечный инструмент (рис. 6, 1). Он овальный с острым, в виде клюва, выступом. На округлом крае орудия видны фасетки двух или трех сколов, которые, видимо, сделаны для того, чтобы уменьшить вес и массивность орудия и для удобства захвата его рукой. Оббивка для заострения лезвия производилась лишь около острого конца, где фасетки покрывают прямой и дугообразный край. Скалывание велось по направлению от острия и от края к центру заготовки. Сильное выветривание сделало фасетки не очень выразительными. По краю дугообразного лезвия в двух местах замечены следы смятости, появившиеся в результате использования. Длина инструмента 20,4 см, наибольшая ширина 14, толщина 5,6 см, вес 1400 г. Оно самое крупное из обнаруженных при раскопках в Комын-мору изделий. По-видимому, выгнутый округлый край орудия захватывался ладонью, а в качестве рабочих лезвий использовалось острие и дугообразный край. Инструментом этим рубили кости, раскалывали черепа и даже, возможно, рыхлили землю.

При раскопках каждого из четырех участков среди костей обнаружено, кроме того, несколько десятков кварцитовых галек и обломков кремнистого известняка, которые, как считают корейские археологи, использовались в качестве отбойников в процессе изготовления орудий или как «молоты» для расщепления трубча-

тых костей (см. рис. 7, 22). Такое заключение основывается на том, что на одном из концов хорошо окатанных галек выделяются выбоины и бороздки — результат неоднократных ударов по каким-то твердым предметам. Противоположный конец подобных галек обычно удобен для захвата рукой. В особенности много их обнаружено при раскопках IV слоя участка № 4, где в одном месте лежало 8 кварцитовых галек величиной с кулак. Корейские археологи подчеркивают, что забитость концов галек наблюдается систематически, и делают отсюда вывод об искусственном происхождении выбоинок, появившихся в результате трудовой деятельности палеолитического человека. Отщепы и сколы в индустрии Комын-мору не отличаются выразительностью (см. рис. 6, 3; 7). Сильная выветренность поверхности их не позволяет определить без значительных сомнений ни поверхность раскалывания, ни ударный буторок, ни волны от удара. В публикации упоминаются, однако, «плоские тонкие пластинки», которые, возможно, использовались в качестве режущих инструментов без какой-либо дополнительной подправки рабочего края. «Следы затупленности» — единственное, что свидетельствует об их употреблении. Длина одного из таких отщепов 14 см, ширина 8,8 см. «Затупленность» прослеживалась у него вдоль дугообразного края.

Богатая и разнообразная по видовому составу коллекция костей, собранная при раскопках в Комын-мору, позволяет достаточно точно датировать пещерные слои, в которых обнаружены камни, имеющие, по словам корейских археологов, следы преднамеренного раскалывания и целенаправленной обработки. В список фауны Комын-мору включены следующие животные: *Ochotona* sp., *Caeter fiber* L., *Apodemus silvaticus* L., *Epimys rattus*, *Mimomys* sp., *Pitimus simplidens* Young, *Microtus brandti* Radde, *Siphneus* cf. *epitingi*, *Cyon* cf. *alpinus* Pallas, *Ursus arctos* L., *Ursus spelaeus* Rosen Muller, *Hyaena brevirostis*, *Felis tigris*, *Elephantidae* gen. sp., *Dicororhinus* cf. *Kirchbergensis* Jager, *Equus sangwonensis*, *Sus scrofa* L., *Pseudaxis* gray Zdansky, *Megaloceros* cf. *flabellatus*, *Megaloceros sangwonensis*, *Bubalus* sp., *Cercopithecidae* gen. sp. Из 22 видов млекопитающих, подробно описанных в публикации, 7 относятся к грызунам, 5 — к плотоядным (количество костей и особей их, однако, незначительно). Среди крупных животных наибольшее число костных остатков принадлежало парнокопытным (5 видов) и непарнокопытным (2 вида). Более всего обнаружено костных остатков носорога (15 особей), оленей (15 особей) и свиней (11 особей). 14 животных относятся к вымершим видам, в том числе большая чернوشпидная крыса (*Epimys rattus*), болотная мышь (*Mimomys* sp.), короткозубая мышь (*Pitimus simplidens* Young), полевая мышь (*Siphneus* cf. *epiti-*

ngi), пещерный медведь (*Ursus spelaeus* Rosen Muller), короткомордая гиена (*Hyaena brevirostis*), слон, большой двурогий носорог (*Dicororhinus* cf. *Kirchbergensis* Jager), санвонская лошадь (*Equus* sp.), большой пятнистый олень (*Pseudaxis* gray Zdansky), большой плоскорогий олень (*Megaloceros* cf. *flabellatus*), санвонский большерогий олень (*Megaloceros sangwonensis*), буйвол (*Bubalus* sp.) и обезьяны.

В этом списке особый интерес вызывают вымершие виды грызунов как наиболее точный и тонкий хронологический показатель. Так, болотная мышь часто встречается в отложениях финальной поры третичной эпохи и в начале плейстоцена. Однако она не характерна для среднеплейстоценовых толщ. Полевая мышь *Siphneus* cf. *epitingi*, найденная в пещере Комын-мору, характерна для самых нижних слоев местонахождения № 1 Чжоукоудяня, а также таких древних пунктов Чжоукоудяня, как местонахождения № 9 и 13, которые датируются начальной стадией среднего плейстоцена. Примечательно, что в Комын-мору отсутствовали более поздние разновидности полевых мышей Восточной Азии — *Siphneus* cf. *fontanieri*, найденной при раскопках местонахождения № 15 Чжоукоудяня, и *Siphneus armandi*, характерной для Верхнего грота Чжоукоудяня. Что касается крупных животных, то виды их также подтверждают ранний возраст пещерных отложений Комын-мору — короткомордая гиена обитала на востоке Азии в нижнем, но главным образом в среднем плейстоцене; пещерный медведь появился поздно (по-видимому, в начале среднего плейстоцена) и дожил до вюрмской эпохи; большой плоскорогий олень, судя по не очень массивной челюсти, ближе к большому плоскорогому оленю местонахождения № 13 Чжоукоудяня, чем к оленю того же вида местонахождения № 1, у которого челюсть значительно массивнее; санвонская лошадь близка к саньмэньской Китая, а большой двурогий носорог встречается в слоях, которые датируются начиная с нижнего плейстоцена и вплоть до ресс-вюрмского межледникового. Такого рода сравнения со всей очевидностью свидетельствуют о том, что верхнеплейстоценовый возраст фаунистического комплекса Комын-мору исключается, поскольку в нем отсутствуют наиболее характерные для той эпохи животные, открытые в Тонгване на северо-востоке Кореи, а также в Маньчжурии (Гусянтунь) и на территории Северного Китая (Динпунь, например). Так, *Lagomorpha* Тонгвана более поздней разновидности, чем в Комын-мору; вместо полевой мыши Тонгвана (*Myospalax* cf. *epsilanus*) здесь найдена полевая мышь Брандта (*Microtus brandty* Radde), вместо пещерной гиены — короткомордая, вместо шерстистого носорога — большой двурогий носорог, вместо большерогого оленя (*Megaloceros* sp.) — санвонский большерогий олень, вместо обычной

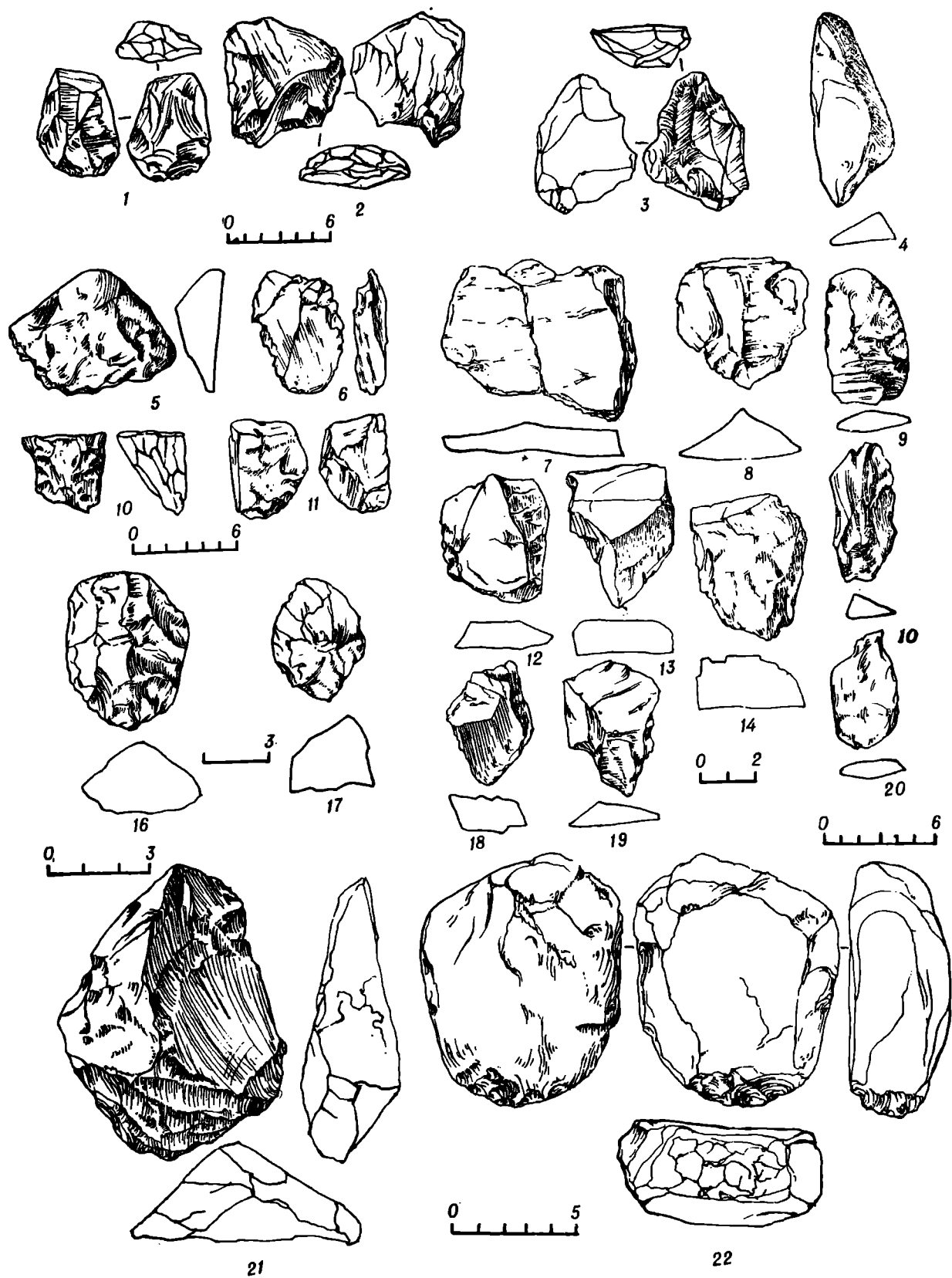

Рис. 7. Каменные изделия из Кульчихо (1—20) и Комын-мору (21, 22).

Equus calallus — санвонская лошадь, близкая к саньмэньской. Сравнение фаунистических комплексов в Комын-мору и Чжоукоудяня со всей очевидностью показывает, что по своему животному миру Комын-мору значительно ближе местонахождению № 13, которое датируется ранней порой среднего плейстоцена, чем основным толщам местонахождения № 1 синантропа.

Итак, вывод корейских палеонтологов о датировке Комын-мору временем начальной стадии среднего плейстоцена представляется вполне оправданным. В таком случае, если в последующем подтвердится искусственный характер оббивки камней, обнаруженных вместе с костями в пещерных отложениях Комын-мору, то памятник этот станет в один ряд с древнейшими для Восточной Азии стоянками нижнего палеолита — Ланьтянь, Кэхэ и местонахождением № 13 Чжоукоудяня. Судя по составу фауны, природные и климатические условия на севере Кореи в начале среднего плейстоцена вполне благоприятствовали появлению здесь первых групп древнейших на востоке Азии обезьянолюдей типа ланьтяньского синантропа. Теплый и влажный климат способствовал произрастанию в горной долине тогда несравненно более широкой и полноводной р. Санвонган роскошных лесов, в которых обитали обезьяны, олени, бурые медведи и свиньи. Здесь же, неподалеку, находились участки лесостепи и степи (где бродили слоны, носороги, лошади и буйволы), а также болотистые места с их особым животным и растительным миром. Нижнепалеолитические охотники, оказавшись они действительно в начале среднего плейстоцена в долине р. Санвонган, нашли бы здесь богатые места для охоты и собирательства, а пеще-

ры в известняковых горах могли стать удобными убежищами для них. Все дело лишь в том, что до конца не удастся рассеять сомнения, на самом ли деле обработаны камни Комын-мору, описанные в предварительной публикации о результатах раскопок пещеры горы Умульбон?

Следующий памятник, хронологически явно более поздний, чем Комын-мору, но в то же время, по-видимому, не выходящий за рамки эпохи вюрма I, раскопан Сон По Ги на территории местонахождения № 2 Сокдяни в долине р. Кым на юге Кореи (рис. 8). Как уже отмечалось, здесь на очень небольшом по площади раскопе (1,5×2 м) вскрыта 11-метровая толща рыхлых отложений, перекрывавшая скальное ложе террасы. Стратиграфическую колонку составляли 27 четко выделяющихся в разрезе слоев, в 12 из которых обнаружены камни со следами искусственного раскалывания и инструменты, типологически достаточно выразительные, чтобы выделить среди них отдельные серии орудий и определить технические приемы их обработки. Несмотря на обилие стратиграфических подразделений, слои по характеру подразделяются всего на три разновидности — гравий, мелкозернистый песок и глинисто-илстые отложения. Они отличаются друг от друга по процентному содержанию песка и глины с примесью ила. Последовательность формирования и закономерности чередований отражают строгую цикличность природно-климатических изменений в долине р. Кым в начале верхнего и, очевидно, в среднем плейстоцене (рис. 9). По мнению геологов, песчанисто-гравиевые слои, с которыми связано подавляющее большинство культурных горизонтов, откладывались на поверхности террасы в периоды, когда господствовал прохладный климат, а глины, песчаные глины и песчаные суглинки — при потеплениях и господстве более мягкого климата. Лишь в одном, самом позднем культурном горизонте обработанные камни залегают в слое, где глина и ил составляли 3/4 его заполнения. Во всех остальных случаях в пласте с каменными изделиями песчаная консистенция преобладала значительно, часто превышая 80—90%.

Самые древние культурные остатки залегают над скальным цоколем в 27-м слое разреза, на глубине 10,2—11,2 м. Горизонт, представлял собой окатанную гальку, перемешанную с песком. Всего при раскопках из него извлечено 23 изделия, большую часть которых составляли округлые, прямоугольные или подтреугольные квар-

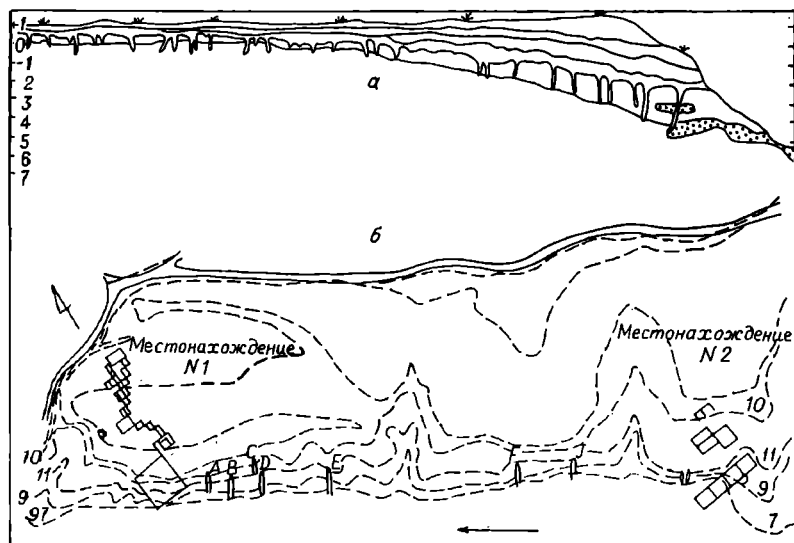

Рис. 8. План поселения (б) Сокдяни с двумя местонахождениями и разрез террасы (а). На плане отмечены также контрольные шурфы (А—Л), заложенные по краю террасы на участке между местонахождениями № 1 и № 2.

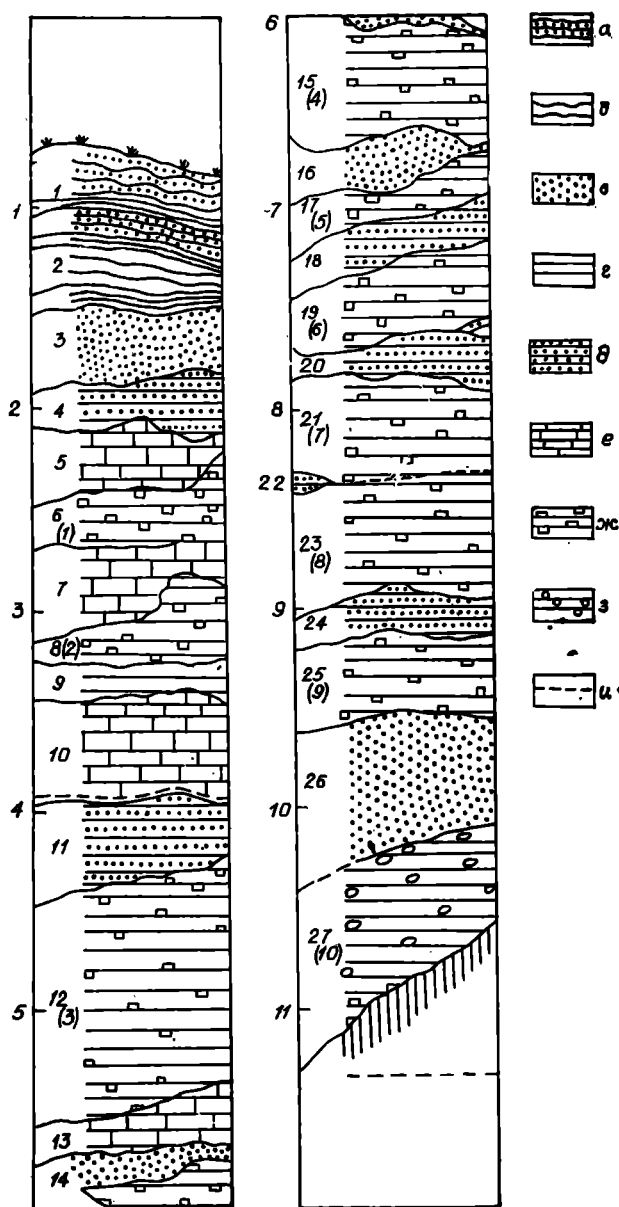

Рис. 9. Стратиграфия местонахождения № 2 Сокдяни. а — верхние почвы; б — гумус; в — песок; г — глина; д — песчанистая глина; е — компактная глина; ж — неокатанный гравий; з — окатанный гравий; и — коренные породы. Цифры слева от колонки означают глубину залегания слоев от нулевой отметки; (1) — (10) — нумерация культурных слоев; остальные цифры — геологические слои.

цитовые гальки, покрытые с одной стороны грубыми сколами. Значительные участки поверхности галек сохраняли корку. Вторичная ретушь по краю наносилась очень редко, а подтеска брюшка прослежена на единичных экземплярах. Судя по характеру фасеток, большинство галек первоначально использовалось как примитивные нуклеусы. Их затем, по мнению Сон По Ги, превращали в разного рода инструменты, среди которых он выделил

4 чоппера, 4 заостренных, 3 режущих и 2 тесловидных орудия, 3 отбойника и 1 скребель (рис. 10, 1—9). Опубликованные образцы свидетельствуют о том, что наиболее типологически определенные в коллекции скребла, а также рубящие инструменты типа чопперов и чоппингов. Они трапецевидные или подтреугольные. Некоторые из уплощенных сколами и подправленных по краю галек могли использоваться как скребла или ножи. Лезвия их округлые. Что касается так называемых остроконечных изделий, то форма таких орудий случайна, а обработка невыразительна и малоопределенна. В то же время нельзя исключить возможности использования их именно в качестве остроконечных инструментов. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что только два орудия оказались изготовленными из отщепов.

Толща, расположенная выше древнейшего из культурных горизонтов и включающая слои 26—20, составляет по мощности несколько более 2,5 м. Она представляет собой чередующиеся прослойки глины и песка, смешанного с гравием, и только 28-й слой оказался сложенным песчанистым суглинком. Культурные остатки в виде незначительного количества изделий обнаружены лишь в 23-м и 21-м гравиево-песчаных слоях, залегающих на глубине более 8 м. Наибольший интерес, по мнению Сон По Ги, вызывают 2 кварцитовых отщепов с мелкими выщерблинками по краям, следами использования, и большой подтреугольной формы порфириновый блок, оббитый по краю и в основании (рис. 11, 1, 4, 6). Он мог использоваться в качестве рубящего или скребловидного инструмента. Один из отщепов 21-го слоя пластинчатый по характеру. Количество обработанных камней вновь возросло в очередном 19-м гравиево-песчаном слое (шестой сверху культурный горизонт). Он залегал на глубине более 7,5 м.

Согласно подсчетам Сон По Ги, при раскопках его обнаружено 25 орудий, а также 13 отщепов и сколов (см. рис. 11, 2, 3, 5, 7, 8). Около 2/3 изделий составляли в слое скребловидные инструменты, а остальные включены в раздел чопперовидных орудий. Наиболее выразительной особенностью тех и других следует считать наличие на ряде изделий не одного, а двух рабочих краев (двухконечные инструменты). Но главное заключается в значительно более тщательной обработке рабочих лезвий, которые вследствие особой технической манеры оббивки приобрели характерные зубчатые очертания. Острые выступы-шипы и извилистые очертания рабочего края не могут не обратить на себя внимание. Сон По Ги отметил также появление ступенчатой и «поперечной» ретуши. На некоторых инструментах отдельные участки рабочего края подтесывались, кроме того, с тыльной стороны.

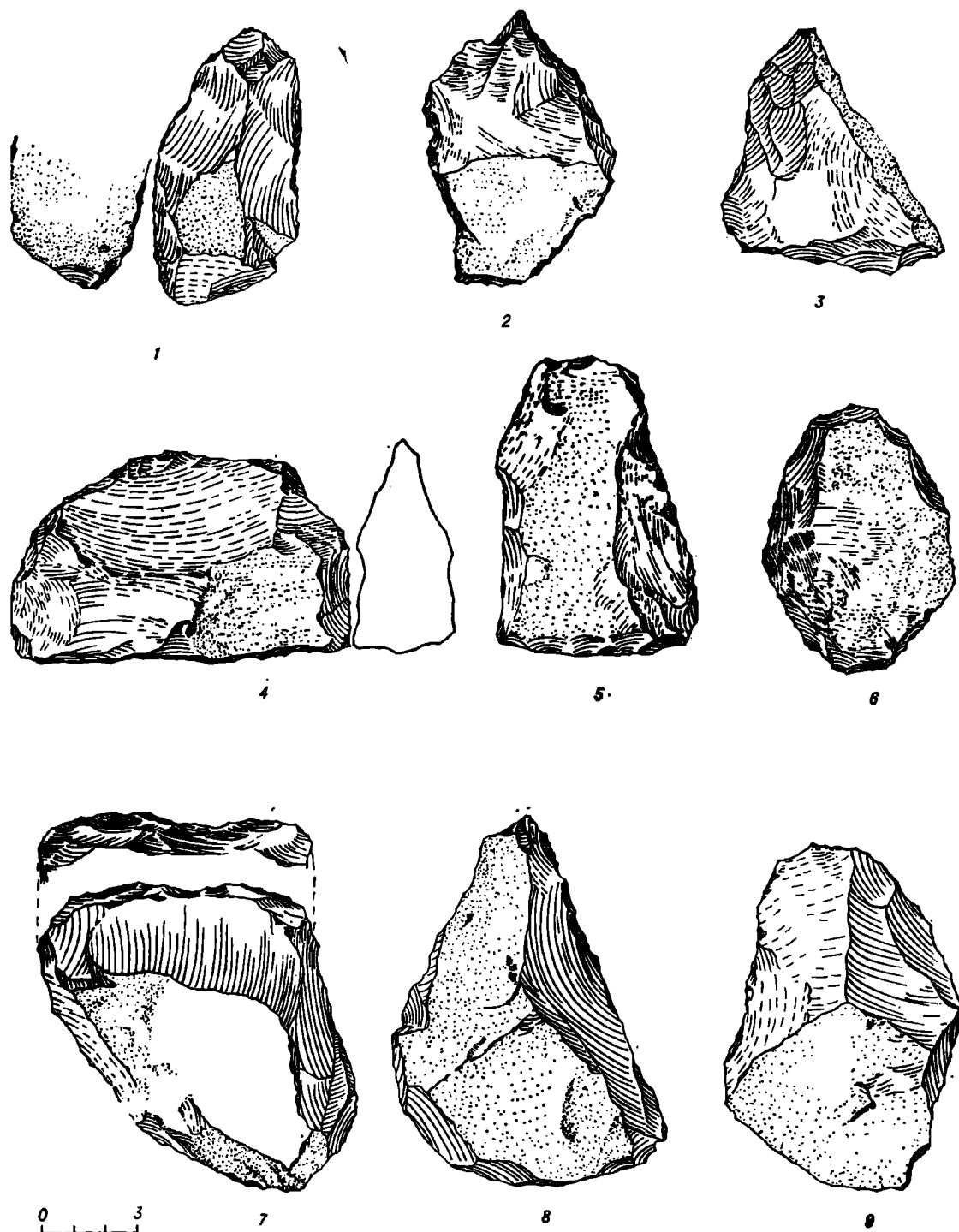

Рис. 10. Каменные изделия из 27-го слоя местонахождения № 2 Сондэанги.

Начиная с 17-го гравиево-песчанистого слоя площадь раскопа несколько расширилась и охватила 5 м². Количество обработанного камня сразу же резко возросло — помимо 70 отщепов, полученных при изготовлении орудий, а также при оформлении нуклеусов, в 5-м снизу культурном слое залежали 70 разного рода инструментов, 5 отбойников и 1 нуклеус (рис. 12, 6*
6*

1—9; 13, 1, 4, 7, 10). В качестве сырья по-прежнему использовался кварцит и в единичных случаях гранитный гнейс и роговая обманка. Большую часть орудий 5-го культурного слоя составляли скребла с выпуклым или, реже, вогнутым рабочим краем, извилистым по контуру и наделенным острыми шипами-выступами. В качестве новых типов орудий Сон По

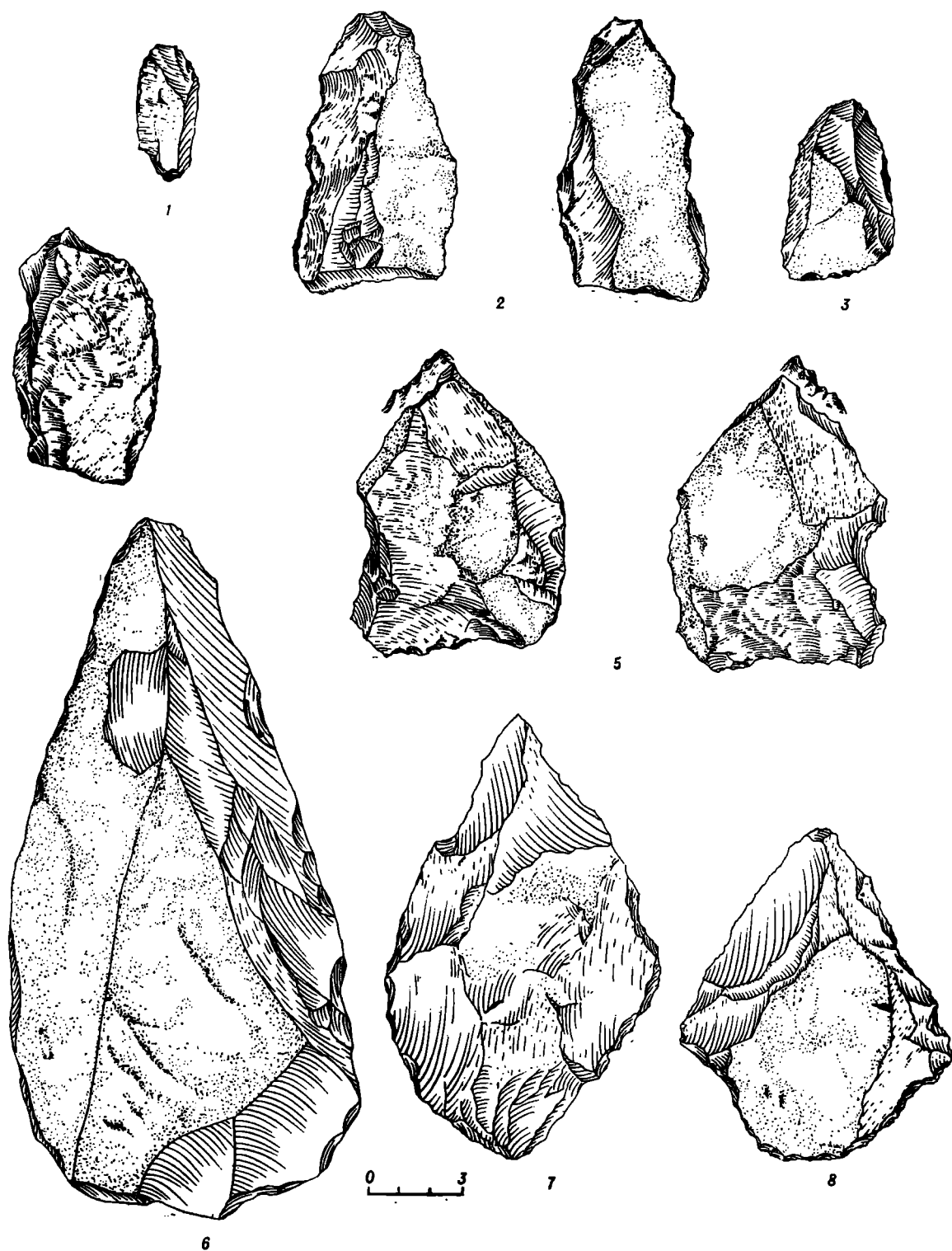

Рис. 11. Каменные изделия из слоев 21 (1, 4, 6) и 19 (2, 3, 5, 7, 8) местонахождения № 2 Сок-
дьяни.

Ги выделил «односторонне обработанные проторубила» и «нуклевидные бифасы, напоминающие аббевильские рубила». Однако по одному изданному рисунку трудно судить, насколько оправданы его типологические определения

и аналогии (см. рис. 13, 7). По-видимому, большая часть так называемых рубил представляет собой нуклеусы архаических разновидностей — дисковидных или подтреугольных. Во всяком случае, эти прото-рубила и рубила не

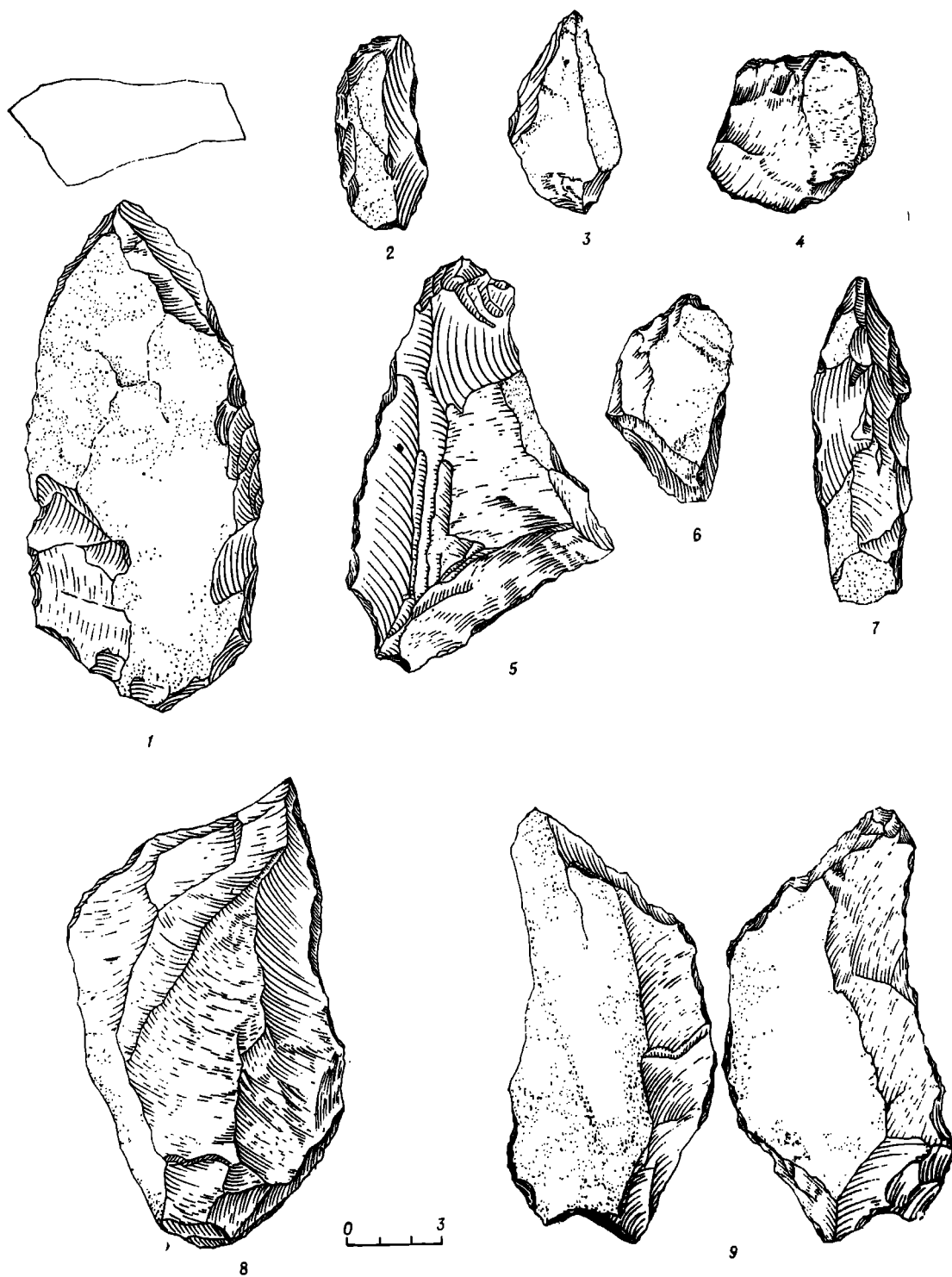

Рис. 12. Каменные изделия из 17-го слоя местонахождения № 2 Сокданны.

должны вводить в заблуждение относительно глубокой архаичности индустрии 5-го культурного слоя. Дело в том, что Сон По Ги опубликовал среди найденных в нем изделий 2 нуклеуса, не оставляющих сомнения в освоении довольно развитой пластинчатой индустрии (см. рис. 12, 8; 13, 10). Судя по фасеткам на

поверхностях скалывания нуклеусов, пластина часто характеризовалась правильностью и не очень большими размерами. Совершенство техники снятия пластин, кажется, не вызывает сомнений. В то же время бесспорным представляется архаизм самих нуклеусов. Их нельзя классифицировать как подпризматические или

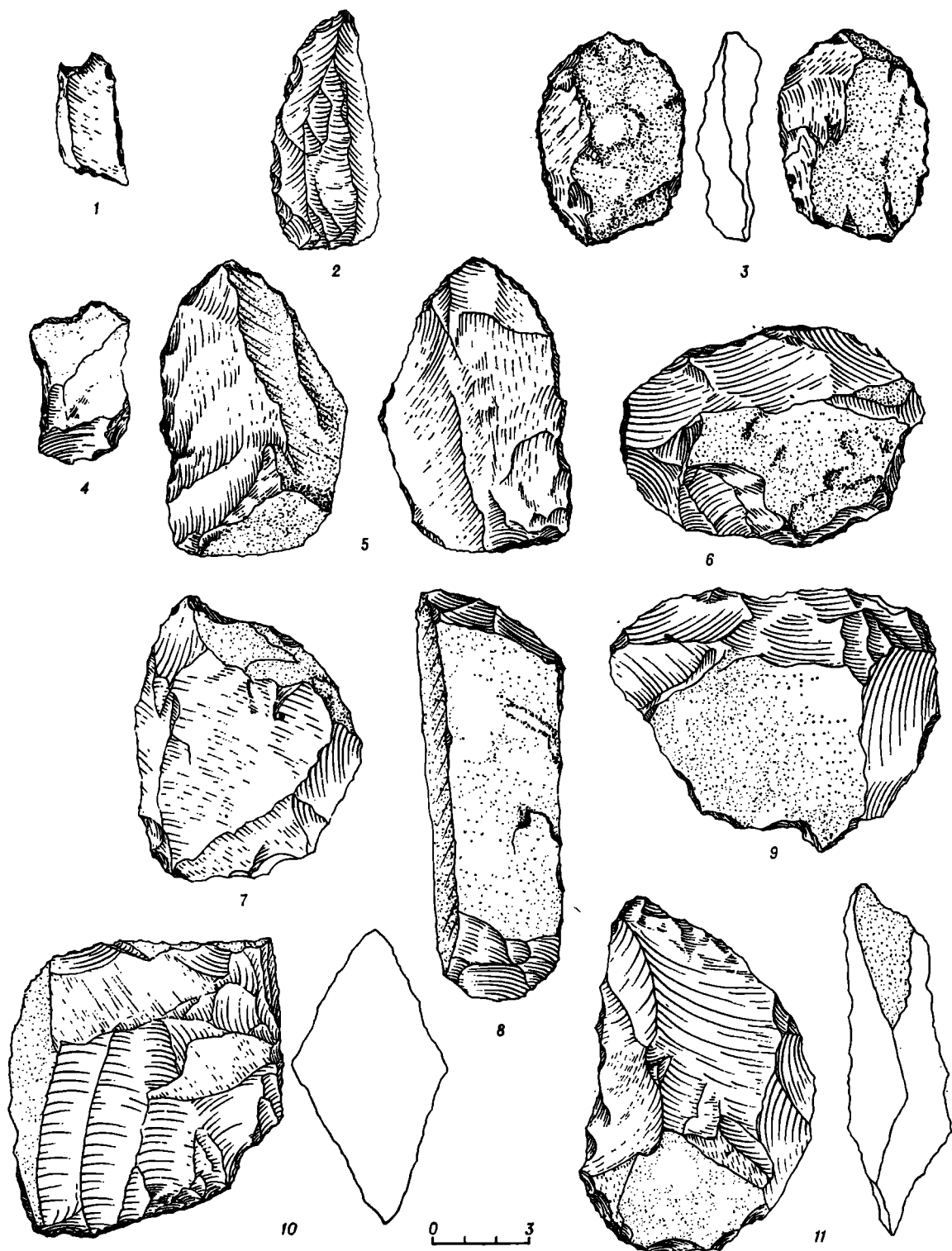

Рис. 13. Каменные изделия 17-го (1, 4, 7, 10) и из 15-го (2, 3, 5, 6, 8, 9, 11) слоев местонахождения № 2 Сокдьяни.

конические из-за скошенных, как у леваллуазских вариантов нуклеусов, площадок, к тому же не оформленных сколами. Кроме того, обращает на себя внимание тонкость вторичной ретуши, оформляющей рабочие края отдельных

изделий, что также свидетельствует о высоком уровне технического мастерства, достигнутого в изготовлении орудий в период формирования 17-го геологического слоя. Что касается типологических подразделений орудий 5-го культур-

ного горизонта, то помимо обычных скребел и скребков с одним или с двумя рабочими лезвиями, иногда противоположными, особого внимания заслуживают три инструмента, изготовленных из подпрямоугольных пластинчатых сколов (см. рис. 12, 4; 13, 1, 4). На концах их ретушью оформлялись четко выделяющиеся выемки, рабочий эффект которых иногда усиливался в связи с тем, что по краю на всем его протяжении выделялись острые зубчатые выступы или «зазубрины», как их называет Сон По Ги. Эти своеобразные инструменты в нижерасположенных культурных горизонтах не встречались, как, впрочем, и ряд других типологических подразделений. В технике оформления орудий, в ее приемах и относительной совершенности, тоже налицо определенные сдвиги.

В очередном, вышерасположенном горизонте песка, перемешанного с гравием, в 15-м геологическом пласте, обнаружены обработанные камни 6-го снизу культурного слоя. При раскопках его, согласно подсчетам Сон По Ги, обнаружено 86 изделий, среди которых он при обработке выделил следующие типологические варианты орудий: ручные рубила (2 экз.), чоперы (13), наконечники (17), скребла (17), концевые скребки (7), кливеры-ножи (19), скобели (7), и тесловидные инструменты (4) (см. рис. 13, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11). По мнению Сон По Ги, рубила 6-го слоя сохраняли аббевильские особенности, а чоперы из-за двусторонней оббивки напоминали ручные рубила. При анализе особенностей нуклеусов обращено внимание на впервые появившийся прием оббивки их ударных площадок, что ранее не наблюдалось. Именно этой особенностью следует, по-видимому, объяснять резкое увеличение среди находок количества сравнительно правильных пластинчатых отщепов (см. рис. 13, 2). Они, судя по изданному, очевидно, наиболее выразительному образцу, характерным образом искривлены и подтреугольны по очертаниям. Такие пластинчатые отщепы могли скалываться с дисковидных или отдельных леваллуазских разновидностей нуклеусов. Несмотря на то, что такого рода пластинчатые отщепы представляют собой хорошие заготовки для инструментов типа остроконечников, ножей или скребел, они при изготовлении орудий, как считает Сон По Ги, не использовались из-за плохого качества сырья. Возможно, однако, их при ограниченности вскрытой площади слоя просто не удалось обнаружить, ибо в противном случае придется признать, что нуклеусы обрабатывались лишь для превращения их затем в разного рода «нуклевидные инструменты». Большую часть орудий из коллекции 6-го слоя составляют скребловидные изделия или ножи с выпуклыми рабочими краями. Иногда лезвия их оформлялись противоположащей ретушью по двум выпуклым краям плоской кварцевой гальки. Что каса-

ется техники обработки камня, то, согласно наблюдениям Сон По Ги, в 6-м культурном слое удалось зафиксировать зарождение биполярной техники раскалывания.

Как особое культурно-хронологическое подразделение Сон По Ги описал находки из геологического слоя 15а. Орудия, найденные здесь, отличались меньшими размерами, а ведущие типы их, по мнению руководителя раскопок, отличались от нижерасположенных изделий. По изданной коллекции инструментов трудно, однако, судить, насколько основательно такое заключение (рис. 14, 1—6). Ясно лишь, что в слое 15а по-прежнему преобладали скребловидные инструменты и ножи с прямыми или слегка выпуклыми рабочими краями, подправленными сравнительно тонкой с мелкими зубчиками ретушью, которая наносилась как со спинки, так и с брюшка. Рукоятки скребел из слоя 15а часто имели вид «лошадиного копыта». Впервые среди разновидностей орудий отмечено появление дрелей.

Каменные изделия 8-го культурного горизонта залегали не в слое песка и гравия, что наблюдалось в большинстве случаев ранее, а в компактном песчаном суглинке, образующем 13-й геологический слой. Он располагался на глубине более 5,5 м от поверхности террасы. Собственно культурный горизонт представлял собой тонкую прослойку, слабо насыщенную отщепами и пластинчатыми сколами. Характер культуры, представленный находками из 8-го слоя, резко отличался от всего известного по коллекциям, обнаруженным при раскопках нижерасположенных культурных горизонтов.

Прежде всего обращало на себя внимание то обстоятельство, что в качестве сырья для изготовления орудий использовался не кварцит, а значительно более качественные кремнистый сланец и фельзит. Ни то, ни другое в окрестностях Сокдьяни не встречается, и такое сырье могли доставлять на стоянку из мест, расположенных от нее не ближе 32 км. Превосходные свойства кремнистых пород не могли, разумеется, не отразиться на характере каменной индустрии в целом. И действительно, впервые среди находок подавляющее большинство изделий составляли орудия, изготовленные из отщепов и пластинчатых сколов — скребки, проколковидные инструменты и ножи (рис. 15). На конце одного из опубликованных отщепов оформлено узкое выемчатое лезвие — свидетельство продолжения традиции, впервые появившейся в 5-м слое (см. рис. 15, 1). Ретушь, оформляющая края рабочих инструментов, отличается тонкостью и высоким совершенством.

Выше песчанистого суглинки, на глубине 4,5—5,5 м от поверхности залегал очередной пласт песка, перемешанного с гравием, — 12-й геологический слой, толщина которого достига-

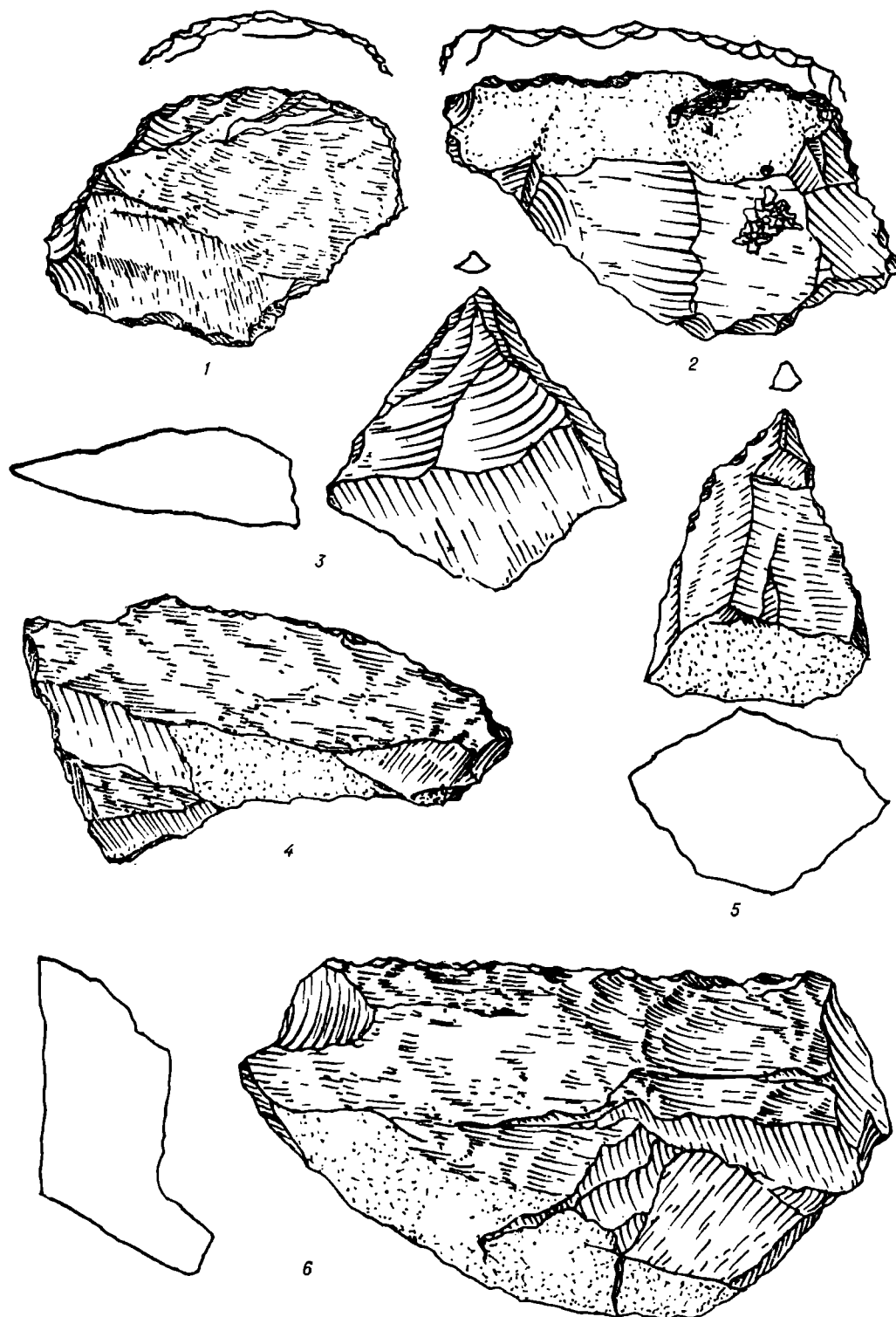

Рис. 14. Каменные изделия из слоя 15а местонахождения № 2 Сокдяни.

ла 110 см. При раскопках его обнаружено 280 экз. обработанных камней 9-го культурного горизонта. Площадь раскопа на уровне его несколько расширялась, достигнув 5 м². По подсчетам Сон По Ги, 33,7% изделий составляли остроконечники, 16,1 — скребки, 15,4% —

скребла (рис. 16). Кроме того, в слое обнаружены наковальни из кварцита, порфирита и гранитного гнейса, а также отбойники, в качестве которых применялись тяжелые обломки биотитного сланца. Следует иметь в виду, что типологическая классификация Сон По Ги, по-

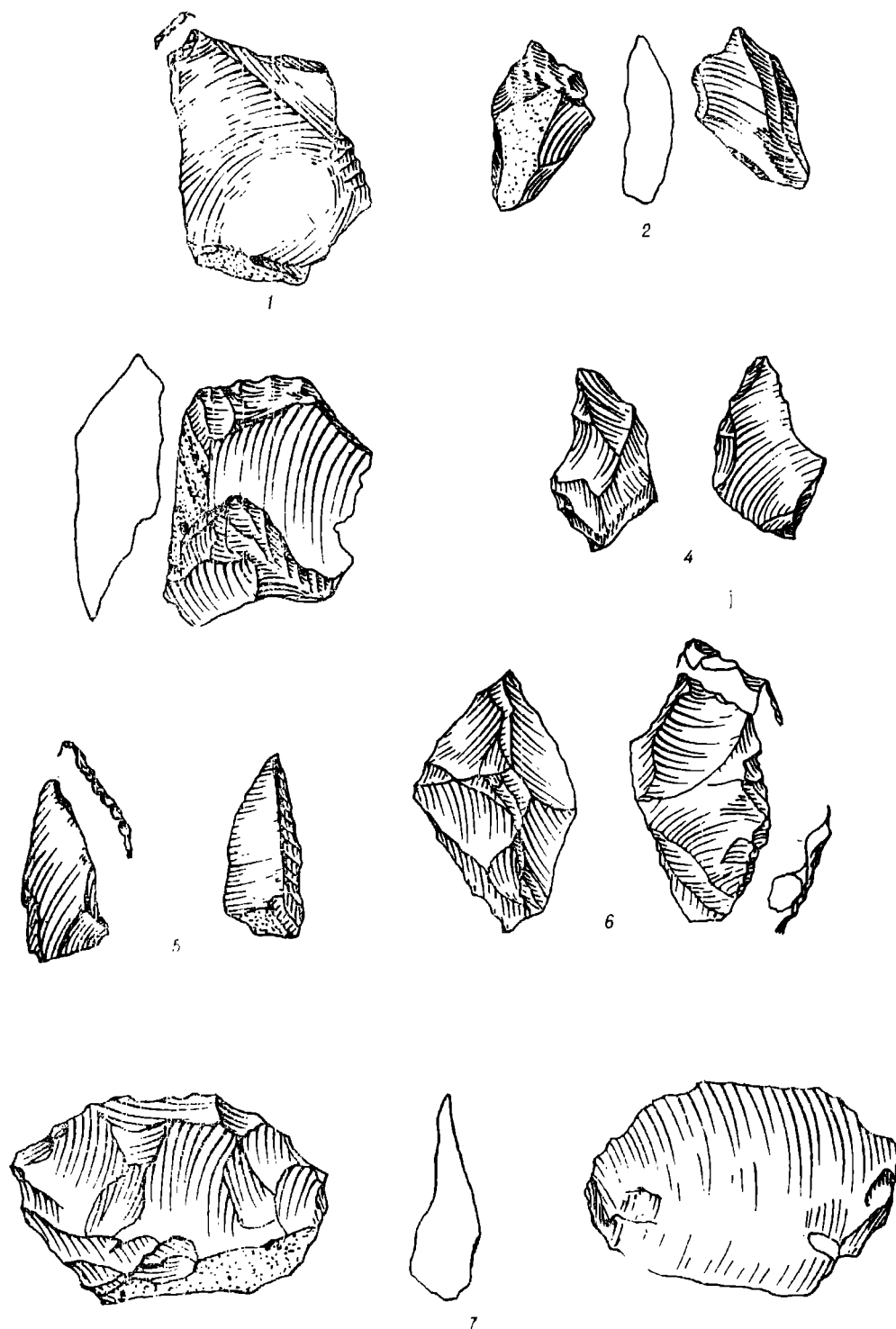

Рис. 15. Каменные изделия из 13-го слоя местонахождения № 2 Сокдянци.

видимому, далека от совершенства, ибо, несмотря на высокий процент остроконечников, среди изданных им наиболее, очевидно, выразительных экземпляров трудно без значительных натяжек выделить хотя бы один инструмент, бесспорно применявшийся именно в таком качестве. Случайное сходство форм пельзы считать

веским аргументом. К наиболее выразительным образцам орудий следует отнести крупные с круглыми рабочими лезвиями скребла, часть которых обработана так, что отчетливо выступают острые шипы-выступы (см. рис. 16, 7, 8, 10). По подсчетам Сон По Ги, около 8% изделий характеризуются наличием зазубрин и

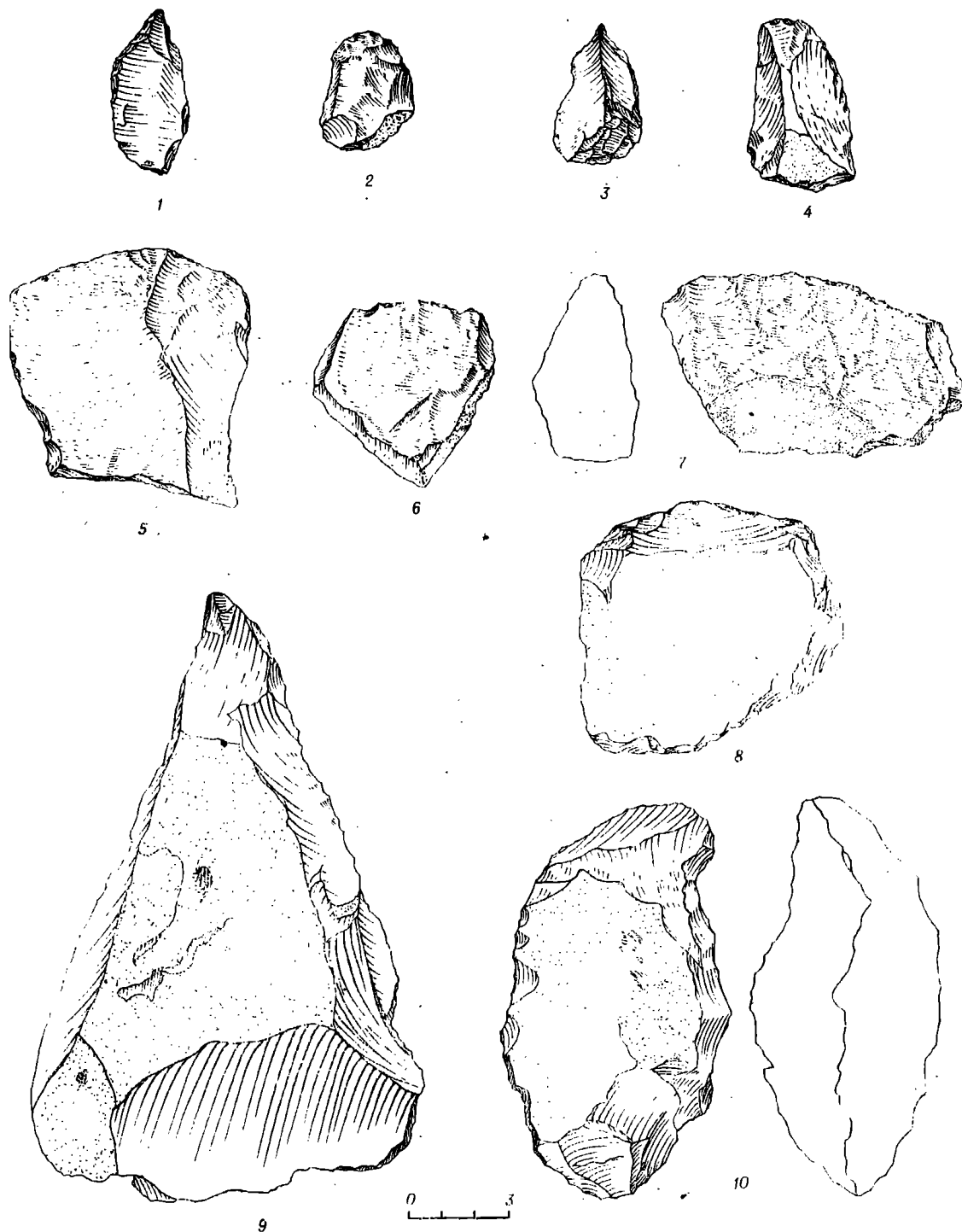

Рис. 16. Каменные изделия из 12-го слоя местонахождения № 2 Сохлянка.

«зубчатой» мустьерской по особенностям ретушью. Среди других типов орудий заслуживают внимания проколки и подтреугольный скол со слегка выемчатым с пинами лезвием на конце (см. рис. 16, 1, 3, 6). Для 9-го культурного горизонта характерно, с одной стороны, резкое уменьшение количества орудий, в основном скребел, с двумя рабочими краями,

а с другой — увеличение числа изделий, изготовленных из отщепов. В качестве сырья по-прежнему применялся главным образом кварцит.

Самый верхний из свиты культурных горизонтов, которые Сон По Ги датировал нижним и средним палеолитом, обнаружен в пласте компактной глины 10-го геологического слоя.

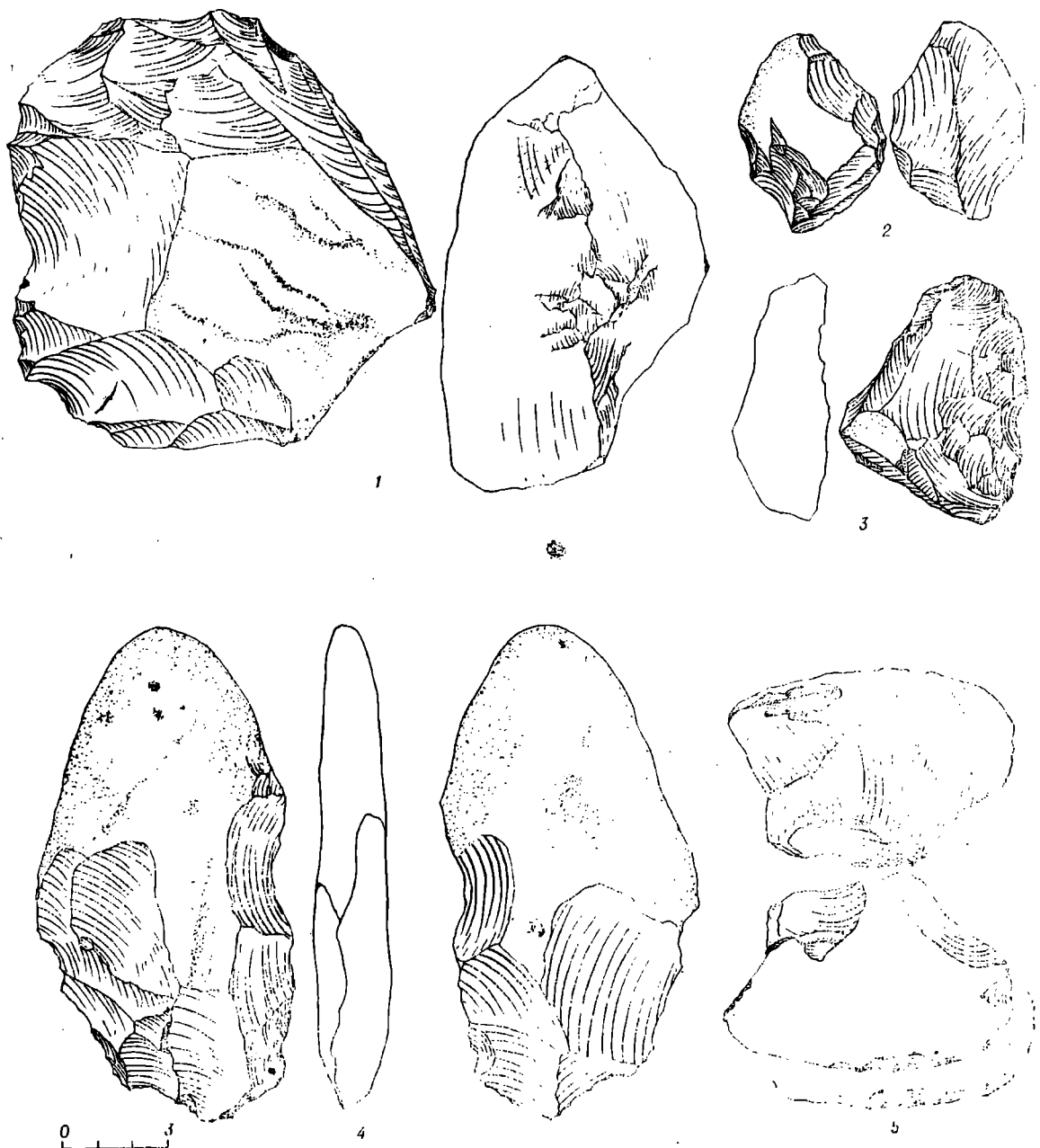

Рис. 17. Каменные изделия из 10-го слоя местонахождения № 2 Сокдяни.

Он залегал на глубине 3,5 м от поверхности. Для коллекции 10-го культурного горизонта оказались характерными выразительные рубящие инструменты типа чопперов и чоппингов, изготовленные из хорошо окатанных водой галек порфирита. Вообще порфирит, по существу, единственное сырье, из которого в слое изготовлялись орудия. В качестве отбойников тоже применялись цилиндрические гальки и крупные булыжники порфирита. С их помощью скалывались в особенности крупные отщепы. Из 67 орудий, найденных в слое, 27 экз. были изготовлены из отщепов. Около половины изделий в коллекции оказались оббитыми с двух сторон. При анализе техники обработки Сон По

Ги отметил черты клектонской, леваллуазской и мустьерской индустрий. Орудия по типологии подразделены им на следующие разновидности: проторубило (1 экз.), чопперы с двумя рабочими краями (12), чопперы с одним рабочим краем (3), скребла (18), концевые скребки (9), остроконечники (10), кливеры-ножи (9), резцы (4) и проколка (1 экз.). По размерам они подразделялись на крупные, средние и мелкие. Угол раскалывания отщепов составлял 103—131°, чаще 113 и 117°. Сон По Ги упомянул, кроме того, среди находок леваллуазские нуклеусы, пластинчатые сколы леваллуазского типа, мустьерские скребла типа ля-кина и инструменты с зубчатым рабочим краем. Общее

впечатление Сон По Ги от индустрии 10-го культурного горизонта таково, что он склонен датировать находки из него эпохой мустье. Как своеобразный пережиток предшествующего периода Сон По Ги рассматривает серию «архаических» чопперов с одним и чопперы «клектонского типа» с двумя рабочими краями. Следует, однако, по-прежнему относиться с настороженностью при оценке достоверности типологических подразделений орудий, поскольку опубликована пока лишь незначительная часть находок. Среди изданного, во всяком случае, отсутствуют выразительные леваллуазские нуклеусы, а также остроконечники. Бесспорны лишь галечные инструменты и скребла (рис. 17). Что касается архаичности техники обработки, то она не может служить в азиатском палеолите весомым критерием в датировке и при подборке аналогий.

К ранним стадиям палеолита относятся также Кульхо. Стратиграфия поселения достаточно выразительная и яркая. Она по ранним публикациям представлялась в следующей последовательности. Верхний неолитический горизонт залегает на глубине 15 см от поверхности земли и представляет собой слой мелкого песка темно-бурого цвета толщиной около 40 см. Культурные комплексы неолита часто перекрывают друг друга, а иногда прослеживаются далеко вглубь, до верхнего палеолитического горизонта. Под этими двумя слоями (I — слой дерна и чернозема, II — мелкий песок темно-бурого цвета) залегал песчанисто-глинистый слой сине-темно-бурого цвета толщиной около 25 см (III слой). Далее следовала наиболее интересная с точки зрения датировки палеолитических остатков прослойка темно-желтовато-бурой глины (латериты) толщиной 6 см (IV слой). С такими глинами в Азии обычно связывают наступление в районах, где они встречаются (особенно мощные в Шаньси, Шэньси, а также в Ордоосе), тропического влажного и жаркого климата. Их своеобразная окраска объясняется большим процентом содержания в глине окислов железа. Ниже темно-желтовато-бурой глины залегает слой темно-желтой глины насыщенной мелкой галькой (V слой). Это и есть II, более поздний палеолитический горизонт (Кульхо II), в котором встречаются отщепы и орудия, изготовленные из роговика. Мощность слоя 40 см. Не менее определенно от вышележащего отделяется по характеру последний (VI) слой с изделиями палеолитического человека культуры Кульхо I. Это мощный, достигающий 90 см, глинистый горизонт, представляющий собой плотно сцементированную, затвердевшую массу галек, угловатых камней и мелкой щебенки, которая напоминает поверхность сильно выветрившейся скалы с осыпями размельченного камня. Толща слоев завершается VII горизонтом, который также состоит из галек и угловатых мелких камней, не спрессо-

ванных, очевидно, и не затвердевших в глинистом растворе. Толщина его составляет 110 см.

В последней публикации, посвященной раскопкам в Сонхохане, стратиграфическая картина в значительной мере детализировалась и уточнялась¹⁷. Особое внимание уделялось участкам № 3 и 4, где последовательность культурных напластований оказалась особенно сложной, поскольку здесь располагались, переслаивая друг друга, 9 жилищ — № 4—9, 15, 17 и 18. Ким Ён Ган и Со Гук Тхэ описали разрез вдоль границы участков № 3 и 4, а также последовательность залегания слоев на раскопе, расположенном далее к северо-востоку, вдоль восточного края участка № 5 (рис. 18). Здесь общая мощность вскрытой толщи составляла 3,5 м, и при изучении ее удалось выявить 7 отдельных слоев (они обозначены на разрезе буквой В, см. рис. 18). Картина расположения горизонтов восточного края участка № 5 представлена следующим образом: VI — почвенный горизонт, 15 см; VII — мелкий коричневатый песок, 40 см; VIII — песчанистая глина, 25 см; BIV — плотная желтовато-коричневая глина, 6 см; BV — синева-желтая глина, 40 см; BVI — глина с круглой и ребристой галькой, 90 см; BVII — глина с ребристой галькой, 110 см. Обработанные камни эпохи палеолита обнаружены в слоях BV и BVI. На западной окраине участка № 5 слои VII — BV оказались уничтоженными эрозией. Что же касается представляющего особый интерес слоя BV, то следы его удалось зафиксировать в восточной части участка № 4. В западной части жилища № 11—13 располагались прямо на слое BVI, и культурные напластования их тянулись далее на запад до участка № 4. Ким Ён Ган и Со Гук Тхэ отметили, что раскоп вообще резко понижается с востока на запад, из-за чего разница в уровне восточного и западного краев участка № 4, расположенных на расстоянии 8 м, составляет 1 м. Этот перепад в уровнях до появления жилищ был еще значительнее, и, следовательно, горный склон на участках № 3 и 4 характеризовался тогда и большей крутизной. Так, слой BVI, который зафиксирован на западе раскопа в пределах участка № 4, где над ним располагался пол жилища № 9, круто «падал» вниз под углом 45° и разница в высоте составляла здесь 260 см на отрезке такой же протяженности. Слои BV и BVI исчезли там, где начинался склон горы, отличавшийся ранее значительной крутизной. Ким Ён Ган и Со Гук Тхэ пришли к выводу, что отложения на участках № 3 и 4 сформировались в понижениях у подножия крутого склона и поэтому их геологический возраст иной, чем время образования слоев восточной части участка № 5, почему последние и представлены в разрезе и описаны особо (они

¹⁷ Ким Ён Ган, Со Гук Тхэ. Отчет о раскопках первобытной стоянки Сонхохан.

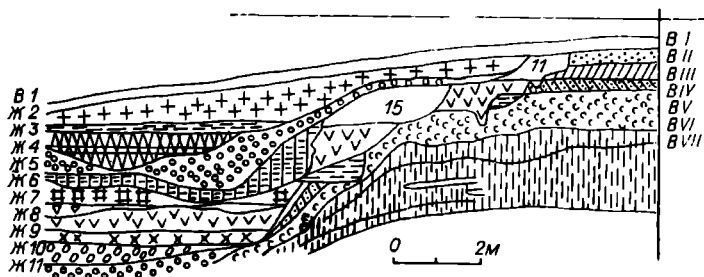

Рис. 18. Стратиграфия многослойного поселения Кульпхо.

обозначены на чертеже буквой Ж; см. рис. 18).

Стратиграфия западной части участка № 4 выглядит следующим образом: Ж1 — почвенный горизонт, 15–20 см; Ж2 — черный гумус с раковинами моллюсков, 40–100 см; Ж3 — черный гумус с обломками раковин, 20 см; Ж4 — черный гумус, насыщенный большим количеством раковин; Ж5 — слой раковин (на востоке участка № 4 толщина его 20 см и он залегает всего на 20–30 см ниже слоя Ж2; западнее уровень его «падает», а мощность возрастает до 120 см, но затем толщина вновь уменьшается и снова увеличивается); Ж6 — слой раковин и песчаных отложений с примесью черной золы (на востоке участка № 5 его толщина достигает 100 см, но к западу, с понижением уровня, мощность его уменьшается); Ж7 — песчаные отложения с примесью раковин, 50 см; Ж8 — песчаные отложения с примесью раковин и небольшим количеством черной золы; Ж9 — желтый песок, 40–50 см; Ж10 — слой раковин, 10–50 см; Ж11 — темная глина с примесью округлых галек (на западе слой становится очень мощным, а на востоке слегка совмещается со слоем BV и переходит в слой BVI). На восточной окраине участка № 4 под почвенным горизонтом прослеживен слой Ж2, за ним идет слой Ж5 с примесью раковин. Толщина его 80 см, и подстилается он темно-зеленым песком. Пол жилища № 5 залегал под слоем Ж5 и залегал на слой Ж8. Ниже последнего прослеживался слой желтого песка с примесью раковин — культурные остатки жилища № 17. Под полом его располагались слои BV и BVI и продолжение слоя BVII (на западе фиксировался, кроме того, слой, соответствующий Ж9; он залегал на BV).

В результате анализа стратиграфии разрезов на участках № 4 и 5 Ким Ён Ган и Со Гук Тхэ сделали следующие выводы: 1) слои BII–BVII восточной части участка № 5 более древние, чем слой западной части раскопа; 2) слой BV, подстилающий пол жилища № 17, древнее слоя Ж9. Поэтому они пришли к заключению о том, что слои, расположенные ниже BIV, образовались в глубокой древности и датируются другой геологической эпохой по сравнению со слоями участка № 4 и западной части участка № 5. Слои участков № 3 и 4, а также восточной части участка № 5 датировались эпоха-

ми неолита и бронзы. Что касается плейстоценовых горизонтов, то, как уже указывалось, их удалось выявить на участках № 4–8. Они оказались приуроченными главным образом к восточной части раскопа. Стратиграфия участков № 6–8 сходна со стратиграфией участков № 4 и 5, различия наблюдались лишь в тех случаях, где неолитические жилища нарушали последовательность слоев. Там, где подобного не случилось, слои залегали последовательно от BVI до BVII без какого-либо нарушения чередований. Поэтому корейские археологи считают, что они откладывались постепенно. Слои BII и BIV пересекались жилищами № 11, 19 и 22, и поэтому их следует датировать сравнительно поздним временем. В них не удалось обнаружить каких-либо культурных остатков, которые можно отнести к палеолитической эпохе. Последовательность залегания слоев, так же как и особенности каменных орудий в каждом из них, свидетельствовали о том, что горизонтом BVI представлен более ранний этап палеолита по сравнению с находками из BV. Изделиями из слоя BVI представлена культура Кульпхо I, а из слоя BV — Кульпхо II.

Что же представляют собой каменные изделия, обнаруженные за 4 месяца раскопок в нижнем культурном горизонте? Описание их чрезвычайно затруднено вследствие не очень большой выразительности, аморфности, а также не совсем четкой характеристики орудий и других находок, впервые оказавшихся в руках корейских археологов (см. рис. 7). Из аналогий, судя по предварительным публикациям, можно было предположить, что в Кульпхо найдены орудия (размер 6×4, 5×3 см), напоминающие чоппинги из Осиньки (Приморье), рубилообразные изделия, которые напомнили корейским археологам находки в Динцуне (Шаньси, Китай), односторонне оббитые камни, возможно нуклеусы, близкие к динцунским. В нижнем культурном горизонте (Кульпхо I) имеются также чопперы и ядрища (9,5×7×2,7 см). Особенно интересные находки обнаружены на поверхности россыпей мелких камней и галек (рис. 19). Здесь встречались настоящие скопления кварцевых отщепов с довольно многочисленными нуклеусами и односторонне обработанными изделиями, напоминающими «скребки и остроконечники». Любопытные комплексы удалось открыть при расширении раскопа к северо-востоку. Здесь встречались куски кварца, а в одном месте найден большой плоский отбойник с рассыпанными около него многочисленными (около 50 экз.) отщепами кварца (рис. 19). Южнее этой находки лежала большая каменная плита, а за ней, далее к югу, в 3 м, находились 2 больших залегающих на разном уровне скопления камней и отдель-

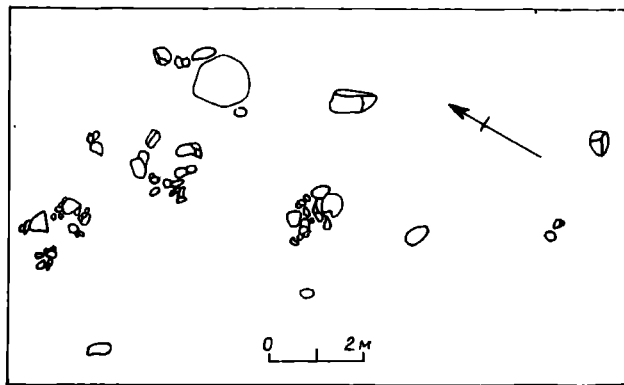

Рис. 19. Культурный комплекс, обнаруженный при раскопках слоя Кульпхо I.

ные плиты. Обнаружен также камень с четырехугольным углублением длиной около 15 см.

По мнению То Ю Хо, расщепление сырья на стоянке велось методом, при котором использовалась наковальня. Потом отщепы ретушировались и превращались в орудия. Что касается крупных орудий типа чопперов и чоппингов, то в обработке лезвия явно преобладал способ одностороннего скалывания. В связи с этим автор публикации обратил внимание на существование тех же особенностей в Динцуне, Чжоукоудине, Сандинь, хотя и не признал, что по времени они древнее культуры Кульпхо. Последняя датируется им, исходя из геологических данных, а также из анализа типологии, заключительным этапом нижнего палеолита, мустьерской эпохой. К тому времени То Ю Хо относил не только древний, но и поздний этап культуры Кульпхо. В заключении публикации То Ю Хо остановился на важнейших проблемах взаимоотношения двух этапов культуры Кульпхо и ее месте среди азиатских и европейских культур. Несмотря на то, что культурные слои налегали друг на друга, они все же, по его мнению, разнятся между собой. Так, в Кульпхо II То Ю Хо выявил некоторые элементы нижнепалеолитических культур рубил запада, но вместе с тем признал несомненной взаимосвязанность ее с Кульпхо I, несмотря на большие изменения в поздней культуре. Несходство культур автор объяснял большим промежутком времени, разделяющим две ступени культуры Кульпхо. То Ю Хо скептически относится к идее, что культура Динцунь — «леваллуазско-ашельская», а следовательно, западная по происхождению. «Она не имеет отношения к культуре «шелльско-ашельского типа», — повторил он вслед за китайскими археологами, а затем добавил: «То же, по-видимому, можно сказать о культуре Кульпхо... Корейская палеолитическая культура не соответствует европейским стандартам». Отсюда можно заключить, что То Ю Хо отно-

сил культуры Кульпхо к азиатским по характеру. Он действительно искал аналогии Кульпхо в палеолите Сибири и Монголии, богатом галечными орудиями, но в итоге пришел к несколько неожиданному выводу: «Однако изделия корейской культуры Кульпхо серьезно отличаются от вышеуказанных галечных орудий».

Монографическое описание материалов Сопхохана позволяет теперь конкретнее и полнее представить культурные комплексы, открытые при раскопках слоя BVII, а также характер каменной индустрии Кульпхо I. По мнению Ким Ён Гана и Со Гук Тхэ, в расположении камней слоя BVI наблюдаются определенные закономерности. В плане они располагаются так, что образуют некоторое подобие прямоугольника, длинная ось которого ориентирована с северо-запада на юго-восток.

На северо-восточном участке «сооружения» лежал плоский обломок камня, а в 7 м западнее на расстоянии 1 м друг от друга располагалось две группы камней (см. рис. 19). В 2 м от плоского обломка камня находился один крупный. Длина его 95, ширина 40, толщина 40 см. В 4,5 см на юго-восток лежал другой камень. В 2,5 м к западу от этих камней, почти в средней части «сооружения», обнаружена группа мелких камней и один крупный. К юго-востоку от скопления мелких камней располагалось 2 камня, а в 4,5 м к западу — один. Северо-западная группа камней отстояла от расположенного на юго-востоке камня на расстоянии 11,5 м. Расстояние по горизонтали между камнями «сооружения» составляло 8 м. Особое внимание корейские археологи уделили большому камню, обнаруженному в северо-восточном углу «сооружения». Поскольку около него валялось несколько десятков кварцитовых отщепов, исследователи высказали предположение, что камень использовался в качестве наковальни. Оценивая в целом картину расположения крупных каменных глыб и групп мелких камней, Ким Ён Ган и Со Гук Тхэ пришли к выводу, что при раскопках слоя BVI удалось открыть остатки жилой постройки. Камни, по их мнению, располагались по краям шалашеобразной постройки, сооруженной из ветвей и покрытой шкурами животных.

Согласно последней публикации, среди находок, относящихся к культуре Кульпхо I, содержится большое количество кварцитовых отщепов, каменных орудий (пожи, рубила, ядрища), а также разного рода пластин. Особое внимание привлекли рубящие инструменты, которые Ким Ён Ган и Со Гук Тхэ описывают как рубила. Одно из них, согласно описанию авторов публикации, представляет собой трапециевидное орудие, изготовленное из гальки. Длина лезвия орудия 6 см, толщина около 3 см. По рабочему краю заметны следы сколов. Вторым рубящим инструментом оказался изготовленным из кристаллического гранита. По форме

орудие сходно с первым, но отличается от него треугольным поперечным сечением. Длина лезвия изделия 9,5 см, длина орудия 7, толщина 2,7 (см. рис. 7, 5). По рабочему краю заметны следы использования. Нож описывается как пластина с острым краем, отколотая от гальки. Ширина рабочего лезвия его составляет 4,5, длина 7 см. На одном конце ножа видны следы предшествующего скалывания отщепов (см. рис. 7, 6). В описании лишь упомянут факт открытия нуклеусов в двух местах. Высота их 4,5—5 см (см. рис. 7, 10, 11); они массивные и «ребристые». На нескольких пластинах Кульпхо I отмечены следы скалывания отщепов (возможно, речь идет о подтеске ударных площадок). Упоминаются пластины с прямым острым лезвием, с заостренным концом, похожие на скребки с ровным основанием и прямым лезвием (см. рис. 7, 7, 8, 12—14, 18, 19). У многих пластин отмечены следы притупленности и длительного использования. Более конкретное описание в тексте публикации отсутствует. Галечные орудия Кульпхо I отличаются значительной грубостью. Они изготовлялись, по мнению Ким Ён Гапа и Со Гук Тхэ, с помощью ударов заготовок о наковальню или при грубой оббивке отбойником. Процесс оформления галечных орудий они представляют следующим образом: крупный камень ударяли по наковальню, а затем полученные обломки или сразу использовались в работе, или подправлялись дополнительно. Два рубящих галечных орудия представлены в описании как наиболее выразительные. На рабочем лезвии одного из них отмечены ясные следы использования, а другие участки инструмента остались необработанными. Ким Ён Гап и Со Гук Тхэ считают, что после раскалывания гальки мастер подобрал подходящий обломок и стал использовать его в работе. У второго орудия по краю лезвия отмечены вмятины и следы сколов, что расценено как свидетельство подправки орудия ударами, нанесенными «почти вертикально» со стороны лезвия, которое становилось «довольно острым». Кроме того, среди находок упоминаются отщепы «с тонкими, острыми и прямыми лезвиями». Из них, по мнению Ким Ён Гапа и Со Гук Тхэ, изготовлялись ножи и скребла.

Изделия, представляющие индустрию культуры Кульпхо II, обнаружены при раскопках слоя BV. Наиболее популярное для изготовления орудий сырье — темно-зеленый и темно-серый рогавик или кремнистый сланец. Изредка использовалась светлая мраморовидная порода. Из нее, в частности, изготовлен топорovidный инструмент (по мнению корейских археологов — скребковидное орудие), одна из наиболее выразительных находок BV (рис. 20, 5). Из рогавика изготовлены 3 изделия. У одного из них, согласно описанию, одна сторона выпуклая и сравнительно широкая, а противоположная — угловатая (см. рис. 7, 1; см. также

рис. 20, 6 и соответствующие описания далее). Размеры его $6 \times 4,5 \times 2,3$ см. Одна плоскость изделия сплошь покрыта сколами, а с другой стороны видны лишь фасетки, оформляющие округлый край, который описывается как рабочее лезвие. Второе изделие по функциональному назначению считается не совсем определенным — нож или рубящий инструмент (рубило?). Обе стороны его обработаны, но с одной плоскости сплошь, а с другой оформлен лишь острый выступ (см. рис. 7, 3; рис. 20, 1 и соответствующие описания далее). Размеры изделия $8 \times 5,5 \times 2,2$ см. У третьего экземпляра «неопределенной формы» сколы видны с одной стороны. Размеры его $7,5 \times 6,5 \times 2,2$ см (см. рис. 7, 2). Сходные по типу находки обнаружены также на месте нахождения Токсан, расположенном в 5 км от Кульпхо около д. Пупхо. Орудия здесь изготовлялись из рогавика и кремня. Особенно много инструментов из темно-зеленого рогавика. В Токсане собрана обширная коллекция, по большинству находок относится к подъемным сборам, поэтому Ким Ён Гап и Со Гук Тхэ ограничились описанием наиболее выразительных изделий. Среди них упомянули треугольные, овальные и неопределенной формы скребла. Треугольные скребла обрабатывались с одной стороны. Размеры их $10,5 \times 4,3 \times 1,5$ см (см. рис. 7, 4). Овальные скребла по внешнему облику напоминают тонкие пластины. Они довольно тщательно обрабатывались сколами с двух сторон. Размеры их $7,3 \times 4,5 \times 0,8$ см (см. рис. 7, 9). Скребло неопределенной формы тоже по облику близко к тонкой пластине. Одна сторона его обработана сравнительно хорошо, а другая лишь частично. Размеры орудия $6,5 \times 4 \times 0,5$ см (см. рис. 7, 20). Ножи подразделены по форме на треугольные и неопределенные. У треугольного в рабочее лезвие превращен длинный край, обработанный с одной стороны. Размеры его $6 \times 3 \times 1,3$ см. Нож неопределенной формы «похож» на пластину с острым лезвием. Размеры его $7,5 \times 3,5 \times 1,5$ см (см. рис. 7, 15). Еще у одного ножа острое лезвие обработано с одной стороны. Обухок тоже тщательно обколот для удобства захвата рукой. Размеры изделия $6,5 \times 4,5 \times 1,5$ см. Упомянут, кроме того, рубящий инструмент, названный рубилом, на концах которого отмечены следы использования. Размеры орудия $7,5 \times 6 \times 3,5$ см (см. рис. 7, 16; возможно, это нуклеус левалдуазского типа). Нуклеусы, обнаруженные в Токсане, плоские («похожие на цельмени»). Длина их не превышает 4 см (см. рис. 7, 17). Сравнимые образцы каменной индустрии Кульпхо I и II, Ким Ён Гап и Со Гук Тхэ отметили замечательное совершенство изделий, найденных в более позднем слое BV. При отделке их применялись не только методы оббивки, но также техника отжимной ретуши. Для Кульпхо II оказались характерными также сравнительно правильные пластины и пластинчатые сколы, которые в хо-

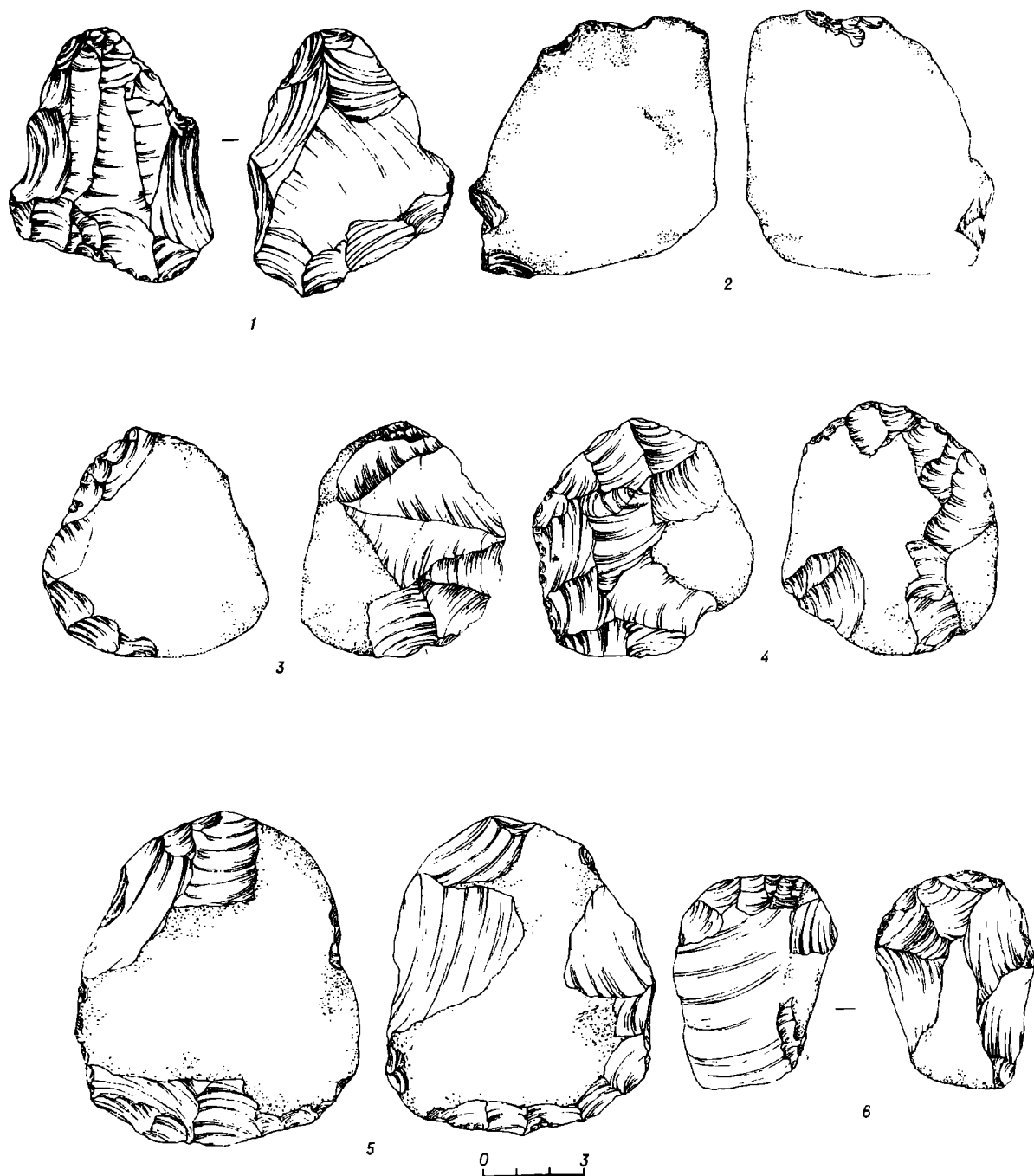

Рис. 20. Каменные изделия из Кульхю.

де последующей обработки превращались в инструменты вполне определенных форм. Орудия стали также заметно разнообразнее по типам при сравнении их с изделиями Кульхю I.

Чрезвычайно сложным и трудно разрешимым вопросом остается пока проблема датировки культуры Кульхю в рамках периодизации палеолита Восточной Азии и Дальнего Востока. Отсутствие фауны, слабая изученность четвертичной геологии Кореи, незначительные пока еще масштабы раскопок в Кульхю, как и единич-

ность памятника, — все мешает точной датировке возраста каким-либо этапом плейстоцена. Сами по себе культурные остатки не датируют памятник, так как в типично азиатском палеолите, особенно на ранних стадиях, однажды появившиеся орудия продолжают изготавливать по сути дела вплоть до неолита, а отдельные и в неолите. Однако следует обратить внимание на чисто геологические наблюдения, которые могут помочь установлению нижней и верхней граппы времени существования палеолитиче-

ского поселения в Кульпхо. Первое из них — 6-сантиметровая прослойка темно-желто-бурой глины — латеритовый горизонт. То Ю Хо правильно определил его как границу между плейстоценом и голоценом. Этот горизонт, открывающий новую геологическую эпоху, прослежен, согласно данным Х. Мовиуса, по всем странам Восточной Азии. Он также отмечается в некоторых памятниках Центральной Азии (Мойльтын-ам) и на Дальнем Востоке (Осиновка). Последние два памятника особенно важны. В Осиновке грубые галечные орудия встречены непосредственно в латеритовом горизонте — эквиваленте темно-желто-бурой глины в Кульпхо. Датировка изделий в Осиновке, где в слое отсутствовали кости крупных плейстоценовых млекопитающих, не составляет труда. Это памятник мезолитической. Отсюда можно сделать первый важный вывод. Верхний культурный слой Кульпхо (Кульпхо II), залегающий под латеритовым горизонтом, действительно палеолитический. Мойльтын-ам (Харахори, Монголия) помогает установить нижнюю границу корейского палеолита. В этом памятнике лессовая толща, в которой, кстати, тоже прослеживается сверху глина, окрашенная в красноватый цвет, подстилается мощным пластом щебенки. Как и в Кульпхо, она напоминает поверхность сильно выветрившейся скалы. Датировка нижних слоев Мойльтын-ам верхнепалеолитическим временем — установленный факт. Не исключено, что, если бы щебенчатый горизонт дал культурные остатки, то они оказались бы мустьерскими по времени. Эти аналогии, возможно, слишком далекие и геологически, может быть, не совсем оправданные, все же в какой-то мере помогают более или менее точно датировать находки в Кульпхо. Его верхний горизонт датируется верхним палеолитом (он подстилает латериты, с которыми в Осиновке связан мезолит), а нижний слой — мустьерским, а может быть и более древним периодом (он залегает в щебенке, которая в Мойльтын-ам находится ниже верхнепалеолитических слоев).

Геологические соображения о верхнеплейстоценовом возрасте слоя культуры Кульпхо II подтверждаются результатами анализа каменных изделий, обнаруженных при раскопках¹⁸. По существу первое достаточно четкое представление о характере верхнего палеолита Кореи возникло лишь после замечательных по результатам открытий в Кульпхо. Наибольшее впечатление производит серия выразительных ле-

валлуазского типа нуклеусов и их заготовок в большинстве случаев из галек сравнительно хорошего по качеству черного кремнистого сланца. Первый нуклеус трапециевидный по очертаниям (см. рис. 20, 6). Его округлая более широкая часть с выпуклой тыльной стороны превращена несколькими пластинчатыми сколами в скошенную ударную площадку. На остальной поверхности, за исключением нескольких фасеток на противоположном конце, сохранилась нетронутой первоначальная корка гальки. Поверхность скалывания нуклеуса почти сплошь покрыта крупными фасетками выравнивающих сколов, направленных от краев к середине, и лишь в центральной части ее и на конце, противоположном краю ударной площадки, сохранилась галечная корка. По краю ударной площадки прослеживается серия мелких сколов. Нуклеус был полностью подготовлен к скалыванию пластин вдоль длинной оси гальки, однако изделие так и осталось неиспользованным по своему прямому назначению. Второй нуклеус почти правильной треугольной формы (см. рис. 20, 1). Его тыльная сторона сплошь покрыта сколами — по краям глубокими, а в центре — обширной, занимающей большую часть плоскости фасеткой. Особенно тщательно подтесана крутыми пластинчатыми сколами ударная площадка нуклеуса, которая занимает во всю длину скошенное основание треугольного изделия. В центре поверхности скалывания отчетливо прослеживаются 3 расположенных параллельно друг другу фасетки сколотых с нуклеуса пластин, судя по негативам, сравнительно правильных очертаний. Сходящиеся под острым углом края поверхности скалывания обработаны сколами. Судя по фасеткам вдоль основания, нуклеус использовался до предела, и его выбросили за неаппортностью после того, как неудачными стали попытки снять очередные пластины. Третий нуклеус, также подтреугольных, но более округлых очертаний представляет собой, по существу, заготовку (см. рис. 20, 3). Значительная часть его будущей поверхности скалывания сохраняет галечную корку, и лишь вдоль одного края и части основания видны фасетки сколов вторичной подправки. С тыльной стороны заготовки сколы выстругивают и оформляют слегка округлую ударную площадку. Часть поверхности тыльной стороны вдоль одного края сохраняет нетронутой галечную корку. Четвертый нуклеус округлых очертаний (см. рис. 20, 4). На его выпуклой тыльной стороне со значительными участками, незатронутыми обработкой, по краю тщательно оформлена ударная площадка. Поверхность скалывания нуклеуса почти сплошь покрыта фасетками сколов, оформляющих края изделия и выстругивающих плоскость снятия пластин. Особенно крутые и глубокие фасетки пластинчатых сколов, направленных вдоль длинной оси нуклеуса, прослеживаются у края, противоположного удар-

¹⁸ Осенью 1974 г. корейские археологи любезно предоставили возможность ознакомиться с палеолитическими коллекциями из Кульпхо и Токсана. Нижеследующий текст представляет собой итог осмотра подлинных находок их этих пунктов. Он вносит определенные коррективы в характеристику изделий, которая проведена на предшествующих страницах статьи в соответствии с описаниями То Ю Хо, Ким Ён Гана и Со Гук Тхэ.

ной площадке. По-видимому, они представляют собой результат начальной стадии использования пуклеуса. Оценивая в целом типологию пуклеусов из культурного горизонта Кульихо II, можно с уверенностью представить их как де-валлауэские одноплощадочные, подразделяющиеся по очертаниям на округлые, подпрямоугольные и треугольные. Отсутствие в коллекции изделий из пластин, сколотых с такого рода пуклеусов, не позволяет полнее охарактеризовать палеолитическую культуру Кульихо II.

Особого описания заслуживает уникальный инструмент, обнаруженный в самом начале, когда при зачистке впервые удалось зафиксировать в Кульихо культурный горизонт, подстилающий слон неолита. Он представляет собой выразительный по типологическим особенностям топоровидный инструмент, изготовленный из вытянуто-овальной кварцевой гальки (см. рис. 20, 5). Одна сторона ее плоская, а другая выпуклая. В рабочее лезвие орудия превращен более широкий округлый конец. Он покрыт с двух сторон фасетками сколов, которые более обширны на выпуклой стороне гальки. Следы обтески в виде крупных выравнивающих фасеток заметны также в верхней части орудия, у обушки. По сторонам там же слегка заметны выемки, оформленные отчасти мелкой ретушью. Значительные участки обеих широких плоскостей гальки не обработаны и сохраняют петролунтой первоначальную корку. На поверхности нижней половины орудия с плоской стороны выделяются места, где отчетливо заметны следы искусственной припилифовки.

В заключение описания материалов из слоя Кульихо II следует упомянуть еще о двух находках. Одна из них представляет собой трапециевидную плоско-выпуклую гальку со следами водтески по краю в отдельных местах как с плоской, так и с выпуклой стороны (см. рис. 20, 2). По-видимому, удары наносились по краю гальки с целью определения пригодности материала для изготовления орудия. Вторая находка — выразительный пластинчатый отщеп, сколотый с гальки белого кварцита. На спинке отщеп сохранилась галечная корка и видны параллельные узкие и довольно правильные негативы спящих ранее пластинок. Со стороны брюшка на конце, куда при скалывании пришелся удар, отчетливо выделяется бугорок и метка, свидетельствующие о силе удара (рис. 21, 2). Учитывая не очень хорошее по качеству сырье и относительную правильность скола, следует признать, что техника отделения пластинчатых заготовок достигла на стадии Кульихо II сравнительно высокого уровня. В районе Кульихо отмечено еще несколько пунктов, где удалось обнаружить верхнепалеолитические или мезолитические по характеру изделия. Однако, поскольку большинство их трудно связывать с определенными геологическими горизонтами, они будут описаны далее в заключительной час-

ти раздела, связанного с характеристикой материалов по верхнему палеолиту Кореи.

Отдельные этапы верхнепалеолитической культуры Корейского полуострова хорошо представлены коллекциями каменных изделий и характерными комплексами, открытыми при раскопках местонахождений № 1 и 2 Сокдянни. Наибольший интерес вызывают результаты исследований самого, пожалуй, раннего из серии верхнепалеолитических горизонтов Сокдянни, обнаруженного Сон По Ги в процессе работ на территории местонахождения № 1. Слой компактной и плотной глины с культурными остатками залегал здесь, как показали сопоставления со стратиграфической колонкой местонахождения № 2, выше 9—6-го геологических пластов последнего, лишенных находок камней со следами искусственной обработки. Следовательно, если совмещение стратиграфических подразделений того и другого пункта Сокдянни проведено точно, то в таком случае культура 5-го геологического слоя местонахождения № 1 представляет очередной этап культуры палеолита Кореи, оставшийся неизвестным при раскопках местонахождения № 2 в 1964—1969 гг. Сложность корреляции заключается в том, что местонахождение № 1 располагается на террасовидной площадке, возвышающейся над уровнем моря всего на 7—8 м, в то время как уровень воды в р. Кым составляет 6,4 м. Отсюда следует, что пачка слоев, соответствующих 9—7-му слоям местонахождения № 2, находится здесь ниже уровня воды в реке и вскрытие их пока затруднено. Однако Сон По Ги с помощью разведочных шурфов удалось провести специальное исследование 6-го слоя гравия, перемешанного с песком, который, судя по всему, подстилал на местонахождении № 1 пласт компактной глины с размещенным в его толще культурным горизонтом. При просеивании содержимого слоя выяснилось, что по процентному содержанию глины, ила и песка он в общем соответствует 6-му слою местонахождения № 2 Сокдянни. Кроме того, в разрезах того и другого местонахождения выделялись такие хорошо сопоставимые маркирующие горизонты, как 4-й слой песчанистой компактной глины, рассеченной вертикальными трещинами. Как раз между ними и 6-м слоем песка с примесью гравия в обоих местонахождениях и располагается 5-й слой компактной глины (рис. 21). Но если в местонахождении № 2 в нем не удалось обнаружить культурных остатков, то при раскопках на территории местонахождения № 1 они выявлены в изобилии и в сопровождении примечательных комплексов, свидетельствующих об открытии остатков жилого сооружения.

По склону террасы здесь начиная с эпохи неолита земледельцы сооружали для своих полей уступы. В результате земляных работ, а также наводнений у подножия довольно крутого обрыва появились участки обнажений 5-го

Местонахождение № 1

Местонахождение № 2

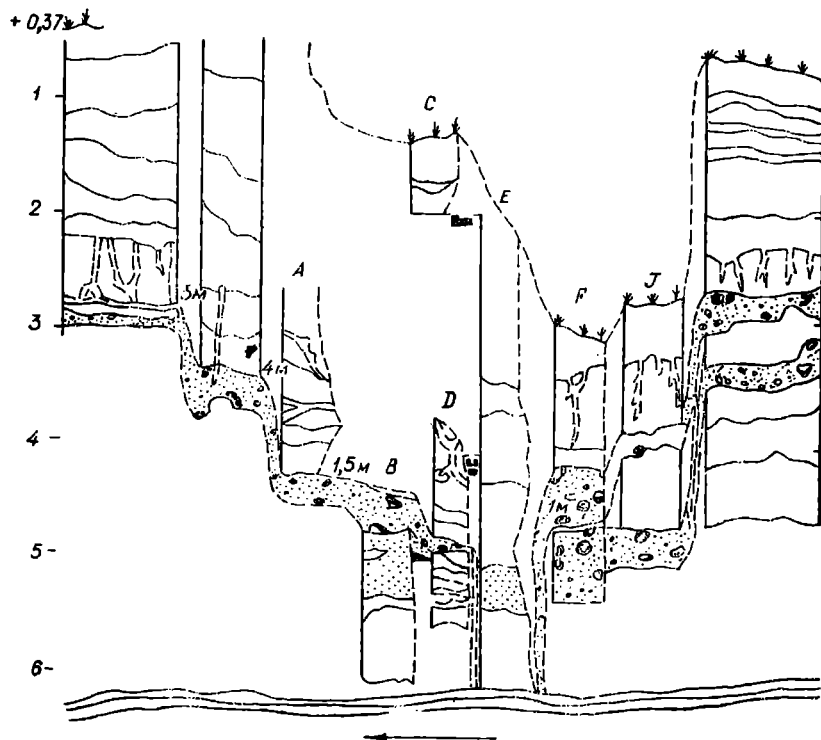

Рис. 21. Корреляция стратиграфии местонахождений № 1 и 2 Сокдэчхи. Разрезы А—J зафиксированы в контрольных шурфах, заложенных на террасе между двумя главными участками раскопок.

слоя компактной глины, и на поверхности оказывались отдельные экземпляры оббитых палеолитическим человеком камней. В районе их наибольшей концентрации Сон По Ги, очевидно, и заложил раскоп, не без основания считая это место наиболее перспективным для исследований. Культурные остатки залегали в самой нижней части террасы, по существу почти на уровне береговой отмели р. Кым в 5-м слое компактной глины. От поверхности этот горизонт отделялся пластом рыхлых отложений толщиной до 3,14 м. 5-й слой образован глиной, которая оказалась более плотной, чем в расположенном ниже пласте, но процент содержания в ней мелкозернистого песка увеличивался по сравнению с долей илестых частиц. Внутри 5-го слоя отмечена прослойка песка, смешанного с гравием. Выше располагался 4-й слой компактной глины, достигавший толщины 18 см. Он характеризовался наличием вертикальных трещин. В районе местонахождения № 1 этот слой оказался стерильным, но в нескольких контрольных шурфах, забитых поблизости, именно в нем удалось обнаружить изделия микролитического типа. Сон По Ги датировал 4-й слой эпохой голоцена. Далее отмечены два горизонта компактной глины (слои 3в и 3а), отличающихся друг от друга по цвету, но сходных по консистенции. Толщина их 66 см. В них нет культурных остатков. Разрез завершался 4 гумусными

горизонтами, достигающими вместе толщины 1,8 м, и полуметровым пластом поверхностной почвы. Эти аллювиальные слои появились на поверхности террасы в течение неолитической и последующих эпох. По мнению Сон По Ги, в период отложения 5-го слоя компактной глины ложе р. Кым располагалось ниже по уровню русло ее не отличалось значительной пиротой. Согласно радиоуглеродной датировке, культурный горизонт, сформировался на поверхности компактной глины 5-го слоя 20830 ± 1880 лет назад, в один из межстадиалов вюрмского оледенения, когда климатические условия напоминали в общем современные, отличающиеся большой влажностью и несколько более высокой температурой. Такой вывод подтверждает извлеченная из культурного слоя пыльца растений ле-

сов умеренного климата: *Pinus*, *Picea abietica*, *Alnus betulaceae*, *Ligustrum*, *Osmunda*, *Magnoliaceae*, *Nymphaeaceae*, *Lycopodiaceae*, *Aceraceae*, *Liliaceae*, *Cyperaceae*. Подъем ложа реки над уровнем моря и расширение ее долины связаны с неотектоническими движениями постплейстоцена. Вскрытая при раскопках площадка с остатками жилого комплекса характеризовалась неровным рельефом. Последовательно выделяются по крайней мере 4 уступа в виде широких ступенек, понижающихся с севера на юг к берегу реки (рис. 22). Профиль разреза жилой площадки по линии запад — восток также раскрывает постепенное повышение на восточной окраине раскопа. Не очень отчетливо прослеживаемая в разрезах чашевидность западины центральной части площадки отражает легкое углубление жилища, сделанное намеренно при сооружении его на слое компактной глины (рис. 23). При разборке культурного горизонта и последующей зачистке древней поверхности жилой площадки обратили на себя внимание прежде всего скопления камней, расположенные полосой в западной части раскопа сначала с севера на юг на участке длиной около 3,5 м, а затем на юго-восток на расстоянии немногим более 4 м, в восточной части — тоже с севера на юг, а потом на юго-запад на протяжении соответственно 4 и 4,5 м (см. рис. 23). Полосы камней отмечены пунк-

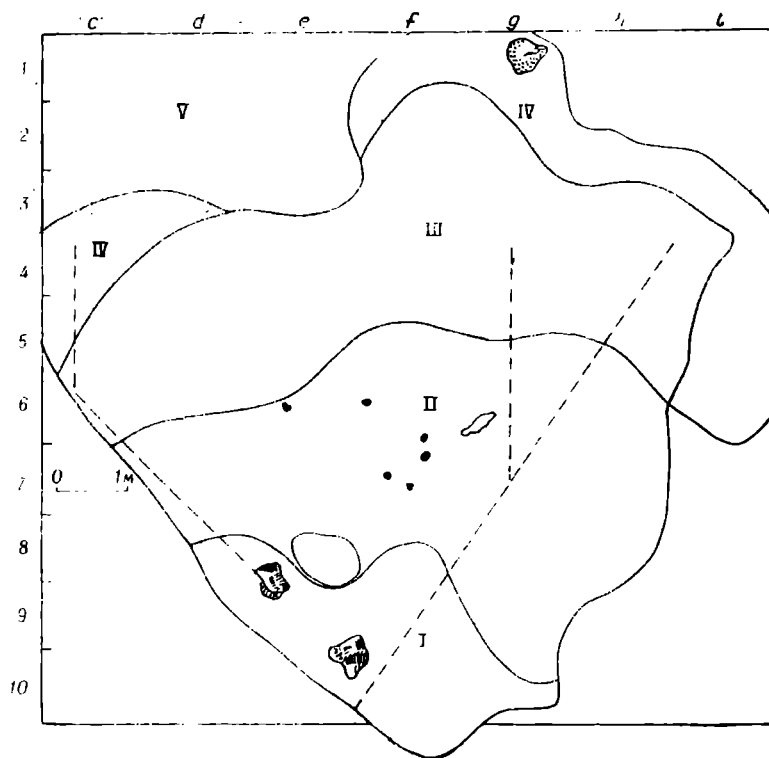

Рис. 22. Рельеф участка раскопа местонахождения № 1 Сокдяни, где были обнаружены остатки жилого комплекса.

тирными липиями). На крайнем юго-западе площадки, на участке, расположенном ближе к реке, обнаружены 2 крупные каменные глыбы, отстоящие друг от друга на расстояние 1,5 м. Мелкие каменные обломки между ними, вероятно, отсутствовали, и, очевидно, поэтому Сон По Ги описал их как «привратные камни», ограждавшие вход в жилище. Севернее входа располагалась очажная яма вытянуто-овальной формы. При раскопках очага в нем удалось обнаружить небольшое количество угля и золы. Каменная кладка в очажной яме и на ее окраине отсутствовала. Рядом с очагом лежала прямоугольная плитка сланца с выточенными на одной из широких ее плоскостей углублениями, образующими знак V. Плитка представляет собой, по-видимому, точило, с помощью которого заострялись концы костяных инструментов (см. рис. 26, 4). К западу от очага обнаружена, кроме того, вертикально поставленная оббитая по краю галька с характерным образом забитой и покрытой беспорядочными царапинами широкой поверхностью. Она, вероятно, использовалась вначале как нуклеус или чопперовидный рубящий инструмент, а затем в качестве наковальни (см. рис. 26, 6). Еще одна такая же по типу и с теми же специфическими по особенностям следами обработки и использования галька найдена на расстоянии около 3 м к северо-западу от очажной ямы (см. рис. 26, 3). Севернее ее, выше по склону в центральной части жилой площадки Сон По

Ги удалось выявить 5 ямок от столбов. К востоку от них, ближе к окраине жилища располагалось вытянутое с северо-востока на юго-запад углубление — по-видимому, остаток очажной или хозяйственной ямы, а южнее еще одна небольшая по размерам ямка или вмятина на полу жилища. Далее к югу рядом с круглой каменной глыбой найдена часть обгоревшего дерева с отчетливо выделяющимися в изломе годовыми кольцами роста древесной массы. Не исключено, что обуглившееся дерево представляет собой часть опорного столба жилой постройки.

Из других объектов, обнаруженных в пределах площади, окуптurerной обломками камней, вызывают интерес крупные каменные глыбы, сосредоточенные на равном расстоянии друг от друга главным образом вдоль восточной окраины жилища, к северо-востоку от очага. Они располагаются также почти на одинаковом расстоянии от полосы мелких камней, ограничивающих жилую площадку с востока. Что касается западной стороны жилища, то здесь найдена лишь одна такая глыба, ко-

торая лежала на расстоянии более 1 м на северо-запад от очага и одного из «привратных камней». Рядом с ней лежало 13 каменных обломков, по мнению Сон По Ги, отколотых от глыбы для придания ей формы миниатюрного «столика». Нет, однако, никакого сомнения в том, что крупные глыбы, расположенные явно в определенном порядке в пределах жилой площади на ее окраинах, представляли собой не культовые объекты вроде собаки, птицы, медведя или черепахи, как усиленно старается уверить Сон По Ги, исходя из случайного, к тому же натянутого сходства с ними каменных глыб, а какие-то конструктивные части жилой постройки. Они вместе с мелкими камнями выполняли, по-видимому, такую же роль, как и известняковые плиты и их обломки, открытые при раскопках оснований жилищ в Мальте. С точки зрения решающего подтверждения мысли о том, что на территории местонахождения № 1 Сокдяни удалось открыть именно остатки жилой постройки, а не обычное временное стойбище бродячих верхнепалеолитических охотников, важна картина распространения культурных остатков на территории раскопа. Все типы каменных орудий и отбросы производства при нанесении находок на план оказались сосредоточенными главным образом на участках, примыкающих к тем местам, где возвышались стенки постройки, что обычно и наблюдается при раскопках жилищ (рис. 24). Очень много разного рода изделий концентри-

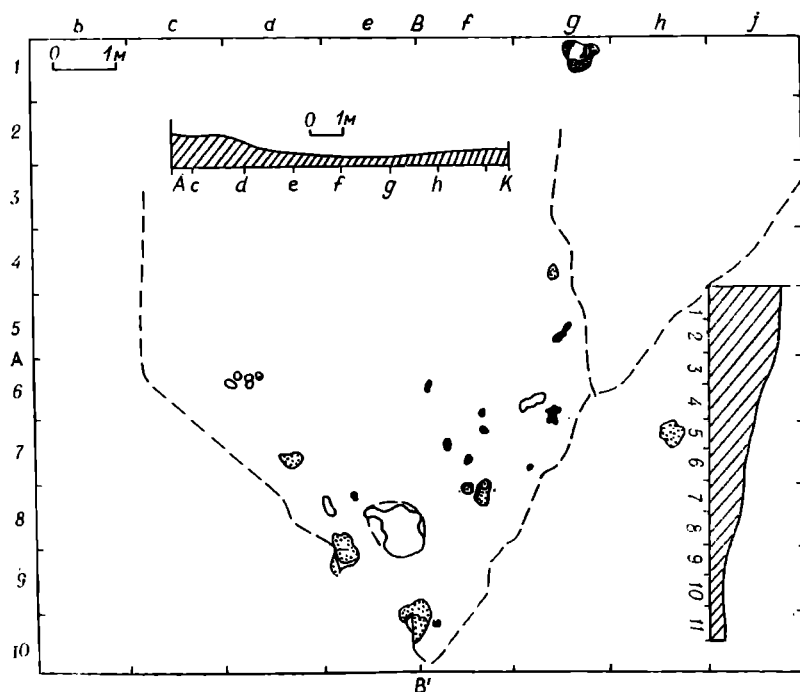

Рис. 23. Жилой комплекс местонахождения № 1 Сокданни и разрезы по линиям А — А' и АВ — В'.

ровалось около очажной ямы и у входа в постройку — явление тоже рядовое и не удивительное, так как обычно производственная деятельность активно осуществлялась вблизи очага. Южнее входа за пределами жилища тоже часто попадались камни со следами обработки, отщепы и орудия, но они, по-видимому, переместились сюда в процессе естественного «оплывания» культурного слоя вниз по склону. Исходя из той же причины, можно объяснить открытие культурных остатков вне жилища в непосредственной близости от восточной и юго-западной стенок его. Единственное исключение из правила составляют лишь кусочки красящего вещества (карминно-красного, темно-красного, светло-коричневого и черного лимонита и гематита). Подавляющее большинство их с пропиленными бороздками на поверхности располагалось за пределами основной части жилой постройки, к востоку от протянувшегося с севера на юг участка восточной стенки, но все же на территории, ограниченной с двух сторон россыпями мелких камней. На плоскостях некоторых галек Сон По Ги отмечал бесформенные пятна краски. На фоне изобилия находок у очага и вдоль основания стенок постройки, где, вероятно, устраивались лежанки, в особенности бросается в глаза предельная малочисленность культурных остатков в центральной части жилища, как раз там, где обнаружены ямки от столбов. Такая черта тоже считается характерной для договеменных наземных или полуподземных построек. Люди избегали устраиваться для работы и отдыха в месте, не защищенном крышей и неудобном из-за расставленных там опорных

столбов. Итак, подводя итоги описания культурных комплексов, обнаруженных при раскопках местонахождения № 1 Сокданни, можно уверенно констатировать, что Сон По Ги по-настоящему замечательное открытие в области верхнего палеолита континентальной части Восточной Азии — впервые выявить остатки своеобразной жилой постройки (рис. 25).

В качестве сырья для изготовления орудий обитатели местонахождения № 1 Сокданни использовали чаще всего порфирит и кварцит, а также фельзит, риолит, сланец и обсидан. Материал для обработки доставлялся на поселение в виде мелких желваков, крупных глыб и булыжников самых разнообразных форм. Изготовление изделий продолжалось, очевидно, достаточно долгое время и велось интенсивно, поскольку, об-

щее количество обработанного камня, обнаруженного при раскопках и подъемных работах, превысило после полевого сезона 1972 г. 6000 экз. Сон По Ги выделил среди них 2758 инструментов, подразделяющихся на несколько типологических серий, и 3321 экз. разного рода отбросов производства — отщепов, пластин, раздробленных галек. Из-за не очень хорошего качества самого распространенного на поселении сырья высокая техника отделения пластинчатых отщепов и пластин, как и последующего изготовления из них орудий, устанавливается главным образом на основании анализа немногочисленных изделий из обсидана (7 пластин, одна из них послужила заготовкой для резца примечательной разновидности) и редких экземпляров пластинчатых сколов, полученных при обработке порфирита и фельзита. Вообще подавляющее большинство орудий местонахождения № 1 изготовлялось не из отщепов и пластин, как следовало бы ожидать, а из пуклевидных желваков. Обработка велась, по мнению Сон По Ги, с использованием трех технических приемов — с помощью прямого удара пальцем отбойником, прямого удара цилиндрическим отбойником или отжимником и косвенного удара. Вторичная обработка рабочих краев примечательна нанесением крутой, орипьянской по особенностям ретуши.

Сон По Ги провел тщательную типологическую классификацию орудий и произвел точный количественный подсчет их. Из-за немногочисленности иллюстративного материала, приложенного к итоговому отчету, трудно судить, насколько основательны его подразделения, свя-

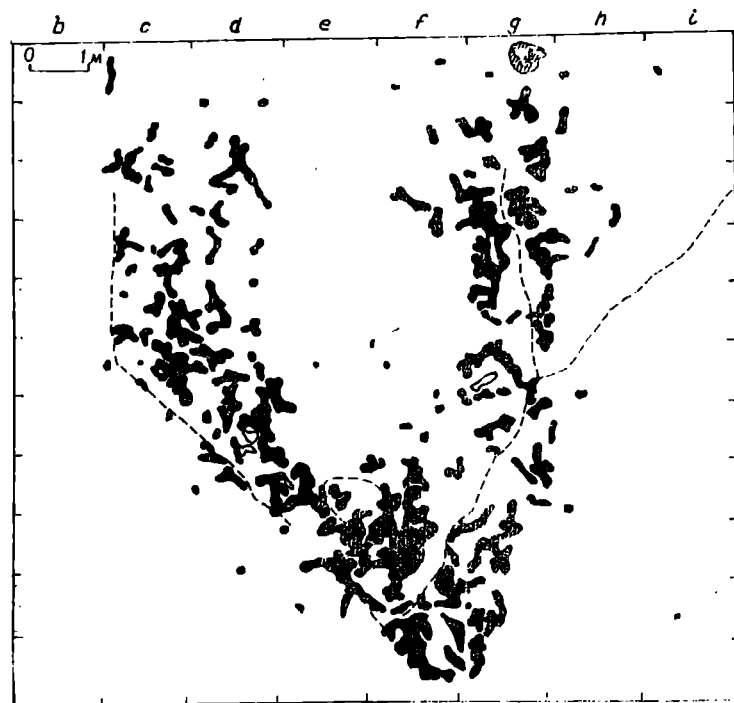

Рис. 24. Концентрация находок в пределах жилого комплекса местонахождения № 1 Сокдянки.

занные с типологией инструментов. Тем не менее для получения по возможности более полного представления о находках, прежде чем дать суммарную характеристику индустрии местонахождения № 1 Сокдянки, основанную на изданной части коллекций, следует обратиться к некоторым выводам Сон По Ги. По функциональному назначению он выделил следующие группы: 1) орудия охоты и разделывания убитых животных (рубила, чопперы, острия, диски, боласы); 2) орудия кухни (боковые скребки, концевые скребки, кливеры-пожи, пластины, инструменты для обработки кожи); 3) орудия общецелевого назначения (тесла, скобели, кирки, резцы, проколки, инструменты с зубчатым рабочим краем и выемками); 4) орудия для производства орудий (отбойники, цилиндрические отбойники для скалывания отщепов, долота, наковальни, терки); 5) заготовки (расколотые камни, нуклеусы, в том числе пластинчатые отщепы, чешуйки, резцовые сколы); 6) предметы искусства (камни и кости с парезками, камни со следами краски на них, скульптурки (?)). Самую многочисленную группу орудий составляют боковые скребки или скребла (639 экз., 23,1%), далее следуют концевые скребки (598 экз., 21,7%), (584 экз., 21,2%), острия (414 экз., 15%). Общее число инструментов перечисленных разновидностей составляет 2235 экз., или 81,09% всех орудий стоянки. По функциональному назначению они распределялись следующим образом: 1) орудия охоты и разделывания туш — 475 экз. (17,2%); 2) орудия кухни — 1399 (50,78%);

3) орудия общецелевого назначения — 884 (32,1%). Среди последних 584 экз., (61,2%) представляют собой резцы. Изучив степень изношенности рабочих краев, Сон По Ги установил, что неиспользованными остались 500 орудий (18,1%), мало использовались 1857 (67,3%), сравнительно часто — 377 (13,8%) и часто — 24 (0,8%). Поскольку 81,9% орудий на стоянке использовались в работе, Сон По Ги пришел к выводу, что она представляет собой «базовое поселение». В целом, по его мнению, типология орудия и процентное соотношение их разновидностей, если не считать многочисленности боковых скребков, местонахождение № 1 Сокдянки не выходит за рамки обычного для индустрий верхнепалеолитических стоянок. Сон По Ги обратил в связи с этим внимание на малочисленность орудий с 2 или 3 функциональными назначениями. Они составляли всего 7,8%, что свидетельствует о высокой специализации инструментария, не характерного для индустрий нижнего и среднего палеолита Сокдянки.

При изучении изданного материала можно выделить несколько примечательных и чрезвычайно важных особенностей верхнепалеолитической культуры местонахождения № 1 Сокдянки. Прежде всего даже при скудости представленных в рисунках коллекций обращает на себя внимание типологическое разнообразие нуклеусов. К первой разновидности относятся галечные, которые, правда, трудно в большинстве случаев выделить из комплекса рубящих инструментов типа чопперов и чоппингов (рис. 26, 3, 6). Вторую группу составляют нуклеусы леваллуазского типа (рис. 27, 2). Открытие крупных широких пластин с правильными, параллельными друг другу пластинчатыми негативами на спинках (45 экз.) свидетельствуют о наличии в индустрии Сокдянки нуклеусов подпризматического типа (рис. 27, 2). Упомянутый Сон По Ги двусторонне обработанный «поперечной ретушью» диск, возможно, относится к нуклеусам дисковидного типа. Высокое мастерство в технике обработки камня, тонкость и изящество части инструментария подтверждают несколько экземпляров нуклеусов, которые относятся к разновидностям нуклеусов-скребков гобийского типа или односторонние конических с приотстренным тыльным ребром, которые, возможно, представляют собой использованные до предела нуклеусы-скребки. Последние типы нуклеусов настолько специфичны и важны для характеристики культуры в целом, что они заслуживают более подробного, насколько это возможно, описания.

Один из них относится к классическому по выразительности варианту пуклеусов-скребков гобийского типа (рис. 28, 1). Он сильно вытянут в длину, широкие плоскости его сплошь покрыты фасетками поперечных пластинчатых сколов, а содного из торцов, судя по негативам, снимались обычные для таких разновидностей пуклеусов микропластины. К сожалению, на рисунке не изображена ударная площадка, но можно почти не сомневаясь, что ее оформили сколов с обычной двусторонне обработанной заготовки приостренный край, или, если происходило «оживление», так называемую лыжевидную пластину. Сон По Ги опубликовал один из таких длинных краевых сколов, превращенных затем в скребковидный инструмент, что подтверждает оправданность приведенного выше заключения (рис. 29, 3). Второй пуклеус отличается специфическими особенностями, хотя ударная площадка его оформлена одним пластинчатым по характеру продольным сколом, что считается примечательным для пуклеусов-скребков гобийского типа (см. рис. 28, 5). Он короткий, одна сторона его сплошь выстругана сколами, в том числе одним продольным пластинчатым, а вторая представляет собою ровную плоскость раскола исходной заготовки. Поверхность скалывания сравнительно длинных, но узких пожевидных пластин расположена под характерным острым углом к плоскости ударной площадки. Третий пуклеус — миниатюрный, односторонне конический (см. рис. 28, 2). Приостренное, слегка закругленное тыльное ребро его образует острый угол с узкой поверхностью скалывания микропластин. Боковые грани пуклеуса тщательно выструганы с одной стороны поперечными, а с другой продольными пластинчатыми сколами. Как оформлялась узкая довольно вытянутая ударная площадка, остается неясным. С каждого из трех вышеупомянутых пуклеусов снимались идеально правильные пластины, которые могли использоваться в виде лезвий составных вкладышевых инструментов или как заготовки для миниатюрных орудий. На фоне общей грубости каменного инвентаря местонахождения № 1 пуклеусы торцовых разновидностей раскрывают примечательные черты каменной индустрии верхнего палеолита Кореи.

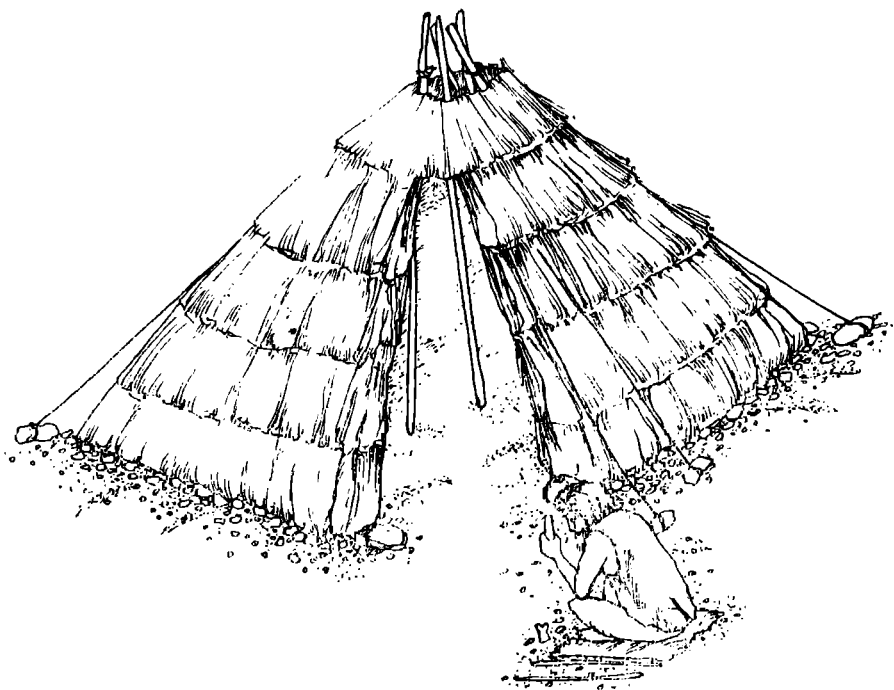

Рис. 25. Реконструкция жилища местонахождения № 1 Сокдзяни.

Микропластины, ретушированные или даже лишённые дополнительной обработки, среди опубликованных изделий отсутствуют. Что касается более крупных пластин, сколотых с пуклеусов подиризматического или леваллуазского типа, то Сон По Ги издал лишь одно типологически чрезвычайно важное орудие, которое вызывает не меньший интерес, чем открытие в Сокдзяни пуклеусов-скребков гобийского типа. Речь идет о классическом по наличию главных, определяющих признаков инструменте, который японские археологи называют резцом типа арая (см. рис. 28, 3). Сон По Ги лишь бегло упомянул об этом орудии «с фасетками и обработанными орньюкской по типу ретушью скребковидными краями» (1) среди группы обсидиановых пластин, изготовленных с применением техники «косвенного» удара. Между тем оно заслуживает значительно большего внимания. Инструмент этот изготовлен из части правильной двугранной пожевидной пластины. Со стороны спинки оба боковых края ее покрыты фасетками крутой тщательной ретуши. Затем справа наискось к левому краю мастер произвел два параллельных друг другу резцовых скола. Микропластинчатые фасетки их вместе по ширине в точности соответствуют толщине обсидиановой пластины. Кроме того, еще один резцовый скол сделан с правой стороны ее вдоль ретушированного края. Фиксация резцовой техники типа арая в верхнем палеолите Кореи — факт замечательный и важный для понимания его взаимоотношений с соседними культурными ареалами. К изделиям из крупных правильных

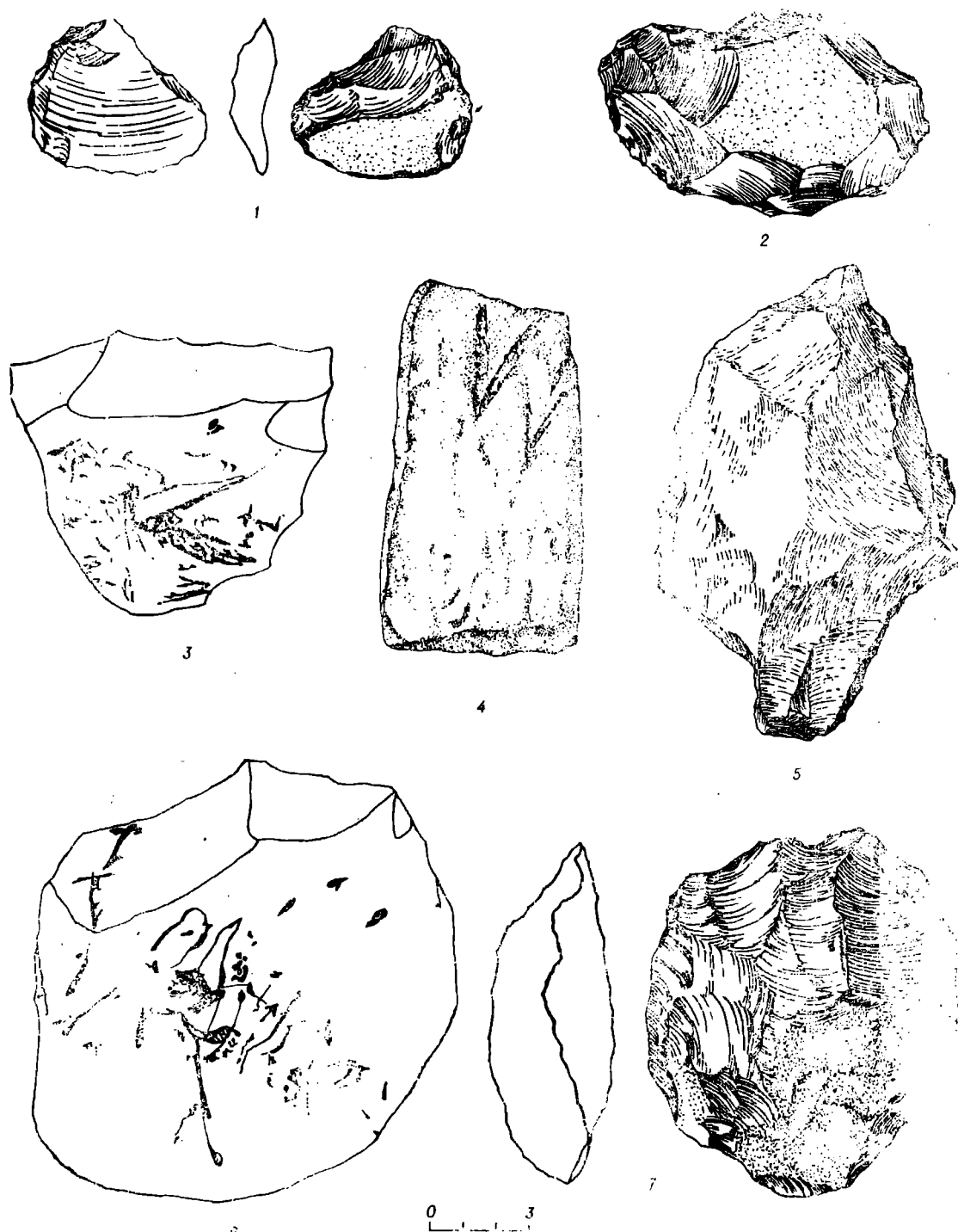

Рис. 26. Каменные изделия местонахождения № 1 Сокдьяни.

пластин следует отнести уникальное в коллекции орудие типа проколки (см. рис. 29, 4). Она изготовлена на конце широкой двугранной пластины. Крутые крупные фасетки ретуши, нанесенные со стороны брюшка, четко оформляют плечики и сравнительно массивную рабочую часть проколковидного острия. Обработка его по краям со стороны спинки менее тщательна и отчетлива, но широкий рабочий конец прокол-

ки покрыт фасетками микроретуши. Длина орудия 57,4, ширина 27,4, толщина 11,4 мм. Третье изделие из обломка широкого изогнутого двугранного скола интересно тем, что выпуклый и прямой края его обработаны крутой мелкой ретушью, такой же по характеру, как ретушь на краях резца типа арая. Изделие могло использоваться в качестве пожа или бокового скребка (см. рис. 26, 1).

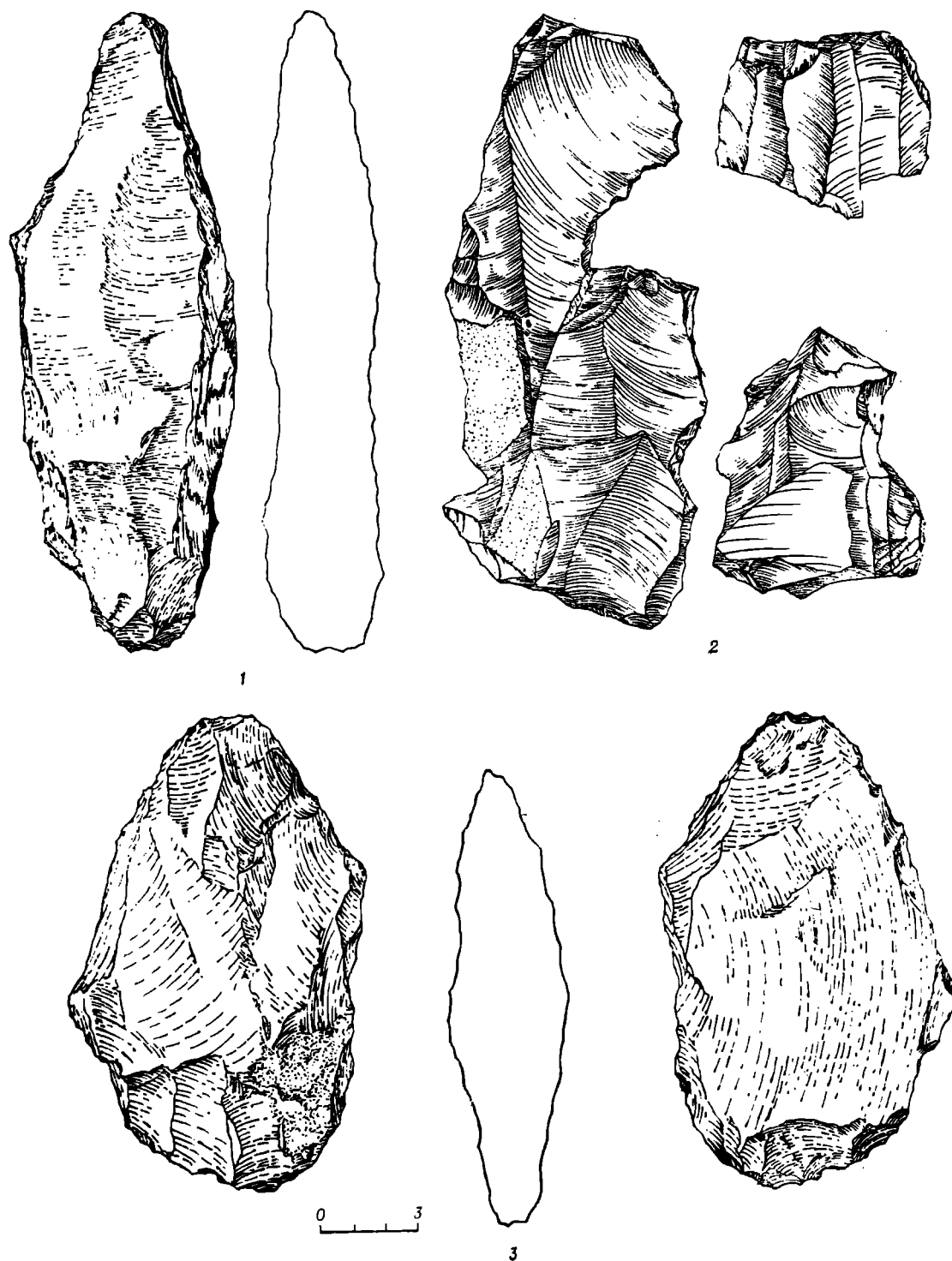
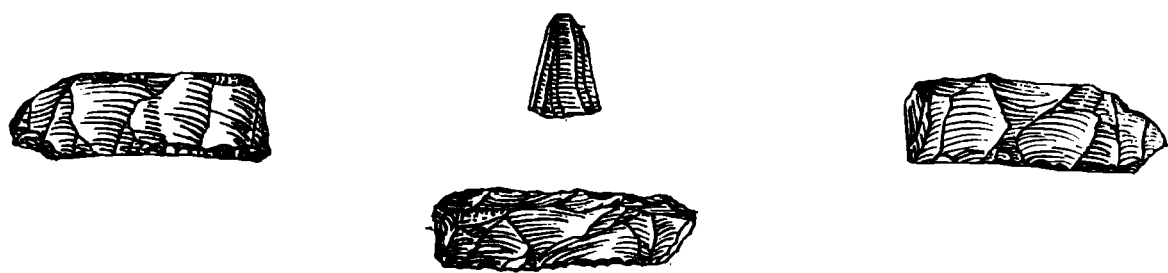

Рис. 27. Каменные изделия местонахождения № 1 Сокдяни.

Среди большого количества концевых скребков особой правильностью и тщательностью отделки отличаются, судя по опубликованному Сон По Ги образцу, так называемые скребки «веерообразной формы» (см. рис. 29, 2). Они, по-видимому, изготавливались из сравнительно

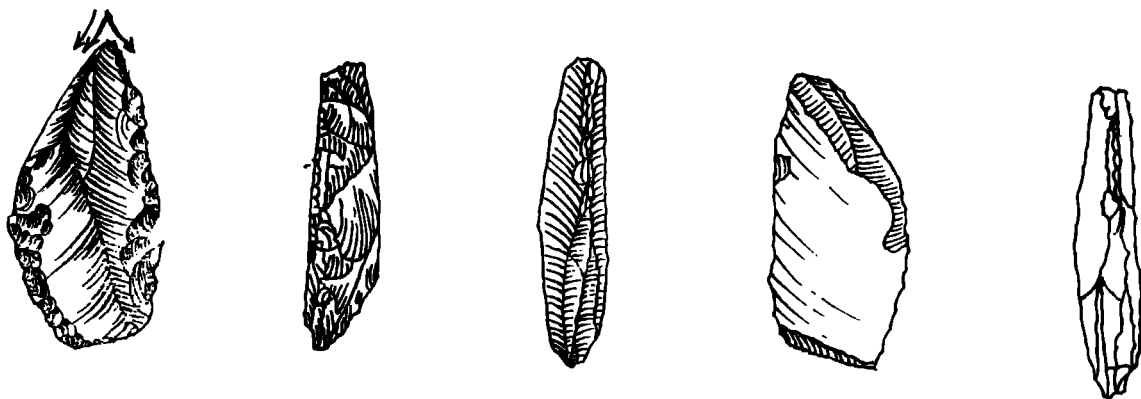
правильных сколов и пластинчатых отщепов. Крупные фасетки ретуши сплошь покрывают края скребка. Более основательной обработке подвергался округлый и более массивный, чем резко зауженный противоположный конец, рабочий край орудия. Ретушь здесь крутая,

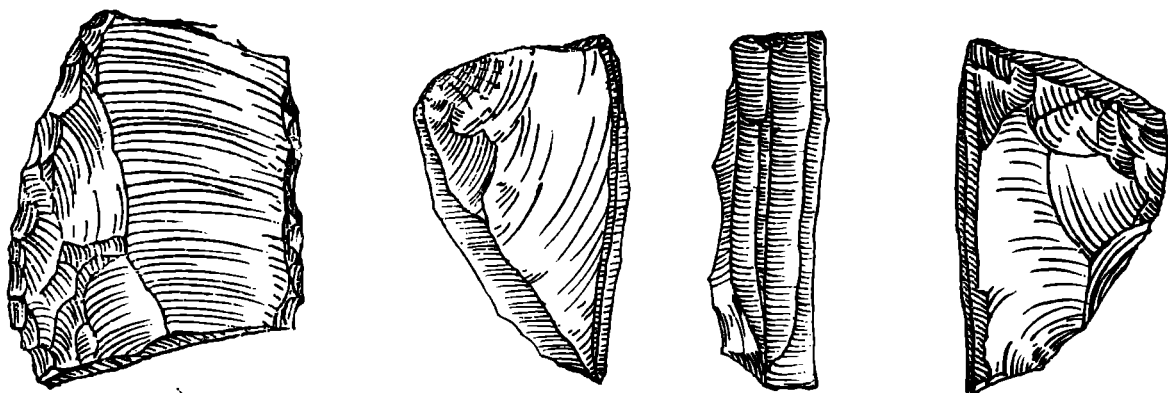
1

2

3

4

5

Рис. 28. Каменные изделия местонахождения № 1 Сокдьяни,

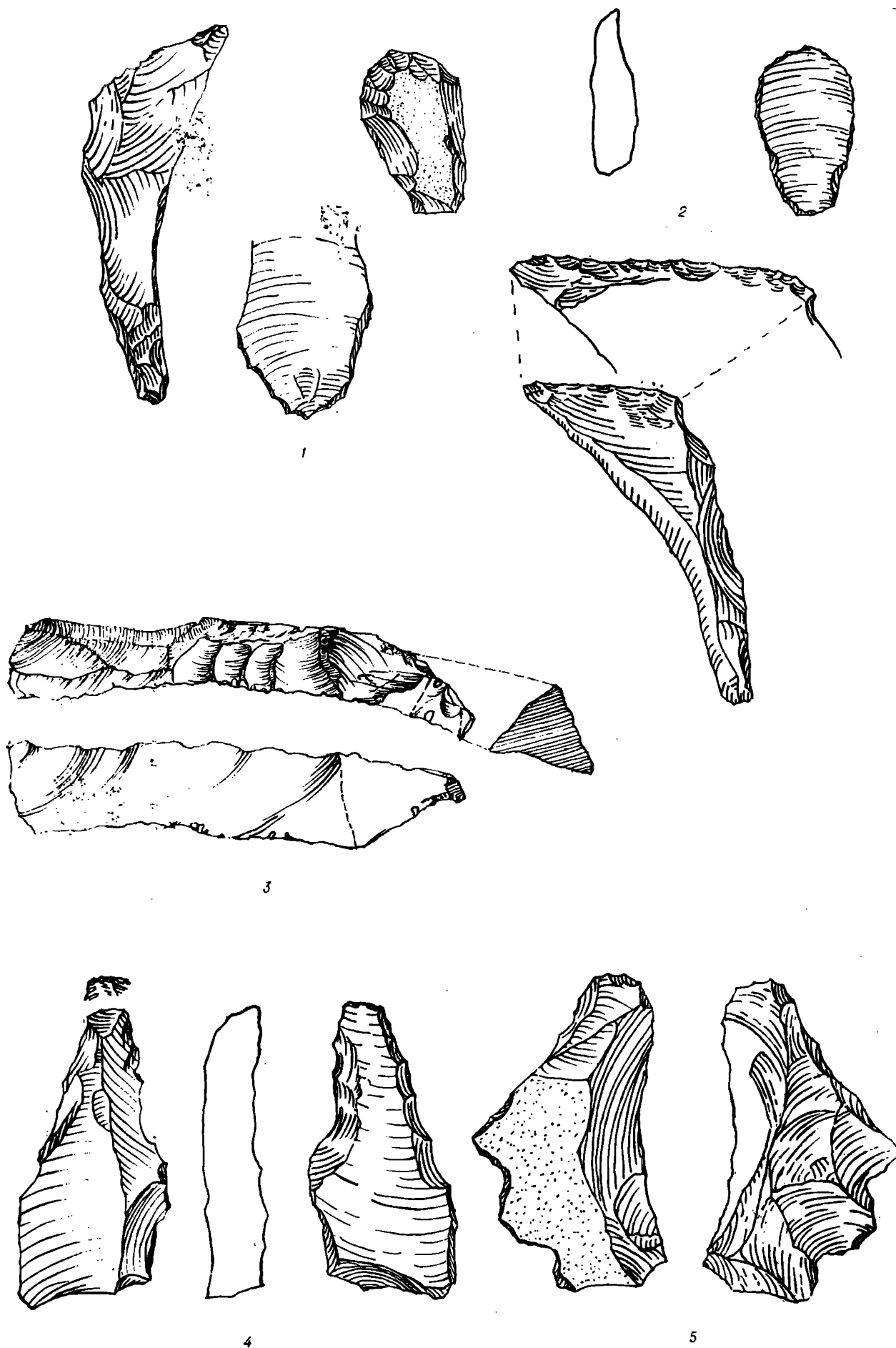

Рис. 29. Каменные изделия местонахождений № 1 (1, 2, 4, 5) и № 2 (3) Сокдьяни.

а фасетки правильные, пластинчатые по характеру и параллельные друг другу. Длина скребка 31,6, ширина 18 и толщина 7,8 мм. Всего, по подсчетам Сон По Ги, из 598 концевых скребков 153 экз. относятся к «веерообразным». Представить, как выглядят 115 концевых скребков *plane type* и 109 *posed type*, невозможно из-за отсутствия иллюстраций. Сон По Ги опубликовал лишь еще один скребок, изготовленный из трапецевидного по очертаниям скола с гальки (см. рис. 28, 4). Мелкая ретушь нанесена по широкому округлому краю его со стороны спинки. К серии орудий, отличающихся не очень большими размерами и тщательностью обработки, можно отнести также 114 изделий, которые характеризуются пыльчатом с острыми выступами-зазубринами рабочим краем (см. рис. 29, 5). Наличие такой своеобразной техники отделки вызывает большой интерес вследствие открытия сходных особенностей в индустрии верхнего палеолита лёссовых районов Восточной Азии, с одной стороны, и как свидетельство продолжения определенных технических традиций, зародившихся на предшествующих этапах эволюции палеолитической культуры Кореи — с другой. Всего, по подсчетам Сон По Ги, в Сокдянни обнаружено 114 изделий «с зазубринами», причем 62 из них частично ретушированы с двух сторон, а остальные большей частью — с одной. В качестве образца опубликовано лишь одно орудие такого типа. Длина его 52,1, ширина 49,2, толщина 21 мм.

Большую часть серии крупных орудий, придающих особо архаический облик индустрии верхнего палеолита Сокдянни, составляют чопперовидные рубящие инструменты; некоторые из них, возможно, представляли собой галечные или леваллуазского типа нуклеусы. Что такое предположение небезосновательно, свидетельствует замечание Сон По Ги о чертах леваллуазской традиции в технике оформления чопперов. Среди них он выделил 18 двухсторонне обработанных и 40 односторонне обработанных. О том, что часть чопперов действительно относится к категории нуклеусов, свидетельствует публикация одного из них (см. рис. 26, 7). Как уже отмечалось ранее, это изделие больше походит на одноплощадочный нуклеус леваллуазского типа. Самую многочисленную группу орудий большого размера составляют скребла, подразделяющиеся по форме рабочего лезвия на выпуклые (35 экз.), трансверсальные (189), выпукло-вогнутые (44), противолежащие со сходящимися лезвиями (32), вогнутые (21) и с выпукло-прямым лезвием (2). Из боковых скребел Сон По Ги опубликовал лишь один экземпляр орудия, надо полагать наиболее выразительный (см. рис. 26, 2). На нижней и частично верхней поверхности скребловидного инструмента сохранилась галечная корка, но выпуклый рабочий край его, как и прямая рукоятка, обработаны крутой ретушью. Фасетки ее вдоль рабочего лез-

вия настолько крупные, что Сон По Ги, по-видимому, именно вследствие этого назвал скребло нуклевидным. Оно между тем напоминает по внешнему облику скребла мустьерского типа, характерные для верхнепалеолитических памятников Сибири. Длина скребла 106,4, ширина 65,5 и толщина 49 мм. Следы сработанности на лезвии позволили Сон По Ги сделать вывод о том, что при трудовых операциях наиболее часто использовался только определенный участок его. Значительный интерес представляют, кроме того, 2 вытянуто-овальных, обработанных с двух сторон топорovidных инструмента, которые Сон По Ги описал как ручные рубила. Одно из них изготовлено из гальки, а второе — из массивного крупного скола. Судя по опубликованному образцу, в качестве рабочего лезвия использовался не приостренный узкий конец орудия, а, напротив, округлый, подтесанный по краю продольно направленными пластинчатыми сколами (см. рис. 27, 3). Изделие это следует по всем определяющим признакам рассматривать именно как топор, а не ручное рубило с «некоторыми мустьерскими чертами», согласно представлению Сон По Ги. Длина топорovidного орудия 143,6, ширина 80,2, толщина 42,4 мм. Вес его составляет 559 г. Инструмент этот мог с успехом использоваться для рубки дерева и рыхления земли при копке ям для столбов, очажных углублений, а также котлованов для подземных жилищ. Для тех же целей, очевидно, применялись кирки или мотыги. Всего их обнаружено 7 экз., а опубликовано лишь одно орудие (см. рис. 27, 1). В отличие от топорovidных инструментов кирки более длинные и с зауженным рабочим концом. У изданного экземпляра он подтесан сколами, края орудия небрежно обработаны крутой ретушью, и довольно отчетливо выделена резко зауженная с уступом плечика с одного края рукоятка. Длина кирки, которая, по мнению Сон По Ги, применялась при рытье ям для столбов, составляет 32,5 см.

В заключение описания индустрии местонахождения № 1 Сокдянни следует упомянуть, что помимо кливеров-ножей, пластин flayers, тесел, скобелей, резцов, проколов и орудий с выемками, представить типологию которых затруднительно из-за отсутствия иллюстраций, Сон По Ги упомянул также наконечники. Среди них он выделил копыя, стрелы и какие-то «массивные орудия для разделывания туш». Поскольку рисунки изделий такого типа в итоговом отчете отсутствуют, а описание их тоже не приведено, то сказать о них что-либо определенное невозможно. Более того, настораживает рисунок «наконечника копыя с плечиками», который напомнил Сон По Ги кинжал, в связи с чем он высказал предположение об использовании такого орудия во время охоты на животных (см. рис. 26, 5). Однако случайность сходства формы скола с наконечником при неопределенности следов намеренной оббивки орудия

настораживает и призывает к осторожности в оценке истинного назначения изделий, упомянутых в разряде наконечников. Трудно также установить, насколько достоверно сообщение Сон По Ги об открытии в пределах жилища человеческих волос и шерсти животных.

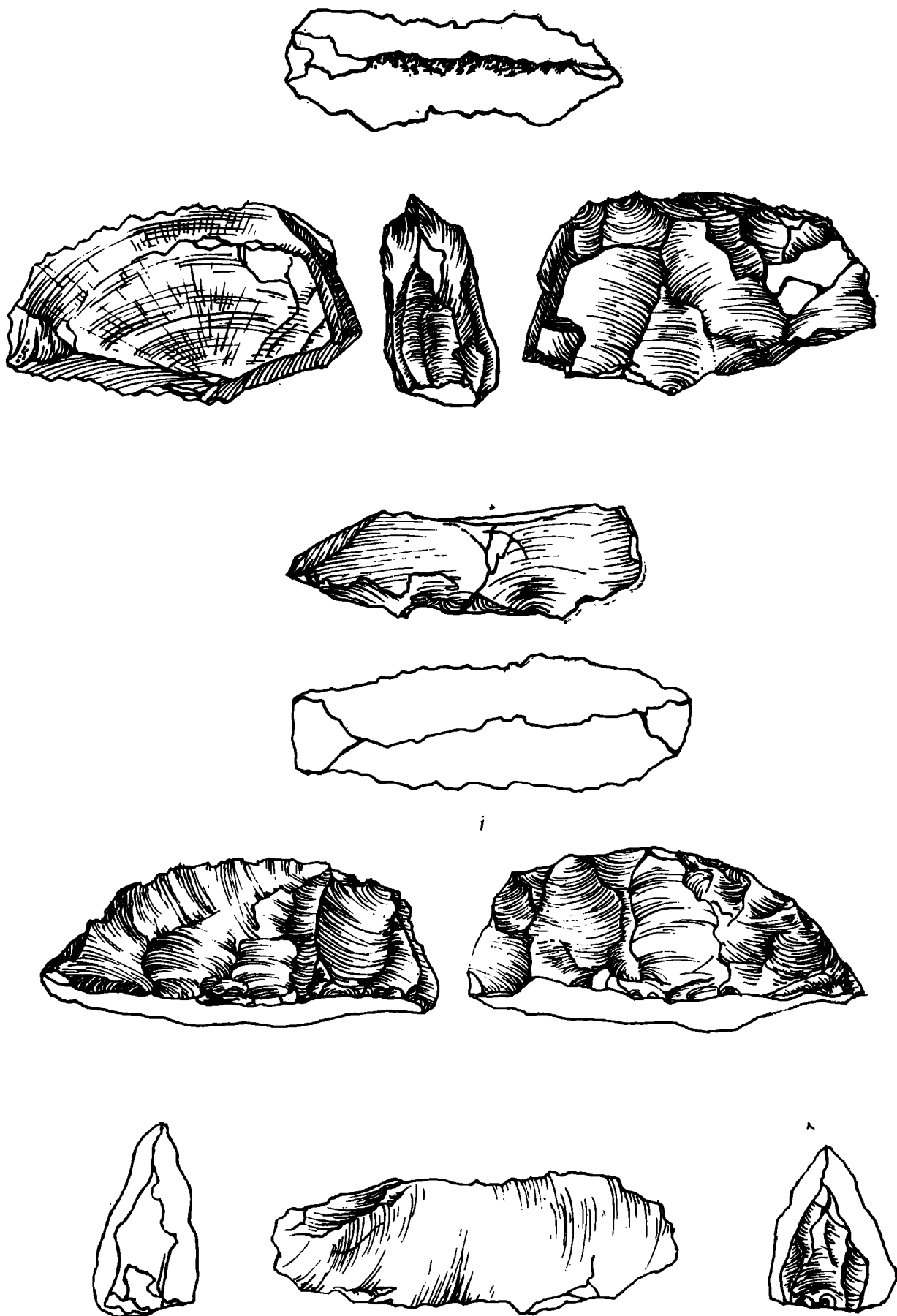
Верхнепалеолитические горизонты, как отмечалось ранее, удалось также открыть на местонахождении № 2 Сокдзянни. Сон По Ги считает, что три, по крайней мере, слоя позднего палеолита, а возможно, и мезолита располагались выше 10-го геологического слоя компактной глины, в котором залежали обработанные камни, датированные им средним плейстоценом. Из-за того, что приходится пользоваться публикациями разных лет, точно совместить стратиграфию даже одного пункта нелегко. Но трудности возрастают к тому же оттого, что раскопки на территории местонахождения № 2 велись в нескольких местах, расположенных на разной высоте по отношению к уровню реки, и каково взаимоотношение стратиграфических колонок каждого из них по отношению к другому, остается часто неясным. Тем не менее, кажется, наиболее ранние культурные горизонты, предшествующие поселению с жилищем местонахождения № 1, удалось открыть на главном раскопе, заложенном на участке высотой 12 м над уровнем реки. Во 2-м гравиевом горизонте (очевидно, 8-й геологический слой общей стратиграфической колонки) большинство изделий составляли, по определению Сон По Ги, нуклеидные орудия из кварца и порфирита. Согласно подсчетам, 10% инструментов относились к категории чопперов, 18% — к скребкам с крутой ретушью и 53% — к наконечникам. Глубина залегания второго гравиевого слоя от поверхности составляла более 3 м. Выше залегал пласт компактной глины (вероятно, 7-й геологический слой или 3-й горизонт глины), при раскопках которого обнаружена обожженная огнем площадка размером 1×2 м. Его перекрывал 1-й слой гравия (6-й геологический слой). При раскопках его найдены крупные орудия из пегматита, гранита и гранитного гнейса. Рубящие орудия насчитывали среди них всего 1%, чоппинги — 15, наконечники — 25 и скребки 30%. Часть крупных галек использовалась в качестве наковален, а у одной из них поверхность оказалась заполированной. По мнению Сон По Ги, на гальке полировались костяные или роговые инструменты. Самые поздние из верхнепалеолитических культурных остатков обнаружены при раскопках слоя компактной глины, залегавшей на глубине 1,9—2,1 м от поверхности (возможно, она представляет собой аналог 5-го глинистого пласта, в котором на местонахождении № 1 найдены остатки жилища; но утверждать это с уверенностью нельзя). В глине залежали микронуклеусы, изготовленные из кремнистого сланца и порфирита.

По-видимому, отсюда происходят обнаруженные при подъемных сборах 3 изделия, представ-

ляющие исключительную ценность для определения характерных особенностей верхнепалеолитической культуры Сокдзянни: 2 нуклеуса-скребка гобийского типа и трехгранная в сечении лыжевидная пластина, краевой скол с двухсторонне обработанной заготовки для нуклеуса-скребка¹⁹. Учитывая открытие при раскопках жилища местонахождения № 1 нуклеусов-скребков, сопоставимость глинистых горизонтов обоих пунктов кажется оправданной. Первый нуклеус-скребок местонахождения № 2 характеризуется обычными для такого рода изделий удлиненными пропорциями (рис. 30, 2). Широкие боковые грани его самым тщательным образом выструганы поперечными пластинчатыми сколами. Ударная площадка, оформленная одним мастерски рассчитанным сколом, сильно вытянутая, широкая. Подтреугольные в плане поверхности скалывания пластин располагались на обоих концах нуклеуса, т. е. он принадлежит к сравнительно редко встречающимся двуконечным вариантам нуклеусов-скребков гобийского типа. У второго нуклеуса-скребка одна широкая плоскость выстругана поперечными и частично продольными сколами, а вторая представляет собой ровную плоскость раскола заготовки (см. рис. 30, 1). Ударная площадка тоже широкая и сильно вытянутая, но закруглена лишь с одного конца, примыкающего к поверхности скалывания микропластин. Противоположный конец площадки приострен. Такая особенность объясняется тем, что этот экземпляр нуклеуса-скребка одноконечный. Поверхность скалывания пластин у него более обширная и массивная. Оба нуклеуса-скребка представляют экземпляры самой начальной стадии снятия микропластин. Лыжевидная пластина из Сокдзянни относится к краевым разновидностям (см. рис. 29, 3). Сходящиеся под острым углом грани ее покрыты на большей части фасетками поперечных сколов, но на одном конце видны также длинные пластинчатые сколы, направленные вдоль длинной оси заготовки. Один конец бруска пластины приострен, а другой широкий и прямой. Он определенно примыкал к поверхности скалывания. Нуклеусы-скребки и лыжевидная пластина из местонахождения № 2 Сокдзянни позволяют яснее представить особенности индустрии верхнего палеолита Кореи, конкретные сведения об инструментарии которого столь огорчительно скудны.

В раскопе на участке террасы, возвышающейся над уровнем реки на 13,8 м, выявлено 4 культурных слоя, 3 из которых датируются, вероятно, верхнепалеолитическим временем. Сон По Ги не привел геологической характеристики горизонтов с находками, и поэтому не ясно, следует ли датировать верхним палеолитом камни со следами обработки, найденные в пла-

¹⁹ Sohn Pow-key. Grattoir-burin carene discovered at Sokchangni, Korea. (Отд. отт.)

стах, отстоящих от поверхности на 2 м и более. Поскольку такая возможность не исключена, то следует иметь в виду, что в сериях орудий отсюда резцы составляют 1,3%, скребки — 12,8%, наконечники — 62,1%. В слое найдены также острия с клювовидными концами. В расположенном выше, на глубине 160—190 см, слое среди орудий 1,1% составляют резцы, 15,7 — скребки и 55% — наконечники. В слое, залегающем еще выше, на глубине 140—160 см от поверхности, 8,1% изделий — резцы, 8,8 — чопперы-тесла, 16 — скребки, 44% — наконечники. Среди находок в слое, отстоящем от поверхности на 110—140 см, резцов 17,9%, наконечников — 30,5, скребков — 31,4%. Они изготовлялись из риолита, кварцита и кремнистого сланца. Самый верхний уровень залегания находок располагался на глубине 80—100 см от поверхности. Здесь найдены прямоугольные концевые скребки и отбойники. Не отличаются определенностью также описания комплекса находок из раскопа, заложённого на участке террасы, возвышающейся над рекой на 14,4 м. Нижний культурный горизонт здесь обнаружен на глубине 110—130 см от поверхности, в слое гравия, состоящего из обломков гранита, кварцита и гнейса. Среди находок Сон По Ги упомянут небольшие орудия из кварцита, наковальни и разного типа отбойники. Среди орудий 60% составляли наконечники. В 60—70 см от поверхности залегали изделия 2-го культурного горизонта. Из 97 орудий, найденных при раскопках его, 10% составляют скребки и более 30% — резцы. Сон По Ги особо отметил открытие в слое 3 прямоугольных концевых скребков и великолепно ретушированных скребков из пластин, техника обработки которых напоминала ориньякскую. 28 резцов изготовлены из кварцита и хрусталя. Обнаружены также нуклеусы, но каких типов — из-за отсутствия описания не ясно. В качестве сырья при изготовлении орудий использовались кремень, риолит, кремнистый сланец, кварцит, хрусталь и порфирит. Из обсидиана оказалась изготовленной лишь 1 пластина. Культурные остатки верхнего слоя приурочены к пласту коричневой глины, залегающей на глубине 50—60 см. В ней найдены 1 боковой и 1 концевой скребки.

Следует признать, что подобного рода описание находок из верхнепалеолитических по времени культурных горизонтов местонахождения № 2 Сокдяни как более древних, чем слой с остатками жилища местонахождения № 1, так и более поздних дает слишком малую и очень неопределенную информацию о характере культуры поздней поры древнекаменного века Кореи. Ее ценность сомнительна еще и потому, что, за исключением редких случаев, когда публикуются рисунки изделий, нет уверенности в правильности определения Сон По Ги типологических серий. Поэтому по-настоящему конкретные сведения связаны лишь с уверенностью

об открытии в верхних культурных горизонтах местонахождения № 2 нуклеусов-скребков го-бийского типа и лыжевидной пластины. Что касается всего остального, то пока можно только, ожидая издания коллекций, констатировать, что верхнепалеолитическая культура, сравнительно хорошо представленная коллекциями изделий стоянки с жилищем, имела местные корни и развивалась далее, дав начало мезолитическим культурам полуострова.

Тем большее значение в такой ситуации приобретают публикация и сведения о единичных палеолитических по характеру находках, сделанных в разных местах Корейского полуострова. Они в какой-то мере позволяют дополнительно уловить отдельные черты культуры и ее определяющие особенности, воссоздать скупые контуры общей картины культурной истории Кореи в древнекаменном веке²⁰. Значительной выразительностью отличается галечное орудие, обнаруженное выше Сокдяни на одном из холмов при раскопках древней могилы (рис. 31, 3). Оно попало в засыпку ее случайно, но первоначально, по мнению Сон По Ги, находилось в слое одной из горных террас окрестностей. Более узкий и менее массивный конец гальки затесан с двух сторон продольно направленными пластинчатыми сколами, а противоположный конец оставлен без обработки. Орудие представляет собой по типу чоппинг, но, возможно, галька использовалась главным образом не как рубящий инструмент, а как нуклеус для получения сравнительно правильных пластинчатых сколов. Длина изделия 156,2, ширина 82,6, толщина 53,9 мм. Пятка его очень удобна для захвата рукой. Сон По Ги датировал орудие, исходя из его типологических особенностей и аналогий с изделиями из Терра-Амата, нижнепалеолитическим временем. Однако такой вывод, не подкрепленный стратиграфическими наблюдениями, более чем проблематичен, и поэтому можно лишь с уверенностью говорить о палеолитическом возрасте изделия, не уточняя пока этапа. Второе, топорovidное по внешним очертаниям, орудие, изготовленное из липарита, Сон По Ги подобрал в овраге в 1 км от Сокдяни, около д. Чхованни (рис. 32, 8). У инструмента один широкий подтрапециевидный конец, тщательно подтесанный мелкими фасетками продольно направленных сколов с одной поверхности и такими же, а также поперечными пластинчатыми сколами с другой. Противоположный конец орудия, обухок, значительно более узкий, приостренный и оформленный по краям мелкими сколами. Обе широкие плоскости изделия обработаны сплошь. Типологические орудие чрезвычайно из-за характерного угловатого контура широкого рабочего лезвия и отделенного

²⁰ Сон По Ги. О возможности существования палеолита в других местах, кроме деревни Сокдяни. (Отд. отт.; на кор. яз.).

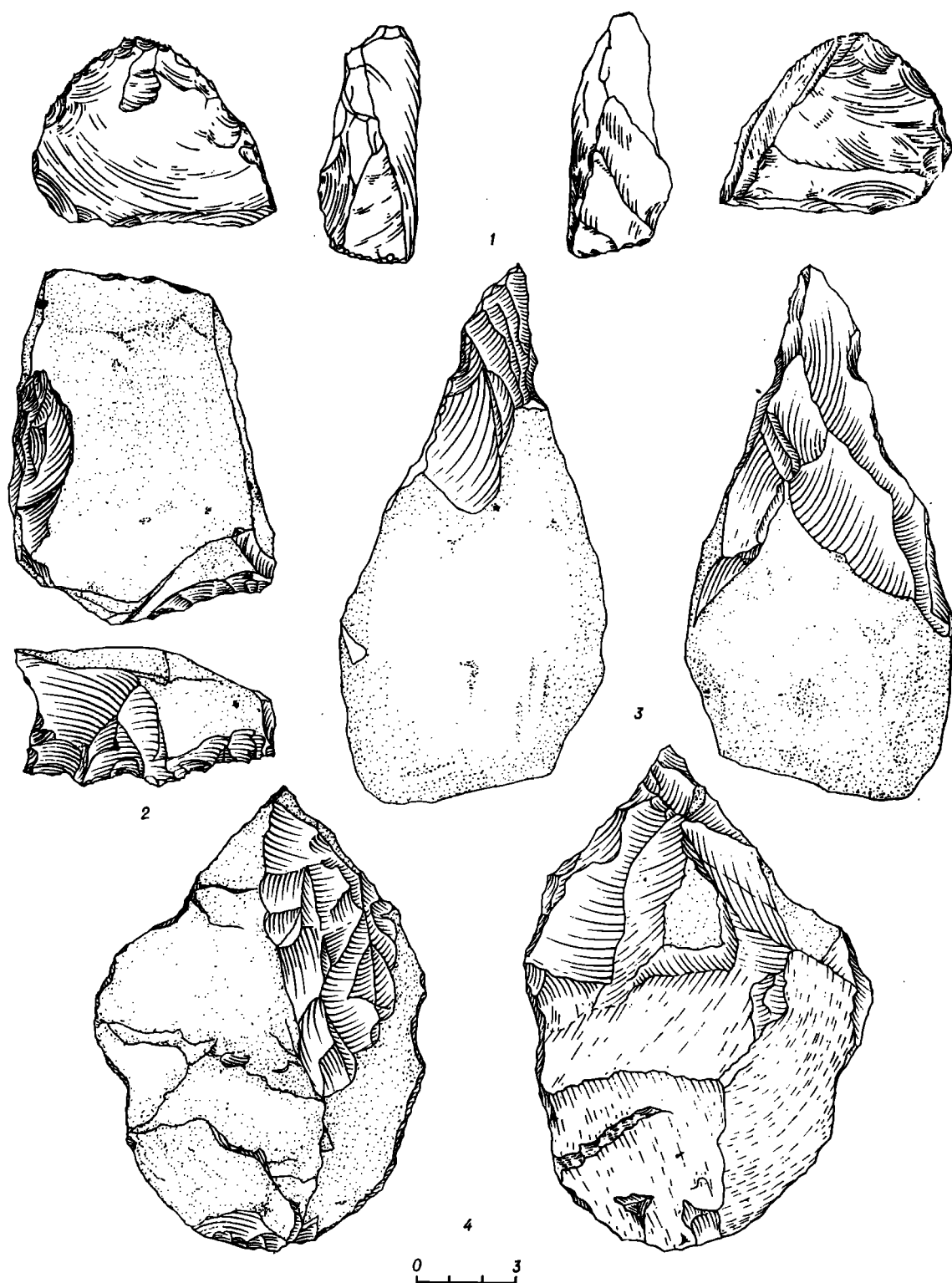

Рис. 31. Единичные палеолитические находки с Корейского полуострова.

с одной стороны уступом-плечиком обушка. Топоровидный инструмент из Чхованни близок по облику к такому же по типу орудию из верхнего палеолитического горизонта Кульихо.

Сон По Ги определил его, однако, как изделие «классического ашельского типа». Длина орудия 115, ширина 97,2, толщина 39,2 мм. Следующая единичная находка связана

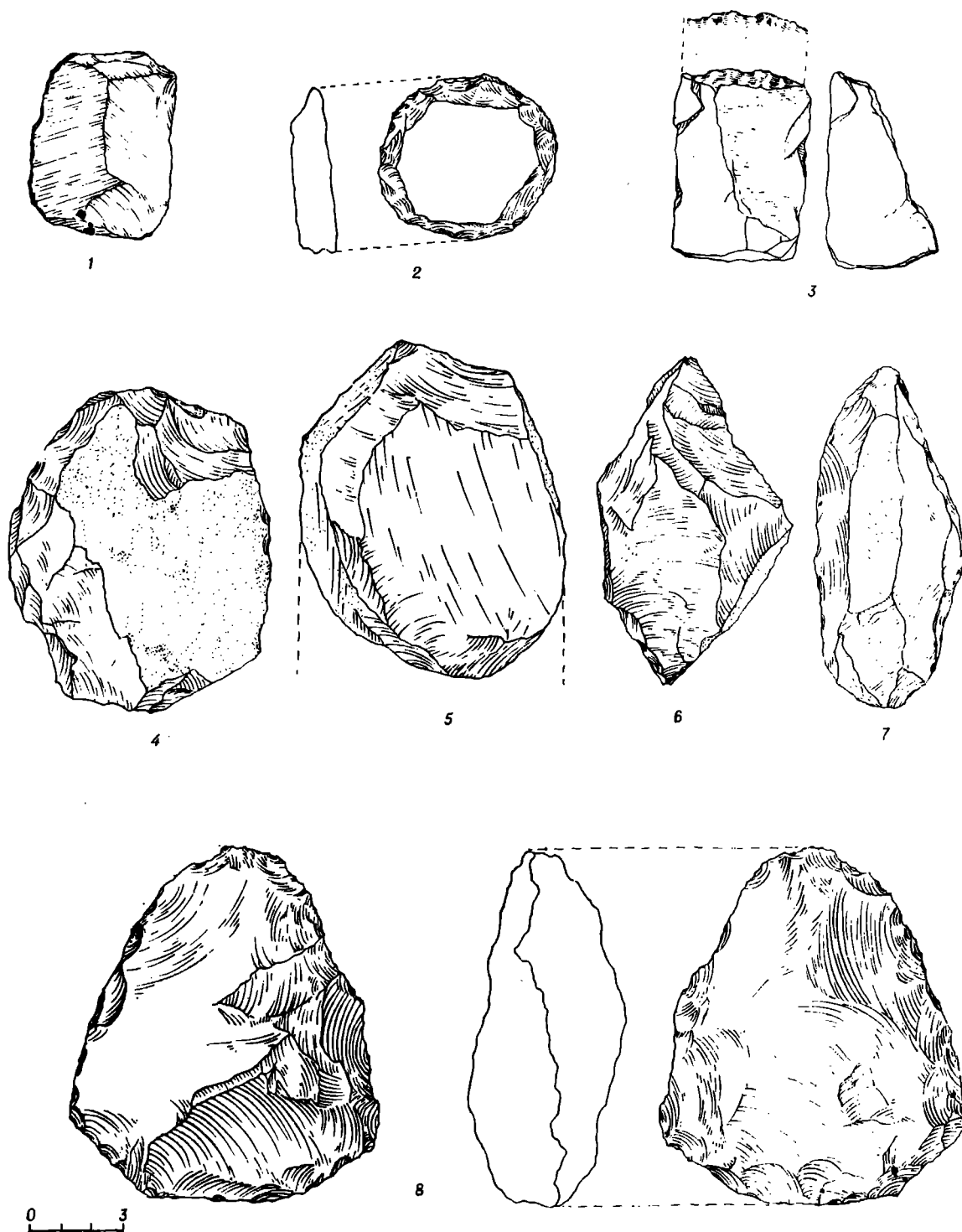

Рис. 32. Единичные палеолитические находки с Корейского полуострова.

с районом Кёнчжу. Она представляет собой подпрямоугольную с плоскими широкими поверхностями гальку молочно-желтого фельзита, один более широкий конец которой обработан крутыми, почти вертикально направленными ударами, а затем слегка подправлен по краю мелкими сколами (см. рис. 31, 2). На противо-

положном конце гальки видны мелкие, случайные по характеру выпщерблены. Оббивке подвергнут также обширный участок боковой грани гальки. Сон По Ги описал это изделие как скребло. Возможно, галька действительно использовалась как скребловидный инструмент; однако, учитывая конфигурацию его, предполо-

жительнее определить оббитую на конце гальку как заготовку нуклеуса леваллуазского или подпризматического типа. Длина ее 144, ширина 103,8, толщина 56,2 мм. Галька обнаружена в таком месте, где палеолитическая стоянка не могла располагаться. Следовательно, изделие перемещено откуда-то из другого района. Характер обработки гальки позволил Сон По Ги датировать ее «началом второй половины палеолита». К нуклеусам следует, по-видимому, также отнести покрытую сколами гальку липарита, которую нашел в уезде Хвасон профессор Ким Дан Нын (см. рис. 31, 4). Одна широкая плоскость гальки сплошь покрыта обширными фасетками пластинчатых сколов, а другая большей частью сохраняет нетронутой галечную корку. Изделие могло употребляться в работе как скребловидный или рубящий инструмент. Вообще его можно отнести к категории чопшигов. Длина обработанной гальки 158,7, ширина 116,3, толщина 58,3 мм. При сравнении ее с галечными изделиями местонахождения № 2 Сокдяни Сон По Ги пришел к заключению, что она, возможно, датируется «концом первой половины палеолита». Чопперовидное скребло из круто обработанной по округлому краю кварцевой гальки обнаружено Сон По Ги в 4 км от Сокдяни, ниже по течению р. Кым (см. рис. 32, 4). Длина гальки 96,6, ширина 79,8, толщина 64,7 мм. По аналогиям с находками Сокдяни Сон По Ги датировал изделие «концом первой половины палеолита». В уезде Енги найден нуклеус, изготовленный из расколотой пополам гальки кварцевого сланца (см. рис. 32, 5). С образовавшейся таким образом ударной площадки продольно направленными ударами снимали отщепы и пластинчатые сколы. Следовательно, изделие представляет собой не тесло, как описывает его Сон По Ги, а одноплощадочный нуклеус леваллуазского типа. Длина его 109,3, ширина 78,5, толщина 69,3 мм. По мнению Сон По Ги, эту гальку, покрытую с одной стороны сколами, можно датировать «послемустьерским периодом».

Из массивного подтреугольного в плане пластинчатого скола кремнистой породы был изготовлен нож-скребло, найденный Сон По Ги на берегу ручья в д. Сокдяни (см. рис. 31, 1). Изделие напоминало ему пластинчатые ножи-скребки мустьерского типа. Длина инструмента 74, ширина 60,5, толщина 29,4 мм. Двусторонне обработанное рубилообразное орудие из кварцевой породы обнаружил Ем Чжун Гу в волости Югу уезда Кончжу (см. рис. 32, 6). Оббивка инструмента грубая. Фасетки сколов прослеживаются лишь в отдельных местах. По общему облику орудие это напоминало Сон По Ги изделия, обнаруженные при раскопках культурного слоя позднего палеолита местонахождения № 2 Сокдяни. Длина его 117,7, ширина 62,4, толщина 4,69 мм. К рубилообразным инструментам Сон По Ги отнес также оббитый с двух сторон

пластинчатыми продольными сколами желвак мелкозернистого кварцита (см. рис. 32, 7). По его мнению, это изделие, обнаруженное в уезде Хвансон провинции Кёнгидо, использовалось также в качестве двуконечного (с выпуклым и вогнутым лезвием) скребла. Длина орудия 119,5, ширина 52,4, толщина 21 мм. Небольшой нож верхнепалеолитического облика обнаружен Сон По Ги в уезде Ансон провинции Кёнгидо (см. рис. 32, 1). Инструмент изготовлен из гальки мелкокристаллического кварцита. У нее сначала приострили один угол, а затем сколами выровняли обе стороны. Длина ножа 62, ширина 48,7, толщина 29,1 мм. Два выразительных орудия найдены Сон По Ги на горе в бассейне р. Ханчана. Одно из них изготовлено из плитки сланца и представляет собой почти идеально округлый скребок с крутым тщательно обработанным рабочим краем (см. рис. 32, 2). Точно такой же скребок обнаружен в самом верхнем культурном горизонте местонахождения № 1 Сокдяни. Сон По Ги сравнивает такие скребки с ориньякскими. Второе орудие из бассейна Ханчана тоже относится к категории скребков. Оно изготовлено из кварцевой гальки, конец которой подвергли тщательной обработке (см. рис. 32, 3). Длина изделия 56,1, ширина 39,4, толщина 29,8 мм.

Несколько пунктов с находками палеолитического облика обнаружены также в северной части Корейского полуострова. В районе Кульпхо в местности Сопхохан найдена заготовка гобийского нуклеуса-скребка, изготовленная из белой непрозрачной кремнисто-сланцевой породы (рис. 33, 3). Обе широкие грани заготовки выструганы поперечными сколами. Фасетки их крупные, не очень глубокие. Вдоль округлого края с обеих сторон нанесена тщательная ретушь. Лыжевидная пластина с заготовки свята, но поверхность скалывания микропластин не оформлена. Около Пупхо, очевидно на берегу озера, тоже найдено изделие палеолитического облика (см. рис. 33, 5). Нижняя поверхность его плоская, выструганная поперечными пластинчатыми сколами. Вдоль одного края, почти во всю его длину прослеживаются мелкие фасетки ретуши. Противоположная поверхность выпуклая, покрытая сколами, за исключением небольшого участка, сохранившего галечную корку. Небольшая коллекция палеолитических по характеру орудий собрана, кроме того, в районе Токсана. Среди находок отсюда обращает на себя внимание заготовка одноплощадочного леваллуазского по типу нуклеуса, изготовленного из темно-серого кремнистого сланца. Нижняя плоскость изделия ровная, образованная поверхностью раскалывания. С этой же стороны на одном конце крутыми сколами с последующей подправкой по самому краю оформлена ударная площадка нуклеуса. Крутой ретушью также обработан прямой край заготовки. По нему же с другой ее стороны тоже прослеживает-

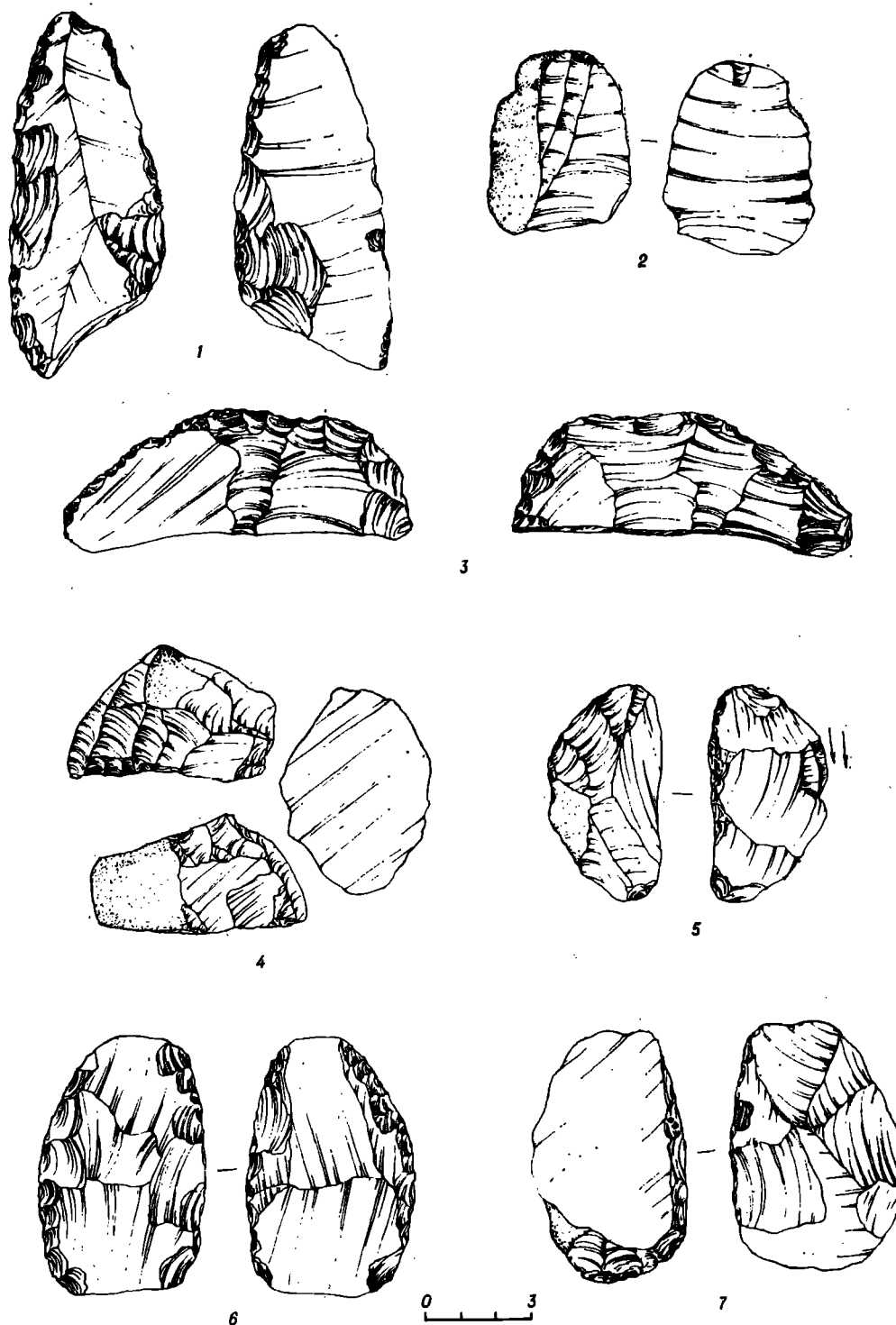

Рис. 33. Отдельные палеолитические находки в северной части Корейского полуострова.

ся мелкая ретушь. Выпуклая поверхность нуклеуса сплошь обработана крупными сколами, направленными от краев к центру. В коллекции находится также изделие, отчасти напоминающее по внешнему облику нуклеус-скребок или односторонне конический нуклеус (см. рис. 33, 4). У него широкая, вытянуто-овальная площадь

ка, выструганные продольными сколами боковые плоскости и узкая поверхность скалывания пожевидных пластин. Но в особенности выразительны из Токсана два ножа, изготовленные из треугольного и вытянуто-овального пластинчатых сколов темно-серого кремнистого сланца (см. рис. 33, 1, 6). Края подтреугольного пла-

стинчатого скола обработаны противоположающей ретушью. Эти инструменты, очевидно, использовались не только как ножи, но в некоторых случаях также в качестве скребловидных орудий.

Описанным исчерпываются имеющиеся сейчас в распоряжении материалы по палеолиту Кореи. Несмотря на предварительный характер большинства публикаций, связанных с проблемами древнекаменного века полуострова, а также дискуссионность типологической классификации изделий и их хронологии, комплекс сведений о древнейшем этапе культурной истории Кореи все же достаточно обширный, чтобы уже сейчас остановиться на некоторых его определяющих особенностях и рассмотреть отдельные аспекты общих вопросов палеолита Восточной Азии, как они представляются после сообщений об открытии памятников раннего этапа каменного века в том ее районе, где они оставались до последнего времени неизвестными. Одним из ключевых по значению местонахождений из-за необычайно раннего в пределах плейстоцена возраста находок следует рассматривать Комынмору. Здесь корейские археологи впервые обнаружили великолепный по характерному набору остатков разнообразностей плейстоценовых животных фаунистический комплекс, который позволил воссоздать контуры природно-климатических условий как раз в тот период четвертичной эпохи, когда, судя по открытиям в бассейне среднего течения Хуанхэ, в пределах Восточной Азии фиксируются самые ранние из известных пока стойбищ древнейших на востоке Азии гоминид. В самом деле, если оставить в стороне сомнительные или, во всяком случае, пока не признанные большинством специалистов гальки со следами искусственной обработки и так называемые «орудия из кости», выделенные в свое время А. Брейлем среди находок из датированного нижним плейстоценом (китайский виллафранк) Нихзаваня, то окажется, что древнейшие из палеолитических культурных комплексов в Восточной Азии датируются не ранее начальной стадии среднего плейстоцена. Именно к этой поре четвертичной эпохи, если, разумеется, стоять на базе бесспорных фактов, а не заниматься бесполезными спекуляциями, следует пока относить начало освоения человеком обширных пространств континентальной части Восточной Азии. Вряд ли поэтому случайно то обстоятельство, что наиболее выразительные комплексы находок, включающие набор характерных каменных изделий, а также палеоантропологические остатки тяготеют главным образом к южным районам бассейна Хуанхэ. К ним относятся в первую очередь Ланьтянь и Кэха²¹.

²¹ Ларичев В. Е. Открытие в Ланьтяне. — «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1970, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2; Ларичев В. Е., Кашина Т. И. Новые данные о памятниках нижнего палеолита Восточной Азии. — Там же, 1969, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1.

Однако открытия отнюдь не ограничиваются этими, самыми южными в пределах Восточной Азии пунктами находок древнейшего для нижнего палеолита региона комплексов. К такого же рода ключевым по значению памятникам следует присоединить, строго основываясь на фактах геолого-палеонтологического анализа и руководствуясь соответствующими сопоставлениями, нижние горизонты местонахождения № 1 Чжоукоудяня и, в особенности, учитывая открытие каменных изделий, местонахождение № 13 Чжоукоудяня²². Весьма возможно также, что часть каменных изделий, обнаруженных в Динцуне, т. е. тоже к северу от Хуанхэ, необходимо датировать тем же временем, что и находки в Ланьтяне и Кэха. Во всяком случае следует иметь в виду, что из-за явно нарушенных условий стратиграфии некоторых пунктов Динцуня, смешанности фаунистического комплекса, в котором выделяются отдельные виды животных ранних этапов плейстоцена, а также, что не менее важно, из-за типологических особенностей ряда чрезвычайно выразительных каменных изделий, в том числе рубил, возникают сомнения в оправданности датировки всего динцуньского комплекса находок верхнеплейстоценовой эпохой²³. К тому же, если решать проблему возраста палеолитических местонахождений Динцуня именно так, как предлагают китайские исследователи в последних, а не в ранних своих публикациях, то возникают значительные сложности при воссоздании целостной картины последовательного хода эволюции палеолитической культуры лёссового района Восточной Азии. Поэтому, учитывая материалы, полученные при раскопках местонахождения № 13 Чжоукоудяня, а также весьма возможную датировку части коллекций Динцуня одним из временных подразделений среднего плейстоцена, можно с уверенностью утверждать, что гоминиды типа ланьтяньского синантропа, предшественника синантропа местонахождения № 1 Чжоукоудяня, начали успешно осваивать северные пределы Восточной Азии, включая территории провинций Шаньси и Хэбэй до широты Пекина. Способствовали тому не только сравнительно высокий уровень культуры, но, может быть, в большей степени то примечательное обстоятельство, что как раз на те же стадии среднего плейстоцена, которыми датировались нижнепалеолити-

²² Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 2. Азия и проблема локальных культур. Новосибирск, 1972. В книге подробно характеризуется история вопроса и приводятся обширные списки литературы.

²³ Ларичев В. Е. Ашельско-мустьерские памятники и остатки палеолитического человека в Китае. — «Вопр. антропологии», 1960, вып. 1; Он же. К вопросу о локальных культурах нижнего палеолита в Восточной и Центральной Азии. — В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 1. Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.

ческие памятники, приходились потепления климата и, как следствие того, миграции специфически южных животных, вслед за которыми двигались бродячие охотники древнекаменного века.

Но в связи с такого рода сведениями возникает проблема, весьма интригующая и актуальная для выбора перспективного направления полевых исследований, связанных с поисками по возможности наиболее ранних палеолитических местонахождений в районах, расположенных к северу от лёссового плато Восточной Азии, т. е. прежде всего в Маньчжурии, на территории Корейского полуострова, а также в Приморье и Приамурье, — как далеко на север могли проникать нижнепалеолитические гоминиды типа ланьяньского синантропа? Собственно, этот вопрос столь же актуален и для восточных районов Центральной Азии, поскольку очевидно, что первоначальное освоение их человеком проходило с территории распространения так называемых красноцветных глин и где позже, в вюрмскую эпоху, стали откладываться желтые лёссы. Однако до последнего времени проблема установления крайне северных границ миграции нижнепалеолитических гоминид оставалась далекой не только от удовлетворительного решения, но даже от определенной постановки ее вследствие целого ряда обстоятельств. К наиболее серьезным из них следует отнести в первую очередь отсутствие хоть в какой-то мере удовлетворительного набора позитивных свидетельств, связанных с возможностью реконструкции палеоклиматических и палеогеографических условий в южных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока на этапах средней и верхней поры среднего плейстоцена, бесспорно критических в таком важнейшем историко-культурном явлении, каким представляется расширение нижне- и среднепалеолитическими гоминидами востока Азии границ зйкумены в направлении на север. Что касается археологии палеолита, то на первый взгляд кажется, нет недостатков в сообщениях об открытиях на юге Восточной Сибири, а также в Монголии отдельных памятников, поразительно ранних по возрасту²⁴. Однако, внимательный анализ публикаций показывает теперь, что выводы о глубокой древности находок в тех районах в большинстве слу-

чаев не выдерживают критики, поскольку заключения основывались, как правило, на типологии каменного инвентаря, сохранности внешней поверхности изделий, но не подкреплялись решающим по значению геолого-палеонтологическим обоснованием, без чего, естественно, концепции, построенные на них, или вообще лишались позитивного смысла, или, в лучшем случае, воспринимались как гипотеза и своего рода «заявка» на решение проблемы, но не более того.

В особенности неопределенными остаются в таких условиях материалы по нижнему и среднему палеолиту гобийских районов Центральной Азии из-за того, что подавляющее большинство находок отсюда составляют подъемные сборы с поверхности разрушенных эрозией стоянок. Каменные изделия, не связанные с определенными стратиграфическими горизонтами и найденные к тому же в местах, геоморфологическая оценка которых чрезвычайно затруднена, не могут гарантировать сами по себе точность определения возраста культуры без всестороннего и детального сравнения их с археологическими материалами местонахождений, датированных на основе анализа геолого-палеонтологических наблюдений²⁵. Пока такие сравнения не проведены, следует основываться в позитивных представлениях о ходе магистральных событий в культурной истории востока Азии на этапах нижнего и среднего палеолита с учетом главным образом фактов, полученных при изучении пунктов находок этих стадий культуры древнекаменного века в пределах границ лёссового плато. Они должны составлять каркас гипотетических реконструкций, а все остальное впредь до уточнений главных аспектов, в особенности культурно-хронологических, призвано пока оставаться в резерве для разработки возможных вариантов решения проблемы времени, темпов и направлений миграций ранних гоминид с территории Восточной Азии на север, северо-запад и северо-восток.

Можно понять поэтому значительный интерес, который вызвали результаты раскопок корейских археологов пещеры Кумын-мору. Факты, полученные ими в ходе исследований на склонах горы Умульбон, представляют исключительную ценность не только потому, что они открыли новые перспективы в изучении неожиданно ранних стадий культуры каменного века Корейского полуострова, но также вследствие их важной роли как нового импульса в разработке об-

²⁴ Окладников А. П. Новые данные по древней истории Монголии. — В кн.: Олон улсын монголу эрдэмтний II их хурал, I боть. Улан-Баатар, 1973; *Он же*. Первобытная Монголия. — «Stud. Archaeol.», 1964, v. 3, М., 1973; Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1974; Ларичев В. Е. Открытие нижнего палеолита в Центральной Азии. — «Вестн. АН СССР», 1963, № 4; Ларичев В. Е., Волков В. В. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби. Древняя Сибирь. Вып. 1. Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964; Andrews R. Ch. On the trail of ancient man. N. Y. — L., 1926; Borkey Ch. P., Nelson N. C. Geology and prehistoric archaeology of the Gobi. — «American Museum Novitates», 1926, N 222.

²⁵ Претенциозно-наивными и легкомысленными представляются в этой связи попытки Я. Козловского на ограниченном материале и по результатам случайных наблюдений высоты расположения скудных находок маловыразительных каменных изделий представить этапы эволюции монгольского палеолита. См.: Rozłowski J. The problem of the so-called Ordos culture in the light of the palaeolithic finds from Northern China and Southern Mongolia. (Отд. отт.). — «Folia Quaternaria», 1971, N. 39.

щей для Восточной Азии проблематики, в особенности связанной с миграциями древнейших гоминид. В самом деле, корейским археологам удалось открыть первый для дальневосточного региона достаточно полный и четко выраженный фаунистический комплекс, который, судя по составу разновидностей животных, вполне определенно датировался наиболее интересным в археологии нижнего палеолита Восточной Азии периодом плейстоцена — начальной стадией среднего этапа его, когда, как уже указывалось, на крайнем востоке Азии впервые появились древнейшие гоминиды типа ланьтяньского синантропа. Сходство фауны Комын-мору с животным миром окрестностей Чжоукоудяня в период формирования нижних пластов заполнения пещеры местонахождения № 1 и горизонтов местонахождения № 13 свидетельствует не только об одновременности памятников, но также об одинаковых природно-климатических условиях на севере Восточной Азии и на юге Дальнего Востока. Между этими районами в тот период не существовало, очевидно, достаточно серьезных географических препятствий, и поэтому сходный во многом фон окружающей среды способствовал и предопределял миграции отдельных разновидностей животного мира, в частности *Equus*, *Bubalus*, *Pseudaxis*, *Megaloceros*, *Dicerorhinus*. В таком случае, если на одном из этапов начальной стадии среднего плейстоцена обезьянолюди типа ланьтяньского синантропа достигли широты Чжоукоудяня, то теперь, анализируя результаты раскопок в Комын-мору, можно с достаточной степенью вероятности предположить возможность переселения их также в значительно более северные пределы. Во всяком случае, ни природно-климатические условия, ни весьма подходящий набор объектов охоты в окрестностях Комын-мору не противостоят подобному заключению.

Разумеется, ни то, ни другое, вместе взятое, отнюдь не всегда может само по себе гарантировать неопровержимость факта появления в том или ином районе групп ранних гоминид. Следует, по-видимому, учитывать дальность расстояния нового памятника от обнаруженных ранее местонахождений нижнего палеолита, а также, не в последнюю очередь, достаточную плотность (т. е. многочисленность) их, что может объяснить естественность продолжения миграций далее на север. Ни о каком изобилии памятников ранней поры среднего плейстоцена Восточной Азии, конечно, на современном этапе поиска и исследований пока говорить не приходится, и вряд ли в ближайшем будущем возможно резкое изменение представлений в этом плане. Но что касается дальности расстояний, то Комын-мору отделяют от района Чжоукоудяня не столь уж необозримые по протяженности пространства, чтобы казалась невероятной мысль о медленной миграции современников обитателей местонахождения № 13 к долине р. Саньцунган

и склонам горы Умульбон. Если так оно и было, то в таком случае необходимо внести поправку в ранее высказанное предположение о том, что в северные пределы Восточной Азии ранние гоминиды проникали лишь в начале верхнего плейстоцена, когда здесь появились памятники мустьерской по характеру культуры (типа Цзячэн из Шаньси и местонахождения № 15 Чжоукоудяня)²⁶.

К сожалению, дискусионность находок камней со следами преднамеренной обработки из Комын-мору не позволяет в полную силу использовать решающие для обсуждения проблемы факторы, связанные с изучением собственно культурных остатков, что сразу же прояснило бы многое. Однако если признать справедливость главных выводов автора публикации, посвященной Комын-мору, относительно каменной индустрии пещеры, то не будут ли противоречить ее описанные особенности тому, что известно теперь о характере культуры древнейшего для Восточной Азии этапа нижнего палеолита, представленного находками в Кэхэ, Ланьтяне, Динцуне и местонахождении № 13 Чжоукоудяня? Как известно, одной из самых, пожалуй, ярких и впечатляющих черт индустрии ранней поры среднего плейстоцена бассейна Хуанхэ следует считать применение при изготовлении орудий техники двусторонней оббивки заготовок и, как следствие того, почти непрерывное присутствие среди набора инструментов рубил. Их можно использовать как своего рода временной индикатор для определения возраста местонахождений²⁷. Отсутствие рубил среди находок на территории памятника, который стремится иногда объявить «древнейшим», должно служить настораживающим признаком, поскольку именно они оказываются на востоке Азии характерными для стоянок по-настоящему древнейших. Это в особенности следует иметь в виду, когда речь идет об открытиях в пределах Северной Азии, ибо нет серьезных оснований считать, что на юге Сибири где-либо обнаружены памятники, превосходящие по древности восточноазиатские. В противном случае пришлось бы все повернуть с ног на голову и объявить север Азии районом, откуда мигрировали ранние гоминиды. Итак, с точки зрения такого важного для подтверждения древности памятника признака, каким необходимо считать наличие среди набора инструментов рубил и, следовательно, применение техники двусторонней оббивки, Комын-мору можно включить в число местонахождений типа Ланьтянь, и, значит,

²⁶ Ларичев В. Е. Новые открытия в области нижнего палеолита Восточной Азии, проблема его локальности и вопрос о первоначальном заселении человеком севера Азии. — В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969.

²⁷ Ларичев В. Е. Открытие в Ланьтяне,

взаимосвязь культуры нижнего палеолита Корейского полуострова с соответствующей по времени континентальной при такой постановке вопроса не подлежала бы сомнению. Что касается набора разного рода галечных орудий Комын-мору, то они для восточноазиатского палеолита традиционны, начиная с самых ранних из пока известных индустрий, где чопперы и чоппинги, а также галечные нуклеусы соседствуют с рубилами, и вплоть до культур финальных стадий верхнего палеолита. Техника двусторонней оббивки орудий исчезает затем в индустриях востока Азии надолго, чтобы неожиданно вновь появиться на одном из этапов верхнего палеолита²⁸.

Таким образом, исчерпывающему анализу проблемы первоначального освоения человеком территории Корейского полуострова препятствуют некоторые пока трудно преодолимые обстоятельства. Отдельные затруднения сохраняют также свою силу, когда обращаешься к материалам, характеризующим, судя по всему, более поздние этапы культуры палеолита этого же района Дальнего Востока. Однако если в Комын-мору наибольшая неопределенность связана с каменной индустрией при почти идеальной ясности датировки памятника, то нечто противоположное становится вопросом при обращении к коллекциям, полученным при раскопках местонахождения № 2 Сокдьянни и самого древнего из культурных горизонтов Кульпхо. Дело в том, что стратиграфические описания, сколь бы тщательными и подробными они ни были, при слабой разработанности четвертичной геологии районов и, в частности последовательности формирования террасовидных уступов и обстоятельств образования каждого из них, не позволяют уверенно судить о том, насколько справедливо определение принадлежности коллекции каменных изделий к той или иной культурной стадии палеолита. При отсутствии палеонтологических остатков Сон По Ги поневоле пришлось ориентироваться в датировке нижних горизонтов с находками в Сокдьянни на типологию инструментария, которую он, однако, не представлял иной, чем классификационные схемы, разработанные применительно к палеолитическим культурам Запада. Вот почему стоило ему выявить среди камней со следами оббивки экземпляры, напоминавшие, с его точки зрения, шельско-ашельские рубила и даже проторубила Европы, Африки и Индии, как он пришел к выводу о нижнепалеолитической датировке большинства культурных горизонтов местонахождения № 2 Сокдьянни. Вообще при анализе замечаний Сон По Ги относительно характера каменной индустрии каждого из культурных слоев стоянки и выводов его по типо-

логии орудий невозможно отделаться от впечатления, что он всеми силами старается доказать следующее: на Сокдьянни, при действительно значительной мощности толщи с включенными в нее горизонтами с находками, представлены, по существу, все известные на Западе подразделения нижнего палеолита, начиная со стадии, когда еще не появились рубила (своего рода галечная олдовэйская по типу культура, что ли!) и вплоть до мустье с прогрессивными чертами в индустрии, а также остатками архаического наследия в технике обработки камня. Та же, кстати, тенденция сохраняется у него при оценке верхнепалеолитических находок на обоих местонахождениях Сокдьянни.

Это обстоятельство, а также очевидные натяжки в типологической классификации инструментария местонахождения № 2 Сокдьянни, определение возраста геологических горизонтов на основании лишь типологии орудий, незначительность вскрытой площади каждого из слоев, в особенности нижних, заставляют весьма критически оценивать выводы Сон По Ги, касающиеся датировки культурных горизонтов, и сомневаться в оправданности аналогий, которые подбирались им при описании ряда ведущих категорий орудий. К тому же, если согласиться со справедливостью его заключения о наличии в Сокдьянни горизонта, предшествующего появлению рубил, то придется вследствие этого признать, что на Корейском полуострове открыта стадия культуры нижнего палеолита, которая датируется временем, более древним, чем ранняя пора среднего плейстоцена, когда на территории лёссового плато континентальной части Восточной Азии фиксируются первые стоянки ранних гоминид. Имея в виду все известное о палеолите региона, такой вывод нельзя не признать рискованным. Оправданность его весьма сомнительна. Поэтому характеризуя культуру палеолита местонахождения № 2 Сокдьянни, следует при датировке ее отталкиваться пока от единственного позитивного факта — радиокарбонového определения возраста слоя, ниже которого залегают горизонты с находками на территории местонахождения № 2 Сокдьянни, — $30\,692 \pm 3000$ лет. Она при условии точности работы радиокарбоновой лаборатории Сеула может, таким образом, охватывать по времени достаточно ранние стадии верхнего палеолита, а также, возможно, эпоху среднего палеолита, но вряд ли более древние культурно-исторические подразделения каменного века. При незначительности вскрытой площади каждого из культурных горизонтов в Сокдьянни вряд ли пока можно делать какие-либо уверенные выводы об исчерпывающих отличительных особенностях культуры на отдельных этапах ее развития. Пока же на стадии, когда материалы издания предварительно и в типологии инструментария остается много неясного, рациональнее рассмотреть культуру, предшествующую $30\,692 \pm$

²⁸ См. помещенную в этом же сборнике статью о палеолите Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана,

± 3000 лет, как некий условный единый блок, отмечая, однако, новые наиболее броские элементы по мере их появления.

Бесспорно характерным для ранних стадий палеолита Сокдьянни следует прежде всего считать наличие среди находок большого количества галечных, типа чопперов и чоппингов, рубящих и нуклеидных изделий. В этой особенности, как и следовало ожидать, корейский палеолит не отличается в чем-либо существенном от того, что известно по палеолиту Восточной Азии, начиная с атапа, представленного культурами местонахождений № 1 и № 15 Чжоукоудяня, и кончая Шуйдунгоу и Верхним Гро-том. Столь же обычными выглядят не менее часто встречающиеся почти в каждом из культурных горизонтов Сокдьянни архаические скребловидные инструменты с выпуклыми, прямыми или выгнутыми рабочими лезвиями. Совершенствование отделки их рабочего края в верхних слоях по сравнению с нижними, отмеченное Сон По Ги,— по всей видимости, реальный факт. Не менее интересно замеченное им появление подтески лезвия с тыльной стороны у скребел из 19-го геологического слоя, характерная для них же ступенчатая или поперечная ретушь, открытие скребел с двумя, а иногда противоположными, рабочими краями в 17-м геологическом слое и резкое уменьшение количества их в 12-м геологическом слое. Так же, как чопперы и чоппинги, такого рода архаические скребла из Сокдьянни с различными по конфигурации лезвиями, напоминающие мустьерские или даже более древние разновидности скребловидных инструментов, нельзя не признать за категории изделий, весьма характерные для верхнего палеолита Северной и Центральной Азии. В них, бесспорно, отражено продолжение традиций предшествующих этапов палеолита района. С той же точки зрения принадлежность древнекаменного века Корейского полуострова характерно азиатскому ареалу важны некоторые технические особенности оформления рабочего края скребел Сокдьянни. Они оббивались и ретушировались так, что контуры лезвий становились зубчато-рваными, извилистыми по очертаниям, а их эффект при трудовых операциях увеличивался оттого, что в отдельных местах по краю при отделке оставались острые шипы-выступы. Именно такая своеобразная особенность отмечена у скребла из 19-го и 17-го геологических горизонтов Сокдьянни. Острые шипы-выступы, так же как и извилистый пильчатый по характеру рабочий край, представляют броские особенности скребловидных и скребковидных инструментов позднего палеолита Центральной Азии и юга Сибири, в частности Забайкалья. В этой связи не менее интересно отмеченное, например, для 12-го геологического горизонта сочетание в одном культурном слое примитивных мустьерских по основным признакам скребел с концевыми

скребками, изготовленными из пластинчатых сколов.

К сожалению, большую часть находок из местонахождения № 2 Сокдьянни составляют или грубо оббитые маловыразительные типологически галечные изделия, или крупные сколы, поверхность которых покрыта беспорядочными фасетками. Отсутствие или предельная малочисленность в коллекциях из большинства культурных слоев отщепов, пластинчатых сколов и пластин, а также, что в особенности огорчительно, изделий из них, чрезвычайно затрудняет фиксацию особо ярких черт в культуре, которые позволили бы, с одной стороны, выявить в корейском палеолите общие для восточноазиатского региона черты, а с другой — определить специфику его. По существу, лишь публикация трех изделий из 17-го геологического слоя хоть в какой-то мере позволяет представить особенности орудий, изготовленных из отщепов. Характерность и своеобразие их не подлежит сомнению, поскольку налицо серия инструментов, обладающих одинаковыми чертами — выемчатые рабочие края с острыми шиповидными выступами оформлены на концах пластинчатых сколов и отщепов (см. рис. 13.) О какой-либо случайности здесь говорить не приходится, так как сходное во многом изделие обнаружено также в 12-м геологическом слое, что свидетельствует об устойчивости в корейском палеолите однажды появившейся технической традиции. Аналогии такого рода изделиям среди материалов достаточно ранних палеолитических памятников Сибири, Монголии и Китая подобрать, однако, нелегко. Единственное, пожалуй, напрашивающееся в какой-то мере на сравнение, связано с характерными для мальтинской культуры орудиями из пластин, на концах которых тонкой ретушью оформлялось прямое или слегка вогнутое рабочее лезвие. Возможно, в Сокдьянни, Мальте и Ачинской стоянке в данном случае улавливается некое отдаленное по времени и в пространстве культурное единство, хотя, конечно, техническое совершенство индустрии двух последних памятников не сравнимы с индустрией первого. Рассматривая особенности культуры палеолита 17-го геологического горизонта, нельзя не отметить, кроме того, черты сравнительно развитой техники отделения крупных и довольно правильных пластин, а также тонкость и относительное совершенство вторичной ретуши, оформляющей рабочие края орудий. Но дисковидные или подтреугольные, согласно классификации Сон По Ги, нуклеусы определенно не относятся к подпризматическим или коническим вариантам, а представляют собой левалуазские разновидности, лишенные, однако, если наблюдения Сон По Ги верны, подправленных ударных площадок.

Подтеска ударных площадок впервые отмечается на этапе, представленном находками из 15-го геологического слоя. Вероятно, именно

этим обстоятельством объясняется значительное увеличение среди находок количества довольно правильных пластинчатых сколов, в том числе подтреугольных и характерным образом искривленных. Совершенствование техники обработки камня отмечается и далее, оно, например, в индустрии 13-го геологического слоя в особенности заметно потому, что в качестве сырья при изготовлении орудий начинают использоваться такие несравненно более, чем кварцит, подходящие по качествам разновидности пород, как кремнистый сланец и фельзит. Не удивительно поэтому появление среди набора орудий новых по типам инструментов вроде проколов, тонкие острия которых оформлялись высокосовершенной ретушью. Проколовидные изделия обнаружены также при раскопках 12-го геологического слоя, среди находок откуда Сон По Ги отметил увеличение количества инструментов, изготовленных из отщепов, и числа скребел с двумя рабочими краями. Что касается 10-го геологического слоя, то находки из него представляют особый интерес потому, что они свидетельствуют о продолжении существования старых технических традиций, несмотря на очевидный технический прогресс в развитии палеолитической культуры. Как и следовало ожидать, среди разного рода изделий в коллекции содержатся чопперы и чоппинги, изготовленные из галек порфирита, мустьерского типа скребла, пластинчатые сколы леваллуазского типа, а также встречающиеся неоднократно ранее инструменты с «зубчатыми» рабочими краями и острыми шипами-выступами. В такой характеристике изделий из 10-го геологического слоя нельзя не отметить желания Сон По Ги во что бы то ни стало подтвердить свое убеждение в том, что финальная стадия культуры местонахождения № 2 Сокдзяни представлена мустье. Однако все упомянутые им элементы индустрии 10-го слоя как в комплексе, так и по отдельности могут характеризовать также верхнепалеолитическую культуру, о чем свидетельствуют, если сравнивать Сокдзяни с наиболее ранним верхнепалеолитическим памятником востока Азии, находки в Шуйдунгоу. Многие к тому же сохраняются и на значительно более поздних стадиях культуры, что подтверждается находками как в самой Корее, так и в бассейне Хуанхэ (верхний палеолит Внутренней Монголии и Шаньси). Отсутствие среди изделий местонахождения № 2 Сокдзяни ряда выразительных и бесспорно поздних элементов культуры, а также радиокарбоновая датировка горизонтов, расположенных выше 10-го слоя, не оставляют сомнений в глубокой древности памятника, открытого в долине Кымгана. Однако насколько древним за пределами нижней границы верхнего палеолита этапом следует датировать ранние культурные горизонты Сокдзяни, остается впредь до специального геологического обследования района неизвестным. Как уже отмечалось, археологические ма-

териалы не дают сколько-нибудь веских оснований для того, чтобы считать местонахождение № 2 нижнепалеолитическим, но мустьерский возраст самых древних, по крайней мере, горизонтов не исключен, хотя тоже проблематичен.

Местонахождения № 1 Сокдзяни на юге и Кульпхо II на севере, так же как находки на других менее известных стоянках, ориентировочно датированных тем же или более поздним временем финальных стадий верхнего плейстоцена, позволяют вместе достаточно отчетливо представить характер культуры верхнего палеолита Кореи, правда, пока суммарно и в общих чертах, без выделения обособленных хронологических периодов. Для нее, как и вообще для верхнего палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии, характерно прежде всего достаточно широкое использование разнообразных галечных изделий, представляющих собой в большинстве случаев или орудия типа чопперов и чоппингов, или нуклеусы. Рубящие инструменты, образующие группы чопперов и чоппингов, не отличаются чем-либо существенным от находок соответствующего времени на территории Приморья (Осиновка), в долине Амура (Кумары), а если привлекать более отдаленные по расстояниям аналогии, то и галечные изделия юга Сибири от Забайкалья до Алтая, находки в долинах Орхона, Толы и Керулена в Монголии и бассейна среднего течения Хуанхэ в Китае. В пределах тех же областей Азии отмечается распространение леваллуазских нуклеусов различных типов, столь же выразительно представленных в коллекциях, обнаруженных при раскопках Кульпхо II, Пупхо и местонахождения № 1 Сокдзяни. С верхнепалеолитическими культурами восточной половины Азии корейский древнекаменный век поздних стадий сближает кроме того, такая выразительная особенность, как сочетание в индустрии архаических для того периода, леваллуазских по характеру нуклеусов с неуклеусами нескольких модификаций, в том числе отражающих высокую степень развития техники обработки камня, в частности отделение тонких и правильных пожевидных пластин, а также микропластин. Последняя особенность становится преобладающей, судя по отдельным указаниям Сон По Ги, в самых верхних культурных горизонтах Сокдзяни, которые, очевидно, следует датировать эпохой мезолита. Пожалуй, лишь для позднепалеолитических культур Японии не характерна эта замечательная и яркая черта индустрий древнекаменного века восточной половины Азии — совмещение в одном комплексе нуклеусов, резко отличающихся друг от друга типологически. Что касается Кореи, то помимо леваллуазских вариантов, при обработке которых мастер получал сравнительно правильные пожевидные пластины, для верхнего палеолита характерны также крупные, очевидно подпризматические

по типу нуклеусы, отличающиеся особым совершенством и тонкостью нуклеусы-скребки гобийского типа и односторонне конические с узкой поверхностью скалывания мелких ножевидных пластин. Все это — яркое свидетельство высокого уровня, достигнутого в технике обработки камня, широты и гибкости в использовании старых технических традиций, по каким-то причинам не изживших себя до столь поздних периодов палеолита.

Особого внимания при анализе типологических вариантов верхнепалеолитических нуклеусов Кореи заслуживают, наряду с леваллуазскими, нуклеусы-скребки гобийского типа. Со времени первых публикаций Н. К. Нельсона и П. Тейяр де Шардена, посвященных такого рода специфическим изделиям, открытым сначала на территории Центральной Азии, а затем на Аляске, в Маньчжурии и других районах Северной и Восточной Азии, к анализу гобийских нуклеусов неоднократно обращались многие исследователи. Карта распространения, охватывающая огромный район от Японии на востоке и, в поздних модификациях, характерных для гиссарской культуры, до Таджикистана на западе, позволяла предполагать наличие гобийских нуклеусов в тех районах Восточной Азии, где их пока не удавалось обнаружить. Во всяком случае, Корея, естественный мост, связывающий континентальную часть Азиатского материка с островной цепью Японии, оставалась до последнего времени наиболее вероятным местом, где не составляло труда предсказать возможность открытия нуклеусов-скребков гобийского типа. Не удивительно поэтому, что, когда развернулись поиски и изучение палеолитических памятников, их удалось обнаружить как на севере, так и на юге. Они оказались характерными для развитой верхнепалеолитической культуры местонахождения № 1 Сокдяппи, ненамного отстоящей по времени от этапа древнекаменного века Японии, великолепно представленного на Хоккайдо памятниками типа Сиратаки и Хорикадзава I, в Маньчжурии — Гусянтунем и Хуаншанем, в бассейне Хуанхэ, в долине Халхин-Гола в Монголии — Хэрэ-улом. Открытие нуклеусов-скребков в верхнем палеолите Кореи — свидетельство успешного развития в культуре его техники двусторонней обработки, поскольку оформление их связано с предварительной подготовкой самым тщательным образом оббитых с обеих широких плоскостей заготовок, напоминающих по контурам и внешнему облику наконечники копий или ножи. Подобная техника с неизбежностью предполагает появление в коллекциях обработанных камней таких побочных «продуктов» обработки заготовок, как длинные, характерным образом изогнутые, треугольные в сечении, краевые сколы, а также еще более специфические «лыжевидные пластины», которые представляют собой результат «оживления» сильно вытянутых ударных площадок нуклеу-

сов-скребков гобийского типа. То и другое, согласно описаниям Сон По Ги, выявлено среди находок Сокдяппи, и они бесспорно должны быть среди изделий в коллекции из Токсана, где обнаружена заготовка нуклеуса-скребка со снятым одним ударом пристроенным краем.

Верхнепалеолитическая культура Кореи, представленная комплексом находок местонахождения № 1 Сокдяппи, обнаруживает близкое сходство с соседними культурными ареалами на континенте и в Японии не только по серии нуклеусов-скребков гобийского типа. Среди немногих, изданных Сон По Ги изделий особый интерес в этом отношении представляет резец арая, изготовленный из обсидиановой пластины, ретушированной по краям со спинки. Резцы именно такого типа обнаружены как в позднепалеолитических комплексах Сиратаки и Камитокоро, так и при раскопках памятников мезолитического этапа каменного века Хоккайдо. Более внимательное изучение изданных ранее коллекций, а также анализ результатов проведенных в последнее время исследований, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что резцы арая не представляют собой изделий, характерных лишь для Хоккайдо. Территория их распространения на востоке Азии почти столь же широка, как и у нуклеусов-скребков гобийского типа. Во всяком случае, резцы арая несомненно входят в составную часть комплексов инструментария поздних этапов культур верхнего палеолита и мезолита Маньчжурии, лесовых районов бассейна Хуанхэ (Шаньси и Хэнань), Восточной Монголии (Халхин-Гол, Хара-ул) и юга Восточной Сибири. Таким образом, по наиболее выразительным и типологически примечательным изделиям вроде леваллуазских нуклеусов, галечных нуклеусов и рубящих орудий типа чопперов и чоппингов, нуклеусов-скребков гобийского типа и односторонне конических нуклеусов, а также резцов типа арая корейский верхний палеолит и, по-видимому, мезолит не отличаются в чем-либо существенном от соседних и более отдаленных культурных ареалов востока Азии соответствующего времени. О том же свидетельствует ряд других инструментов, в том числе архаические мустьерские по типу скребла, копцевые «веерообразные» скребки, изделия с «зубчатым» или пильчатым рабочим краем. Высокоразвитая техника отделения правильных ножевидных пластин и, в особенности, микропластин, которые скалывались с нуклеусов-скребков гобийского типа, предполагает широкое использование вкладышевых орудий с костяной или деревянной основой. Все это предопределяет при подведении итогов обзора единственно возможный вывод: корейский древнекаменный век входит как единое целое в семейство глубоко родственных в основе культур сибирско-восточноазиатской локальной провинции верхнего палеолита Старого Света. Сходные с другими культурами тенденции развития его

определялись на протяжении тысячелетий общей древней подосновой, прямыми или опосредованными контактами, иногда поразительными по дальности расстояний и многочисленности втянутых в их орбиту локальных культур второго порядка, некоей пока загадочной по природе и как бы запрограммированной заранее направленностью эволюции инструментария.

Означает ли такая постановка вопроса и предполагаемое решение его, что корейский верхний палеолит не обладает специфическими особенностями и, следовательно, что он не отличим от культур соседних территорий? Учитывая опыт и результаты длительных и интенсивных исследований верхнего палеолита на западе, можно, конечно априори допустить сомнительность такого вывода. Однообразие главных составных фрагментов, образующих в общем единую по тону и колориту картину сибирско-восточноазиатской культурной провинции, вне сомнения, кажущееся, обусловленное взглядом со слишком большой высоты и сравнениями лишь незначительных наиболее броских деталей. Выделение особых локальных областей внутри огромной культурной провинции станет бесспорно неизбежным сразу же, как только будут накоплены достаточно многочисленные коллекции в каждом из специфических географо-климатических регионов востока Азии. Именно такая тенденция наблюдается сейчас в исследованиях по палеолиту Северной Азии, восходящая к

первым удачным опытам фиксации в этом районе локальных культур в конце 20-х — начале 30-х годов. Что касается верхнего палеолита Кореи, то специфические особенности его станут очевидными лишь с увеличением количества открытых памятников и с появлением в печати исчерпывающих публикаций материалов значительных по масштабам раскопок. Пока же следует обратить внимание на обнаруженные в Кульпхо II, местонахождении № 1 Сокдьянни и Чхованни топорovidные инструменты. Такого рода изделия не известны среди находок на верхнепалеолитических памятниках Восточной Азии, а в пределах Центральной и Северной Азии сходные по типу орудия оказываются характерными в основном для мезолитических стоянок. Возможно, как раз такие инструменты, появившиеся в Корее столь неожиданно рано, станут первым характерным штрихом ее верхнепалеолитической культуры. Тип жилища, открытого при раскопках местонахождения № 1 Сокдьянни, тоже пока не известен в пределах распространения верхнепалеолитических памятников Азии и, возможно, отражает «этнографическое» своеобразие быта и жизни населения Кореи на позднем этапе верхнего плейстоцена. Так ли это на самом деле, покажут предстоящие исследования, интенсивность которых и размах будут несомненно возрастать в ближайшие годы, что позволит позже вновь обратиться к сюжетам, лишь слегка намеченным здесь.

МУСТЬЕРОИДНАЯ ФАЦИЯ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ ИНДИИ¹

Изучение древнейших культур Индии охватывает немногим более 100 лет. За это время удалось открыть большое количество палеолитических стоянок во всех без исключения районах Индии, а раскопки памятников позволили получить обильные материалы, главным образом каменные орудия. Однако анализ и интерпретация собранных коллекций выполнены пока не на должном уровне, и в результате до сих пор отсутствует достаточно определенная периодизация палеолита субконтинента. В частности, история плейстоценового времени познана явно недостаточно. После широко известных исследований Х. де Терра 1939 г. в изучении плейстоцена не наблюдается сколько-нибудь заметного прогресса. Во внешнеэстетической области полуостровной Индии многие геологи пытались установить плейстоценовую периодизацию на основании изменения климатических условий или аккумулятивной и эрозивной деятельности рек. Однако большинство работ носило локальный характер, и пока ни по одной из областей Индии не сделаны обобщающие заключения. Ниже делается попытка разработать специфическую для палеолита Индии терминологию и представить основополагающие выводы на основании плейстоценовой хронологии².

Возможное обоснование индийской терминологии палеолита. Не только геологическая или климатическая периодизация, но и последовательность археологических культур разработаны в Индии недостаточно. Технологическая основа подразделения палеолитических культур ее полна неясностей и неточностей. Начальные

разработки в области терминологии индийского палеолита нельзя считать абсолютно правильными, но если рассматривать каждый из периодов исследований обособленно, то ошибки не представляются столь уж значительными. Исторически можно легко объяснить, что на ранних стадиях изучения палеолита Индии, когда коллекции только начали накапливаться, выделение нижнего, среднего и верхнего палеолита вызывалось влиянием господствующей в тот период европейской терминологии. М. К. Баркит и Л. А. Каммиэд из-за отсутствия ясных стратиграфических обоснований первыми отказались от такой традиции. Коллекцию из Корпуола они подразделили на четыре серии (I—IV) на основании типологических и технических особенностей³.

В последующих публикациях ничего существенного по затронутой проблеме не появилось. Правда, пересмотр концепции о разновременных сериях предпринял Х. Д. Санкалия⁴. Для обоснования своих положений он шире использовал типологию, подверг пересмотру стратиграфию, но все же в итоге излишне упростил хронологию памятников. Несколько позже Б. Суббароо обратил внимание на терминологию африканского палеолита и попытался ввести соответствующие коррективы в описаниях по каменному веку Индии⁵. Удивительно, но без какой-либо критики представление о древнем, среднем и позднем палеолите в индийской интерпретации полностью или частично использовалось во многих работах⁶. Однако авторы их

³ *Burkitt M. C., Cammiade L. A.* Fresh Light on the Stone Age in South-East India. — «Antiquity», 1930, № 4, p. 327—329.

⁴ *Sankalia H. D.* Animal Fossils and Palaeolithic Industries from the Pravara Basin at Nevasa, District Ahmednagar. — «Ancient India», 1956, № 12, p. 39—40.

⁵ *Subbarao B.* The Personality of India: Pre and Protohistoric Foundations of India and Pakistan. Baroda, — «M. S. Univ. Archeol. Series», 1958, № 3, p. 39—40.

⁶ *Allchin B.* The Indian Middle Stone Age: Some New Sites in Central and Southern India, and their Implication. — «Bull. of the London Univ. Inst. of Archaeology», 1959, № 2, p. 1; *Mohapatra G. C.* The Stone Age Cultures of Orissa. Poona, 1959, p. 1; *Misra V. N.* Pre and Proto-History of the Berach Basin, South Rajasthan. Poona, 1967.

¹ Д-р Ашок К. Гхош (лаборатория предистории при кафедре антропологии Калькутского университета) — один из ведущих специалистов в области палеолита Индии. Он активно проводит полевые исследования в Восточной Индии и, кроме того, известен как автор работ, посвященных теоретическим вопросам палеолитоведения. Статья переведена с английского языка и подготовлена к печати В. А. Рановым.

² В главных чертах основы терминологии индийского палеолита изложены в специальной работе. См. *Ghosh A. K.* Concept of terminology in Indian Prehistory. — In: Proceedings of the fifty-fourth session of India Science Congress Association. Hyderabad, 1967.

не привели достаточно убедительных доказательств в подтверждение оправданности использованной ими терминологии. Некоторые исследователи, в частности В. Мисра, позднее предложили иную терминологию и обосновали изменение своих собственных взглядов. Следовательно, после публикации Б. Суббарао не проводилась достаточно последовательная линия в выработке терминологии индийского палеолита.

В 1961 г. в Дели во время работы Первого Международного конгресса археологии Азии удалось образовать специальную Комиссию по терминологии. Многие специалисты внесли свои предложения, но они или не отличались новизной, или представляли теоретические модели, далекие от актуальных задач дня. В таких условиях наиболее приемлемым стало решение, что термин «палеолит» в связи с особенностями хронологического и технического порядка не подходит для ранних культур Индии. Поэтому Комиссия рекомендовала использовать более простой термин: каменный век. Индийский каменный век условно подразделяется на ряд последовательных стадий — древний, средний и поздний, за которым следовал неолит. Никто на конгрессе не рискнул предложить более подходящую терминологию, и публикации, вышедшие в свет позже, лишь монотонно фиксировали открытия новых стоянок и увеличение коллекций каменных орудий. Работы такого рода, конечно, обладают определенными достоинствами, но пока подобные исследования не удастся по-другому ориентировать и апализировать, они имеют не очень большую ценность.

Усовершенствованная терминология. Можно между тем использовать совершенно иную схему терминологической номенклатуры, которая в большей мере соответствует указанным выше хронологическим периодам⁷. Она уже с успехом использовалась при изучении палеолита Восточной Индии⁸. Можно предположить, что в будущем такая терминология станет в стране общепризнанной, конечно, с соответствующими региональными вариациями в различных районах Индии⁹. Некоторые исследователи выделяют черты индустрии пластинчатых отщепов и пластин (*flake-blade industries*)¹⁰, но они рассматривают ее как отдельную хронокультурную общность той или иной палеолитической куль-

туры¹¹. Сравнительно недавно появившиеся статьи отдельных авторов, работающих в различных районах Индии, подтверждают положение, высказанное мною раньше¹². Однако другие по-прежнему проявляют перешителность в освоении новой схемы.

Кратко суть новой концепции периодизации палеолитических культур Индии сводится к следующему. Древнекаменный век субконтинента можно подразделить на три хроностратиграфические группы: чоппер-бифасов (*chopper-biface*), флейков (*flakes*) и флейков-пластин (*flake-blade*)¹³. Такое выделение базируется, прежде всего, на традиционной общности. Кроме того, подобная терминология в определенной степени носит описательный характер, что сделано преднамеренно, основано на фактическом материале, и поэтому, кажется, предложенная терминология удобна для понимания.

Первый комплекс чоппер-бифасов назван так потому, что на протяжении длительного времени можно проследить развитие орудий именно такого типа. Они встречаются в разных формах и на различных этапах. Термин бифас здесь употребляется в условном значении и относится к рубилам так же, как и к кливерам. Они не всегда обрабатывались с двух сторон, и зачастую особенно у орудий, изготовленных из отщепов, обрабатывалась только спинка, тогда как брюшко сохраняло простую поверхность скалывания. По-видимому, настало время заменить термин «бифас» другим, учитывающим вышесказанное положение. При изготовлении чопперов или бифасов использовались речные гальки или нуклевидная основа (*core-pebbles*). Отщепы, которые скалывались с желваков изготовленных орудий, составляют неотъемлемую часть комплекса. В отличие от двух других групп, в комплексе чопперов-бифасов очевидна зависимость от исходного материала. Это подтверждается тем, что такое использование сборного камня (в плане изготовления, например, чопперов) отмечается в незначительном количестве и в последующих комплексах, по там отщепы и пластины составляют главную форму использования первичного материала, и именно они определяют технологическое и типологическое своеобразие культур.

⁷ Ghosh A. K. The Paleolithic Cultures of Singbhum.— *Trans. of Amer. Philos., Soc. N. S.*, 1970, v. 60, pt. 1.

⁸ Ghosh A. K. Implementiferous Laterite in Easter India.— In: *Studies in Prehistory: Robert Bruce Foote Memorial Volume*. Calcutta, 1966, p. 156—157.

⁹ Ghosh A. K. Laterite and Associated Artifact-Bearing Strata in Eastern India.— In: *Quaternary Soils: Proc. of VII INQUA Congr.* Reno, Nevada, 1967, p. 153.

¹⁰ Isaak N. The Stone Age Cultures of Kurnool. Decan College Ph. D. Dissertation (рукопись).

¹¹ Английский термин «flake» — отщеп, широко распространенный в специальной литературе, не находит точного эквивалента при переводе, когда он понимается не в техническом смысле, а в историческом, как в

статье А. К. Гхоша. Под «флейком» обычно определяют заготовку, снятую с любого нуклеуса, кроме призматического, в том числе и пластинчатого характера. Так, мустьерские культуры в отличие от верхнепалеолитических считаются «флейккультурами», хотя, как известно, в первом случае присутствие пластин обычно. «Blade» означает правильную поперечную пластину призматического характера. (Прим. переводчика).

¹² Murty M. L. K. Blade and Burin Industries near Renigunta on the South-East Coast of India.— *Proc. of the Prehist. Soc.*, 1968, v. 34, № 8, p. 83—101.

¹³ Сочетание «flake-blade» в одних случаях может означать смешение указанных типов заготовок, в других (более индивидуальных) — это синоним пластинчатого отщепа. (Прим. переводчика).

Технические и типологические особенности, о которых говорилось выше, находятся в соответствии с геологической стратиграфией и хронологией. Хотя палеолитическую культуру Индии образуют три комплекса, распределенные по хронологическим отделам плейстоцена, они не совпадают с трехчастным подразделением палеолита: древний (нижний), средний и поздний (верхний). Главная причина заключается в различном определении временных рамок этапов. Чоппер-бифасовый комплекс охватывает большую часть плейстоцена. Основываясь на выявленных фактах, можно заключить, что древнейший комплекс охватывает время между началом среднего плейстоцена и вплоть до начала верхнего. В таком случае, два других комплекса, т. е. *flake* и *flake-blade*, датируются поздней порой верхнего плейстоцена и охватывают период несравненно меньший по времени.

Комплекс отщепов, или *flake-element*. Комплекс отщепов заслуживает того, чтобы рассмотреть его с необходимой полнотой. Он представляет собой, как говорилось выше, нечто единое, состоящее из совокупности определенных типологических черт. С комплексом связана определенная категория типов орудий и, возможно, функциональная вариация их¹⁴. Функциональный метод использует свои собственные наблюдения, которые, однако, в данном случае отсутствуют. Общность комплекса определяется серией технологических особенностей, часть которых представляет собой продукт развития более древних традиций. Хронологическое положение флейк-элементов остается не ясным, но можно предположить, что комплекс датируется средней порой верхнего плейстоцена.

Экологические условия жизни носителей культуры *flake-element* остаются неопределенными, поскольку сходные памятники найдены в различных местах Индии, в значительной мере отличающихся по природным условиям. Можно только предположить, что они в период господства культур отщепов заметно отличались как в плане характера природного окружения, так и в плане специфики отдельных их особенностей при сравнении со временем существования более древнего комплекса — чоппер-бифасов. Судя по стратиграфии местонахождений, в особенности тех, что исследовались в Восточной Индии, природное окружение отличалось переходным характером. Индустрия отщепов точно фиксируется между этапом конца отложения верхнего, слабо консолидированного галечника и началом формирования верхнего лессовидного суглинка. Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Во Франции мустьерская ин-

дустрия представлена двумя типами стоянок: в долинах Южной и Восточной Франции культурные слои выявлены в пещерах, тогда как на лессовой равнине и плато на северо-западе и юге преобладают открытые стоянки. В Индии невозможно пока выявить различные виды стоянок, особенности которых определялись бы характером природного окружения. Вплоть до появления новых материалов дальнейшие комментарии по затронутой проблеме останутся чисто спекулятивными заключениями.

Таким образом, главными критериями при изучении комплекса остаются типология орудий и технология. Анализ индустрии отщепов, сделанный на основе углубленного изучения морфологии находок, показывает, что типичными орудиями комплекса следует считать скребки, острия, провертки и ряд других изделий. Некоторые типы комплекса чоппер-бифасов продолжают использоваться, но в небольшом количестве. Среди них чаще других встречаются ручные рубила развитых форм и кливеры, характеризующиеся очень тонкой обработкой. Как те, так и другие относительно небольшие по размерам и изготовлены в основном из отщепов, что подтверждает общность их происхождения.

Технологические принципы в культурах отщепов не совсем новы. В частности, можно проследить продолжение древней техники предшествующего периода развития культуры, но орудия более совершенны и обработаны с использованием более развитых технических приемов. Так, леваллуазские заготовки достаточно многочисленны. В коллекциях нередко также леваллуазские нуклеусы и диски. Однако главное заключается в том, что в культуре отщепов отмечаются типологические и технические черты, которые сопоставляются с мустьерскими.

Мустьероидная фация в Индии. Ранее отмечалось, что на индийском субконтиненте нет индустрий, которые можно сопоставить с подлинным мустье Европы¹⁵. Отдельные памятники Индии лишь сходны с мустье по облику, или их как-то можно приравнять к мустье, но лучше индустрии подобного типа называть мустьероидными. Мустьерская или мустьероидная индустрия не существует сама по себе в чистом виде, без влияния со стороны других традиций, в связи с чем Ф. Борд считал уместным сделать следующее замечание: «...термин „мустьерский“ охватывает комплекс культурных группировок, частично тесно связанных, других менее связанных или даже имеющих различное происхождение»¹⁶.

Разрабатывая вопрос происхождения мустьерских культур Франции, Ф. Борд детально опи-

¹⁴ Bordes F. Mousterian Cultures in France. — «Science», 1961, v. 134, № 3482, p. 804 — 85; Binford L. R., Binford S. R. A Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois Facies. — «Amer. Anthropologist», 1966, v. 68(2), pt. 2, p. 238 — 295.

¹⁵ Ghosh A. K. Flake and Flake-Blades Industries in India in the Complex of Human Evolution. The Origin of Homo Sapiens. — In: Proceed. of Intern. Symposium. Paris, 1972, p. 97.

¹⁶ Bordes F. Mousterian Cultures..., p. 804.

сал типологические комплексы и пришел к следующим выводам: часть фаций мустьерских культур восходит к рисскому оледенению, и происхождение их нужно искать в клетонских комплексах, лишенных ручных рубил¹⁷. Истоки других фаций обнаруживаются в ашельских комплексах. Что касается хронологии мустье, то культура эта развивается в течение вюрмского оледенения. Основной мустьерской культуре предшествуют некоторые мустьерские индустрии, существовавшие в эпоху рисс-вюрма. Утверждение Борда о том, что мустье Франции — не одна специфическая индустрия, а целый комплекс их,¹⁸ справедливо также для Индии, где мустье, или то, что его заменяет, также не может рассматриваться как самостоятельная и независимая индустрия. Она, вероятно, связана с несколькими древними индустриями, которые переходят к мустьероидным формам значительно измененными. В связи с такой особенностью новые черты развиваются здесь в ходе эволюционного процесса. Сам он, как и его стадии, очень важен и интересен в свете факта существования различных фаций индийских мустьероидных культур, которые принадлежали, очевидно, к различным стадиям эволюции одной или нескольких традиций.

Вопрос о мустьероидных фациях в Индии далек от решения. Возможно, следует выделить здесь мустьероидные фации. Мустьероидные культуры Индии можно понять только в плане происхождения их из различных источников. Из двух мустьероидных фаций в Индии, упомянутых выше, памятники одной выявлены на севере, т. е. вне полуостровной части Индии (они связаны с кругом памятников соанской культурной области), а другой располагаются в полуостровной части Индии.

На севере итоги исследований Х. де Терра и Т. Т. Патерсона остаются до сих пор единственным источником по затронутому вопросу¹⁹. Тем не менее теперь наступило время пересмотреть старые представления, которые основывались на материале, собранном до второй мировой войны и, к тому же, описанном слишком кратко²⁰. В поздней соанской индустрии западного Пенджаба на основе типологии и стратиграфии выде-

ляются две стадии — А и Б. Поздний соан А датируется временем третьего оледенения, а в третий межледниковый период тот же район заселили носители культуры позднего соана В. Стратиграфические горизонты, выделенные на основании соотношения комплекса террас, позволяют относить к базальному галечнику Т₂ и основанию потварских лессовых суглинков соответственно поздний соан А и В.

Существующую в тот период техническую традицию можно в целом назвать леваллуа-мустьероидной. Леваллуазские традиции, которые появились здесь раньше, наконец достигают полного развития. К ним добавляются новые технические приемы, напоминающие мустьерские. Культура индийского, так называемого мустье, отличается, вместе с тем, от настоящего мустье, в связи с чем в одной из ранних работ Т. Патерсон подчеркивал, что «...средний палеолит» возникает, по существу, как промежуточная стадия, стадия развития. Иногда доминирует леваллуа, иногда мустье, ашель или соан, смешиваясь и переходя друг в друга, появляясь и исчезая — пульсирующее и сложное происхождение „верхнего палеолита“, который появляется к концу плейстоцена»²¹. В настоящее время такое обобщение разных особенностей не может способствовать определенным заключениям, и поэтому употребляемый Патерсоном термин леваллуа-мустье приводит лишь к путанице. Правильнее определять подобный индустриальный комплекс как леваллуа-мустьероидный или мустьероидный с леваллуазской традицией. Не совсем идентичный, но более или менее сходный индустриальный комплекс из Леванта Ф. Борд назвал мустье в леваллуазской фации²². Его же С. Р. Бинфорд отнесла к леваллуамустье²³. Два эти термина не передают точно содержание в плане этимологии и терминологического концепта, и упрощение С. Р. Бинфорд также не делает термин ни более ясным, ни более удобным для использования.

Палеолитические культуры полуостровной Индии исследованы лучше, и палеолитические стоянки представлены здесь значительно большим числом. Чоппер-бифасовый комплекс древнейший на субконтиненте, и он превалирует в индустриях в течение долгого периода, когда отмечаются отдельные стадии его эволюции. Группу орудий, относящихся к комплексу чоппер-чоппингов, можно подразделить на несколько подстадий, отражающих в первую очередь хронологические этапы. Периодизация позволяет также обнаружить заметные изменения в ти-

¹⁷ Там же, с. 803.

¹⁸ Bordes F. The Old Stone Age. L., 1968, p. 98.

¹⁹ Terra de H., Paterson T. T. Studies on the Ice Age in India and Associated Human Cultures. — «Carnegie Inst. of Washington». Publ., 1939, N 493.

²⁰ Пересмотр прежних представлений должен касаться также индустрий каменного века в целом для Южной и Юго-Восточной Азии. Я имел возможность познакомиться с материалами Соана полуостровной Индии, Аньятской культуры, Патжитана и Тампана, которые находятся в разных музеях. Общим недостатком остается отсутствие унификации проведенных работ, особенно в области типологических и технологических особенностей. Будущие исследования, которые должны более детально определить типологическую основу перечисленных культур, значительно изменят существующие гипотезы.

²¹ Paterson T. T. Geology and Early Man. Pt. 2. — «Nature», 1940, № 146 (3689), p. 49—52.

²² Bordes F. Essai de classification des industries «moustériennes». — «Bull. de la Soc. Prehist. Française», 1953, t. 50.

²³ Binford S. R. Early Upper Pleistocene Adaptation in the Levant. — «Amer. Anthropologist», 1968, v. 70, № 4, p. 708.

пологии и технических приемах в плане стратиграфического положения изделий.

Ашельская техническая традиция доминирует в течение большей части времени существования чоппер-бифасового комплекса, и лишь на поздних стадиях развития его появляется леваллуазская техника, которая в дальнейшем играет особо важную роль. Ашельская и леваллуазская традиции составляют неотъемлемую часть относительно замкнутого индустриального комплекса. Можно утверждать, что ашельско-леваллуазский элемент приобретает позднее новые формы. Появившиеся смешанные по характеру традиции усиливаются затем в течение климатического перелома, что подтверждается данными стратиграфии Восточной Индии. В техническом смысле такие типичные ашельские черты, как употребление цилиндрического отбойника, общее более тонкое сечение орудий и леваллуазская техника, существуют одновременно и в смешанном состоянии.

На основании серии археологических фактов, связанных с плейстоценом Индии, проанализированных с точки зрения типологии и технологии, можно, соблюдая осторожность, предполагать, что процесс развития ашельской и леваллуазской традиций, достигающих на определенной стадии высокого уровня, в дальнейшем приостанавливаются и последующая эволюция обеих линий становится ограниченной.

Появление и внедрение новых технических и типологических черт отражают изменения, указывающие на адаптацию²⁴. Их можно также рассматривать как продукт самостоятельного развития, которое, вполне возможно, проходило в независимом и изолированном комплексе. Действительно, указанный комплекс может рассматриваться как новая традиция, в дальнейшем получившая свое собственное развитие. Можно предполагать далее изменение функциональной необходимости в системе существования палеолитических людей при перемене окружающих их условий, что стимулировало замещение типов орудий и техники их изготовления.

В 1966 г. Д. Коллинз высказал гипотезу по поводу соотношения между технотипологическими традициями в эпоху палеолита, традициями и «этническими группами» или «этнической общностью». В более поздней работе он изложил свои идеи более подробно²⁵. Поскольку работу Д. Коллинза критически комментировал журнал «*Current Anthropology*», ограничимся лишь репликой, полностью исключив гипотетические моменты проблемы²⁶. Можно предпола-

гать, что будущие исследования позволят подробнее изучить ашельскую и леваллуазскую традиции, и станет яснее, как далеко зашло смешение этнических групп, которое реконструируется на основании прослеженного по материалам контакта двух различных традиций.

«Флейк-комплекс» определяется и как мустьероидная фация, и, как уже отмечалось, условно его можно назвать мустьероидным в ашельско-леваллуазской фации. Такое общее заключение находит подтверждение в находках из Восточной Индии, и представляется, что Западная, Центральная и Южная Индия также не отличается в этом плане. Отметим, что, хотя в целом полуостровная Индия обнаруживает много общих особенностей в плане мустьероидности, региональные варианты также нельзя исключить. Различный региональный характер геоморфологии, климатических условий, методов добычи продуктов питания служат основанием для возникновения различных вариаций хронологически близкой палеолитической культуры. В Индии плейстоценовая стратиграфия, как геологическая, так и археологическая, еще далеко не совершенна, а исследования, которые ведутся в познании ее, нельзя назвать систематическими.

Можно считать установленным, что мустьероидные культуры на севере и на всей полуостровной Индии одинаково характеризуются леваллуазской традицией. Нет никаких данных о том, что леваллуа происходит здесь из одного традиционного источника. Появление леваллуа, вместе с тем, связано с ашелем в полуостровной Индии, и оно проявляет некоторые специфические черты в Восточной. Хотя в ашельской стадии комплекса чоппер-бифас доминирует над галечным ядрищем (*core-pebble tradition*), использование отщепов также не исключено. Традиция флейков появляется на развитых этапах комплекса чоппер-бифас и продолжает существовать параллельно. На древних этапах традиция отщепов соответствует клетопской технике, и лишь в период поздней поры среднего плейстоцена появляется леваллуазская традиция.

В области соанской культуры картина не отличается сколько-нибудь значительно. Здесь также леваллуа появляется на базе традиции флейков. Она иногда рассматривается как прямая линия эволюции, независимая от традиции пуклеус-галка, что сомнительно, поскольку галечные орудия могут быть обнаружены уже в пре-соане²⁷. Утверждение о возможности существования независимой и самостоятельной культуры отщепов в то время кажется нелогичным. Галечные нуклеусы, с которых снимались отщепы, следует считать частью той же культуры.

²⁴ Ghosh A. K. *Flake and Flake-Blade Industries...*, p. 98.

²⁵ Collins D. *Culture Traditions and Environment of Early Man*.— *Current Anthropology*, 1969, v. 10, N 4, p. 267—316.

²⁶ Работа Д. Коллинза подверглась резкой критике (см. комментарии в указанном номере «*Current Anthropology*»). Вместе с тем некоторые исследователи нашли идеи Д. Коллинза приемлемыми.

²⁷ Ghosh A. K. *Developmental Pattern of Palaeolithic Culture in India*.— In: VIII Congr. INQUA, Paris, 1969, p. 1036.

Леваллуазские традиции в соанском комплексе должны предположительно датироваться верхнеплейстоценовым временем, и, таким образом, они появляются позже, чем в полуостровной Индии. На основании единственного фактора относительной датировки, который еще требует подтверждения, затруднительно считать появление леваллуазских традиций на севере как результат миграции населения из полуостровной Индии. Но влияние леваллуазской традиции, надо думать, усилило технотипологический характер и изменялось в зависимости от необходимости приспособления к экологическим условиям, а регулирование изменений отражало социально-культурные задачи общества.

Несколько моментов противоречат вышеизложенной гипотезе. Леваллуазская технология — неразрывная часть ашельской традиции, и она появляется раньше по времени в полуостровной Индии, где ашель и леваллуа представлены в одном и том же индустриальном комплексе. Иное дело в Северной Индии, где ашельская традиция отделена от леваллуазской. Отсутствие ашельской техники в одних вариантах соана и присутствие в других свидетельствуют о том, что распространение из полуостровной Индии леваллуазских традиций оставалось ограниченным и в соседних ареалах усваивались только необходимые технические приемы. Такая гипотеза кажется правдоподобной поскольку она объясняет вероятные факторы, обусловившие появление двух различных мустьероидных фаций в палеолите Индии.

Европейские мустьерские индустрии и вероятные соответствия им в Индии. Мустьерские индустрии в Европе, особенно во Франции, и Африке изучены относительно хорошо. Ф. Борд доказал, что в Европе существуют четыре главных комплекса: 1) типичное мустье из Ла Мустье; 2) мустье типа Кина (Ферасси-Шарант)²⁸; 3) зубчатое мустье; 4) мустье с ашельской традицией²⁹. Материалы по мустьероидным культурам Индии пока настолько незначительны и фрагментарны, что здесь такое же выделение фаций пока невозможно. Комплексы типичного мустье и мустье шарантского типа, подобные европейским, в Индии вообще не обнаружены. Зубчатые орудия, особенно скребла, изредка встречаются в соответствующих индустриях, но они иные по характеру, чем сходные орудия в зубчатом мустье Европы. К тому же они встречаются вместе с небольшими ручными рубилами. Зубчатое мустье Европы характеризуется, кроме того, наличием достаточно большого числа остроконечников, а левал-

луазская техника проявляется более ярко. Мустье ашельско-леваллуазской фации в полуостровной Индии обладает несколькими своеобразными особенностями, по которым оно сходно с мустье в ашельской традиции Европы в обеих его эволюционных фазах — А и Б. Леваллуазская техника скалывания используется также в зубчатом мустье, а в мустье типа Кина ее проявление кажется не таким четким.

Очень плоские ручные рубила, скребла, топкие в сечении, острия и провертки обнаружены как в Европе, так и в Индии. Однако ретуширование с брышка, наличие орудий верхнепалеолитических типов, специфических резцов и скопленных ретушью пластин (truncated blades) отмечено лишь в культурах Европы. Удлиненные пластины, снятые с нуклеуса с помощью отжимника, также не известны в комплексе отщепов (flake element). Традиция отделения правильных удлиненных пластин, вероятно, появляется в комплексе отщепов вследствие влияния откуда-то извне. Этот элемент заполняет пробел между указанной индустрией и следующим за ней комплексом отщепов и пластин (flake-blade element).

Мустьерские или мустьероидные комплексы в других областях. В Африке мустьерские индустрии охватывают две крупные зоны: памятники подлинного мустье концентрируются на севере, где они связаны с соответствующими по времени культурами Европы и Ближнего Востока, а мустьероидные местонахождения располагаются южнее Сахары. Мустьерская и мустьероидная традиции Африки в Индии не прослежены. Сходство типов орудий и техники их изготовления незначительно и, кажется, носит случайный характер. Никакой корреляции между африканским и индийским мустьероидными комплексами установить пока невозможно.

Мустьерско-мустьероидный комплекс известен также в некоторых других странах Азии³⁰. Для решения проблемы происхождения индийской мустьероидной культуры сведения из окружающих районов очень важны. Исследования здесь прольют новый свет на мустьероидную фацию культуры каменного века Индии и в особенности на ее происхождение и распространение. Но начинать изучение вопроса нужно с интенсификации обработки индийского материала, что позволит выявить характерные особенности крупных фаций и определить варианты этой технической и культурной традиции.

²⁸ В своем комментарии на упомянутую статью Д. Коллинза Ф. Борд написал: «Я предлагаю термин «шарант» для мустье типа Кина Ферасси-Шарант» (Bordes F. Comments on: Culture Traditions and Environment of Early Man, by D. Collins. — «Current Anthropology», 1969, v. 10, N 4, p. 301).

²⁹ Bordes F. The Old Stone Age, p. 98—102.

³⁰ Rust A. Die Hohlefinden von Jabrud (Syrien). Neumuster, 1950; Binford S. R. Mughareh es-Shubbabig: a Mousterian Cave in Israel. — «Israel Exploration Journal», 1966, v. 16; Movius H. L. The Mousterian Cave of Teshic-Tash, Southeastern Uzbekistan, Central Asia. — «Amer. School of Prehistoric Research», 1953, v. 17; Garrod D. A. E. The Middle Palaeolithic of the Near East and the Problem of Mount Carmel Man. — «The Journ. of the Royal Anthropol. Inst. of Gr. Britain and Ireland», 1962, v. 92, N 1-2.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ИНДОСТАНА

(Замечания к статье А. К. Гхоша «Мустьероидная фауна
и палеолитические культуры Индии»)

В каком бы аспекте не изучался палеолит стран Азии, в том числе и Китая, проблемы, связанные с палеолитическими культурами Индии, вызывают огромный интерес исследователей, поскольку именно здесь сосредоточено наибольшее по всей Юго-Восточной Азии количество палеолитических стоянок. Перпозация и историческая интерпретация палеолитических материалов Индии во многом определяют развитие палеолитоведения на юге и востоке Азии.

В известной работе Х. Л. Мовиуса север Индии, вся территория Китая и юго-восток Азии выделены в специфическую область преимущественного распространения галечных орудий нижнего палеолита. Она представляет собой противоречие расположенной на западе зоне ручных рубил¹. За последние годы территория распространения чоппер-чоппингов продвинулась к северу (Каратау и Кара-Бура в Средней Азии, Улалепка на Алтае, Кумары в Сибири). Как бы кто ни относился к существованию самостоятельных областей с преимущественным употреблением галечного чоппер-чоппингового комплекса², роль галечных орудий в палеолите Азии недооценивать нельзя.

Кажется весьма вероятной реальность существования обширной, разнообразной, типологически и хронологически дифференцированной области «азиатского палеолита», совпадающей в общих чертах с вышеуказанной территорией. Но в отличие от Х. Л. Мовиуса представляется важным подчеркнуть, что особенностью каменного инвентаря ее следует считать не только наличие собственно галечных орудий; сюда необходимо присоединить и целую сумму технических, типологических и количественных признаков, так или иначе связанных «галечной техникой»³

Некоторые из них целиком характерны для «азиатского палеолита», другие встречаются в иных палеолитических провинциях, но их процентное соотношение здесь иное.

П. И. Борисковский представил недавно достаточно полную картину особенностей палеолитических культур Юго-Восточной Азии⁴. Раздел, посвященный Индии, он написал после ознакомления с палеолитическими коллекциями в крупнейших хранилищах Индии и с литературой, учтенной к 1969 г. Подробно разбирая палеолитические материалы из разных районов Индии, П. И. Борисковский уделил также внимание вопросам терминологии и периодизации палеолита. Он прежде всего постарался найти в палеолите Индии черты сходства с европейскими технико-типологическими критериями, стремясь показать несостоятельность суждения о локальных особенностях древнего палеолита Индии⁵. Взгляд специалиста по палеолиту Европы на индийский палеолит интересен. Однако многие аспекты технико-типологических проблем, связанных с изучением специфики одного из вариантов палеолита Азии, остались вне поля зрения автора. В оправдание вместе с тем можно сказать, что уровень исследований палеолита Индии, которого достигли археологи к моменту написания книги, давал мало материала для четкой интерпретации собранных фактов.

Историю изучения палеолита Индии обычно подразделяют на два этапа. К первому относят исследования, проводившиеся до 1947 г., в колониальный период (их вели преимущественно английские ученые и любители). Второй период начался после 1947 г. Он характеризовался притоком в археологию национальных исследователей и широким территориальным охватом работ по палеолиту в разных районах Индии⁶.

мелкого века Сибири и Средней Азии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.

⁴ Борисковский П. И. Указ. соч.

⁵ Там же, с. 40—42, 82—83 и др.

⁶ Misra V. N., Nagar M. Twenty-five Years of Indian Prehistory (1947—1972) — a Review of Research. — In: Man and Society, Lucknow, 1972, p. 1—4. (Отд. отт.).

¹ Moir H. J. Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia. — «Papers of Peabody Museum», Cambridge, 1944, v. 19, N 3.

² Различные мнения — см., напр.: Ларичев В. Е. Открытия в Ланьяне. — «Изв. Спб. отделения АН СССР», 1970, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 48; Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971, с. 110—115; Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974, с. 126—127.

³ Ранов В. А. «Галечная техника» и культуры ка-

Теперь следует выделить в историографии палеолита Индии еще один этап, начало которого условно относится к концу 60-х — началу 70-х годов. Специфика его заключается прежде всего в том, что отныне начинается критическое осмысление еще недавно казавшихся незыблемыми положений (в частности, вопрос о периодизации), разворачиваются поиски новых методик полевых исследований и описания археологического материала. Отмечается также применение, хотя еще очень робкое, статистических приемов обработки палеолитических коллекций.

Ашок К. Гхош — один из наиболее ярких представителей нового направления в исследованиях. Его работы, особенно последних лет, привлекли внимание специалистов прежде всего поисками новых путей в археологии, критическим отношением к мнениям коллег, прежде всего к представителям влиятельной в 50-х годах школы Х. Д. Санкалия⁷. В статье «Мустье-ройдная фауна в палеолитических культурах Индии» А. К. Гхош попытался обосновать новые положения, связанные с двумя темами: периодизация палеолита и характеристика так называемой серии II или среднего каменного века Индии. Следует отметить, что сюжеты подобного рода в той или иной степени разрабатываются также В. Н. Мисра, Р. В. Джоши, К. Д. Банерджи и другими, но, как правило, не специально, а проходя, при общих описаниях археологического материала. Таким образом, в статье А. К. Гхоша отражаются новые общие тенденции в развитии индийского палеолитоведения.

А. К. Гхош высказал несколько критических замечаний, с которыми нельзя не согласиться. Действительно, после 1939 г. из печати не вышла ни одна работа, посвященная плейстоценовой истории Индии, которая сравнялась бы по значению с монографией Х. де Терра и Т. Т. Патерсона⁸. Между тем их книга, сыгравшая в свое время огромную роль в прояснении важных проблем палеолита юга Азии, уже не отвечает современным требованиям, а то, что появляется пока в печати, не охватывает проблем палеолита в масштабах всей Индии. Не на высоком уровне стоит четвертичная геология субконтинента. Описания отложений схематичны⁹, но самый большой недостаток заключает-

ся в том, что, за редким исключением, в публикациях отсутствуют даже эскизные поперечные разрезы долин, а соотношения речных террас или опускаются, или представляются в самых общих чертах. Кроме того, часто отсутствует обобщающее представление о геологической ситуации района, аллювиальные отложения не прослеживаются регионально, недостаточно исследуется также их сопряжение с горизонтами иного происхождения. В результате в тектонически активных районах или в зонах древнего переуглубления рек за одновременные приписываются различные по возрасту отложения.

К сказанному следует добавить, что фаунистическое обоснование четвертичных отложений как полуостровной, так и пригималайской частей Индии недостаточно. Так, в недавно опубликованной статье ведущий индийский палеонтолог Е. Каан, рассмотрев имеющуюся в его распоряжении ископаемую фауну, несколько неожиданно пришел к выводу, что вся она относится к третьему интерглюциалу. Но сам по себе вопрос о сопоставлении оледенений Гималаев с аккумулятивными циклами равнинной части Индии очень сложен и поэтому сопоставления его нельзя принять безоговорочно¹⁰. Е. Каан далее отметил следующее: «Таким образом, с одной стороны, фауна млекопитающих, существовавших в Индии от первого до третьего оледенения, до сих пор совершенно неизвестна, с другой — фауна эпохи четвертичного оледенения исследована очень плохо»¹¹.

Превосходный пример геоморфологического обоснования открытых палеолитических местонахождений в Северной Африке, продемонстрированный американской экспедицией в Нубийской пустыне, и ряд других исследований, в том числе опыт изучения геологической позиции палеолита горной части Средней Азии, могли бы помочь индийским археологам перейти к комплексному изучению палеолитических стоянок, как того требуют современные принципы исследований палеолита¹².

Практически подавляющая часть орудий, собранных в разных местах полуостровной Индии, происходит или с поверхности галечных кос (бичевников), существовавших некогда вдоль русел древних рек, или представляет собой сме-

⁷ Ghosh A. K. The palaeolithic Cultures in Singhbhum. — «Transactions of the Amer. Philos. Soc.», 1970, v. 60, N 1; *Он же*. Developmental Pattern of Palaeolithic Culture in India. — In: VIII Congr. INQUA. Paris, 1969; *Ordering of Lower Palaeolithic Traditions in South and South-east Asia*. — «Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1972, v. 6, N 2; *India and the Evolution of Man*. Anthr. Congr. dedicated to Ales Hrdlicka. Praha, 1971.

⁸ Terra H. de, Paterson T. T. Studies on the Ice Age in India and associated Human Cultures. Washington, 1939.

⁹ Wainwright G. J. The Pleistocene Deposits of the Lower Narmada River and An Early Stone Age Industry from the River Chambal. Baroda, 1964; Misra V. N. Pre-and Proto-History of the Berach Basin South Raja-

sthan. Poona, 1967; Ghosh A. K. The Paleolithic Cultures of Singhbhum...

¹⁰ Khan E. Mammalian Fossil Fauna: a most Modern Tool for Dating the Pleistocene Deposits. — «Puratatva. Bull. of the India Arc. Soc.», 1970-1971, N 4, p. 31-32, fig. 2.

¹¹ Там же, с. 40. С. П. Гунта в предисловии к сборнику отметил, что Е. Каан не использовал фаунистические сборы Х. Д. Санкалия из долины Нарбады и Г. Р. Шармы у Аллахабада, что, возможно, изменило бы категоричность его суждения.

¹² Wendorf F. (Ed.). Contribution to the Prehistory of Nubia, v. 1-2. Dallas, 1965-1968; Ракоев В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

шанный и переотложенный материал¹³. Возможно, в силу указанных причин, характеристика каменного инвентаря, основанная на добытых из галечников или извлеченных из осыпей коллекциях, неполна, но лишь раскопки стоянок с сохранившимся культурным слоем, которые когда-нибудь удастся обнаружить на древних коренных берегах, могут значительно изменить сложившиеся представления.

Прав А. К. Гхош и в том, что интенсивное накопление новых материалов не приводит к качественно новому пониманию палеолита. Стоит только полистать многочисленные индийские издания, как убеждаешься, что «подача» археологического материала ведется по заданной заранее схеме, в описательной манере и с элементарными подсчетами. Новейшие достижения зарубежной науки (Ф. Борд, А. Люмлей, Л. и С. Бинфорды, Л. Вертеп, советские исследования) не используются. При такой поистине монотонной методике трудно понять и выявить локальные и временные различия для разных регионов страны. То же, в сущности, прослеживается также в описании древнепалеолитических коллекций П. И. Борисовским. Он практически одинаково представил характерные для всех местонахождений «шелльско-ашельские рубила», кливеры, галечные орудия, нуклеусы и отщепы. Однако вместе с тем не справедливо не отметить новые исследования, которые выполнены на значительно более высоком уровне¹⁴.

Периодизация палеолитических культур Индии выглядит сейчас следующим образом: 1) древнейший этап, соответствующий дошеллю или олдовэйской культуре, представлен махадевскими находками на р. Нарбаде и пре-соаном Пенджаба¹⁵; 2) шелльско-ашельский этап (шелль-ашель многочисленных памятников, мадрасская культура¹⁶, ранний соан); 3) средний палеолит Индии, стадияльно соответствующий мустерской культуре прилегающих областей; 4) поздний палеолит, представленный пока редкими находками у Ренигупты, Аллахабада

и Визади. В течение нескольких лет А. К. Гхош отстаивает новую периодизацию палеолитических культур, разработанную первоначально лишь для Восточной Индии¹⁷. Как следует из статьи «Мустероидная фацция в палеолитических культурах Индии», А. К. Гхош в основу своей схемы положил не культурно-исторические этапы, а доминирующие технические и типологические признаки. Комплексы чоппер-бифасов, отщепов и пластин-отщепов соответствуют древнему, среднему и позднему палеолиту Индии, хотя их временные рамки, как указывает А. К. Гхош, не совпадают¹⁸.

Интересная идея индийского археолога, безусловно, заслуживает внимания, поскольку он подчеркнул самые важные черты палеолитических культур. Вместе с тем такому направлению исследований вряд ли можно предсказать большое будущее. Периодизация на основе технических признаков в значительной степени обедняет, суживает понятие историко-культурного этапа, в которое включаются не только специфические способы изготовления каменных орудий и типология их, но и представление об определенном историческом этапе развития человечества. Если принять положения А. К. Гхоша, то как придется характеризовать, например, гиссарскую неолитическую культуру Южного Таджикистана, где примерно 70% изделий составляют чопперы и крупные отщепы типа флейков, а 30% — кремневые микролитовидные нуклеусы и тонкие пластинки? Ведь термин «flake-blade» применим и к гиссарской индустрии IV—III тыс. до н. э. и к культуре верхнего палеолита Индии, отстоящей от нее на 20—10 тыс. лет!

Не следует, кроме того, исключать возможности серьезных ошибок в определении. Так, при открытии гиссарской культуры первоначальные сборы на речных террасах Гиссарской и Кулябской долин в Таджикистане составляли преимущественно крупные отщепы и орудия из целых

скальной культуры в различных хранилищах Дели, Калькутты и Мадраса. Пожалуй, от термина «мадрасская культура» следует отказаться, поскольку коллекции орудий ее не выглядят однородными. Они принадлежат к группировкам, которые хронологически неоднородны. Совместное нахождение несопоставимых по времени изделий, скорее всего, объясняется недостаточно тщательными наблюдениями в процессе сборов или раскопок, а также смешанностью на стадии формирования отложений, в которых они найдены.

¹⁷ Ghosh A. K. Implementiferous Laterite in Eastern India.— In: *Studies in Prehistory*. Robert Bruce Foote Mem. Calcutta, 1966, p. 156—157.

¹⁸ Тенденция к омолаживанию возраста палеолитических культур Индии и сближения их с европейскими заметна во многих работах последних лет. См.: Joshi R. V. *Environment and Evolution of Stone Age Cultures in India with Special Reference to the Middle Stone Age Culture*.— In: *The Origin of Homo Sapiens*, Paris, 1972, p. 92; Allchin B. *Environment, time and Technology: the Flake Tradition and Blade and Burin Tradition in Western India*.— In: *Radiocarbon and Indian Archaeology*. Bombay, 1973, p. 21; Khan E. *Mammalian Fossil Fauna...*, p. 34—35.

¹³ Последнее иногда отмечается и в новых работах. См.: Khan E. *Mammalian Fossil Fauna...*, p. 36.

¹⁴ Misra V. N. *Pre-and Proto-History...*; Murty M. L. R. *Blade and Burin Industries near Renigunta on the South-east Coast of India*.— *Proc. of Prehist. Soc.*, L. N. S., 1968, v. 34, N 8; Allchin B., Goudie A. *Dunes, aridity and early man in Gujarat, Western India*.— *Man*, 1971, v. 6, N 2; Jayaswal V. *A note on the influence of Raw Material on Blank-Detaching Techniques*.— *Puratattva. Bull. of the India Arch. Soc.*, 1972—1973, N 6; etc.

¹⁵ Большая часть индийских специалистов не признает значения сборов А. Кхатри у Махадеви. Так, В. Н. Мисра указывает, что при повторных сборах в валунных галечниках Махадео Пипара, проведенных С. Г. Сюпекором, вместе с примитивными галечными орудиями олдовэйского типа удалось найти ашельские и среднепалеолитические орудия. См.: Misra V. N. *Evolution of Palaeolithic Cultures in India*.— In: *The Origin of Homo Sapiens*. Paris, 1972, p. 116.

¹⁶ Во время поездки в Индию в январе 1973 г. мне удалось осмотреть коллекции так называемой мадрас-

галек¹⁹. Нормально гиссарская культура выглядела, по А. К. Гхошу, как «комплекс отщепов». Однако последующие раскопки поселений (Куй-Бульен, Туткаул, Саед) показали, что подъемные сборы искажают действительную картину, поскольку они представляют только часть индустрии, которую, следуя той же тенденции, теперь следовало определять как «комплекс отщепов и пластин». Гиссарская же культура в том и другом случае определялась как «докерамический полит», и изменение представления о ее «техническом профиле» не внесло значительных поправок в идею об истинном историческом месте гиссарской культуры. Таким образом, предложенная А. К. Гхошем периодизация не имеет самостоятельного значения.

Центральное место в работе А. К. Гхоша занимает «комплекс отщепов, соответствующий среднему палеолиту Индии. Основные положения индийского археолога можно свести к следующему: 1) в культуре отщепов (flake-element) наблюдаются типологические и технические черты, которые сопоставляются с мустьерскими; 2) мустьерская или мустьероидная индустрия в Индии — результат эволюционного развития предшествующих автохтонных культур; 3) выделяются две мустьероидные фации: одна на севере, в пригималайской части, другая на территории полуостровной Индии. Как на севере, так и на юге мустьероидные культуры характеризуются наличием леваллуазских традиций. Первую можно назвать мустьероидной с леваллуазской традицией, вторую мустьероидной ашеле-леваллуазской фации; 4) поскольку последняя возникла на юге Индии раньше, можно предполагать, что позднесоанская индустрия возникает в результате влияния леваллуазской традиции на местную — соанскую.

В ряде других работ последних лет, написанных индийскими археологами, неоднократно подчеркивалось сходство среднего палеолита Индии и мустьерской культуры Европы, Ближнего Востока и Средней Азии. Особенно четко такие мотивы прослеживаются в статье Х. Д. Санкалия²⁰. По его мнению: а) в Индии можно выявить все элементы мустье за исключением зубчатых орудий; б) вместе с тем такую индустрию трудно назвать мустьерской, и ее следует определять как среднепалеолитическую; в) средний палеолит Индии сформировался под влиянием леваллуа-мустье Западной Азии, а не африканского среднего палеолита. Интересно отметить, что первоначально индийские археологи подчеркивали специфическую обособленность среднего палеолита, несходство с выделенными в других областях культурами

и полную самостоятельность его технической традиции²¹. Той же точки зрения придерживается П. И. Борисковский.

Проблема технико-типологической характеристики и историко-культурного места среднего палеолита одна из самых сложных в палеолитоведении Индии. П. И. Борисковский справедливо подчеркивал, что средний палеолит Индии «не мустье» в собственном смысле слова и отмечал, анализируя находки немногочисленных *pièces écaillées* и топких пластинок, что в действительности этот этап соответствует индийскому эквиваленту верхнего палеолита²². Несмотря на то, что термин «мустьероидный» не отличается четкостью и поэтому многими исследователями не употребляется, все же кажется, что А. К. Гхош прав, применяя его по отношению к определенным палеолитическим индустриям Индии. Действительно, в инвентаре мустьероидных культур отсутствуют такие типичные орудия мустьерского времени, как острокопечники, скребла и лимасы. Однако технические признаки мустьерской стадии обработки камня, в том числе леваллуазские, распространены достаточно широко. Подобный парадокс тем не менее разрешим. Вследствие неблагоприятных геологических условий находок и несовершенства методики поиска новых стоянок археологи вынуждены оперировать пока неполноценным комплексом, и задача проявится в дальнейшем, когда произойдет накопление нового, качественно отличного, в плане типологии орудий, материала, или же придется признать, что в Индии в силу каких-то специфических условий автохтонно из местных культур древнего палеолита (влияния культур Западной и Средней Азии не исключаются, но они не определяющие) возник и развивался средний палеолит — культура или группа культур, в которой техническая основа мустье не привела к возникновению набора соответствующих орудий, а творчество древних мастеров по каким-то причинам ограничилось «изобретением» небольшого количества «примитивных» орудий. В действительности же «примитивизм» индийского среднего палеолита оказывается только кажущимся.

Статья А. К. Гхоша затрагивает новые аспекты еще во многом неясного среднего палеолита Индии и поэтому заслуживает пристального внимания. Несмотря на затруднения, которые возникают в связи с использованием в индийском палеолитоведении европейских терминов, они, как и чисто формальные хронологические сопоставления, помогают все же лучше понять место палеолита субконтинента в системе других соответствующих по времени культур.

¹⁹ Окладников А. П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. — В кн.: Материалы — II совещ. археол. и этногр. Средней Азии. М. — Л., 1959.

²⁰ Sankalia H. D. The Middle Palaeolithic Cultures of India, Central and Western Asia and Europe. — In: The Origin of Homo Sapiens. Paris, 1972.

²¹ См. доклад Х. Д. Санкалия и дискуссию по поводу среднего палеолита Индии в сборнике: India Prehistory: 1964. Deccan College, Poona, 1955, p. 35—55.

²² Борисковский П. И. Указ. Соч., с. 81—90.

ПАЛЕОЛИТ МАНЬЧЖУРИИ, ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Когда в первые три десятилетия XX в. усилиями таких известных исследователей каменного века Северной Азии, как И. Т. Савенков, Б. Э. Петри, Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов и В. И. Громов, удалось накопить достаточно обширные материалы по палеолиту Сибири, чтобы создать на их основе связную картину последовательных этапов эволюции культуры древнекаменного века и наметить контуры ее локальных вариаций, то одной из центральных проблем сразу же стало решение вопроса истоков североазиатского палеолита. Среди высказанных в связи с этим в те же и последующие годы разнообразных, иногда диаметрально противоположных по итоговым заключениям гипотез наибольшее внимание, вследствие основательного подкрепления идей анализом археологических и геолого-палеонтологических фактов, привлекла мысль о преобладающем значении центральноазиатского культурного региона. Примечательно поэтому отметить, что к одинаковым, по существу, выводам пришли конвергентно и по времени почти синхронно как сибирские археологи, так и те, кто вел полевые работы на территории Центральной и Восточной Азии — о родстве палеолита севера и центра азиатского континента писали Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и В. И. Громов, а также П. Тейяр де Шарден, А. Брейль, М. Буль и Р. Ч. Эндрюс. Отмеченные ими аналогии послужили впоследствии основой для выделения С. Н. Замятниным сибирско-восточноазиатской культурной области, одной из величайших по мощи и обширности занимаемой территории локальных верхнепалеолитических провинций Старого Света.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на протяжении длительного времени при обращении к такого рода проблемам поневоле приходилось оперировать в общем не очень значительным по количеству и достаточно разнообразным по характеру материалом палеолитических местонахождений, открытых в пределах Центральной и Восточной Азии. Коллекции из Шуйдунгоу и Сюцяопань (Шароосогол), памятников района Ордоса, а также ряда менее значитель-

ных по важности пунктов, открытых в его же пределах или поблизости от него, где исследования ограничивались главным образом подъемными сборами, скудные находки образцов индустрии верхнего палеолита из Верхнего грота Чжоукоудяня и не отличающиеся особой выразительностью, как, впрочем, и хронологической определенностью, каменные изделия окрестностей Харбина, изданные к тому же в большинстве случаев лишь предварительно, — вот, по сути, все, с чем приходилось иметь дело ранее, решая сложные вопросы происхождения верхнепалеолитических культур Сибири, а также их контактов с соседними культурными ареалами. Что касается палеолитических сборов экспедиции Р. Ч. Эндрюса в Гоби, как и находок китайско-шведской и датской экспедиций 30-х годов, то они до сих пор остаются в значительной мере не опубликованными. Поэтому, естественно, сказать о них нечто более определенное пока невозможно¹. Не исключено также, что среди сборов Э. Лисана на северо-западе Китая, в том числе в пределах Маньчжурии и Внутренней Монголии, содержатся изделия палеолитического времени. Однако сам по себе характер основной его публикации не позволяет использовать материалы, которые хранятся в музее Хуанхэ-Бэйхэ в Тяньцзиньне². Итак, подводя итоги беглого обзора исследований, можно сказать, что значительность проблемы находилась до недавнего времени, при анализе возможных путей решения ее, в очевидном контрасте со скудной базой имевшихся в распоряжении ар-

¹ Andrews R. C. On the Trail of Ancient Man. N. Y., 1926; Andrews R. C. Meet your Ancestor. N. Y., 1946; Nelson N. C. Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert. — «Amer. Museum Novitates», 1926, N 222; Maringer J. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 34. Stockholm, 1950; Jacobsen W. Mongoliets archaeologi en kort oversigt. Fra Danmarks ungdom. — In: Arkæologiska studier til Johannes Brøndsted paa 50-aarsdagen. København, 1940.

² Licent E. Les Collections néolithiques du Musée Hoang Ho Pai Ho de Tien Tsin. — «Publ. Musée Hoang Ho Pai Ho». Tien Tsin, 1932, N 14.

хеологов палеолита фактов. Они к тому же, все еще остаются в значительной мере разрозненными и не сведенными в единое целое, что не позволяет рассмотреть их в комплексе и выделить в культуре самое существенное и характерное.

В последние годы наметились определенные сдвиги в накоплении новых материалов — широкие разведочного плана маршруты и раскопки на территории Центральной Азии Советско-Монгольской археологической экспедиции, а также успешные поиски в бассейне Хуанхэ сотрудниками Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии АН КНР и местных научных учреждений страны привело к открытию большого числа новых палеолитических местонахождений, при обследовании которых получены богатые коллекции каменного инвентаря³. В итоге, уже сейчас возникли благоприятные перспективы для продолжения всесторонней разработки проблем палеолита степной и пустынной полосы центра азиатского континента, вопросов первоначального заселения человеком Сибири и выявления общих черт в культуре древнекаменного века Северной, Центральной и Восточной Азии. Что касается последнего, то в связи с этим значительный интерес вызывает как изданные ранее материалы по древнекаменному веку Маньчжурии и Восточного Туркестана, так и, в особенности, недавно опубликованные китайскими археологами новые коллекции по палеолиту Внутренней Монголии. Орудия, собранные здесь, достаточно многочисленны, а типологически они настолько ярки и выразительны, что, пожалуй, впервые появилась возможность свести воедино и отметить некоторые из примечательных особенностей верхнего палеолита северных окраинных областей собственно Китая. Этот район интересен также потому, что представляет собой с историко-географической точки зрения своеобразное связующее звено между лессовыми регионами Восточной и пустынно-степными, горными на западе, а далее к северу таежными областями Центральной, Средней и Северной Азии. Через подобного рода «переходные зоны», совмещающие в себе черты соседних, во многом отличных друг от друга географо-климатических сфер континента, вероятно, в особенности активно осуществлялись контакты и культурные взаимовлияния. Что касается севера и востока Азии, то характер и особенности древних культур центральноазиатской зоны приобретают особое значение при решении общих проблем палеолита Японии, Приморья, Приамурья, Забайкалья, Алтая, Саян, а также юга Краснояр-

ского края и средней Азии. Отмеченные обстоятельства вполне оправдывают насущную необходимость тщательного анализа сведений о палеолите Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана. Его, судя по всему, следует рассматривать как особый культурный блок, позволяющий связать в неразрывное целое локальные ареалы культур верхнего палеолита северной половины азиатского континента⁴. Отмечая актуальность поставленных проблем и очерчивая их рамки, следует к тому же иметь в виду, что анализ верхнего палеолита Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана, возможно, позволит в будущем вскрыть истоки своеобразного по характеру «микролитического» неолита степной, пустынной и таежной полосы Центральной и Восточной Азии и показать, в чем с самого начала определялась его оригинальность по сравнению с земледельческим неолитом лессовых районов бассейна среднего течения Хуанхэ. Иначе говоря — не удастся ли установить, что уже, по крайней мере, на стадии финальных этапов верхнего палеолита, если не ранее, произошла дифференциация культурных зон, в пределах которых позже локализовались неолит крашеной керамики яппао и «микролитический» неолит степной окраины собственно Китая, а также культуры эпохи бронзы и раннего железа того же региона? Положительное решение такой проблемы, как и связанного с ней сложного комплекса этногенетических вопросов, откроет, естественно, чрезвычайно заманчивые перспективы для археологов, занимающихся изучением вопросов взаимоотношений локальных культур неолита и раннего металла Центральной и Восточной Азии.

Черты экологии, в частности примечательные особенности географо-климатического районирования Центральной и Восточной Азии в позднелейстоценовую эпоху, дают, бесспорно, достаточно весомое основание для анализа культуры верхнего палеолита в установленных выше границах. Действительно, к северу от лессового плато, охватывающего территории провинций Ганьсу, Шэньси, Хэнань, Шаньси и Хэбэй, отчетливо выделяются три, по крайней мере, столь же своеобразные, как китайская (или лессовая), «фации» (рис. 1). Первая, территориально, пожалуй, наиболее обширная из них — монгольская. В ареал этот входит Внутренняя Монго-

³ Окладников А. П. Первобытная Монголия. К вопросу древнейшей истории Монголии. — «Stud. Archaeol.», 1964, v. 3, fasc. 8—10; Цзя Лань-по, Ван Цзэ-и, Цюй Чжун-лан. Палеолит Шаньси. — «Труды Ин-та палеонтологии позвоночных и палеоантропологии», 1961, т. 5 (на кит. яз.).

⁴ В свете новых открытий во Внутренней Монголии особого внимания заслуживают также сборы 1929 г. П. Тейяр де Шардена и Ян Чжун-цзяня на западе Шаньси и севере Шаньси. См.: *Teilhard de Chardin P., Young C. C. Preliminary Observations on the Preloessic and post Pontian Formations in Western Shansi and Northern Shensi.* — «Geological Memoirs. Ser. A», 1930, N 8. Однако большую часть этих коллекций, так же как недавние сборы китайских археологов и геологов, лучше рассмотреть в связи с палеолитом Ганьсу, Ордоса, Шаньси, Хэнаня, Сычуани и Шаньси, что и будет сделано в особой публикации.

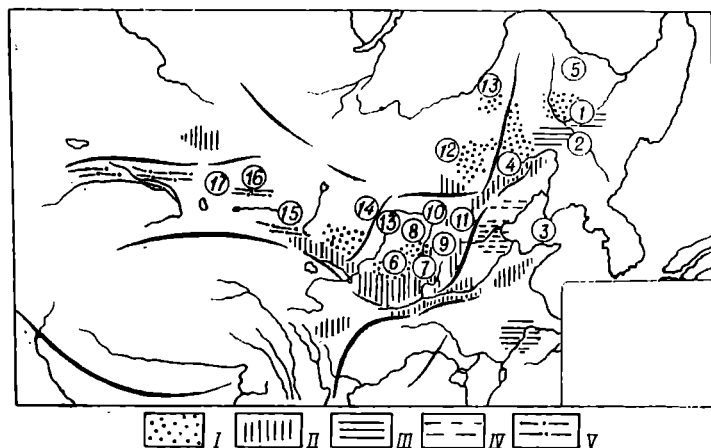

Рис. 1. Геологические фации Центральной и Восточной Азии. Местонахождения каменного века Маньчжурии, Внутренней Монголии, Восточного Туркестана и прилегающих к ним районов распространения лессов.

I Монгольская фация — песчаные консолидированные дюнные толщи и озерные отложения; II — лесс; III — маньчжурская фация — «черные земли»; IV — тьяньцзинская фация — илы морского происхождения; V — синьцзянская фация — озерные илы. 1 — Гусиньтунь, Хуаншань, Панлаченцза, 2 — Чжоуцзюйфан; 3 — Люйшуй; 4 — Цзяньпин; 5 — Чэньцин; 6 — Шароосогол; 7 — Убао; 8 — Чжунгар; 9 — Баотз; 10 — Циншуйхэ и другие памятники, открытые на территории Внутренней Монголии; 11 — Фэнцзяно; 12 — Тунгур; 13 — Далай-нор; 14 — Вамбар-су, Шэнян; 15 — Айликэзбукэ; 16 — Сучжоу; 17 — Хами.

лия с ее провинциями Суйюань, Чахар и Жэхэ старого административного деления, а также юго-западные районы Маньчжурии, расположенные к северу и западу от Харбина. Для монгольской фации, геоморфологического аналога малаанского лесса, характерно широкое распространение песчаных консолидированных дюнных толщ и типично озерных отложений. В районе Ордоса к западу территории, где зафиксированы такие слои, ограничивает хребет Алашань, а на севере Иншань. Далее на север от Калгана отложения монгольской фации остаются характерными для областей, соседних с восточными и западными склонами Великого Хингана. Вторая фация, синьцзянская, выявлена к западу от Ганьсу на территории Восточного Туркестана, главным образом в пределах районов, примыкающих в бассейне Тарима к южным склонам Тянь-Шаня и Бэйшаня. Для нее характерны беловатые илистые озерные отложения. Третья фация, маньчжурская, прослежена геологами к югу от Харбина, где распространены так называемые черные земли. Как бы, однако, резко не отличались друг от друга каждая из трех фаций районов, где они распространены, представляют собой между тем единое целое. В пределах границ Центральной и Восточной Азии они вместе образуют характерную пустынно-степную зону, плотно охватывающую с севера хорошо обводненные густой речной сетью и плодородные пространства бассейна среднего течения Хуанхэ, будущую колыбель древнекитайской цивилизации. Открытые пустынные пространства и обширные

нагорья Центральной зоны Азии представляли собой в относительно влажный период заключительных этапов позднего плейстоцена настоящее зеленое море бескрайних богатых — пастбищ с бесчисленным количеством озер — поистине подлинный рай для табунов степных животных и обитателей каменистых склонов плоскогорий. Здесь в местах, где затем сформировалась одна из мощных в мире кочевых цивилизаций, беспокойного соседа оседлых земледельческих центров Восточной Азии, человек каменного века появился достаточно рано и превосходно приспособился к нелегким условиям жизни в этом крае.

Экологическая среда степей, во многом отличная по особенностям от того, что характерно для районов, расположенных к югу, не могла, разумеется, не наложить отпечатка своеобразия на культуру. В чем проявилось воздействие на нас географо-климатического фактора, как раз и предстоит выяснить далее. Анализ материалов, полученных при изучении памятников верхнего палеолита Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана, рациональнее вести по отдельным районам срединной полосы Азии: следует начать с крайне восточного, расположенного на границе степной и горно-таежной зоны Дальнего Востока, а затем можно перейти к степному и, наконец, пустынному. Сам по себе процесс изучения верхнепалеолитических памятников всего района представляет немаловажный интерес и заслуживает раскрытия его с возможно более подробными деталями. Это тем более необходимо сделать, поскольку в некоторых публикациях порой навязчиво проводится более чем странная тенденция попыток умалить или свести на нет выдающиеся в истории открытий палеолита Центральной Азии достижения американских и западно-европейских исследователей.

Палеолит Маньчжурии. Первые достоверные сведения об открытии палеолитических изделий в Маньчжурии относятся к 1933 г. Однако им предшествовали многолетние сборы и изучение остатков плейстоценовой фауны русскими исследователями, а также сотрудниками Геологической службы Китая. Как показали их работы, на территории Маньчжурии, в различных ее районах в изобилии встречались кости разнообразных животных плейстоценовой эпохи⁵. С

⁵ Скворцов Б. В. Об ископаемых животных Северной Маньчжурии. — «Вестн. Маньчжурии», 1919, № 87; Он же. Флора и фауна Маньчжурии. Харбин, 1922; Толмачев В. Я. Остатки мамонтов в Маньчжурии. — «Изв. о-ва изучения Маньчжурского края», 1926, № 6; Он же. К вопросу о палеолите в Северной Маньчжурии. Харбин, 1933; Лукашин А. С. Русские исследо-

1927 г. из Маньчжурии начали поступать известия о находках, которые, возможно, датировались палеолитическим временем, хотя окончательной уверенности в том у специалистов не было⁶. В 1931 г. началось исследование открытого еще в 1926 г. одного из богатейших месторождений верхнеплейстоценовой фауны Маньчжурии — Гусянтуня, расположенного в пригороде Харбина, в 5 км на юго-запад от города⁷.

вания в Северной Маньчжурии и современные условия для научной работы здесь. — «Мэнмо», 1933, № 12 (на япон. яз.); *Skwartzov B. V.* On the Fossil Animals of the Northern Manchuria. — «Journ. of North China Branch of Royal Asiatic Soc.», 1919, v. 2; *Tolmachev V. J.* Sur la paleolithique de la Mandchourie par V. J. Tolmachev. — «Kokodaku a bi monthly review of archaeology published by the Tokyo Kokodakuwai», 1930, v. 1, N 1; *Loukashkin A. S.* Recent Discoveries of Remains of Pleistocene Mammals in Northern Manchuria. — «China Journ.», 1931, v. 16, N 6; *Loukashkin A. S.* The Post-tertiary Fauna Northern Manchuria Contemporary with Primitive man. — In: Rep. of XVI Intern. Congr. Washington, 1933, 1934; *Terra H. de Pleistocene Formations and Stone Age Man in China.* Inst. de Geo-Biologie. Peking, 1941, N 6; *Teilhard de Chardin P.* Early Man in China. Inst. Geo-Biologie. Peking, 1941, N 7.

⁶ *Поносов В. В.* Новый взгляд на одну из доисторических находок Северной Маньчжурии. — «Ежегодник Клуба естествознания и географии ХСМЛ», Харбин, 1934, т. 1; *Толмачев В. Я.* К вопросу о палеолите в Северной Маньчжурии; *Мицзуно С.* Материалы по костяным и рогатым орудиям эпохи палеолита Маньчжурии. — «Дзинруйгаку», 1933, т. 48, № 12 (на япон. яз.); *Комаи К.* Палеолитические костяные орудия, раскопанные в Северной Маньчжурии. — «Рексигакукенкью», 1933, т. 1, № 1 (на япон. яз.); *Токунага С.* Относительно костяных орудий, обнаруженных в Далайноре. — «Кокогаку», 1934, т. 24, № 11 (на япон. яз.); *Он же.* Предметы культуры человека палеолита, обнаруженные вблизи Чифэна и окрестностях Харбина. — «Тигаку дзасси», 1934, т. 46, № 539; *Наора Н.* Палеолит Маньчжурии. — «Дорумэн», 1935, т. 4, № 6; *Loukashkin A. S.* Some Observations on the Remains of Pleistocene Fauna and of the Paleolithic in Northern Manchuria. — In: Early Man. N. Y. — L., 1937; *Tolmachev V. J.* Sur la paleolithique de la Mandchourie...; *Ponosov V. V.* First Oiscovery of Paleolithic Culture in Manchuria. — In: Rep. of XVI Intern. Congr. of Washington, 1933, 1934.

⁷ *Поносов В. В.* Следы доисторического человека на костях животных из Гусянтуня [Гусянтуня]. — «Ежегодник Клуба естествознания и географии ХСМЛ». Харбин, 1934, т. 1; *Он же.* Следы доисторического человека в окрестностях Харбина. — Там же; *Лукашкин А. С.* Новые находки остатков послетретичных млекопитающих в Северной Маньчжурии. — Там же; *Орлов Ю. А.* Раскопки палеолитической стоянки около Харбина. — «Природа», 1935, № 6; *Токунага С., Наора Н.* Предметы культуры человека ледникового периода в окрестностях Харбина. — «Дзинруйгаку», 1933, т. 48, № 12 (на япон. яз.); *Он же.* Отчет о находках во время первых раскопок в Гусянтуне, провинция Гирин, Маньчжурская империя. — «Научные отчеты первой Маньчжурско-монгольской экспедиции», 1933, т. 2, ч. 1 (на япон. яз.); *Токунага С.* Предметы культуры человека эпохи палеолита, обнаруженные в провинции Жэхэ и в окрестностях Харбина. — «Тигаку дзасси», 1934, т. 46, № 539 (на япон. яз.); *Он же.* Древний человек, живший в Маньчжурии 100 000 лет тому назад. — «Кайзоо», 1935, т. 16, № 12 (на япон. яз.) «Вэньхуа шипин», 1935, т. 2, № 5 (на кит. яз.); *Наора Н.* Человек ледникового периода и

Рабочие кирпичных заводов во время добычи глины в обрывах небольшой речушки Вэньчжуанхэ (Хоцзятоу), притока Сунгари, часто находили кости древних животных, в том числе, согласно определениям Ф. А. Валиевского, мамонтов и носорогов. Среди них однажды посчастливилось поднять камень, обративший на себя внимание необычной формой, очевидно приданной ему в результате искусственной обработки. Подобные факты привлекли затем внимание сотрудников Научно-исследовательского института Северной Маньчжурии А. С. Лукашкина и В. В. Поносова, которые летом 1931 г., а затем повторно в 1932 г., в содружестве с городским музеем организовали в Гусянтуне раскопки. В 1931 г. в них принял участие сотрудник Геологической службы Китая Т. Х. Инь. До начала раскопок Гусянтунь посетили также П. Тейяр де Шарден и Э. Лисап. В результате в общем небольших по масштабам работ (площадь раскопа составляла около 400 м²) удалось полу-

его следы на материковой части Восточной Азии. — «Дорумэн», 1934, т. 3, № 3 (на япон. яз.); *Он же.* Лесс. Связь лесса с человеком древнекаменного века. — «Дорумэн», 1934, т. 3, № 6 (на япон. яз.); *Он же.* Палеолит Маньчжурии (на япон. яз.); *Акира А.* Раскопки в Гусянтуне. — «Дзинруйгаку», 1934, т. 49, № 8 (на япон. яз.); *Бо Лин.* Рец. на кн.: Токунага С. и Наора Н. Отчет о находках, полученных во время первых раскопок в Гусянтуне, провинция Гирин, Маньчжурская империя. — «Научные отчеты I Маньчжурско-монгольской экспедиции», 1933, т. 2, ч. 1; *Ань Чжи-минь.* Археологические работы, проводившиеся японцами в Китае. — «Чжюшипи», 1946, № 5, 7 (на кит. яз.); *Тун Чжу-чэнь.* Проблемы палеолита Северо-Востока. — «Сб. Мукдонского гос. музея», 1947, № 1 (на кит. яз.); *Фун Цзо-ши.* Северо-восток Китая в первобытную эпоху. — «Юйгун», 1936, т. 6, № 3, 4 (на кит. яз.); (реп. К. Комаи на «Отчет Токунага С. и Наора Н», 1933, т. 2, ч. 1 в «Дзинруйгаку», 1934, т. 49, № 9; Марумо в «Кокогаку», 1933, т. 5, № 10; Миками С. в «Кокаку», 1936, т. 26, № 11; в «Сизэн», 1936, т. 10, № 3; Н. Эгами в «Дзинруйгаку», 1936, т. 51, № 10; все рецензии на япон. яз.); *Yin T. H.* Sur la decouverte d'une mammiferes quaternaire aux environs de Kharbine. BGSC, 1931, v. 11, N 2; *Tokunaga S., Naora N.* Fossil Mammals and Human Artifacts Excavated near Harbin, Manchoukuo. — «Proc. of the Imperial Academy», 1933, v. 9, N 8; *Tokunaga S., Naora N.* Further Notes on Ancient Human Artifacts found near Harbin. — «Proc. of the Imperial Academy», 1933, v. 9, N 10; *Tokunaga S., Naora N.* Brief Report of the Results of Second Excavations at Ku-Hsiang-Tung near Harbin, Manchoukuo. — «Proc. of the Imperial Academy», 1934, v. 10 N 10; *Tokunaga S., Naora N.* Paleolithic Artifacts Excavated at Ho-Chia-kou in Ku-Hsian-Tung, Manchoukuo. — In: Rep. Of the first sci. Expedition to Manchoukuo, sect. VI. Tokyo, 1936, p. 11; *Loukashkin A. S.* Recent Discoveries of Remains of Pleistocene Mammals in Northern Manchuria; *Loukashkin A. S.* The Post-tertiary Fauna of Northern Manchuria Contemporary with Primitive Man; *Loukashkin A. S.* Some Observations on the Remains of Pleistocene Fauna and of the Paleolithic in Northern Manchuria; *Ponosov V. V.* First Oiscovery of Paleolithic Culture in Manchuria; *Ponosov V. V.* Stone Implements from Kuhsiangtung. — «Bull. of the Inst. of Sci. Research» Manchoukuo, 1937, v. 1, N 3 (Hsinching); *Terra H. de Pleistocene Formations and Stone Age Man in China; Teilhard de Chardin P.* Early Man in China.

чить огромную коллекцию костей плейстоценовых животных (около 10 000 фрагментов, вес их составлял 9 т). А. С. Лукашкин обратил внимание на то, что фаунистические остатки разбросаны и перемешаны, у черепов отсутствуют нижние челюсти, а многие из трубчатых костей представлены в сборах мелкими как бы намеренно раздробленными фрагментами. Тогда же он высказал предположение, что кости расколоты плейстоценовым человеком. В. В. Поносов при проработке фаунистических коллекций выделил несколько обломков, на которых, по его мнению, сохранились следы оббивки и обработки. Выводы такого рода казались поначалу правдоподобными, поскольку в раскопках иногда удавалось проследить углистые примазки. В 1932 г. А. Брейль, просматривая фаунистические коллекции Харбинского музея, в свою очередь обратил внимание на отдельные кости со следами воздействия на них огня, а также «затески» и нарезки, сделанные, по всей видимости, «рукой древнего человека». Однако до 1933 г. в Гусянтуне из каменных изделий удалось найти только один обломок горного хрусталя (см. рис. 5, 10). Поэтому вопрос о палеолите в окрестностях Харбина, как, впрочем, и вообще в Маньчжурии, оставался открытым.

В 1933 г. широкие раскопки в Гусянтуне организовали японские палеонтолог Сигеясу Токунага и геолог Набуо Наора, сотрудники Токийского университета Васеда. Их исследования продолжались в течение всего летнего сезона (50 дней). Раскопанные участки представляли собой 60 шурфов 1—2 м ширины и 2—3 м глубины. Культурные остатки удалось обнаружить в 50 из них, причем в шурфах № 9, 16, 17, 20 и 50, по утверждению С. Токунага и Н. Наора, прослеживались «признаки человеческого жилья», в том числе очажки (см. рис. 3). Помимо большого количества фаунистических остатков им удалось открыть первые каменные изделия палеолитического облика. Полученные материалы оказались настолько интересными, что для пополнения коллекций и уточнения стратиграфии памятника С. Токунага и Н. Наора в течение двух месяцев следующего года продолжали исследования Гусянтуна. Раскопки вновь привели к открытию большого количества костей плейстоценовых животных, а также несколько каменных орудий. Тогда же В. В. Поносов и члены Научного кружка пржевальцев обнаружили фаунистические остатки и каменные орудия в восточном ответвлении «главного оврага» окрестностей Гусянтуна. Несколько каменных изделий, кроме того, нашли в 1934 г. архимандрит Нафанаил Львов и школьник О. Попов. Среди их сборов в особенности интересны нуклеус-скребок и небольшой концевой скребок из пластины (см. рис. 4, 10).

Стратиграфическое положение горизонта с фауной и каменными изделиями свидетельствовало о значительной древности находок из Гу-

сянтуня. Они происходили, по мнению С. Токунага и Н. Наора, из слоя ила, перекрытого в древности лессовидной глиной (раскопки велись на размытом участке долины Вэньчжуанхэ), поэтому восстановить точную стратиграфию было нелегко. Тем не менее в разрезе шурфа № 6, расположенного около водного потока, удалось выделить 5 достаточно четких горизонтов: 5 — поверхностный слой «черных земель» или тяжелой коричневой глины; 4 — лессообразный глинистый слой, плотный, но мягкий; 3 — слегка песчанистая твердая глина коричневого цвета; 2 — слой глины, смешанный с песком; 1 — сероватая глина дна долины, заполненная раковинами пресноводных моллюсков (рис. 2; ср. с рис. 8). Культурные остатки залежали в 3-м и 4-м слоях. В целом стратиграфия показывает, что серия мелких депрессий располагалась у подножия холмов, покрытых тяжелой коричневой глиной. Затем депрессии заполнились черным песчанистым илом типа озерных отложений, которые позже «рассекли» речные потоки. Кости животных, вместе с которыми залежали обработанные камни, датировали культурные остатки плейстоценовой эпохой. Среди них наиболее важными для определения времени слоя с находками стали остатки *Rhinoceros tichorhinus*, *Elephas primigenius*, *Euricerus ordosianus*, *Bubalus wansjocki*, *Spiroserus*. Таким образом, палеолитический возраст каменных изделий Гусянтуна обособывался вполне удовлетворительно. Осенью 1934 г. А. С. Лукашкин и В. В. Поносов при осмотре «второго оврага» долины р. Вэньчжуанхэ в желтом лессе на глубине 6—8 м обнаружили *in situ* ненарушенный «костеносный слой». Находка эта принципиальна по значению: поскольку места раскопок предшествующих полевых сезонов располагались значительно ниже уровня костеносного слоя, А. С. Лукашкин выразил сомнение в правильности вывода С. Токунага и Н. Наора о ненарушенности горизонта с культурными остатками, вскрытого

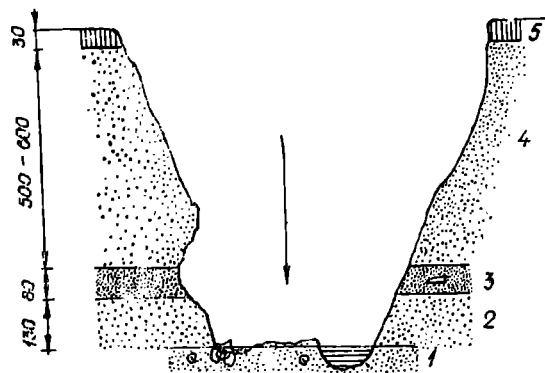

Рис. 2. Стратиграфия Гусянтуна (по С. Токунага и Н. Наора).

1 — сероватая глина дна долины, заполненная раковинами пресноводных моллюсков; 2 — слой глины, смешанной с песком; 3 — слегка песчанистая твердая глина коричневого цвета; 4 — лессообразный глинистый слой, плотный, но мягкий; 5 — поверхностный слой «черных земель» или тяжелой коричневой глины.

ими на дне долины р. Вэньчжуанхэ. Согласно его заключению, река при разливах вымывала кости из лессовидного слоя бортов оврага, сносила их вниз и откладывала в долине, сложенной илами. Итак, появились достаточно веские основания предположить, что японцы вели раскопки в переоглаженных водой толщах, и, следовательно, требовались значительные уточнения времени их образования. По мнению А. С. Лукашкина, кости плейстоценовых животных и каменные орудия правильнее связывать с лессовидными отложениями высокой террасы, расположенной к востоку от Гусянтуня.

Определяющее значение для датировки слоев естественных разрезов Гусянтуня приобрела работа А. С. Лукашкина по уточнению видового состава фаунистического комплекса находок в пригороде Харбина. Используя результаты П. Тейяр де Шардена, А. Брейля, Т. Х. Иня, а также отчасти С. Токунага и Н. Наора и лично осматривая коллекции, он установил, что для этого района Сунгари характерен следующий список наиболее интересных разновидностей животных: *Canis lupus*, *Hyaena ultima* Matsu-moto, *Felis* sp., *Tigris tigris*, *Longiphilus* Fitz., *Lepus* sp., *Rhinoceros tichorhinus*, *Rhinoceros sinensis*, *Rhinoceros mercki*, *Equus hemionus* Pall., *Equus caballus*, *Equus feris* Pall., *Capreolus manchuriensis*, *Cervus canafensis*, *Cervus pachyosteus*, *Cervus ordosianus*, *Cervus elaphus*, *Megaceres*, *Pseudaxis grayi* Zdanski, *Sika nippon manchuricus*, *Rangifer tarandus*, *Gazella* sp., *Saiga tatarica*, *Capra (Spiroceros) kiachtensis* Pavlova, *Bos primigenius*, *Bos taurus*, *Bison priscus*, *Bibos* sp., *Bubalus teilhardi*, *Camelus* sp., *Elephas primigenius*. В Гусянтуне были найдены, кроме того, кости и обломки яиц страуса, кости рыб и черепах.

К сожалению, коллекция обработанных камней из Гусянтуня оказалась слишком небольшой. Так, находки японцев составляли всего 24 изделия. Тем не менее издание С. Токунага и Н. Наора, В. В. Поносовым и А. С. Лукашкиным первых из найденных на территории Маньчжурии палеолитических орудий вызвало большой интерес, поскольку благодаря им открывалась новая и перспективная для поисков па-

мятников древнекаменного века область Восточной Азии (рис. 4, 5, 6). Для изготовления инструментов в Гусянтуне использовались кремни, яшма, опал, кварцит, базальт и липарит. Большинство таких пород вблизи Харбина не встречается, и, следовательно, человек приносил сырье на место стоянки издали, во всяком случае, не ближе чем за 50 км от города. Помимо лишенных вторичной ретуши и следов использования отщепов, составляющих большую часть находок японских археологов и подразделенных ими по типам на «иволистные», «треугольные», «скребковидные» инструменты (1) (см. рис. 4, 4, 5; 6, 4), удалось обнаружить несколько неправильных по очертаниям пластин, которые скалывались, очевидно, с нуклеусов подпризматического типа (см. рис. 4, 2, 6, 8, 9; 5, 6—9; 6, 2, 3). Заготовкой такого нуклеуса послужила, возможно, большая и массивная плитка кремня, с одной из граней которой, судя по фасеткам, скололи несколько пожевидных пластин (см. рис. 5, 11). Из выразительных орудий С. Токунага и Н. Наора опубликовали только один скребок округлой формы с небольшим треугольным выступом на конце, противоположном рабочему краю. Спинку скребка сплошь покрывают фасетки крупных сколов, следы первоначальной обработки заготовки. Дополнительной обработкой, почти мелкой вертикальной ретушью, оформлены полукруглый рабочий край и частично рукоятка (см. рис. 5, 7). В сборах В. В. Поносова также есть скребок, типологически довольно определенный. Он изготовлен из короткой пластины прямоугольной формы: тонкая ретушь покрывает оба конца пластины (см. рис. 5, 3). Это изделие В. В. Поносов обнаружил в слое лессовидной глины недалеко от обломков черепа носорога.

Одной из самых замечательных находок в Гусянтуне следует признать нуклеус, поднятый в осыпи лессовидной глины восточного ответвления «главного оврага». Это изделие, изготовленное из подтреугольной плоской пластины кремнистой породы, представляет классический вариант нуклеусов-скребков гобийского типа — у него вытянутая ударная площадка, покрытые сколами боковые поверхности и узкая грань со следами снятых миниатюрных пожевидных пластин (см. рис. 4, 10). Остальные камни из Гусянтуня, опубликованные С. Токунага и Н. Наора, и В. В. Поносовым, — большей частью мало-выразительные отщепы, сколы и мелкие галечки со следами обработки (см. рис. 4, 1—3; 5, 2; 6, 1, 5—8, 10, 12). Только на некоторых из них прослеживаются по краю легкая подправка или выщербины, очевидно, следы использования. Возможно, некоторые из них использовались в качестве скребков или проколов (см. рис. 4, 3; 5, 3, 5). «Иволистные» и «треугольные» инструменты, по мнению Пэй Вэнь-чжуна, не что иное как простые отщепы, лишенные ретуши и следов использования. Большую часть мо-

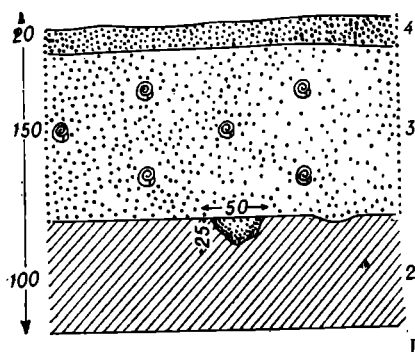

Рис. 3. Расположение очага в стратиграфической колонке Гусянтуня.

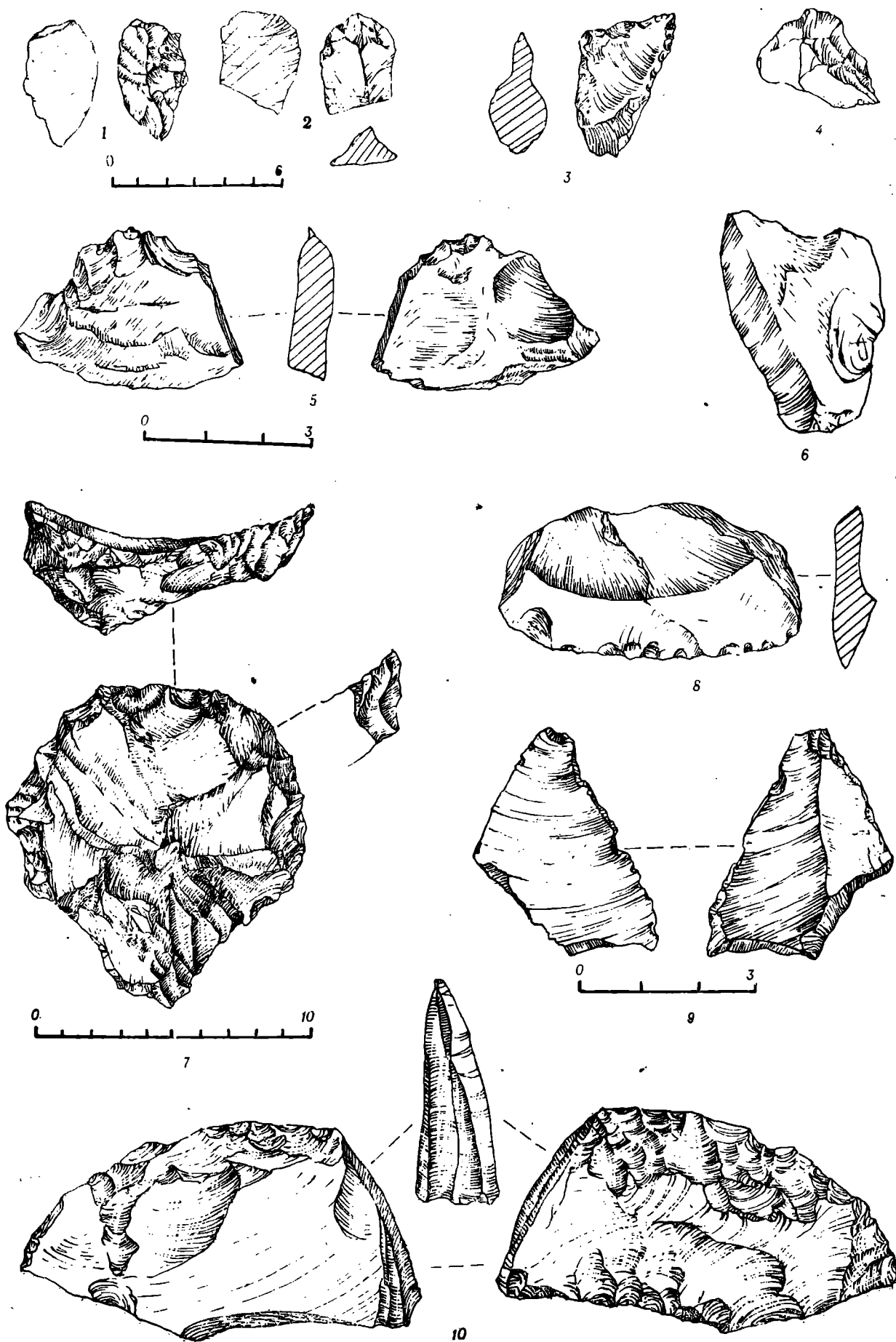
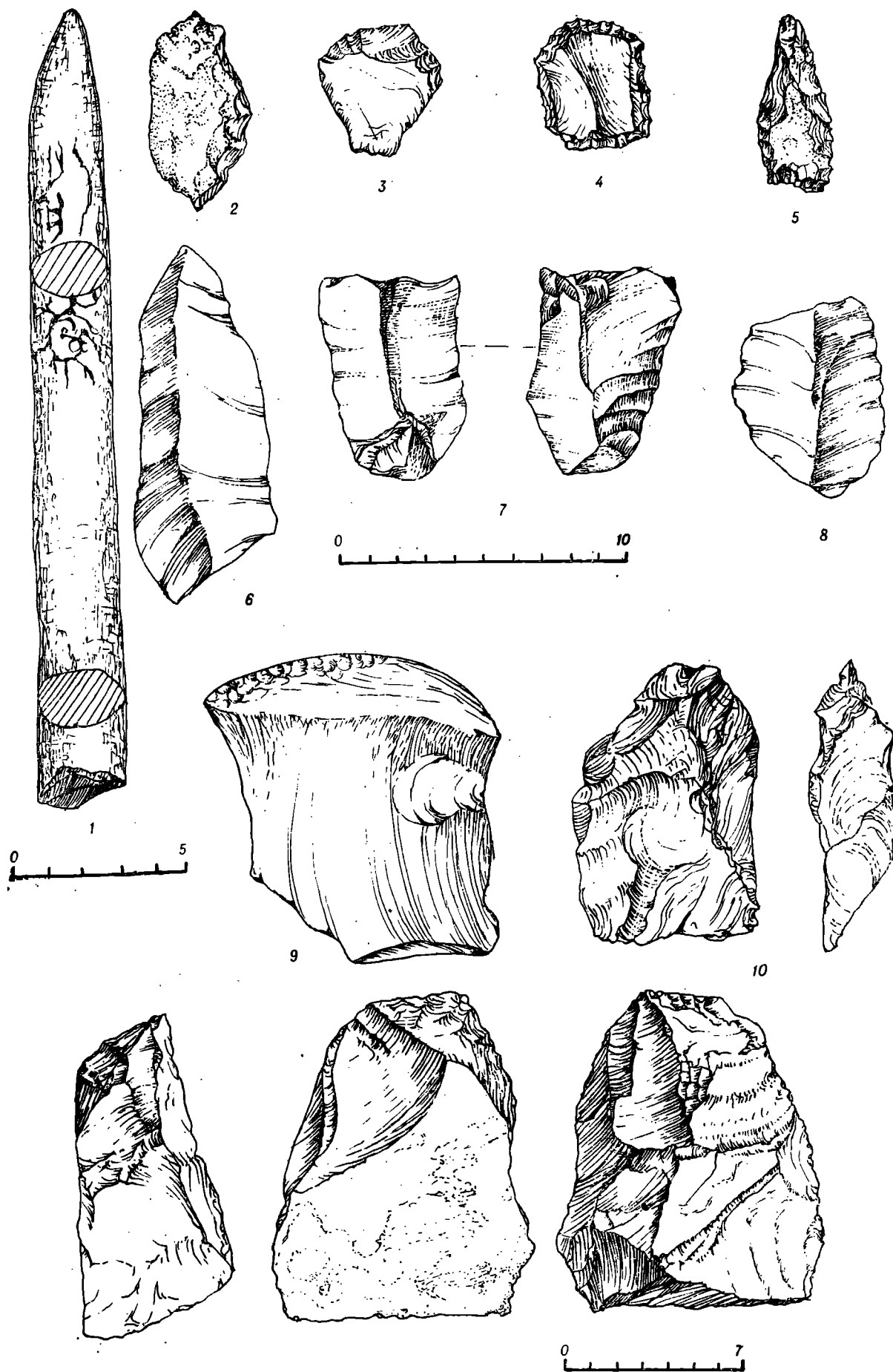

Рис. 4. Каменные изделия из Гусянтуна.

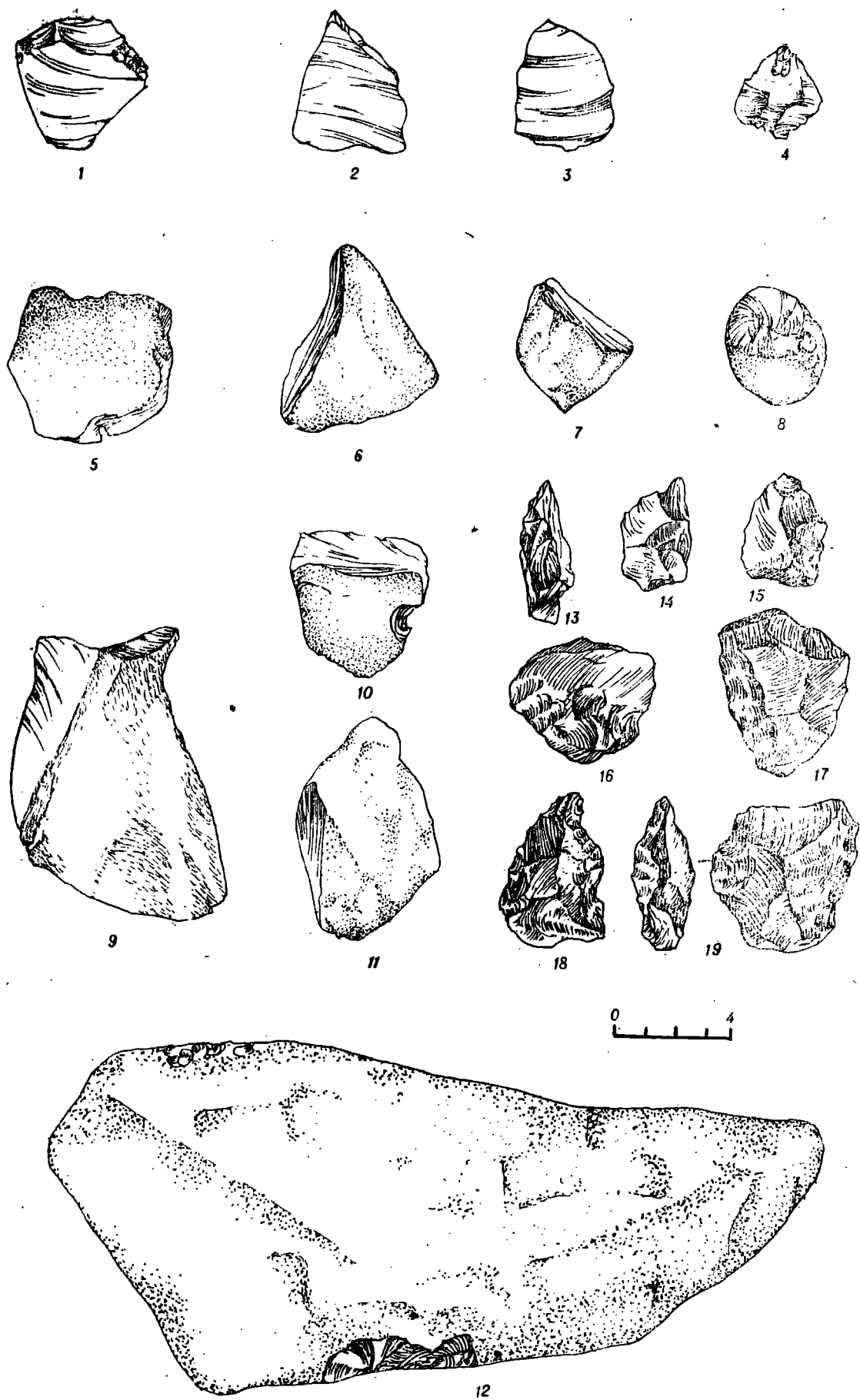

Рис. 6. Каменные изделия из Гусевской (1—12) и Фенчэяо (Чахар) (13—19).

нографии, в которой описаны результаты раскопок в Гусянтуне, японские археологи посвятили характеристике так называемой «костяной индустрии». Однако при ближайшем рассмотрении даже самых выразительных более чем из 200 отобранных, а затем изданных фрагментов костей и рогов со следами «намеренной» обработки оказывается, что их невозможно отнести к настоящим орудиям. Большинство инструментов, расклассифицированных по 16 типологическим подразделениям, не что иное, как простые осколки трубчатых костей, лишь по внешним очертаниям напоминающие изделия вроде шильев, проколов, наконечников или скребков. Привлекают внимание лишь, несомненно, намеренно обработанное костяное острие длиной 14 см, плоскоовальное в сечении, с тщательно заполированной поверхностью и заостренным концом (см. рис. 5, 1), и 3 грубых инструмента подобного же типа, изготовленных из бивня мамонта. Следует, однако, иметь в виду, что, согласно наблюдениям В. В. Поносова и А. Г. Малявкина, рабочие, которые добывали в долине Вэньчжуанхэ глину для изготовления кирпичей, часто использовали наиболее удобные обломки костей и рогов в качестве «инструментов» для очистки лопат от липкой глины. Землекопы даже постоянно носили их за поясом и, естественно, иногда теряли, что могло ввести в заблуждение японских археологов, поскольку на костях и обломках рогов в результате длительного применения действительно появлялись «следы использования» в виде царапин и приплюснутых участков⁸. Заслуживает внимания также открытие большого количества скорлупок орехов, отдельные экземпляры которых будто бы просверливались какими-то тонкими инструментами с трех различных направлений. Биси Сабуро, однако, посвятил орехам *Juglans manshurica* из Гусянтуня специальное исследование и после экспериментов с такими животными, как *Sciurus taiwanensis roberti*, *Sciurus vulgaris*, *Citellus mongolicus ramosus* *Histerix crigata* и *Ursus malayanus*, которым в качестве пищи он давал орехи *Juglans sieboldiana*, пришел к следующему выводу: повреждения, нанесенные на скорлупках белкой острова Хонсю, по конфигурации, величине, расположению отверстий и другим признакам, по существу, невозможно отличить от повреждений на орехах из Гусянтуня⁹. Что касается культурных комплексов, то японские исследователи обратили внимание на встречавшиеся временами в шурфах скопления большого количества угля и древесной золы. Они описали их как остатки очагов древней стоянки (см. рис. 3).

Описанным выше, в сущности, исчерпывается наиболее важное из открытого во время

разведок и раскопок 1933—1934 гг. Материал по каменному веку Гусянтуня все же слишком незначителен количественно и, за редким исключением, маловыразителен типологически. К этому следует добавить сложность точной стратиграфической привязки находок к горизонтам отложений, характерных для Гусянтуня, а также грубые ошибки при определении видового состава фауны, открытой при раскопках, что привело японских археологов к неоправданно ранней датировке каменного века окрестностей Харбина. По их мнению, культурный горизонт Гусянтуня следовало отнести к мустьерскому или, в крайнем случае, к ориньякскому времени, т. е. к эпохе, близкой ордосскому палеолиту (Шуйдунгоу). Иную точку зрения высказал В. В. Поносов. Поскольку, как ему удалось установить, каменные изделия и фаунистические остатки залежали первоначально не в слоях, подстилающих лессовидную глину, а в горизонте самой глины, то их следует отнести к мадленскому времени. А. С. Лукашкин, также указавший на сложность позднелейстоценовой истории отложений в оврагах Гусянтуня, считал открытую здесь культуру синхронной культуре Верхолесной горы окрестностей Иркутска. Что касается единичных находок в других районах Маньчжурии, которые, возможно, без достаточных на то оснований датировались палеолитическим временем, то можно упомянуть роговую колотушку, найденную около Мулина в провинции Гирийн, и муфты, вырезанные из рога, обнаруженные в местности Улан-хатак провинции Жэхэ (см. рис. 19, 1, 4).

Подводя итог работам в области археологии палеолита Маньчжурии в начале 30-х годов, следует сказать, что, несмотря на разногласия в датировке материалов Гусянтуня и оценках их значения, исследования в районе Харбина, в особенности оживившиеся в 1933 г., а также некоторые находки в других частях Маньчжурии, вызвали большой интерес, поскольку они позволили установить на территории Восточной Азии новую область распространения донеолитических памятников. Не меньшее внимание привлекли выводы, касающиеся особенностей маньчжурской плейстоценовой фаунистической провинции. Согласно заключениям А. С. Лукашкина, комплекс встречающихся здесь животных отличался необычными чертами и ярко выраженной спецификой. Виды, характерные для севера (мамонт, шерстистый носорог), уживались в Маньчжурии с южными (буйвол, гиена, тигр), причудливо смешаны формы разных географических зон и ландшафтов: степные — бизон, антилопа, заяц, страус; лесные — лось, олень, медведь; пустынные — верблюд; высокогорные — дикая овца и козлы. Не могло, кроме того, не вызвать удивления наличие в позднелейстоценовых отложениях Маньчжурии некоторых животных, давно вымерших в других

⁸ Личное сообщение А. Г. Малявкина.

⁹ Биси Сабуро. Орехи юглана с отверстиями. — «Геол. журн.», 1936, т. 42, № 516 (на япон. яз.).

районах Азии, — носорога мерка и буйвола (*Probubalus triguetricornis*). А. С. Лукашкин объяснил столь длительное переживание здесь архаических видов особо благоприятными природными условиями Дальнего Востока. Примечательно также отмеченное им «сосуществование» животных, которые встречаются в настоящее время в других районах Азии, а также в Африке (верблюд, гиена, страус), с разовидностями современной фауны Маньчжурии (длинношерстный маньчжурский тигр, кападский олень, косуля, антилопа, черепаха). По мнению А. С. Лукашкина, современный животный мир северо-востока Китая представляет собой реликтовую фауну, сохранившую большое число разовидностей животных далекого прошлого. Это обстоятельство следует учитывать при изучении палеолита Маньчжурии.

С 1938 г. и вплоть до провозглашения КНР широкие полевые исследования, связанные с изучением палеолитических культур, прекратились почти на всей территории Северного Китая. Исключение составляла только Маньчжурия. В 1938 г. японские геологи и палеонтологи возобновили исследования в Гусянтуне¹⁰. Главная задача их заключалась не только в том, чтобы получить новые материалы по фауне и попытаться увеличить количество типологически выразительных изделий из камня и кости, но также уточнить условия залегания культурных остатков и проверить предположение о переложности находок. Исключительный интерес вызывает также открытие, сделанное В. С. Стариковым летом и осенью 1938 г. около станции Чэньцин района железной дороги Бэйхэй в северной части Маньчжурии¹¹. Здесь, в пределах не очень высокого горного лесистого массива Малого Хингана, по берегам очень широкой с озерами и болотами долины р. Цинхэ В. С. Стариков обнаружил в нескольких местах

отдельные каменные изделия. В большинстве случаев подъемные, а иногда залегающие *in situ* на глубине 5 см от размывной дождевыми потоками поверхности склонов возвышенности, изделия, взятые вместе, составляют выразительную коллекцию находок, типология которых в особенности кажется примечательной теперь, когда в таких подробностях известен палеолит и мезолит Японии. В. С. Стариков уже в то время обратил внимание на отсутствие керамики в тех местах, где он собирал камни со следами обработки, в том числе отщепы, пластины и орудия. Однако поскольку ему не удалось найти обломков костей животных, то, датируя сборы в районе станции Чэньцин, он колебался в точном определении их возраста, склонившись, в конце концов, к тому, что они относятся ко времени раннего неолита, когда керамика еще не использовалась. Между тем среди найденных им выразительных орудий особо важны для точной датировки комплекса самые настоящие в классической выразительности резцы типа арая, изготовленные из правильных ножевидных пластин (рис. 7, 1, 4). Одна или две стороны их обработаны со спинки крутой тщательной ретушью, а затем на одном из концов производился диагональный резцовый скол. У одного из резцов, сохранившихся полностью, произведена очень выразительная поперечная подтеска приостренного конца (рис. 7, 4). Такого же рода подтеска заметна с брюшка на округлом широком конце еще одной пластины с ретушированными со спинки краями. Приостренный конец пластины обломан или, возможно, здесь тоже сделан небольшой резцовый скол (рис. 7, 5). Из остальных изделий пристального внимания заслуживают так называемое «теслообразное орудие» — по-видимому, на самом деле заготовка пуклеуса-скребка (рис. 7, 7), и обломок полулунного ножа или скребла, изготовленного из вытянуто-овального пластинчатого скола (рис. 7, 2). Дугообразно выпуклый край орудия обработан со спинки тщательной ретушью, а противоположный — как со спинки, так и, частично, с брюшка. Интересно отметить, что ударный буторок подтесан несколькими пластинчатыми сколами. Для индустрии Чэньцина характерны, судя по опубликованным находкам, правильные ножевидные пластины, иногда ретушированные с краю, как правило, с брюшка (рис. 7, 2, 3, 6, 8, 10). Донеолитический возраст комплекса не вызывает серьезных сомнений.

Интересные разведывательные работы небольшого масштаба проводил в те же годы в окрестностях Харбина А. Г. Малавкин. Он неоднократно посещал Гусянтунь и собирал вымытые при очередном разливе Вэньчжуанхэ фаунистические остатки и обработанные камни. В 1941 г. А. Г. Малавкин обследовал Гусянтунь, а также произвел раскопки и подъемные сборы в 12 км к востоку от Харбина, в окрестностях возвышенности Хуаншань, где ему удалось от-

¹⁰ Исидзума В. Предварительный отчет о повторных раскопках в 13 году эры Сэва (1938) в Гусянтуне. — «Иансю сейбуцу гакай кайхо», 1938, т. 1, № 4; *Он же*. Об ископаемых остатках некоторых животных Гусянтуня. — «Сообщения Маньчжурского биологического общества», 1938, т. 1, № 3; *Он же*. Об ископаемом носороге из Гусянтуня около Харбина. — В кн.: Юбилейные публикации в честь шестидесятилетия проф. Ябе. Токио, 1939; Наора Н. Относительно вторичных отложений Гусянтуня. — «Дзинруйгаку», 1938, т. 54, № 9; Окуда Н. Вторичные отложения Гусянтуня. — «Дзинруйгаку», 1938, т. 54, № 6; *Он же*. Доисторические исследования в Гусянтуне (предварительный отчет). — Вестн. «Дайрику кагакуин», 1939, т. 3, № 1; (на яп. яз.); *Он же*. К вопросу о палеолите в Маньчжурии. — «Изв. НИИ Дайрику (континентального)», 1943, т. 7, № 4; Нода М. В поисках ископаемых остатков около Харбина. — «Вестн. Центрального гос. музея (Маньчжоу-го)», 1939, № 2; Эндо Т. Отчет об исследованиях района палеонтологических находок в Гусянтуне, г. Харбин, пров. Бинцзян. Гусянтунь. — «Изв. О-ва по охране археол. памятников культуры и естественных памятников Маньчжурии», 1939, № 2 (все статьи на япон. яз.).

¹¹ Starikov V. S. Stone Culture traces in the middle part of Lesser Khingan. — «Bull. of the Inst. of Sci. research Manchoukuo», 1941, v. 5, N 2.

Рис. 7. Каменные изделия, обнаруженные в районе Чаньцин, Маньчжурия.

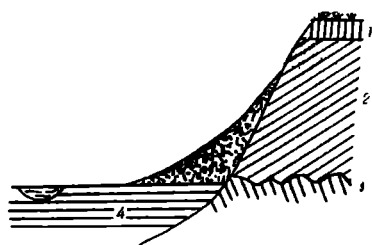

Рис. 8. Стратиграфия Гусянтуня (по А. Г. Малявкину).

1 — почва; 2 — лессовидные глины с песчанистыми отложениями внизу; 3 — озерные глины синего и серого цвета; 4 — болотные отложения.

крыть новый донеолитический памятник Маньчжурии (вместе с ним в разведках принимали участие В. В. Поносов, Б. П. Момот, В. Феофилов). После разгрома Квантунской армии советскими войсками А. Г. Малявкин возобновил экскурсии в районе Харбина. В 1946—1949 гг. он систематически осматривал обнажения лессов Гусянтуня и Хуаншаня¹².

Одним из главных и наиболее интересных итогов его работ стало уточнение условий залегания фауны и каменных изделий в Гусянтуне, оставшихся до этого неясными, и составление нового описания стратиграфической колонки склоновых отложений оврагов около участков раскопок С. Токүнага и Н. Наора и в местах, где производили сборы В. В. Поносов, А. С. Лукашкин, Т. Х. Инь. Согласно наблюдениям А. Г. Малявкина, стратиграфия Гусянтуня выглядит следующим образом: 1 — почвенный горизонт, достигавший иногда значительной мощности 1—1,5 м; 2 — слой лессовидной глины (6—7 м) с прослойкой песка внизу; 3 — озерные глины синего и серого цвета, толщину которых установить не удалось (рис. 8). По мнению А. Г. Малявкина, фаунистические остатки в Гусянтуне следует связывать с пластом лессовидной глины. Ему удалось также установить, что кости животных встречаются в ней на различных уровнях, не концентрируясь в каком-то определенном месте. Внимания заслуживал также вывод А. Г. Малявкина о том, что кости мамонта залегают главным образом в верхней части лессовых отложений, а кости шерстистого носорога — в нижней. В связи с этим следует учитывать, что раскопки в Гусянтуне в начале 30-х годов производились не в горизонтах, подстилавших лессовидную глину, а в перемытых и перестолженных небольшой речкой слоях — по мере обвала стенок оврага, протекающей по дну его поток уносил глину, оставляя на месте тяжелые кости, а также обрабо-

танные камни. Если заключения А. Г. Малявкина справедливы, то находки японских археологов залежали первоначально не в слоях, подстилающих лессовую толщу, как думали те, кто вел раскопки, а в лессовидной глине, даже, возможно, в почвенном горизонте. Процесс формирования четвертичных отложений около Харбина, по мнению А. Г. Малявкина, следует представлять следующим образом: сначала в том районе существовали большие озерные бассейны, на дне которых откладывались мощные слои темных, синих и серых глин; затем в заключительный период плейстоцена отложения перекрыла лессовидная глина с остатками мамонта и носорога. Именно к этому времени А. Г. Малявкин относил культурные остатки эпохи палеолита Гусянтуня. Почвенный горизонт датировался им голоценовым временем и современной эпохой.

Выводы о стратиграфии Гусянтуня А. Г. Малявкин подтвердил после неоднократных разведок в Хуаншане, представляющем собой, в сущности, высокую древнюю террасу, рассеченную во многих местах старыми и новыми оврагами, которые выходят устьями в долину р. Ашихэ (рис. 9). Ему, а также его коллегам удалось обнаружить здесь каменные изделия, которые первоначально залежали, очевидно, в лессовых толщах, разрушенных оврагом Дачунгоу. Обработанные камни концентрировались на дне его и около устья. Дождевые потоки вымыли их из лессовых горизонтов и переместили вниз по склонам. Как представляется А. Г. Малявкину, по времени лесс Хуаншаня соответствует глинам Гусянтуня, поэтому обработанные камни первого пункта отнесены им в общем к тому же периоду палеолита, что и находки второго.

Каменные орудия из Хуаншаня немногочисленны, но они более выразительны и типологи-

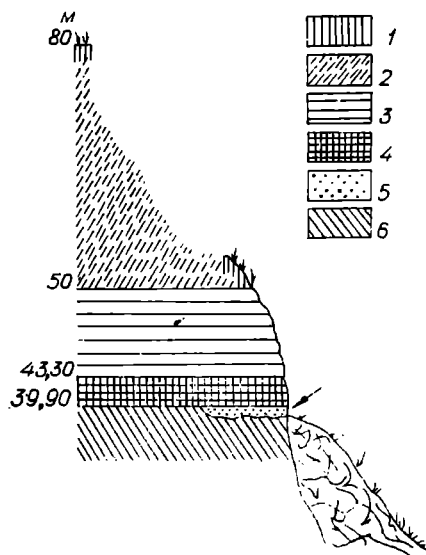

Рис. 9. Стратиграфия Хуаншаня.

1 — почва; 2 — лессовидные глины; 3 — болотные отложения; 4 — озерные глины; 5 — речник; 6 — глины.

¹² Малявкин А. Г. Следы палеолита в оврагах Хуаншаня под Харбином. — «Зап. Харбин. о-ва естествоиспытателей и этнографов. Археология», 1946, № 3; Он же. Новые данные по палеолиту Северной Маньчжурии. — Там же. 1950, № 8.

чески определенны, чем инструменты Гусянтуня. Среди изделий, заслуживающих подробного описания, А. Г. Малявкин упомянул массивную плитку кремнистого сланца, одна из граней которой покрыта несколькими длинными фасетками сколов. Вероятно, с плитки скалывали длинные ножевидные пластины (рис. 10, 8). В качестве нуклеуса использовался также желвак черного кремнистого сланца дисковидной формы. Обе широкие поверхности его сплошь покрыты фасетками сколов. Наиболее массивный участок дисковидного нуклеуса располагался в центральной части (рис. 10, 4). А. Г. Малявкин обнаружил, кроме того, классический пуклеус-скребок гобийского типа, представляющий собой почти точную копию образца из Гусянтуня, опубликованного В. В. Поносовым (рис. 11, 1). Большую часть инвентаря из Хуаншаня составляли изделия из больших пожевидных пластин, сколотых, по-видимому, с крупных нуклеусов подпризматического типа. Одна из них послужила заготовкой для комбинированного инструмента — резца и скребка (рис. 11, 2). Вторая пластина превращена в превосходный концевой скребок — рабочий край его, а также длинные боковые стороны обработаны высокосовершенной ретушью. Фасетки ее длинные, параллельные друг другу (рис. 11, 3). А. Г. Малявкин пашел, кроме того, еще 3 концевых скребка, изготовленных из довольно правильных пластин и пластинчатых сколов (см. рис. 10, 1, 3). Два из них подпрямоугольные по очертаниям, а третий языковидной формы. Скребки этой группы характеризуются совершенной техникой обработки — ретушью, покрывающая боковые стороны пластин и рабочие края, очень тонкая, а фасетки ее строго параллельны друг другу. К сожалению, по-видимому, следует также отнести тщательно обработанное выстигнутой ретушью подтреугольное изделие, отчасти близкое по типу к верхнепалеолитическим изделиям Сибири (рис. 11, 5). Группу ножей Хуаншаня составляют также продолговатые сколы и отщепы, ретушированные по одному краю (см. рис. 11, 4, 6, 7).

Небольшую коллекцию каменных орудий из того же местонахождения издал В. В. Поносов¹³. Большую часть описанных им инструментов (7 экз.) составляют концевые скребки и сравнительно правильные пожевидные пластины, обработанные по краю отжимной ретушью. Последние использовались, очевидно, в качестве пожей. В. В. Поносов упоминает также резцы и проколки, однако, насколько точны его типологические определения, из-за плохого качества иллюстраций судить трудно. Кроме того, он обнаружил в Хуаншане дротик, «похожий на лавролистный наконечник эпохи солютре». Плоско-

сти его были обработаны отжимной ретушью. К сожалению, орудие оказалось утерянным в 1945 г. Не издан также скребок, найденный Ф. Феофиловым. Особая ценность всего комплекса изделий из Хуаншаня, в значительной мере расширивших представления о палеолите Северной Маньчжурии, заключается в том, что они найдены А. Г. Малявкиным и В. В. Поносовым вместе с костными остатками животных позднелайстоценовых разновидностей: *Elephas primigenius*, *Bos primigenius*, *Cervus canadensis*, *Equus sp.*, *Sus sp.*, *Ursus arctos*, *Rhinoceros tichorhinus*. Верхнепалеолитический возраст большей части каменных изделий Хуаншаня, судя по такому фаунистическому ансамблю, не подлежит сомнению.

Из последних открытий на территории Маньчжурии заслуживает внимания стоянка Чжоуцзяюйфан в Юшу, обнаруженная в 1951 г. сотрудниками Геологического отделения Северо-Восточного технологического института и Провинциального музея Гиря в 100 км к югу от Гусянтуня¹⁴. Чжоу Минь-чжэнь, который опубликовал первое известие о ней, не привел каких-либо определенных сведений о стратиграфии и особенностях геологической формации, позволяющих точно датировать находки. Однако список фауны свидетельствует о близости времени памятника Верхнему гроту Чжоукоудяня. В Чжоуцзяюйфан обнаружены кости следующих животных: *hyaena ultima*, *Canis lupus*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Equus przewalskyi*, *Bos primigenius*, *Bison*, *Sus ludekkeri*, *Elephas namadicus*. Особый интерес к стоянке вызван тем, что помимо каменных орудий, «по характеру близких палеолитическим», при обследовании ее удалось найти фрагменты черепа человека, а также кости конечностей. Однако детали, связанные с анализом примечательных черт каменной индустрии Чжоуцзяюйфан, так же как и характеристика особенностей палеоантропологических находок, до сих пор остаются неизвестными, поскольку сведения о том и другом ограничиваются пока краткими замечаниями в публикации Чжоу Минь-чжэня. В 1957 г. специальная экспедиция во главе с Пэй Вэнь-чжунем посетила Чжоуцзяюйфан и провела дополнительное обследование стоянки, а также осуществила раскопки ее, но пока не ясно, какие конкретно археологические материалы удалось найти в ходе их и насколько важны новые сведения общего порядка¹⁵. Известно лишь, что в Юши, на сей раз удалось найти кости следующих животных: *Mammuthus primigenius*, *Coelodonta antiquitatus*, *Bos primigenius*, *Bison sp.*,

¹³ Поносов В. В. Культура раннего неолита (возможно, палеолита) в районе Хуаншаня, около Харбина. Отд. отт. из сб. «Изучение четвертичного периода Китая» (на кит. яз.).

¹⁴ Чжоу-Минь-чжэнь. Природная среда древнего человека в Китае на основании сведений, полученных при изучении ископаемых млекопитающих. — В кн.: Открытие и изучение остатков древнего человека в Китае. Пекин, 1955 (на кит. яз.).

¹⁵ Раскопки плейстоценовых млекопитающих в северо-восточных провинциях. — ВР, 1957, в. 1, с. 61—62 (на кит. яз.).

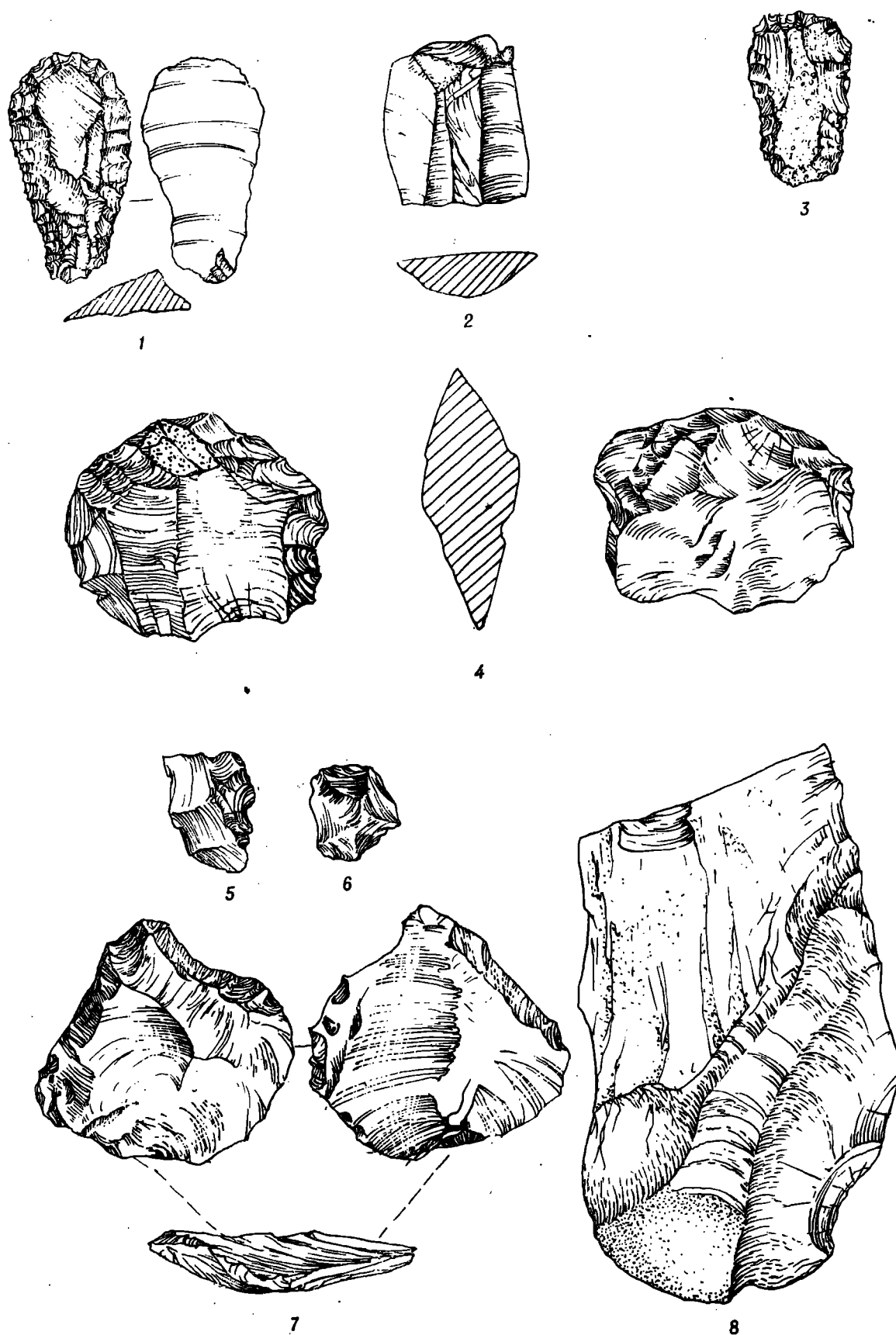
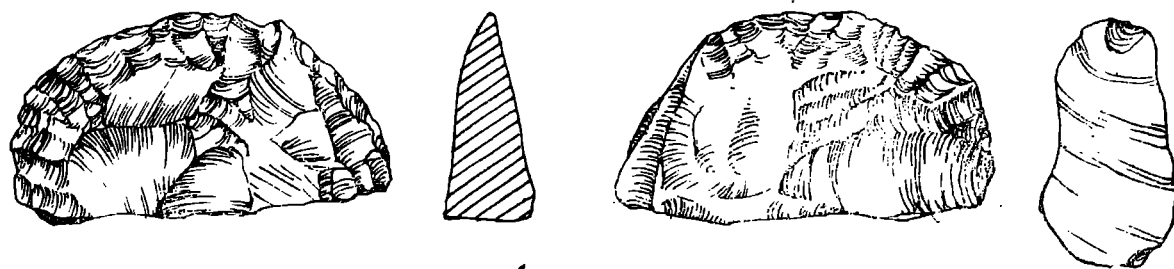
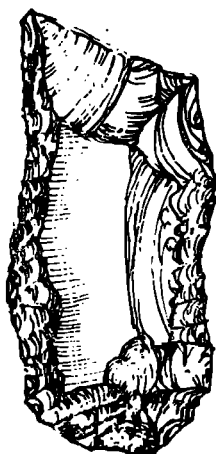

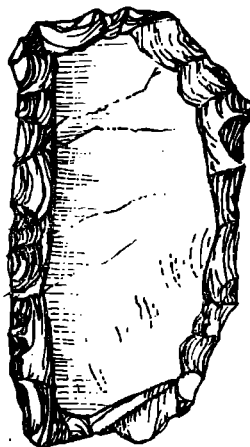
Рис. 10. Каменные изделия из Хуаншаня (7 — с Ляодуна).

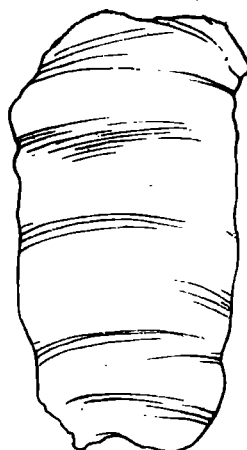
1

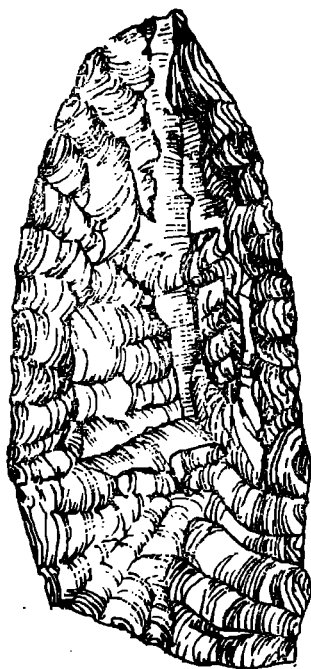
2

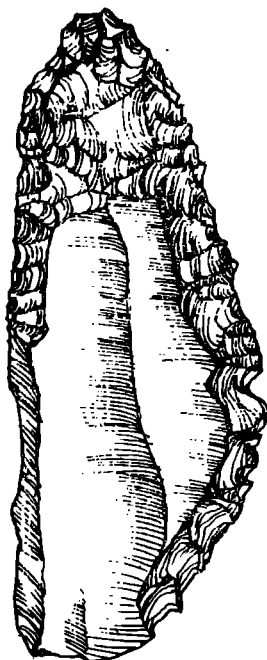
3

4

5

6

7

Рис. 11. Каменные изделия из Хуаншаня.

Alces sp., *Equus* sp., *Capreolus* sp. и, по-видимому, *Crocota* sp. Участники экспедиции посетили, кроме того, Гусянгунь и произвели сборы. Результаты исследований здесь тоже остаются неизвестными.

В том же, 1957 г. В. Н. Жернаков и В. В. Поносов обследовали в окрестностях Харбина стоянку Панлаченцза, расположенную на 10-метровой террасе р. Сунгари, и произвели на ее территории раскопки¹⁶. Им удалось обнаружить кости скелета носорога, которые залежали на глубине 7—8 м от поверхности в аллювиальных отложениях с раковинами *Unio*. Их перекрывали горизонт с отложениями, напоминающими лессистые конкреции, и пласт погребенной почвы. Следы деятельности древнего человека, возможно, подтверждаются сильно размытые водой золистые примазки, прослеженные в районе рассредоточения костей носорога. В 1958 г. Чжоу Мин-чжэнь и Син Цзян-си опубликовали коллекцию костей плейстоценовых млекопитающих, обнаруженных в уезде Цзяньпин провинции Ляонин¹⁷. Условия залегания фаунистических остатков не известны. Палеонтологам удалось обнаружить следующие виды животных: *Equus of przewalskyi*, *Equus hemionus*, *Coelodonta antiquitatus*, *Spirocerus cf. kiakhtensis*, *Ovis ammon*, *Bison priskus* и *Bos* sp. Среди обломков находилась также правая локтевая кость человека, однако в описании нет упоминания о каких-либо изделиях из камня. У Жу-кан позже опубликовал описание новой палеоантропологической находки из Южной Маньчжурии.

Завершая описание материалов по палеолиту Маньчжурии, необходимо в заключение упомянуть еще один интригующий по значению пункт, открытый еще в 1933 г. во время поездки А. Брейля по Ляодуну из Порт-Артура в Дальний¹⁸. Вдоль дороги здесь местами попадались участки распространения примечательных красноцветных отложений, которые по особенностям консистенции слоя, а также по чисто внешним характерным признакам чрезвычайно напоминали глины Чжоукоудяня и одновременные им красноцветные пласты на плато Северного Китая, залегающие ниже лессов малайской эпохи. При осмотре на Ляодуне одного из обнажений красных глин А. Брейль извлек из слоя 2 кварцитовых отщепов, которые обладали бесспорными признаками искусственного раскалывания (см. рис. 10, 7). Разумеется, опасно делать на основании единичной, по существу, находки далеко идущие выводы, тем более гео-

логии района не изучена настолько, чтобы уверенно датировать красноцветные глины Ляодуна одним из этапов среднего плейстоцена. И все же возникает проблема необычайно раннего проникновения человека в южные пределы Маньчжурии. Во всяком случае, открытия археологов и палеонтологов в расположенной по соседству Корее оставляют открытой перспективу положительного решения вопроса.

Палеолит Внутренней Монголии. Районы, расположенные к северу от лессовых провинций Северного Китая, начали привлекать особое внимание исследователей с начала второго десятилетия XX в. в связи с разработкой идей центральнопозазиатского центра происхождения человека. В 1918 г. И. Г. Андерсон обнаружил на территории Внутренней Монголии, в местности Эртемте, сильно изношенный верхний коренной зуб плиоитека — *Pliophthecus posthimus*. Учитывая значение плиоитеково-дриопитековых форм обезьян в возникновении гоминид, открытие зуба представляло значительный интерес как первое подтверждение гипотезы о Центральной Азии — возможной прародине Номо. И. Г. Андерсон прилагал в те же годы значительные усилия, пытаясь найти в пределах Юго-Западной Маньчжурии, Внутренней Монголии и Гоби следы палеолитических стоянок. В частности, он и его сотрудники внимательно изучили пещеры и открытые поселения каменного века в провинции Чжили, в том числе, так называемые «дюнные стоянки» в пустынных районах юго-запада Маньчжурии и Внутренней Монголии. Однако большая часть сборов его датировалась неолитическим временем. Правда, И. Г. Андерсон предполагал, что, возможно, к палеолитическим изделиям относится большой, превосходно обработанный лавролистный наконечник копья, обнаруженный на севере провинции Чжили в Сандасяне, а также необычные изделия, известные теперь как нуклеусы-скребки гобийского типа, найденные им к западу от Калгана. Первая находка напоминала ему солиотрейские наконечники, а вторые — пуклеусы ориньякского типа из Европы. Не исключено поэтому, что сборы И. Г. Андерсона представляют собой первые в истории изучения юго-запада Маньчжурии и Внутренней Монголии палеолитические находки, и, в таком случае, поистине непреходящее значение приобретает факт открытия им первых нуклеусов-скребков. Однако И. Г. Андерсон не мог привести сколько-нибудь серьезных доказательств глубокой древности собранных им каменных изделий. Более того, последующие работы 1921—1922 гг. убедили его в том, что палеолитический человек избегал осваивать суровые пустынные и степные пространства Внутренней Монголии и юга Маньчжурии¹⁹. К подобному выводу в те

¹⁶ Jernakov V. N., Ponosov V. V. Discovery of a Fossil Rhinoceros in Pan-la-ch'eng-tzu near Harbin. — VP, 1958, v. 11, N 4.

¹⁷ Чжоу Мин-чжэнь, Син Цзян-си. Позднекайнозойские ископаемые из Цзяньпина, Ляонин. — «Acta Palaeontologica Sinica», 1958, v. 6; У Жу-кан. Локтевая кость человека из Цзяньпина провинции Ляонин. — PP, 1961, № 4.

¹⁸ Teilhard de Chardin P. Early man in China. См. список 2 на с. 62; рис. 30.

¹⁹ Andersson I. G. Essays on the Cenozoic of Northern China. — «Memoirs of the Geological Survey of China. Ser. A», 1923, N 3; Andersson I. G. An Early

годы пришел выдающийся американский антрополог А. Хрдличка. В то же время И. Г. Андерсон не исключал такого хода событий в исследованиях, что в какой-то день счастливая находка сведет к нулю его внешне убедительные рассуждения. Как это ни парадоксально, однако буквально через год последовало открытие, которое показало несостоятельность точности зрения И. Г. Андерсона и А. Хрдлички.

Последующие шаги в решении проблемы палеолита Внутренней Монголии связаны с деятельностью Э. Лисана и П. Тейяр де Шардена²⁰. В 1922 г. католические миссионеры Мостаэрт и Девильде сообщили первому из них рассказ монгола Вансэка об открытии им многочисленных костей вымерших животных около Сюцяопань в долине р. Шароосогол в восточной части центральных районов Ордоса (юг Внутренней Монголии или пров. Суйюань)²¹. Тогда же Э. Лисан посетил Шароосогол и убедился в том, что в обрывах песчаных толщ, расщепленных речным потоком, действительно располагаются костеносные пласты, густо насыщенные остатками вымерших плейстоценовых животных. Местонахождение древней фауны представлялось настолько перспективным для продолжения исследований, что, когда в Китай прибыл П. Тейяр де Шарден с целью практической проверки гипотезы центральноазиатского центра эволюции первобытного человека, то Шароосогол (Сюцяопань) стал в запланированных на 1923 г. работах одним из главных пунктов, где предстояло развернуть широкие исследования. В середине августа караван тяжело нагруженных мулов и ослов экспедиции П. Тейяр де Шардена и Э. Лисана достиг Шароосогола и остановился около вырытого в земле дома Вансэка. В течение 24 дней продолжались раскопки в одном из пунктов долины Шароосогола (рис. 12) около Сюцяопаня, где кости животных встречались в особенности часто.

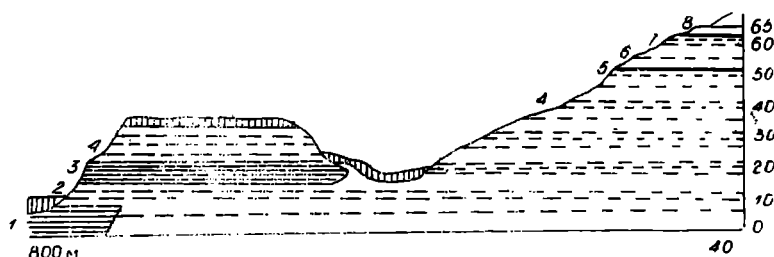

Рис. 12. Стратиграфия Шароосогола.

1, 3 — консолидированные песчаные дюны; 2, 4, 6 — расслаивающиеся песчаные глины; 5, 7 — слой «водного» происхождения (погребенная почва — ?); 8 — современный почвенный горизонт и дюны.

25 рабочих почти за месяц вскрыли около 2400 м² площади костеносного горизонта, который располагался на глубине 60 м от поверхности. Результаты работ превзошли все ожидания — находки костей млекопитающих заполнили 15 больших ящиков. Фауну Шароосогола представляли следующие виды животных: *Elephas namadicus*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Equus hemionus*, *Cervus megaceros*, *Cervus canadensis*, *Bos primigenius*, *Gazelle* (наиболее многочисленна), *Capra falconeri*, *Camelus knoblocki*, *Canis lupus* и другие. Они подразделялись на три группы: 1) вымершие формы вроде слона, шерстистого носорога, винторогой антилопы, буйвола Вансэка, гиены, страуса и оленя мегацероса; 2) формы, исчезнувшие с территории Ордоса, но живущие в других местах, — дикий осел, красный олень, большерогая овца и дикий бык; 3) формы, которые продолжали жить в Ордосе, — антилопы, волки, грызуны, насекомоядные.

П. Тейяр де Шардену и Э. Лисану удалось обнаружить также кости человека, первые сообщения о чем вызвали подлинный переполох среди палеоантропологов Европы. Дело в том, что если верить статье газеты «Манчестер Гардиан» от 31 января 1924 г. французским путешественникам посчастливилось обнаружить в каньоне, прорезанном Шароосоголом, не много ни мало как 6 скелетов древних людей и сильно фоссилизованный череп с примечательными и характерными для древних людей особенностями — сильно убегающим назад лбом и большими надглазничными валиками. Автор корреспонденции сожалел, что не удалось обнаружить нижнюю челюсть, но тем не менее обильная фауна, найденная «вместе с человеческими остатками», вымершие виды носорогов, лошадей, бизонов, верблюдов и слонов, кажется, не оставляли сомнений в принадлежности их палеолитическим людям. Однако последующие публикации П. Тейяр де Шардена, Э. Лисана, Д. Блэка, М. Буля или вообще не содержали сведений об остатках палеолитического человека из Шароосогола, или в них описывались отдельные части скелета, в основном бедренные кости. В них некоторые антропологи видели черты, сближающие их с бедренными костями неандертальцев. Ни в одной из статей более не упоминался также сильно фоссилизо-

Chinese Culture. — BGSC, 1923, v. 2, N 5; Andersson I. G. Children of the Yellow Earth. L., 1934; Andersson I. G. Researches into Prehistory of the Chinese. — BMFEA, 1943, N 15.

²⁰ Teilhard de Chardin P., Licent E. On the Discovery of Paleolithic Industry in Northern China. — BGSC, 1924, v. 3, N 3; Teilhard de Chardin P., Licent E. Le Paleolithique de la Chine. — «L'Anthropologie», 1925, t. 31, N 3—4; Teilhard de Chardin P. Fossil Man in China and Mongolia. — «Natural History», 1926, v. 26, N 3; Boule M., Breuil H., Licent E., Teilhard de Chardin P. Le paleolithique de la Chine. — In: Archives de L'Institut de paleontologie Humaine. Memoir 4. Paris, 1928.

²¹ Шароосогол (китайское название Хунлю) берет начало в горах Хэншань на севере пров. Шэньси. При слиянии ее у г. Суйдэ с р. Юйси, протекающей севернее по территории Суйюани, образуется р. Удинхэ, приток Хуанхэ.

ванный с убегающим лбом и большими надглазничными валиками череп, будто его не находили. Вместо этого особое внимание привлек случайно найденный в оставшемся от раскопок материале среди зубов антилоп и обломков яиц страуса зуб человека — верхний левый боковой резец. В первоначальной публикации зуба, названном «ордосским», остальной антропологический материал определялся как «сомнительный». В статье, написанной П. Тейяр де Шарденом, Э. Лисаном и Д. Блэком, прямо указывалось, что в ходе раскопок в Шароосоголе в палеолитических слоях никаких человеческих остатков, за исключением одного бедра, не было найдено. В то же время «ордосский зуб» назывался паходкой большого значения, которую можно с любой степенью определенности отнести к палеолитическому человеку Азии. Если остальные кости человека Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден подобрали на берегу реки, то зуб они нашли всего в 500 м от места находок древней фауны на том же уровне *in situ*. Зуб прекрасно сохранился. Он принадлежал ребенку 7—8 лет. По цвету и пигменту зуб резко контрастировал с зубами, открытыми в современных слоях. Обращала на себя внимание также значительная степень его минерализации. Морфология зуба, тщательно изученная Д. Блэком, показывала, что он принадлежит по типу к лопатообразным монголоидным резцам. Все признаки, вместе взятые, позволили Д. Блэку прийти к заключению, что ордосский зуб — первая настоящая часть скелета от когда-либо открытого палеолитического человека Азии.

Не меньшее волнение и, пожалуй, наибольший сюрприз преподнесло неожиданное открытие на глубине 50 м в слое под горизонтом консолидированных песчаных дюн Шароосогола около 200 мелких каменных изделий, которые могли бы поместиться в двух горстях, настолько они оказались миниатюрными. Среди них, действительно, полностью отсутствовали крупные и массивные орудия — самый большой инструмент из Шароосогола достигал размера всего лишь 7×6 см. Типологически большинство изделий не отличалось особой выразительностью, и они, как правило, не объединялись в четко выраженные серии, вследствие чего их трудно описывать и классифицировать. Однако все же можно выделить конические и подпризматические микронуклеусы, с которых скалывались миниатюрные и правильные ножевидные пластинки (рис. 13, 4, 5), своеобразные односторонне конические нуклеусы (рис. 13, 3, 12), скребловидные инструменты (рис. 13, 25), подтреугольные острия (рис. 14, 14; 15, 15, 16), концевые и прочие скребки (см. рис. 13, 1, 2, 6—10, 14, 15; 15, 1), подпрямоугольные скребки с ретушью (см. рис. 13, 17), проколки и резцы (рис. 14, 13, 21). Большой интерес представляют также мелкие галечки, обработанные по краю тонкой ретушью (см. рис. 13, 18—20, 23,

24). Второй пункт, мастерскую, с каменными изделиями донесолитической эпохи П. Тейяр де Шарден обнаружил в Сюцяопань. Они происходили из так называемых верхних водных отложений, представляющих собой наполовину консолидированные пески. Горизонт с находками залегал, очевидно, на глубине около 5 м выше слоя, в котором еще продолжали встречаться кости носорога перед его окончательным исчезновением. П. Тейяр де Шарден извлек прямо из слоя характерный трапециевидной формы кварцитовый отщеп (см. рис. 14, 26), поразивший его сходством с такими же по формам кварцитовыми отщепами, найденными в базальных гравиях лессовой террасы Хуанхэ около Баотэ и среди изделий мастерской, приуроченной к верхнему уровню базальных гравиев района Убао (см. рис. 14, 22; 15, 13). Он, кроме того, подобрал здесь же на поверхности осыпи 2 весьма примечательных инструмента, изготовленных из яшмы, и определил их как ножи. Однако характерная и теперь хорошо известная форма такого рода изделий не оставляет никаких сомнений в том, что они на самом деле представляют собой заготовки нуклеусов-скребков гобийского типа (рис. 15, 18, 19). У них также примечательная вытянутая форма с одним заостренным и другим широким концом, с которого предстояло в будущем снимать ножевидные пластины, боковые плоскости, тщательно выструганные поперечными сколами, сильно вытянутая ударная площадка и острый, как у ножа, противоположный край. Недаром П. Тейяр де Шарден допускал возможность «соответствий» находок из верхних горизонтов Шароосогола с образцами изделий «мезолитической индустрии» «дюнных жителей» Н. К. Нельсона из Монголии и «черных земель» Харбина. Ясно, с какими изделиями предполагалось сопоставлять их — конечно же, с нуклеусами-скребками, найденными американцами в Гоби, самим П. Тейяр де Шарденом в Восточном Туркестане и В. В. Поновским в Гусянтуне. Все они определялись им именно как ножи. Открытия заготовок нуклеусов-скребков в Шароосоголе — факт, бесспорно, замечательный, но до сих пор остававшийся вне внимания исследователей палеолита. Между тем, важность и весомость выводов, которые следует сделать, учитывая такое обстоятельство, трудно переоценить.

Большого внимания заслуживают наблюдения П. Тейяр де Шардена по стратиграфии Шароосогола (см. рис. 12). Он выделил в Сюцяопань следующие папастования: 4) в нижней части разреза прослежен горизонт расслаивающихся песчаных глин, в которых особенно многочисленны костные остатки и в том числе, целые скелеты *Rhinoceros tichorhinus*, *Equus hemionus*, *Bos primigenius*, *Bubalus wansjocke*; 3) консолидированные песчаные дюны с прослойкой почвы палеолитического времени и культурным слоем с каменными изделиями;

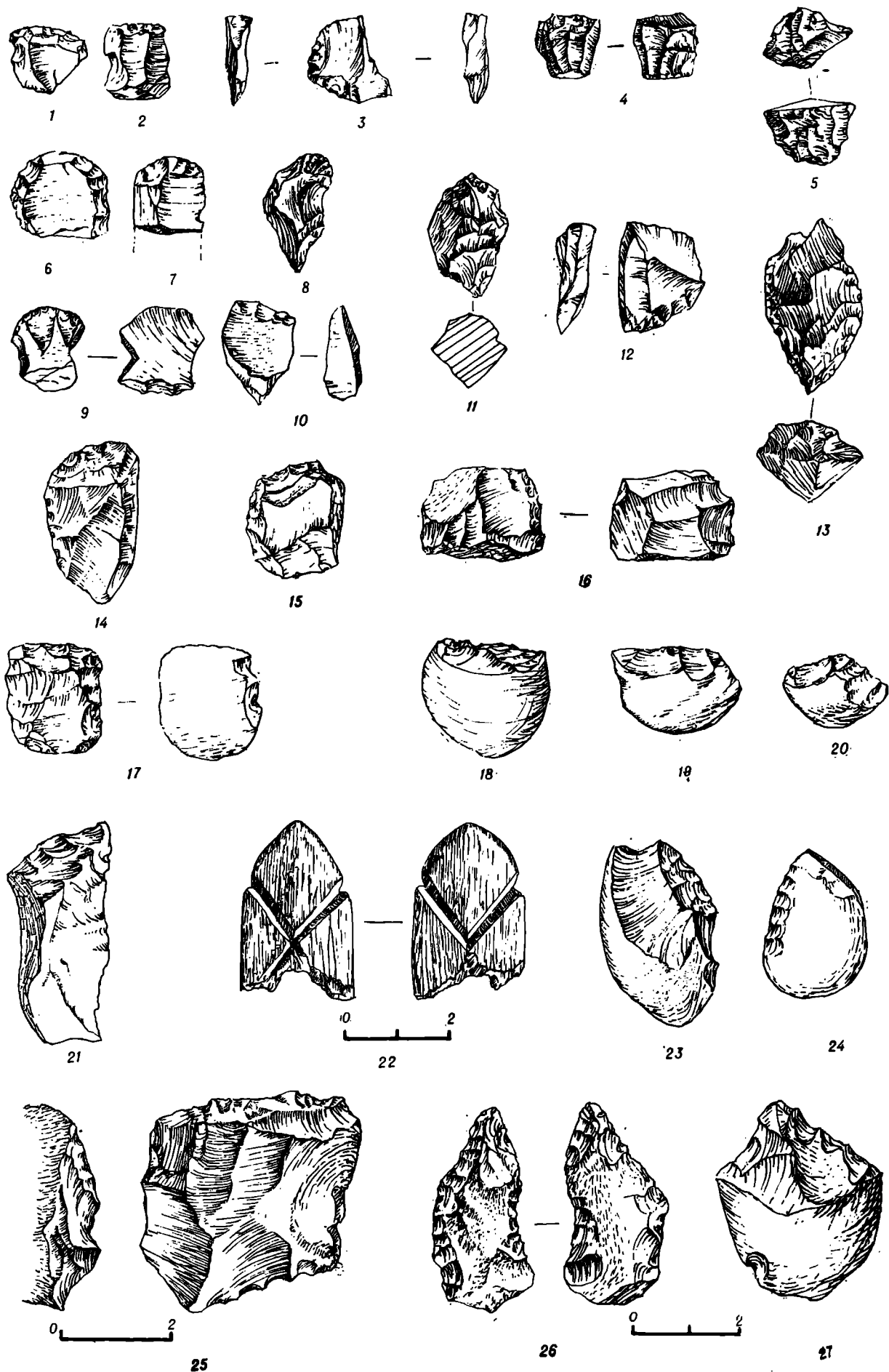

Рис. 13. Каменные изделия из Шароосогола (1—21, 23—25; 22 — из кости) и Вамбарсу (26, 27).

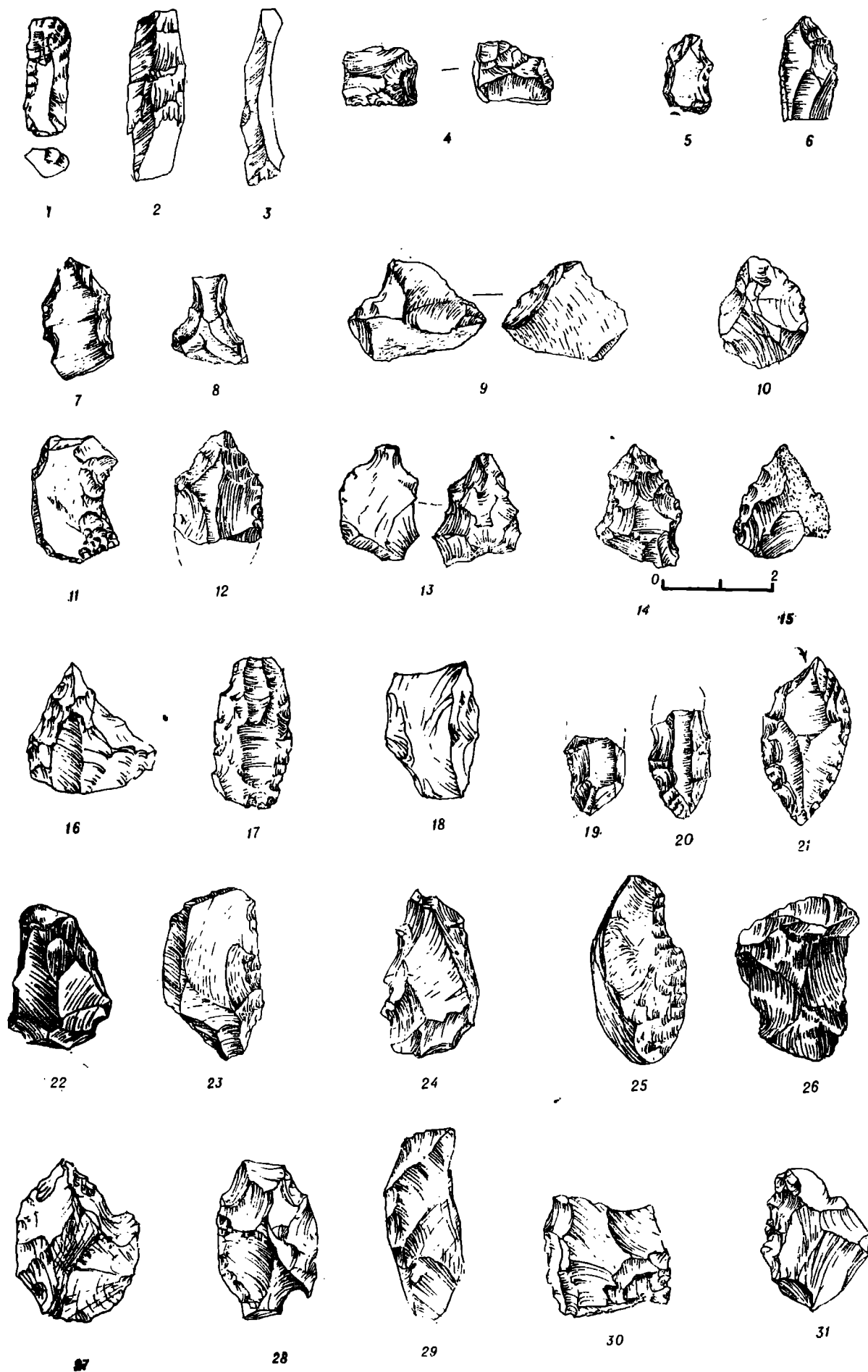

Рис. 14. Каменные изделия из Шароссогола (22,— Убао, Шэньси).

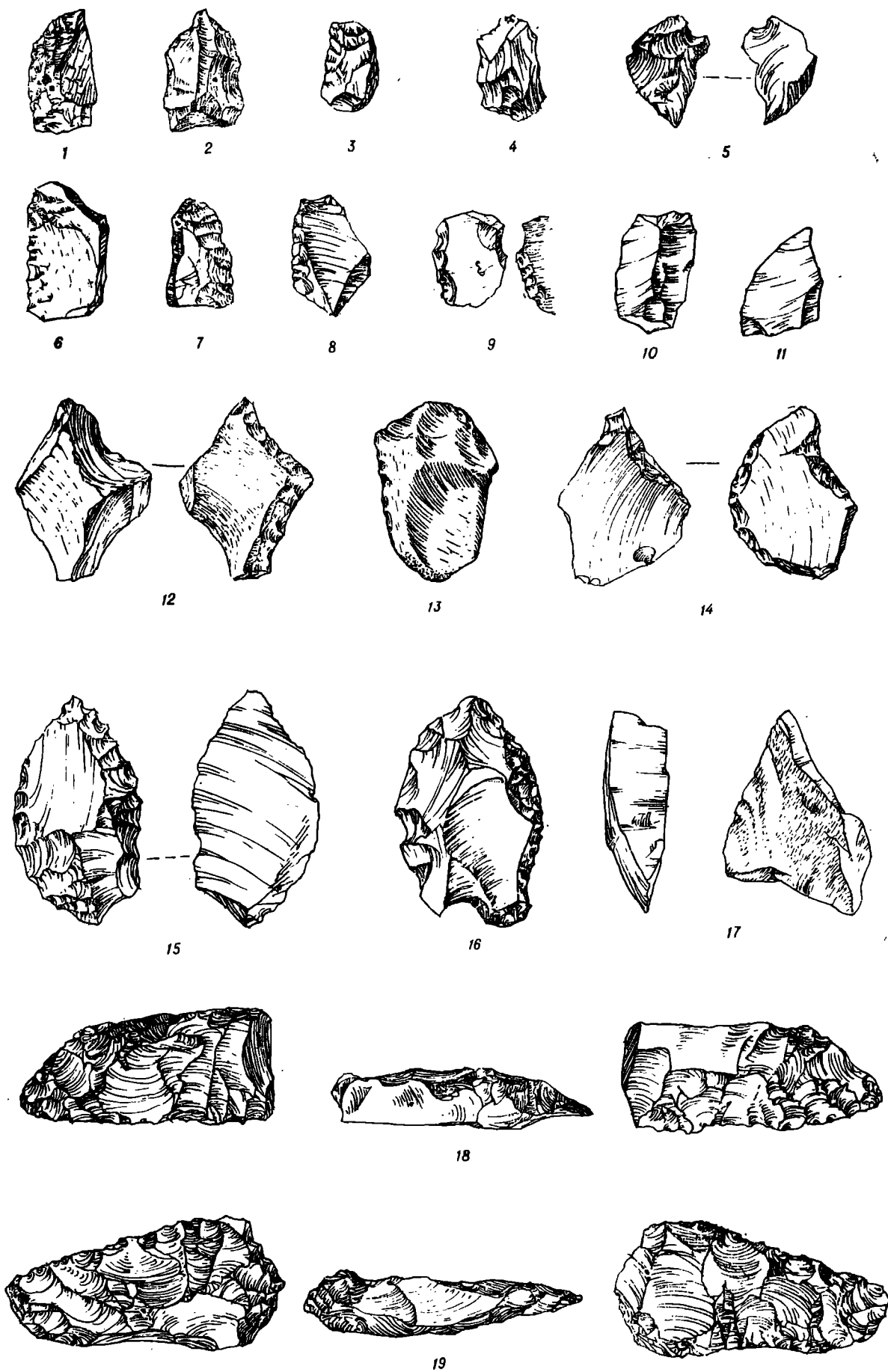

Рис. 15. Каменные изделия из Шароосогола (13 — Баотэ).

2) горизонт расслаивающихся песчаных глин; 1) консолидированные песчаные дюны. Вверху, на последних 15 м песчаных отложений, прослеживаются 2 слоя «водного» происхождения — в нижнем из них (на разрезе слой 5) обнаружены кости носорога, а в залегающем на 10 м выше — заготовки нуклеусов-скребков (на разрезе слой 7). Разрез завершается горизонтом неолитической эпохи, который перекрывают консолидированные песчаные дюны. Несмотря на четкость описания, многое вместе с тем оставалось не ясным. В частности, остатки фауны извлекались не из какого-то определенного пункта, а из раскопа, протянувшегося вдоль берега на 200 м. При публикации кости, обнаруженные *in situ*, «не привязывались» к отдельным участкам, и выделить их при изучении текста издания оказалось не возможным. Не удивительно поэтому, что стратиграфия Шароосогола в последующие годы неоднократно привлекала внимание геологов и палеонтологов, которые пытались коррелировать песчаные отложения пустынных районов Ордоса с лессами Ганьсу, Шэньси и Шаньси, шароосогольские террасы и террасовые горизонты с региональной стратиграфией, а также соотнести стратиграфию палеолитических стоянок с подразделениями плейстоценовой геологии отдельных районов Восточной Азии. Временное соотношение палеолита пустынно-степных и лессовых областей оставалось предметом главной проблемы, поскольку решение ее открывало возможность или установить характерные особенности культуры на различных этапах ее эволюции, или, при ином решении вопроса (т. е. сопоставимости времени отложения лессов и песков шароосогольского типа), определить границы локальных культурных вариаций верхнего палеолита Центральной и Восточной Азии.

В 1964 г. Пэй Вэнь-чжун и Ли Ю-хэн сопоставили разные точки зрения по геологии Шароосогола и опубликовали следующую последовательность напластований района среднего течения реки около Даговань, т. е. как раз того участка долины, где в Сюцяопань П. Тейяр де Шарден и Э. Лисан проводили работы наиболее широкого масштаба: слой 1, расположенный на высоте 60 м от уровня реки, — голубовато-белые мергели толщиной 1,5—2 м с раковинами *Planorbis*. Мергелистые глины формировались в условиях влажного климата и в воде замкнутых бассейнов; 2 — косослоистые пески, которые прослеживались в разрезе лишь на отдельных участках, например в Дипаокоу; 3—4 — пласт грубозернистого с небольшим количеством галек песка, достигающий местами толщины 30 м. Его рассекают прослойки глины и тонкого консолидированного песка. Залегание слоя горизонтальное, и лишь на некоторых участках, где, вероятно, проходила граница склона наблюдается падение пласта; 5 — слой темно-голубых мергелей; в Даговань такие глины незначительны по

толщине или вообще отсутствуют в разрезе, однако в нижнем течении Шароосогола они достаточно мощные; 6—7 — два горизонта песков, перемешанных с красной глиной и залегающих в основании речного берега на песчаных и сланцах, обнаруженных в районе Дипаокоу. Возможное время формирования их — средний плейстоцен, однако точных данных, подтверждающих такую точку зрения, нет²². Слои 3—5 стратиграфической колонки Пэй Вэнь-чжуна и Ли Ю-хэна соответствуют 1—3-му горизонтам П. Тейяр де Шардена, а 1—2, расположенные выше последнего слоя, где встречаются кости носорога, представляют собой эквивалент 4-го горизонта.

Несмотря на то, что 1-й и 2-й слои располагаются вне границ основной толщи шароосогольских отложений, они все же, по всей видимости, относятся к верхнеплейстоценовой эпохе. Такой вывод, учитывая открытие на том уровне заготовок нуклеусов-скребков, принципиален по значению. Культурные и фаунистические остатки нижних горизонтов Шароосогола связаны, очевидно, с «древними почвами», перекрытыми затем «древними дюнами». Что касается террас в районе Даговань, то П. Тейяр де Шарден, как известно, датировал нижние из них, первую и вторую, современной эпохой. Пэй Вэнь-чжун и Ли Ю-хэн при обследовании отложенной второй террасы обнаружили в средних горизонтах напластований кости плейстоценовых животных и серые черепки со следами окатанности на их поверхности. Они сделали поэтому вывод, что ископаемые попали в слой второй террасы из темно-голубых мергелей 5-го горизонта (слой 1 П. Тейяр де Шардена). В двух верхних горизонтах третьей террасы, в лессовидных илах и слоях, состоящих из песчаных конкреций и блоков консолидированных песчаных прослоек, Пэй Вэнь-чжун и Ли Ю-хэн обнаружили черепки глазурованной керамики. Глубже располагались пласты тонко стратифицированного песка с прослойками грунта, сформировавшиеся в медленно текущей воде. В 4-м слое залегали *in situ* сохранявшие анатомически правильное положение скелеты *Camelus*, *Equus* и *Coelodonta* с клочками шкуры и волосами на костях. Верхнеплейстоценовый возраст горизонта не вызывает сомнений. В целом идея одновременности формирования лессовых отложений и консолидированных песков Шароосогола осталась непоколебимой, хотя, возможно, они датируются разными этапами верхнего плейстоцена. Такое заключение подтверждается, кажется, результатами флюоринного анализа костей плейстоценовых животных из Шуйдунгоу и Шароосогола: в то время как в первом пункте содер-

²² Пэй Вэнь-чжун, Ли Ю-хэн. Предварительные заключения по шароосогольским сериям. — *VP*, 1964, в. 8, № 2 (на кит. яз.).

жание флюорина составляло 2,19%, во втором всего 1,1%²³.

Многое между тем по-прежнему осталось не ясным в вопросах стратиграфического положения культурных остатков и их ассоциации с палеонтологическими находками. Не удивительна поэтому бросающаяся в глаза неопределенность в решении проблемы хронологического сопоставления культуры, представленной находками в Шароосоголе, с культурой лессового плато, как и в объяснении удивительной по необычным особенностям индустрии, обнаруженной П. Тейяр де Шарденом и Э. Лисаном в песчаных толщах Сюэцяопань. Если же они одновременно, то возникали не меньшие трудности в удовлетворительном объяснении бросающихся в глаза различий типологии инструментария Шуйдунгоу и Шароосогола. Вот почему Пэй Вэнь-чжун и Ли Ю-хэн настойчиво предлагали продолжить геолого-палеонтологическое и археологическое изучение Ордоса с тем, чтобы получить более определенные ответы на ряд вопросов кардинальной важности.

Собственно, само по себе обращение их к общим проблемам геологии и археологии палеолита Ордоса объясняется, очевидно, главным образом появлением в 50-х годах новых фактов, полученных при обследовании долины Шароосогола. В 1956 г. Ван Юй-пин провел дополнительное геолого-палеонтологическое и археологическое обследование р. Шароосогол²⁴. Описания района его работ позволяют нагляднее представить ландшафты долины реки. Она достигает местами 500 м и более, ширина же собственно речного потока составляет в среднем около 4 м, а глубина 0,5 м. Отвесные берега местами поднимаются до 80 м. Они сложены желтыми песчанисто-глинистыми и песчаными, а также голубовато-серыми песчанистыми пластами, которые сильно подвержены ветровой и водной эрозии. Ниже местами залегают горизонты красного мезозойского песчаника, выстилающие ложе реки. Там, где Шароосогол протекает в зоне распространения таких плотных красных песчаников, а также твердых песчанистых слоев желтого цвета, поток реки становится уже, а берега скалистыми. Что касается ареала господства рыхлых желтых песков и серых песчанистых слоев, то здесь разрушительная деятельность воды в значительной мере усиливается и ширина русла достигает 500 м. Долина Шароосогола извилиста с V-образными петлями. Внешний край каждого меандрового колена

подвергается сильному действию реки и непрерывно обваливается, образуя отвесные обрывы. Что касается внутреннего края V-образных изгибов русла, то в тех местах река по мере образования долины врезала террасовидные уступы. Среди террас Шароосогола выделяются короткие, округлые (их Ван Юй-пин называет коптовидными) и вытянутые, «языковидные». Из-за сильной эрозии, продолжающейся, очевидно, с эпохи голоцена, всюду в долине реки встречаются террасы, а также отвесные обрывы, рассекающие берега. Такие, созданные самой природой разрезы, в значительной мере облегчают сборы палеонтологических коллекций, а также поиски стоянок каменного века.

Палеолитические изделия Ван Юй-пин обнаружил в пределах границ аймака Икэчжао (верховья Шароосогола около Сюэцяопань и к югу от Хунлэй) — в районе Дагоуванцунь и Дашаогуцунь. Небольшая коллекция камней со следами обработки собрана им на поверхности разрушенной эрозией «языковидной» террасы, сложенной пластинами плотных желтых песков. Высота ее над уровнем реки составляет 15 м, а простирается она с северо-запада на юго-восток. Один из участков террасы достигает высоты 20 м. Центральная часть террасовидного уступа слегка понижается, но северо-западный участок, напротив, повышается и соединяется с основным берегом реки, высота которого составляет 80 м. Около юго-западного края террасы прослеживаются остатки старого речного русла, у северо-восточного вода течет и в настоящее время. Обработанные камни подняты Ван Юй-пином на возвышенном участке северо-западной части террасы, ширина которого составляет 18 м, а длина — 33 м. Терраса здесь сложена из слоев твердых песков желтого цвета. При размыве их речным потоком и ручьями после дождей культурные остатки, камни со следами обработки и обожженные кости, оказались на поверхности. Согласно наблюдениям Ван Юй-пина, палеолитический горизонт прослеживается в толще песчанистых отложений, и, следовательно, памятник перспективен для проведения здесь стационарных раскопок.

Ван Юй-пин дважды обследовал стоянку Дагоувань, и в результате ему удалось собрать 76 отщепов. Среди них наиболее выразительны 2 экземпляра, у которых со стороны спинки видны следы дополнительной подправки. Они изготовлены из какой-то кремнистой изверженной породы и светло-черного кварцита. Размеры их невелики — длина одного отщепа 2,1 см, ширина 1,6 см, а второй еще меньше. По мнению Ван Юй-пина, оба отщепа с ретушью использовались, вероятно, как скребки (см. рис. 14, 13; 15, 5). Кроме того, в коллекции выделяются еще 2—3 отщепа, по-видимому дополнительно обработанные по краю. Остальные отщепы лишены подправки и представляют собой отбросы производства. Небольшие размеры обработан-

²³ Цюй Чжун-лан. О флюориновой датировке китайских гоминид. — «Acta Palaeontologia Sinica», 1955, т. 3, № 4 (на кит. яз.). Следует, однако, иметь в виду, что несовпадения процентного содержания флюора могут объясняться неодинаковым составом грунтовых вод в различных пунктах.

²⁴ Ван Юй-пин. Предварительный доклад об археологических исследованиях в долине Шароосогола на территории аймака Икэчжао. — «Вань», 1957, № 4 (на кит. яз.).

ных камней Ван Юй-пин, так же как ранее Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден, объяснил отсутствием вблизи стоянки подходящих источников сырья. Согласно его наблюдениям, в пределах 20 км от Дагоувань в долине Шароосогола трудно найти обломок кремнистой породы. Поэтому он сделал вывод, что сырье на стоянку доставлялось издалека и палеолитические обитатели не имели благоприятных возможностей совершенствовать технику производства орудий из камня. На участках террасы, где удалось найти отщепы, Ван Юй-пин поднял 10 фрагментов обожженных костей каких-то мелких животных и множество фрагментов костей крупных млекопитающих, в том числе обломки черепа и зубы носорога, ребра быков, несколько зубов и ребра лошадей, части нижних конечностей, по-видимому, тех же животных. Все эти кости отличаются массивностью, цвет их темно-коричневый. Каких-либо следов обработки на поверхности костей, как и использования их в работе, Ван Юй-пину отметить не удалось. Среди находок он упомянул фоссилизированное гуано.

Исключительный интерес представляют палеоантропологические остатки, обнаруженные Ван Юй-пином в районе д. Дипаогоувань, расположенной в 4 км к западу от Дагоувань. Здесь, в районе естественного моста из красных песчаников, в 180 м от него к северу, где река течет не на юг, а на восток, на протяжении 107 м тянется терраса, ширина которой составляет 280 м, а высота 15 м. В центре ее поднимается еще один террасовидный уступ высотой около 9 м. Он тянется на расстояние около 90 м и обращен северным и западным краями к руслу Шароосогола. Вся толща уступа, так же как и верхние горизонты более низкой террасы, состоят из чередующихся твердых и плотных пластов желтой песчанистой глины и песчанистых конкреций. С севера и запада терраса обрывается к реке уступом высотой около 46 м. Во время обследования описанного участка террасы Ван Юй-пин с помощью детей местных арагов обнаружил теменную кость черепа и нижнюю половину правой бедренной кости человека, а также голень крупного животного. Палеоантропологические остатки залежали в горизонтах желтых песков и твердых песчанистых конкреций, которые в стратиграфической колонке террасы располагались ниже значительных по толщине пластов слоистых песков и конкреций. Важно отметить, что в непосредственном соседстве с обломками черепа и бедра из слоя удалось извлечь кости носорога и лошади. Все эти находки обнаружены на дне пещеры около промоины, образованной дождевыми потоками, которые размывли склон террасы. Ширина пещеры 0,5 м, глубина около 2,44 м.

Значительный интерес представляет характеристика террасовых напластований Шароосогола, и поэтому на описании их следует остановиться особо. Ван Юй-пин следующим образом

описал стратиграфическую колонку террасы в месте палеоантропологических находок: 1 — поверхностный слой песчанистой глины — 2,44 м; 2 — горизонт песчанистых конкреций — 0,16 м (на стыке двух первых слоев как раз и залежали теменная кость и голень животного); 3 — желтая песчанистая глина — 1,67 м; 4 — песчанистые конкреции — 0,24 м; 5 — желтая песчанистая глина — 0,58 м; 6 — песчанистые конкреции — 0,23 м. Песчанистые глины и конкреции, по мнению Ван Юй-пина, представляют один цикл аллювиального образования. Ниже последней из прослоек песчанистых конкреций залегают 10-метровый песчанистый пласт. От описанного места разреза слои песчанистых конкреций простираются в юго-западном направлении, и мощность их постепенно уменьшается, а после 8 м они исчезают совсем. На северо-восток слои конкреций распространяются редко, а если и появляются, то вместе с песчанистыми горизонтами серо-голубого цвета.

Результатам изучения теменной кости человека Шароосогола У Жу-кан посвятил специальную публикацию. Он пришел к выводу о возможном плейстоценовом возрасте находки²⁵. Теменная кость, темно-коричневая с внешней стороны, а в изломе светлая, на поверхности лишена каких-либо следов эрозии. Она, по-видимому, в какой-то мере фоссилизирована, поскольку по весу тяжелее, чем соответствующая кость черепа современного человека. Средняя толщина теменной кости, найденной на берегу Шароосогола, составляет 6,86 мм, а у современного человека — 5,2 мм. Обращает, однако, на себя внимание низкий процент содержания флюорина. Его оказалось больше в костях плейстоценовых животных, собранных в долине Шароосогола П. Тейяр де Шарденом и Э. Лисаном.

Нижнюю половину правой бедренной кости Ван Юй-пин нашел около одиночного террасовидного выступа, расположенного над террасой, где удалось обнаружить теменную кость. Юго-восточный склон выступа выше, а северо-западный ниже. На севере террасовый склон пологий, но с юго-запада эрозийные процессы привели к тому, что появился естественный разрез, протянувшийся с юго-востока на северо-запад на 130 м. Юго-восточный угол террасовидного уступа располагается в 60 м от пункта открытия теменной кости. На юго-западном отрезке уступа располагаются 4 пещеры, в которых обитают местные жители. Как раз в одной из них, что находится в крайней северо-западной части уступа, у входа в нее справа из глинистой толщи Ван Юй-пин извлек часть правой бедренной кости. Она фоссилизирована, тяжелая, темно-коричневая по цвету поверхности, а в изломе белая. Длина кости 22,5 см, толщина стенок 7,25 мм, что в значительной степени превосхо-

²⁵ У Жу-кан. Ископаемые теменная и бедренная кости человека из Ордоса, Внутренняя Монголия. — РВ, 1958, в. 2, № 4 (на кит. яз.).

дит толщину стенок бедренной кости современного человека. Однако процентное содержание фтора в ней оказалось столь же низким, как и в теменной кости. Что касается стратиграфии террасы, то для нее характерно чередование слоев желтой песчанистой глины с горизонтами песчанистых конкреций. Пласты сравнительно ровно наслаиваются друг на друга, но в отдельных местах четкость чередования сильно нарушается и становится весьма неразборчивой. Ван Юй-пин выделил в описании следующие слои: 1) желтая песчанистая глина — 3,42 м; 2) песчанистые конкреции — 0,2 м; 3) желтая песчанистая глина — 0,3 м; 4) песчанистые конкреции — 0,48 м; 5) желтая песчанистая глина — 0,32 м; 6) песчанистые конкреции — 0,42 м (на этом уровне как раз и залегал обломок бедренной кости); 7) желтая песчанистая глина — 0,35 м. Далее от площадки пещеры начинается склон высотой около 8 м. Основание склона располагается на высоте 9 м от уровня воды.

Палеонтологические остатки в изобилии встречались всюду на дне долины реки. Согласно наблюдениям Ван Юй-пина, *in situ* они залегают в горизонтах от 7 м над уровнем воды и до 30 м, но ниже и выше кости не встречаются. Среди собранных фрагментов он отметил кости лошадей и зубы носорогов. Ван Юй-пин обнаружил их в отложениях нескольких террас. Особый интерес представляет открытие в стенке песчанистого обрыва, расположенного к западу от Дагоувань, останков слона. Череп его оказался раздробленным, но большая часть скелета сохранилась. В особенности сильное впечатление производил бивень. Длина его составляла 2,36 м, диаметр наиболее массивной части — 18,5 см, вес — 60 кг. Ван Юй-пин высказал предположение, что форма бивня позволяет считать, что ему посчастливилось открыть скелет мамонта. Он залегал на глубине 30 м от поверхности террасы в слое желтых песков. Кроме того, восточнее пункта с останками мамонта при обследовании «языковидной» террасы, омываемой с двух сторон рекой, Ван Юй-пин обнаружил в центральной части ее в обрыве, поднимающемся на высоту 15 м, множество мелких обломков костей носорога. Разрез составляют переслаивающиеся слои желтой песчанистой глины и песчанистых конкреций. Кости залегали на глубине около 7—7,5 м. К наиболее интересным находкам, обнаруженным здесь, относится череп носорога — *Coelodonta antiquitatus*. Невдалеке от того же места крестьянин нашел челюсть носорога и передал ее Ван Юй-пину.

Весной 1961 г. на склоне той же террасы в 150 м от места, где в 1956 г. Ван Юй-пин обнаружил теменную кость, одна из местных крестьянок, выравнивая землю при обработке ее под пашню, нашла череп человека²⁶. У него

помимо трех кусочков мозговой коробки и постоянных зубов отсутствовала также нижняя челюсть. Крестьянка передала свою находку одному из местных жителей По Инь-ту, а тот при визите Ван Юй-пина в Дипаогоувань в августе 1962 г. отдал череп ему. Как установил Ван Юй-пин, череп залегал на глубине около 60 м у подножия западного склона единственной возвышенности в той части долины Шароосогола. Стратиграфия слоев в месте находки оказалась той же, что и на других участках террасы. Здесь прослеживались знакомые переслаивающиеся друг с другом горизонты песчанистых глин и известковых конкреций, в которых часто встречаются кости плейстоценовых млекопитающих. Согласно наблюдениям Ван Юй-пина, кости черепа слегка фоссилизированы. Судя по особенностям строения лобной кости, надбровных участков и глазниц, череп, бесспорно, принадлежал *Homo sapiens*, но точно датировать находку Ван Юй-пин не решился. Учитывая важность открытия, Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии АН КНР планировал послать в 1963 г. в район Дипаогоувань специальную экспедицию для организации раскопок в том месте, где был найден череп. Однако не ясно, удалось ли осуществить намеченные работы или был сделан просто геолого-палеонтологический обзор долины Шароосогола, который осуществили Пэй Ван-чжун и Ли Ю-хэн.

Открытие палеолита Внутренней Монголии в 1923 г. не ограничивалось, однако, удачей, в Шароосоголе. Тогда же П. Тейяр де Шарден и Э. Лисан обнаружили несколько орудий палеолитического облика и коллекцию кварцитовых, сильно патинированных отщепов в различных пунктах северо-западного угла Ордоса, в частности около Вамбар-су (в Хэцзюй, Сюньцзяньсю) и католической миссии Святого Якова (Шэньгэ) (см. рис. 13, 26, 27). В тех же районах ими найдена мастерская с обильной россыпью обработанных камней. В заключение описания ранее собранных материалов по палеолиту юга Внутренней Монголии для полноты представления о всем выявленном в пределах ее территории, а также в некоторых пунктах, расположенных в непосредственной близости от нее, следует особо остановиться на сборах П. Тейяр де Шардена и Ян Чжун-цзяня, сделанных главным образом в 1930—1931 гг. в ходе путешествия их с участниками Третьей американской и Хардт-Ситроен центральноазиатских экспедиций²⁷. Наиболее интересная коллекция собрана ими на севере Внутренней Монголии, недалеко от границы с Монгольской Народной Республикой, в Тунгурском бассейне, известном многочисленными стоянками эпохи неолита. Особого внима-

²⁶ Ван Юй-пин. Открытие черепа человека в районе Ордоса, Внутренняя Монголия. — PV, 1963, v. 7, № 2 (на кит. яз.).

²⁷ Teilhard de Chardin P., Young C. C. On Some Neolithic (and possibly palaeolithic) finds in Mongolia, Sinkiang and West China. — BGSC, 1932, v. 12, N 1; Teilhard de Chardin P. Early Man in China.

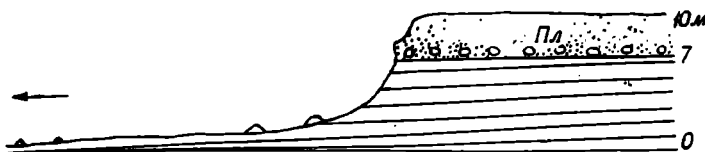

Рис. 16. Стратиграфический разрез одного из пунктов находок каменных орудий в Тунгурском бассейне. (Пл — плейстоцен).

ния, однако, заслуживало местонахождение, расположенное около Ирдин Манха, в 13 милях к востоку от буддийского монастыря Артунг Гуретт ин Сумэ и в 14 милях от так называемого «лагеря Слона» в районе озера, ооконтуренного 10-метровой плейстоценовой террасой с хорошо цементированным гравием в основании (рис. 16). Здесь, на одном из участков древней озерной котловины у подножия террасы, П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь подняли 5 каменных изделий, которые по типологии, размерам, характеру обработки, а также степени сохранности резко отличались от обычных для Внутренней Монголии «микролитических» орудий неолитического времени, что дало им основание датировать находки эпохой палеолита.

К наиболее выразительным изделиям из Тунгурского бассейна относится гигантское скребло, изготовленное из полукруглой массивной кварцевой гальки (рис. 17, 7). Нижняя сторона ее грубо уплощена, а верхняя, за исключением центральной части, покрыта крупными фасетками сколов. Особо тщательной обработке подвергнут, однако, округлый, крутой, сильно забитый и окатанный водой край, подправленный затем мелкой ретушью. Характерная форма скребловидного изделия, примитивизм обработки, крутизна его рабочего лезвия, вызывающие в памяти типологические особенности мустьерских скребел, и, наконец, степень сохранности инструмента действительно не оставляют сомнений в плейстоценовом возрасте орудия. С точки зрения уточнения возможной датировки сборов у подножия террасы древней озерной котловины Тунгурского бассейна особое значение приобретает грубо расколотый, а затем столь же небрежно оббитый риолитовый булыжник (рис. 17, 8). Определить точное назначение изделия затруднительно: может быть, оно представляет собой заготовку нуклеуса, поскольку на широкой плоскости видны фасетки сколотых с гальки пластинчатых отщепов, а, возможно, мастер в дальнейшем намеревался превратить гальку в скребло. Но в данном случае важно другое: на оббитой со следами окатанности поверхности камня сохранился участок «цемента», характерного для булыжникового конгломерата плейстоценовой террасы, что как раз и раскрывает уровень первоначального залегания в террасовых отложениях как риолитовой гальки со следами искусственной обработки, так и, по-видимому, остальных изделий, собранных на дне древней озерной котловины. Вместе с тем еще два оуб-

ликованных П. Тейяр де Шарденом и Ян Чжун-цзянем изделия из Тунгура не позволяют предполагать более раннее, чем один из этапов верхнего плейстоцена, время палеолитического комплекса из северного района Внутренней Монголии. Одно из них, определенное при публикации как чоппер или наковальня, поскольку на широкой плоскости галечная корка кварцитового булыжника оказалась покрытой характерными выбоинками, на самом деле представляет собой не рубящий или скребловидный инструмент, а, скорее, заготовку одного из вариантов конического нуклеуса. Подтреугольный, оббитый по краю с двух сторон конец гальки можно рассматривать как тыльное ребро односторонне конического нуклеуса. В таком случае поверхность скалывания должна располагаться вдоль грани, оставшейся необработанной (рис. 17, 3). О том, что для палеолитического комплекса из Тунгурского бассейна действительно характерны односторонне конические нуклеусы, свидетельствует последняя из опубликованных находок (рис. 17, 1). Если бы не широкая округлая площадка, то ее следовало бы описать как типологическую разновидность гобийского нуклеуса-скребка: у него широкие боковые плоскости, тщательно выструганные продольными пластинчатыми сколами, острый и достаточно длинный скребковидный край, противоположный ударной площадке, и, наконец, узкая поверхность скалывания ножевидных пластин. Развитая форма конического нуклеуса исключает, во всяком случае, среднеплейстоценовый возраст террасы, из отложений которой, по всей видимости, и происходит большинство изделий озерной котловины Тунгурского бассейна.

Остальные пункты возможных верхнепалеолитических местонахождений Внутренней Монголии и прилегающих к ней на востоке территорий Шаньси не отличаются в большинстве случаев ни многочисленностью сборов, ни особой типологической выразительностью изделий; исключение, может быть, составляют лишь находки на террасах вдоль р. Чжунгар. Здесь П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь всюду и в особенности около д. Мадигоу собирали обработанные камни, которые выглядели подобно палеолитическим по характеру орудиям²⁸. Большое количество огромных чопперов, а также других галечных изделий обнаружено ими также около д. Фусухэван. На берегу р. Чжунгар поднята, в частности, оббитая кварцевая галька, близкая по манере обработки и внешнему облику к наковальне из Тунгурского бассейна (рис. 17, 6). На ее широкой плоскости видны отчетливые выбоинки, а три грани гальки подтесаны

²⁸ Teilhard de Chardin P., Young C. C. Preliminary observations on the pre-loessic and post-pontian formations in West Shansi and North Shensi.— «Memorial of Geological Survey of China. Ser. A», 1930, N 8.

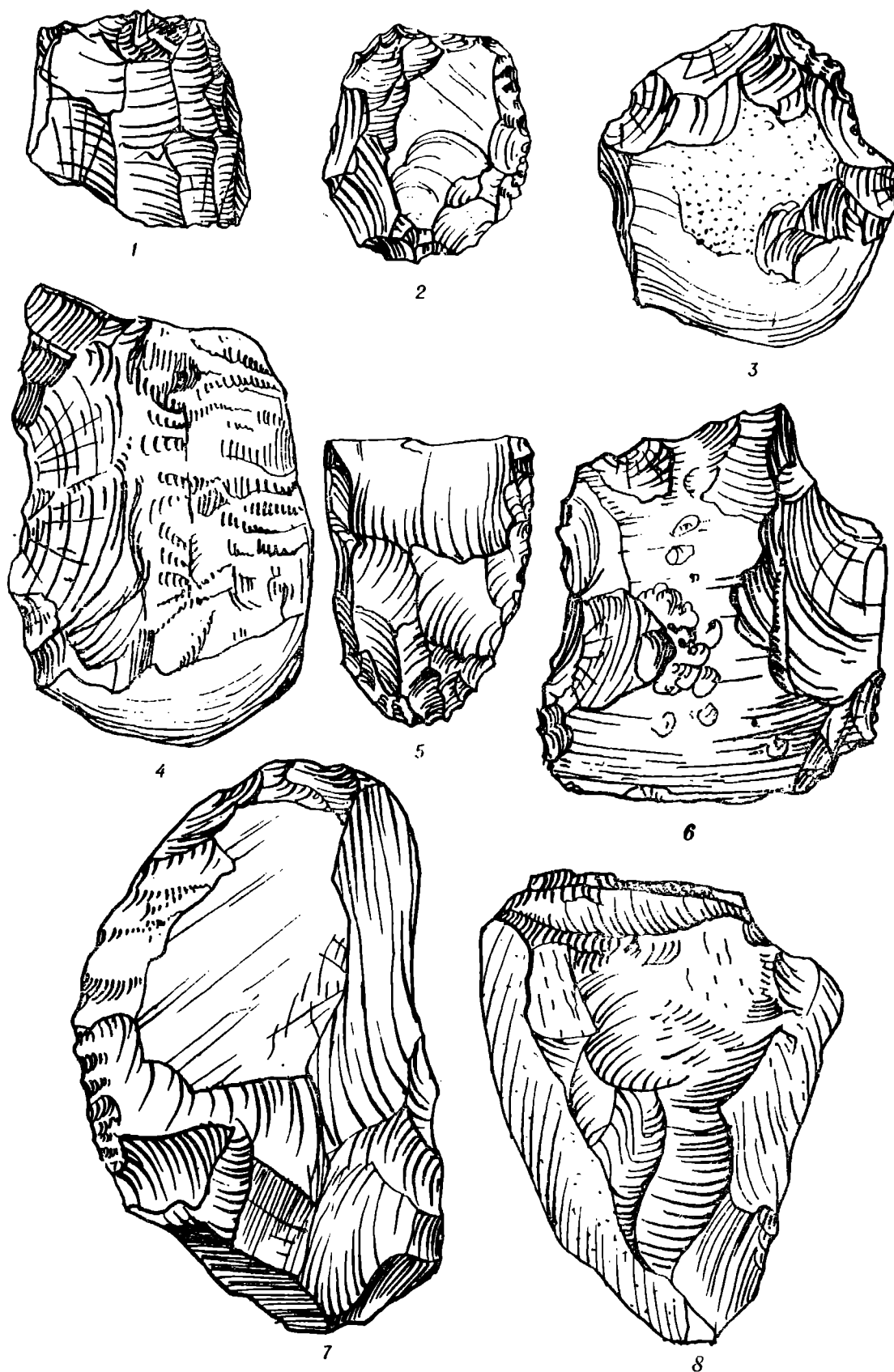

Рис. 17. Палеолитические изделия, собранные П. Тейяр де Шарденом и Ян Чжун-цзянем на территории Внутренней Монголии.

по краю с двух сторон крупными и мелкими сколами. Галечная корка сохранилась в неприкосновенности лишь вдоль одной грани. Противоположный конец гальки, однако, не приостренный, как у образца из Тунгура, а широкий, топовидный. Изделие подобного рода можно, разумеется, при желании охарактеризовать как рубящий инструмент типа чопинга. Однако так же, как в случае с находкой из Тунгура, оббитая галька, найденная на террасе р. Чжунгар, вероятнее всего, первоначально, до превращения ее в наковальню, оформлялась в виде заготовки односторонне конического нуклеуса со слегка закругленным тыльным ребром и широким нижним концом, расположенным под тупым углом к плоскости, с которой предстояло снимать ножевидные пластины. Но ударная площадка у заготовки так и осталась неоформленной. Среди других находок особый интерес с точки зрения довольно раннего начала освоения палеолитическим человеком южных окраин территории Внутренней Монголии представляет сильно окатанный широкий пластинчатый скол, извлеченный П. Тейяр де Шарденом из базального гравия лессовой террасы Хуанхэ в районе Баотэ (рис. 15, 13).

Палеолитические охотники заселили также ближайшие к востоку от Ордоса районы северной Шаньси, в частности бассейн верховьев р. Саньганьхэ²⁹. Однако материалы, обнаруженные при исследовании стоянок эпохи палеолита лессовых районов Ордоса, Шаньси, Шаньси и Хэнани в бассейне среднего течения Хуанхэ, заслуживают особого анализа в специальной публикации. Что же касается степных районов восточной части Внутренней Монголии, которая включалась в прошлом в состав провинции Чахар, то следует обратить внимание на открытие палеолитической стоянки, расположенной приблизительно в 5 км на северо-запад от д. Фэнцзяо и в 20 км на юго-восток от уездного центра Цзю-юнь. Оббитые архаического облика камни обнаружили здесь 3 сентября 1950 г. руководитель геологической партии Ху Минь, а также его сотрудники Лянь Сяо-ху и Чжэн Чжи³⁰. Место находок располагалось в верхней части двух, большой и малой, дренажных канав, которые прорезали толщу верхнеплейстоценовых отложений между Бэйхэвань и Наньхэвань. Канавы берут свое начало на склонах широкого и ровного высотой около 50 м холма с расположенными на нем крестьянскими полями. Всюду здесь на поверхности встречаются в изобилии кремневые отщепы. В ближайших прилегающих к д. Фэнцзяо районах залежей кремня нет, и, следовательно, сырье на стоянку приносилось издалека. Установить горизонт, откуда

происходят отщепы, а также 7 самых выразительных из найденных изделий, геологам не удалось, и они поэтому составили лишь общий стратиграфический разрез напластований, а также вычертили топографический план местности. Вместе с тем они не сомневались в достаточно раннем, донеолитическом возрасте находок, что подтверждается геологическими условиями места их открытия и отсутствием среди россыпей обработанных камней обломков керамики и шлифованных образцов орудий. В то же время в 5 км южнее у подножия возвышенности, там, где заканчиваются линии дренажных канав, а также в районе Катаошань геологи обнаружили множество обломков сосудов, украшенных на внешней поверхности веревочными отрисками и вдавленным узором.

Семь описанных Цзя Лянь-по орудий не отличаются особой типологической выразительностью, поскольку представляют собой большей частью просто ретушированные отщепы, которые могли использоваться в работе в качестве скребковидных инструментов или примитивных в простоте ножей. Однако учитывая то обстоятельство, что представление о палеолите восточных областей Внутренней Монголии ограничивается до сих пор находками Ху Миня, Лянь Сяо-ху и Чжэн Чжи, есть смысл остановиться на характеристике каждого из опубликованных образцов изделий со следами дополнительной обработки несколько подробнее, чем они заслуживали бы в другом случае (см. рис 6, 13—19).

1. Отщеп с двумя тонко и тщательно ретушированными со спинки краями. С брюшка подправка менее тщательна и систематична. Остаток ударной площадки несет на себе следы подтески. Ударный бугор небольшой, округлый, с меткой от удара. Сырье не очень высокого качества, и поэтому на расколотой поверхности волнообразные линии отсутствуют.

2. Обломок пластинчатого отщепа с не очень отчетливой вторичной подправкой с брюшка около ударной площадки и на нижнем конце.

3. Ударный бугорок почти не заметен и не очень отчетливы волны от удара, что объясняется плохим качеством сырья. Треугольный отщеп черного с зелеными прожилками кремня, одна сторона которого покрыта фасетками довольно тщательной ретуши.

4. Подтреугольный кремневый отщеп с одним ретушированным краем. На поверхности раскола около ударной площадки выделяется небольшой округлой формы ударный бугорок с меткой от удара.

5. Скребок с выпуклым рабочим краем, обработанным тщательной ретушью. Угол, образуемый поверхностью раскола и плоскостью ударной площадки составляет 90°.

6. Изделие, напоминающее по типу острие, поскольку два сходящихся под углом края отщепа покрыты фасетками оббивки.

7. Использованный до конца нуклеус кони-

²⁹ Boule M., Breuil H., Licent E., Teilhard de Chardin P. Le Paleolithique de la Chine.

³⁰ Цзя Лянь-по. Стоянка каменного века, обнаруженная вблизи Фэнцзяо уезда Цзююнь провинции Чахар. — «Кэсюэ тунбао», 1951, т. 2, № 5 (на кит. яз.).

ческого типа. От него сохранилось только приостренное ребро, а с плоскости скалывания уже невозможно было снимать ножевидные пластины.

Цзя Лань-по, давая общую характеристику коллекции, обратил внимание на примитивизм техники обработки камня. Несовершенство ее в особенности станет очевидным, если учесть сравнительно высокое качество сырья. Во всяком случае, по его мнению, выемчатый скребок из Верхнего грота не сравним по мастерству и изяществу оформления с любым из скребковидных инструментов, найденных в Фэнцзяю. В палеолите Чахара прослеживается больше точек соприкосновения с культурой, представленной памятниками Ордоса.

Первые на территории севера Внутренней Монголии открытия остатков культуры, по-видимому предшествующей, судя по отдельным находкам, эпохе неолита, связаны с именем любителя археолога В. Я. Толмачева, который в 1927 г. в районе одного из угольных разрезов, в 2 км от ст. Далайнор в отложениях террасовых формаций отметил слои с культурными остатками. По мнению П. Тейяр де Шардена, посетившего позже район Далайнора, в том месте прослеживаются две серии песчаных террас, расположенных выше угленосных голубых глин третичного времени. Для пластов, слагающих одну серию террас, оказались характерными многочисленные остатки слегка карбонизированного дерева, раковины *Anadonta*, а также кости мамонтов и бизонов. Эти высокие, расположенные на севере террасовые уровни с остатками таких плейстоценовых животных, как *Elephas namadicus* и *Rhinoceros tichorhinus*, П. Тейяр де Шарден датировал более ранним временем. В отложениях низких и молодых по времени южных террас раковины выглядят свежими, и с ними не найдены кости ни мамонтов, ни бизонов. Стратиграфия верхних террас характеризуется следующими напластованиями, которые достигают 16 м толщины (рис. 18): 1 — песчаные «черные земли»; 2 — косослоистые пески с остатками растений; 3 — местами foliated глинистые пески и гравий с крупными раковинами *Anadonta* с сильно выветрившимися поверхностями; 4 — гравий; 5 — пески с ископаемыми остатками; 6 — базальный гравий. Археологические, а также флоро-фаунистические остатки, в том числе кости быков, бизонов, шерстистых носорогов, мамонтов и многих других животных, встречались от 3-го до 6-го слоя включительно. В. Я. Толмачев отмечал, что помимо известных из южной части угольного разреза Далайнора роговой втулки для каменного топора (рис. 19, 3), рога *Cervus elaphus* со следами круговой нарезки (рис. 19, 5) и наковальни, изготовленной из риолитовой гальки (рис. 19, 2), он находил отдельные каменные орудия на «террасовой стоянке». Но он не дал ни конкретного описания изделий, ни указаний отно-

16*

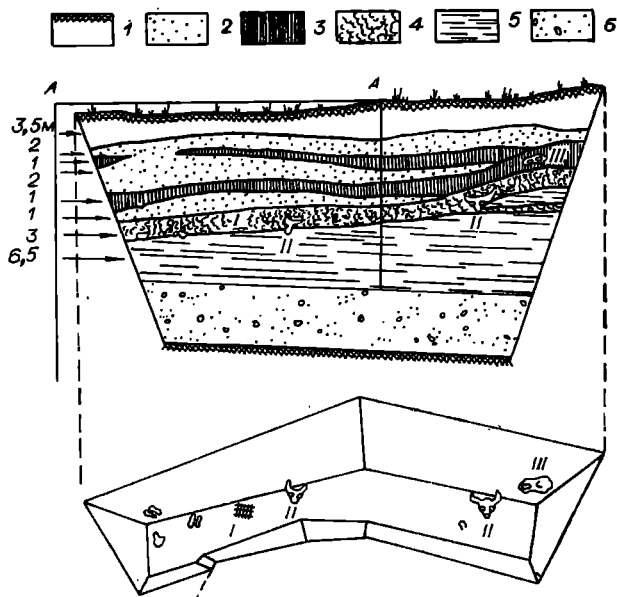

Рис. 18. Стратиграфия района «Находка» около Далайнора (по В. Я. Толмачеву)

1 — песчаные «черные земли»; 2 — косослоистые пески с остатками растений; 3 — местами foliated глинистые пески и гравий с крупными раковинами *Anadonta* с сильно выветрившимися поверхностями; 4 — гравий; 5 — пески с ископаемыми остатками; 6 — базальный гравий.
I — плетенка; II — череп быка; III — череп носорога.

сительно горизонтов, в которых они залегали. Поэтому среди наиболее интересных находок, связанных с деятельностью человека, следует прежде всего упомянуть загадочную «плетенку», обнаруженную лежащей горизонтально в пункте «Находка» Далайнорских угольных копей на глубине 13,5 м. В том же слое основания древних северных террас, как выяснилось, находились черепа быков, а также тазовые кости и позвонки крупных животных. Рабочие извлекли сделанную из более тонких, чем карандаш, ивовых прутьев «плетенку», которая служила, по предположению А. С. Лукашкина, в качестве загородки в реке (очевидно, для рыбной ловли). Прутья ее плотно переплетались друг с другом и в месте соединения скреплялись дополнительно. Плетенка достигала довольно значительных размеров (2×0,5 м), но вследствие того, что прутья ивы сохранились очень плохо, при извлечении из слоя она полностью разрушилась. Древний, по-видимому, палеолитический возраст находки подтверждали, кажется, фаунистические остатки, обнаруженные в одном с ней слое. К тому же следует учесть, что над плетенкой в чуть выше расположенном горизонте рабочие нашли череп и берцовые кости носорога, что укрепляло уверенность в правильности такого заключения. Согласно данным А. С. Лукашкина, среди фаунистических остатков района Далайнора, найденных в 1923, 1927, а затем в 1934 г., чаще других встречались кости следующих животных: *Elaphus namadicus*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Bos primigenius*, *Bos priscus*, *Antilope sp.*, *Ovis sp.*

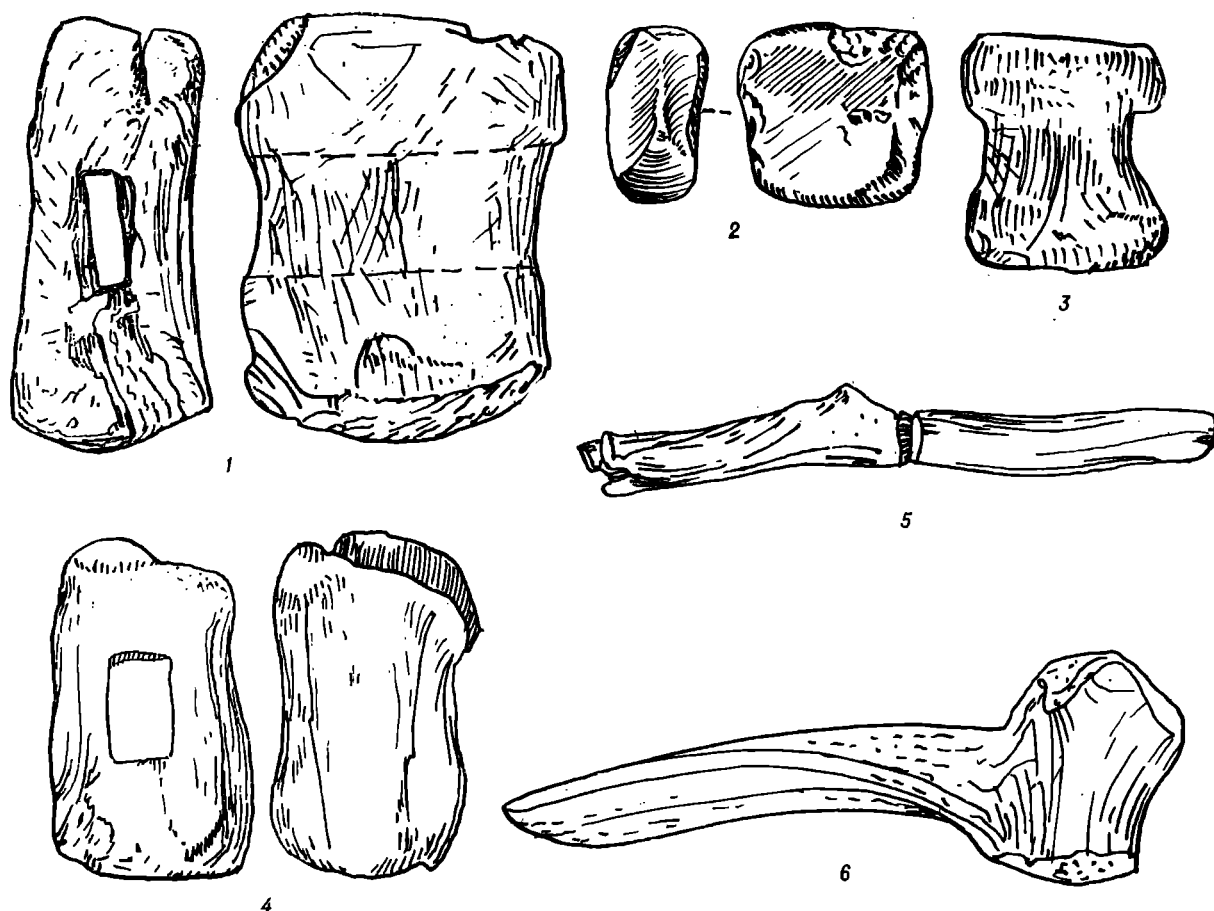

Рис. 19. Каменное (2) и роговые изделия из окрестностей Далайнора (2, 3, 5, 6) и Улан-Хатака, Жэхэ (1, 4).

В районе Далайнора П. А. Павлов в 1927 г. обнаружил, кроме того, упомянутые выше муфту для рубящего орудия, вырезанную из основания рога оленя, обломок рога оленя со следами обработки (рис. 19, 6) и каменную плитку со следами забитости на поверхности. Два первых изделия найдены в слое глины на глубине 8 м от поверхности в обрыве берега рч. Мутная Протока. Интересно, что кости мамонта, бизона и носорога найденные в Далайноре, покрывала такая же, как на муфте и роге, темная патина. Степень их сохранности тоже оказалась одинаковой. Точное стратиграфическое положение находок и их отношение к фаунистическим остаткам остались, однако, не ясными. На той же значительной глубине рабочие Далайнорских копей обнаружили однажды большой кусок дерева ($1 \times 0,7 \times 0,4$ м), грубой затеской превращенный в доску. К сожалению, администрация рудника не приняла мер к охране уникального изделия, и его затеряли, а ранее сфотографировать обработанное дерево никто не догадался. К палеолитическому времени относится, по мнению А. С. Лукашкина, также часть коллекций, в особенности грубо оббитые гальки и архаические отщепы, собранные на песчаных выдувах около Хайлара. Там же поднят позвонок носорога с отчетливыми следами скобления острым орудием.

рога с отчетливыми следами скобления острым орудием.

В том же 1927 г. распространилось первое известие о палеоантропологическом открытии — Пантелеев поднял со дна р. Уршун в районе впадения ее в Далайнор (восточное побережье его) череп пожилого человека с довольно сильно развитыми надглазными валиками. А. С. Лукашкин, который осматривал эту находку в Харбинском музее, пришел к заключению, что она, возможно, датируется эпохой позднего палеолита. В последующие несколько лет костяные и роговые изделия, по мнению С. Мицзуно, палеолитического времени, удалось обнаружить в Хайларе, около ст. Интедантская. Значительный интерес вызвали также краткие сообщения японских археологов об открытии в районе Далайнора еще двух человеческих черепов — женский удалось найти в 1934 г., а старый несколько позже³¹. Они залегали в песчанодюнных от-

³¹ Акибаре Э. Залегание человеческих костей в Далайноре. Протоколы Первого объединенного съезда Токийского антропологического общества и Японского этнографического общества. Токио, 1936 (на япон. яз.); Эндо Т. Заметки о втором черепе из Далайнора. — «Вести. Гос. центрального музея Маньчжоуго», 1944, № 22 (на япон. яз.).

ложениях, близких по особенностям горизонтам с фауной пункта «Находка», но точная характеристика слоев, как и глубина залегания палеоантропологических остатков, остается неизвестным, и поэтому датировка их палеолитическим временем весьма проблематична. Тем не менее следует отметить, что коричневатые по цвету кости черепов частично фоссилизированы. Один из черепов брахицефального типа обычен по размерам и не отличается в чем-либо существенном от черепов современной монголоидной расы. У второго, большого размера черепа, найденного японцами около Далайнора, прослеживались отчетливые следы искусственной деформации. Японцы и в последующее время продолжали интересоваться Далайнором, откуда время от времени поступали известия об открытии в «разрезах» культурных остатков, возможно связанных с деятельностью достаточно древнего человека³². Т. Эндо раскопал, в частности, песчаные дюны вблизи Далайнора и сопоставил их отложения с террасовыми горизонтами, выделенными П. Тейяр де Шарденом. Самые последние известия об исследованиях в районе Далайнора относятся к 1951 г., когда специальная экспедиция под руководством Пэй Вань-чжуна посетила помимо Гусянтуня также северные районы Внутренней Монголии. Однако никаких конкретных сведений о результатах осмотра мест, где ранее проводились исследования, в публикациях найти не удалось. Известно лишь, что сотрудники Центрального института антропологии в результате недавних работ подтвердили сделанные ранее другими заключения о необходимости, исходя из особенностей традиций, сопоставления культуры нижних горизонтов северных террас Далайнора с памятниками каменного века гобийского ареала.

Вместе с тем нельзя не заметить расплывчатость и неопределенность сравнений такого рода, если учесть, сколь велики сомнения, которые высказываются в связи с характером археологических находок в Далайноре и точности их геолого-палеонтологической датировки. Что касается последней, в особенности важной проблемы, то вряд ли дело двинулось далее сделанных в 30—40-х годах П. Тейяр де Шарденом выводов. По его мнению, нижние или «древние черные земли», которые в особенности широко распространены на юге Маньчжурии, а также на территории Внутренней Монголии, в частности в районе Хайлара и Далайнора, в юго-восточном углу Ордоса перекрывают плейстоценовые пески, и поэтому их следует датировать самой поздней порой четвертичной эпохи или начальной стадией голоцена. Такая неопределенность геологической датировки, усиленная к тому же признаками сложных солифлюкционных про-

цессов, которые предполагают стратиграфические нарушения и, естественно, смещения культурных остатков, вызывают настороженное отношение к находкам из Далайнора, когда речь заходит о их палеолитическом возрасте. Так, Пэй Вань-чжун неоднократно указывал на возможность стратиграфических нарушений, вследствие чего могло произойти смешение плейстоценовой фауны с поздними, большей частью неолитическими изделиями. Он, кроме того, иначе оценивал искусственный характер круговой нарезки на роге, считая, что она представляет собой следы действия зубов бобра, неолитическим временем датировал терочник-наковальню из риолитовой гальки, а отверстия для роговой втулки топора, по его мнению, сделали, судя по специфическим особенностям нарезок, металлическим орудием! П. Тейяр де Шарден высказал предположение, что каменное изделие и поделки из рога попали в отложения древней террасы из более молодых, голоценовых по времени отложений, и поэтому нашел возможным считать их современными каменным изделиям «дюнных жителей» Шабарак-усу, открытых Н. К. Нельсоном в Монголии. «Поразительно развитый» характер орудий из камня и рога не противоречит таким выводам. Однако, с другой стороны, открытие в пластах «черных земель» плейстоценовой фауны отнюдь не свидетельствует о «переживании» на севере Внутренней Монголии, так же как и на юге Маньчжурии, представителей животного мира ледниковой эпохи, которые будто бы нашли в период голоцена последнее для себя пристанище в более суровых по климатическим условиям, чем лессовое плато, районах Центральной Азии и Дальнего Востока. Для такой концепции нет серьезных оснований и, следовательно, нет причин сомневаться в раннем, во всяком случае до стадии неолита и мезолита, возрасте отдельных комплексов каменных изделий, обнаруженных на стоянках пустынно-степной зоны Маньчжурии и Внутренней Монголии. Палеолитический человек здесь охотился как раз на большую часть представителей тех животных, костные остатки которых удалось обнаружить при исследованиях Гусянтуня, Хуаншаня, Далайнора и других менее известных местонахождений древней, плейстоценовой по характеру фауны.

Правда, до последнего времени из-за малочисленности находок выразительных орудий, а также ошибочности представлений о времени существования некоторых из них, например нуклеусов-скребков, никто не мог с уверенностью судить об особенностях каменной индустрии верхнего палеолита района, ооконтуривающего с севера лессовые провинции Северного Китая. Вот почему такой громадный интерес вызывают результаты недавних специальных поисков палеолитических местонахождений на территории Внутренней Монголии, которые велись в течение трех месяцев, с сентября по октябрь

³² Акиборе Э. Новые находки, обнаруженные в Северной Маньчжурии, в Далайноре. — «Дзинруйгаку», 1939, т. 54, № 3 (на япон. яз.).

1958 г.³³ Они заслуживают самого скрупулезного анализа. Разведочные маршруты сотрудников Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии АН КНР при участии и содействии работников Музея Внутренней Монголии и Отдела культуры уезда Циншуйхэ охватили берега Хуанхэ на северо-западе провинции Шаньси, а также центральный и южный районы Внутренней Монголии³⁴. Наиболее интенсивные и плодотворные по результатам исследования концентрировались главным образом в пределах уездов Токэто, Циншуйхэ и Чжунгээрцина территории Внутренней Монголии и уезда Пянькуань провинции Шаньси. Здесь археологам удалось открыть 31 пункт, где встречались обработанные камни палеолитического облика. Геоморфологические наблюдения также подтверждали ранний возраст находок, определенно предшествующих, во всяком случае, времени эпохи неолита. Коллекции каменных изделий из района, где прежде следы палеолита не отмечались, вызвали среди археологов настолько большой интерес, что в августе — сентябре 1959 г. изучение северо-восточного участка излучины Хуанхэ было энергично продолжено³⁵.

Перед археологами и геологами стояла задача провести дополнительное обследование открытых местонахождений с целью уточнения их возраста, более разностороннего определения характера верхнепалеолитической культуры, а также в надежде на удачу в поисках новых стоянок. Исследования, которые, как и в предшествующий год, велись при содействии отделов культуры Внутренней Монголии и уезда Циншуйхэ, а также при консультации, на этапе обработки материалов, Пэй Вань-чжуна, оказались чрезвычайно плодотворными: среди сотни поселений каменного века 68 пунктов датировались палеолитическим временем, причем, как удалось установить, в 10 из них обработанные камни залежали в совершенно определенном горизонте — слое галечника, в 41 находки располагались на верхних площадках возвышенностей, а в 17 палеолитические по особенностям каменные изделия собраны на территории стоянок с микролитическим инвентарем. Следует при этом отметить, что основной материал полевых работ 1959 г. охватывал во Внутренней

Монголии территорию уездов Циншуйхэ и Чжунгээрци, расположенных по берегам Хуанхэ. Позже специальное обследование стоянок района Циншуйхэ предпринял Пэй Вань-чжун. Его в особенности волновала проблема точной геологической датировки палеолита Внутренней Монголии. Однако со времени работ Чжан Шэньшуйа эрозия в тех местах проходила настолько интенсивно, что Пэй Вань-чжуну не удалось зафиксировать что-либо новое³⁶. Тем не менее связь их с лессово-песчанистыми отложениями эпохи верхнего плейстоцена не вызывала у него сомнений. В 1960 г. в распоряжение археологов поступила новая коллекция палеолитических по облику изделий, собранных еще в одном районе Внутренней Монголии — на территории пустыни Алашань. Здесь сотрудники Геологического института АН КНР, которые работали под руководством проф. Чжао Чжун-пу, собрали коллекцию орудий, изготовленных из черного кварцита³⁷. Оббитые камни располагались восточнее горы Алаглинтай, в 4 км к юго-востоку от местечка Дондутабука, на поверхности первой террасы Айликтэбука. В связи с трудностями точного определения возраста этих находок следует обратить внимание как на характерную архаическую по особенностям выдержанности кварцитовых изделий, среди которых отсутствовали образцы орудий неолитического времени, так и на то обстоятельство, что явно более поздние инструменты, изготовленные в основном из жильного кварца, располагались ниже по уровню — на поверхности второй и третьей террас Айликтэбука.

Особо важное значение при решении вопроса датировки приобретает каждое из наблюдений, касающихся условий местонахождений обработанных камней палеолитического облика. Что касается Внутренней Монголии, района северо-восточного угла излучины Хуанхэ и северо-западных участков Шаньси, то здесь существо геолого-геоморфологических наблюдений сводится к следующему. С географической точки зрения ареал распространения палеолитических местонахождений подразделяется на две области. К северу от Ламавань, где Хуанхэ достигает ширины 2 км, берега реки вертикально поднимаются над уровнем воды на высоту 10—20 м. Их основную часть составляют третичные коренные породы, а чуть далее, за крутым обрывом, располагается ровная склоновая поверхность террасы, которая сложена 3-метровой толщей песчанистого лесса, перекрытого большим числом небольших песчаных холмиков — дюн. Не-

³³ Чжан Шэнь-шуй. Новые открытия палеолитических каменных орудий в центрально-южном районе Внутренней Монголии и в северо-западном районе провинции Шаньси. — РР, 1959, в. 1, № 1 (на кит. яз.).

³⁴ В свете новых открытий во Внутренней Монголии особого внимания заслуживают также сборы 1929 г. П. Тейяр де Шардена и Ян Чжун-цзяня на западе Шаньси и севере Шаньси. См.: *Teilhard de Chardin P., Young C. C. Preliminary Observations on Preloessic and Post-pontian Formations in West Shansi and North Shensi.*

³⁵ Чжан Шэнь-шуй. Новые данные по палеолиту центрально-южного района Внутренней Монголии. — РР, 1960, в. 2, № 2 (на кит. яз.).

³⁶ *Pei W. C. Professor Henri Breuil, Pioneer of Chinese Palaeolithic Archaeology and its Progress after him.* — In: *En homenaje al abate Henri Breuil*, v. 2. Barcelona, 1965.

³⁷ Дай Эр-цзянь, Гай Пэй, Хуан Вэй-вань. Оббитые каменные орудия из пустыни Алашань. — ВР, 1964, в. 8, № 4 (на кит. яз.).

вдалеке от реки в тех местах археологи обнаружили большое количество неолитических стоянок с типичными для монгольской культурной зоны так называемыми «микролитическими» изделиями, а также обломки крашеной керамики. Палеолитические орудия встречались в этом районе крайне редко. К югу же от Ламавань, где Хуанхэ суживается, прибрежные обрывы поднимаются на высоту до 50 м. В особенности четкая и последовательная стратиграфия наблюдалась в обнажениях на западном берегу реки. Здесь коренные породы перекрывались 2—3-метровым горизонтом красной глины, расчлененной прослойкой известковистых журавчиков, толщиной до 60 см. Над красной глиной залегал слой древнего, по-видимому, красноватого лесса мощностью около 10 м, в котором прослежена незначительная прослойка известковистых журавчиков. Разрез завершал пласт более молодого (маланского?) лесса толщиной до 15 м. На поверхности его располагались небольшие песчаные дюны, — результат выветривания поздних отложений.

В районе к югу от Ламавань, на участке Ламавань — Сюшавань, геологи зафиксировали 4 террасовых уровня. Первая из террас, вероятно пойменная, располагалась в пределах русла реки и возвышалась над уровнем ее всего на 1—2 м. Высота первой надпойменной террасы достигала 50—60 м, и на отдельных ее участках при обследовании удалось обнаружить неолитические стоянки с таким же, как на поселениях к северу от Ламавань, инвентарем. Вдали от Хуанхэ поднимался уступ второй надпойменной террасы, которая возвышалась над уровнем реки на 70—120 м, а далее следовала третья. Наибольший интерес представляли первая и вторая надпойменные террасы, поскольку именно в местах соприкосновения их как раз и встречаются обработанные камни палеолитического облика. Авторы публикаций считают, что каменные изделия залегали первоначально в отложениях второй террасы и появились на поверхности в результате размывания и разветвления их. Следовательно, палеолитическая культура датируется временем образования второй террасы. К тому же периоду относится, очевидно, стоянка Шаньйюшувань (уезд Чжунгэр), расположенная между Шаньйюшувань и Цяньфан. Большое количество каменных орудий, в том числе характерные острокопечники, скребла и проколки, обнаружены здесь при обследовании участка, протянувшегося на расстояние 2 км вдоль пологого западного берега р. Хуанхэ. Два недавно образовавшихся оврага позволили установить стратиграфию района стоянки, где, очевидно, проходило древнее русло реки: в обрыве преобладали песчанистые отложения и прослойки галек разных размеров, а коренные породы отсутствовали (они зафиксированы в стенках обрыва крутых берегов к югу от Шаньйюшувань и на север от Цяньфана). К палеолитическому

времени относится, однако, также стоянка Люцин (уезд Циншуйхэ), открытая в пределах уровня первой надпойменной террасы, где неолитические культурные остатки отсутствовали.

Несмотря на подъемный характер большинства архаических находок, три, по крайней мере, зоны распространения их позволяют с достаточной степенью определенности установить горизонты, в которых первоначально залегали обработанные камни, и, следовательно, составить представление о времени формирования культурного слоя в рамках подразделений плейстоцена. К первой по значению зоне относится район Дунхутай, расположенный в пределах Чжунгэра. Он особо интересен тем, что в этой возвышенной пустынной местности, почти полностью лишенной растительного покрова и сильно размытой водой, всюду прослеживаются обнажения красных и красноцветных глинисто-лессовых пластов с прослойками известковых журавчиков. Такие красноцветные глины датируются на севере Китая достаточно ранним временем, поскольку с изучением их на востоке Азии связаны замечательные открытия нижнего и среднепалеолитических местонахождений. Однако Чжан Шань-шуй, по-видимому, провел достаточно тщательные наблюдения, чтобы уклониться от соблазнительной возможности объявить каменные изделия района Дунхутай одновременными эпохе отложения здесь красноцветных плейстоценовых толщ. В классических по строгости стратиграфических разрезах они обычно перекрываются маланским лессом, слой которого отсутствуют в первой зоне просто потому, что они оказались начисто уничтоженными эрозией. Но именно поэтому и найдены на поверхности каменные изделия в Дунхутане. Итак, первоначально они, по всей видимости, находились на одном из уровней желтого маланского лесса. Во второй, такой же пустынной, с редкой растительностью зоне, в пределах которой находятся пункты Токэто, Ламавань и Люцин, преобладают рыхлые песчанистые отложения, на поверхности которых рассеяны крупный песок, мелкие гальки и песчанистые стяжения — журавчики. Ниже слоя рыхлого песка залегает горизонт плотно сцементированного песка, перемешанного с большим количеством галек, а глубже начинаются пласты красноцветных песчаников третичной эпохи. Каменные орудия, собранные в пределах второй зоны, первоначально залегали, очевидно, в слое плотно сцементированного песка с галькой и появились на поверхности в ходе эрозии его. Такого рода песчанистые отложения представляли собой, как показали исследования П. Тейяра де Шардена в пределах Ордоса, стратиграфический аналог маланского лесса, и поэтому позднплейстоценовый возраст обработанных камней в Токэто, Ламавань и Люцине, кажется, не вызывает особых сомнений. Из подобных же

плотно сцементированных песков происходили, очевидно, также палеолитические по характеру изделия, обнаруженные на территории третьей зоны — на берегах р. Чжуньгэарцхэ. Район этот, как и предшествующие два, тоже пустынный, со скудным растительным покровом. В пределах его широко распространены стабильные песчаные дюны, у подножия которых, однако, располагались мелкие, передвигающиеся с помощью ветра песчаные холмики. Те и другие перекрывали слой плотного песка, откуда при разрушении его ветром и временными водными потоками появились на поверхности обработанные камни. Их ранний, во всяком случае, донеолитический, возраст не вызывал сомнений.

Вместе с тем часть коллекций происходит также из точно установленного горизонта: на правом берегу Хуанхэ в трех пунктах — Тоушувань, правый берег Шанчэнвань и Янчан, которые располагаются в пределах 1—2 км на довольно ровной площадке второй террасы, каменные орудия залегают в сравнительно плотном галечном слое, перекрытом довольно мощным пластом песчанистого лесса. Неоднородный по составу слой галек достигал толщины 0,5—2 м. Его образовывали главным образом булыжники кварцита размером 6—8 см, а также обломки кварца и песчаника. Обработанные камни залегают в галечном слое на очень значительной глубине. Поэтому в тех местах, где песчаник на террасе оказывался на поверхности, изделия можно было собирать при внешнем осмотре россыпей галек. Небольшую часть коллекции из галечного горизонта составили именно такого рода находки. Что касается датировки галечника, то, несмотря на значительную в отдельных местах толщину лесса, который перекрывает слой галек, он, по мнению геологов, сформировался значительно позднее в рамках времени финального плейстоцена. Ввиду особой важности изделий, залегающих в стратиграфически определенном слое, они заслуживают описания в первую очередь.

В коллекции выделяются прежде всего изделия из галек, среди которых преобладают нуклеусы и рубящие инструменты. Из восьми нуклеусов большая часть, согласно предельно краткому описанию их в публикации Чжан Шань-шуэя, представляет собой «оббитые гальки неправильной формы». Этим, по существу, ограничивается типологическая характеристика нуклеусов из галечного горизонта, а если учесть, что к статье приложен всего один рисунок, то составить ясное представление о них затруднительно. Опубликованный нуклеус обнаружен на стоянке Чжуншань в Чжунцишане. Он изготовлен из подпрямоугольной кварцитовой гальки, одна из поверхностей которой сплошь покрыта короткими, но широкими фасетками сколов. Ударная площадка у него одна. Нуклеус, судя по рисунку, можно отнести по типу к одноплощадочным леваллуазским (рис. 20, 5). Не ис-

ключено, что среди части так называемых рубящих орудий из кварцитовых галек можно, при более тщательном изучении коллекции, выделить также галечные пуклеусы. Однако отсутствие рисунков в публикации оставляет такую возможность открытой. Рубящие орудия изготовлялись из крупных галек. Один конец их, который зажимался при работе в руке, оставался необработанным, а другой подтесывался с одной или двух сторон. В результате появились инструменты типа чопперов и чоппингов с волнисто-зубчатым или ровным рабочим краем. В рубящие орудия с помощью такого же рода обработки превращались крупные и массивные сколы с галек.

Большую часть находок из галечного, а также, в отдельных случаях, например в Тошувань, из лессового горизонта составляют отщепы, сколотые как с нуклеусов, так и при оформлении лезвий чопперов и чоппингов. Анализ коллекции отщепов показывает, что в качестве сырья использовались главным образом кварцит, кварц и кремнь. Перед скалыванием их с желвака в одних случаях производилась подтеска ударной площадки, и тогда на крае отщепов около ударного бугорка можно заметить фасетированные участки, а в других в качестве ударной площадки использовалась необработанная плоскость гальки. Угол плоскости раскалывания отщепа и ударной площадки его составляет 100—130°. Точка нанесения удара выделяется достаточно отчетливо, но из-за плохого качества сырья ударные бугорки и радиально расходящиеся волны от удара далеко не всегда достаточно отчетливо выделяются на поверхности раскалывания. Из отщепов опубликованы только два (рис. 20, 6, 7). Один из них, наиболее выразительный — короткий, подпрямоугольный, пластинчатый по типу. Среди орудий из отщепов и массивных сколов, подавляющее большинство составляют скребла. Однако лишь немногие из них четко оформлены с помощью дополнительной обработки вдоль одного или нескольких краев. Наибольший интерес среди них вызывает комбинированный, по-видимому, инструмент, изготовленный из подпрямоугольного кварцитового скола. Примечательно, прежде всего, что обе широкие плоскости его покрыты крупными фасетками сколов, т. е. орудие представляет собой своего рода бифас. В скребловидное лезвие превращена одна из длинных прямых боковых сторон скола, подправленная параллельными друг другу фасетками ретуши. О том, что в деле использовался именно этот край, наглядно свидетельствуют отчетливые следы длительного употребления инструмента в работе в виде залощенных участков лезвия и мелких выщерблинок. Один конец орудия обломан, возможно, в ходе трудовых операций. Фасетки подправки покрывают его с двух сторон, и он мог использоваться как резак или нож (рис. 20, 9). Кроме скребел обнаружено «проколковидное острие»,

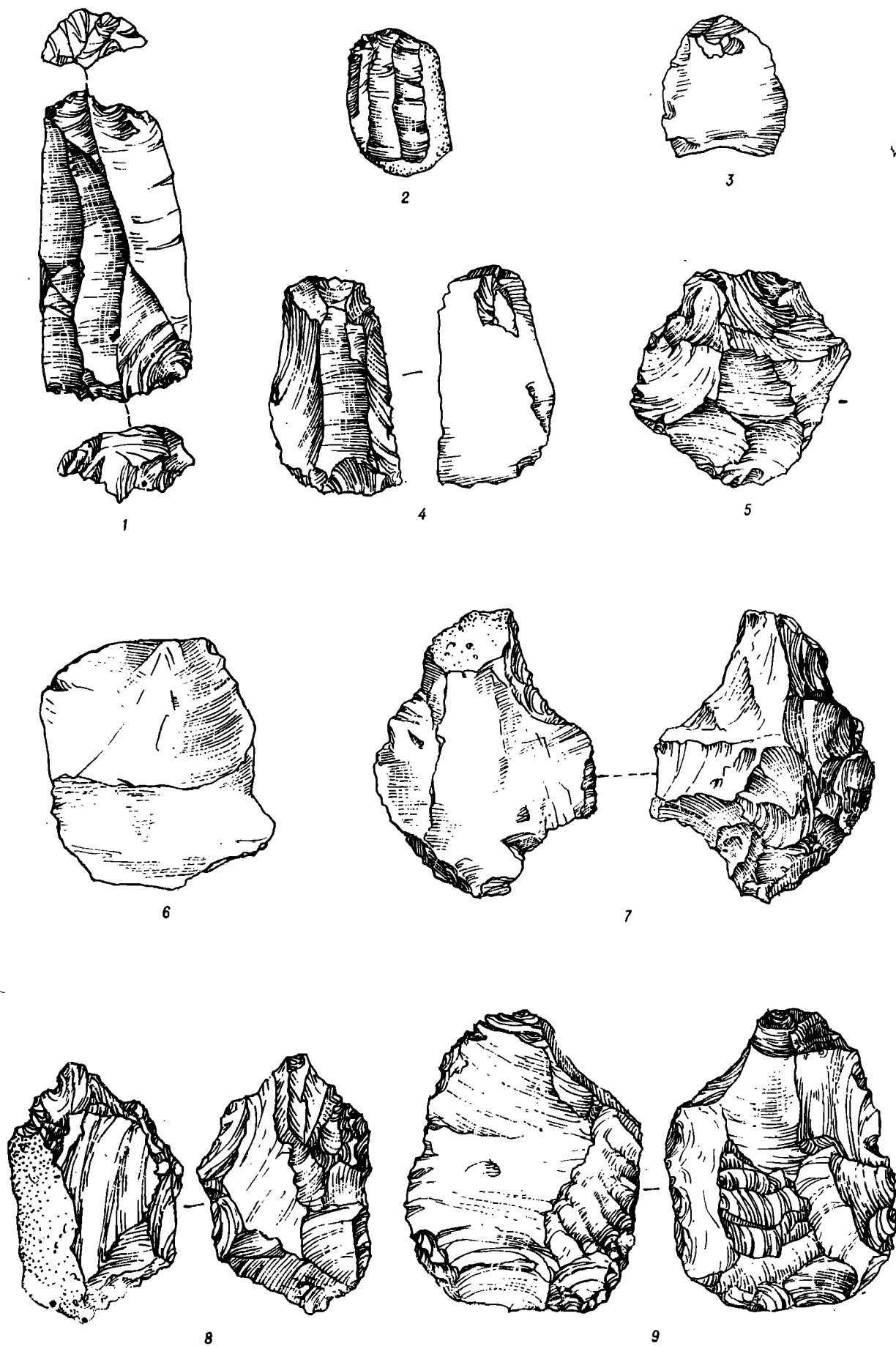

Рис. 20. Каменные изделия, обнаруженные на палеолитических стоянках Внутренней Монголии.

изготовленное из продолговатого кварцитового отщепа. Это типологически своеобразное орудие, найденное около Чжуньчжайцзы, также примечательно применением при изготовлении его метода двусторонней обработки заготовки — обе широкие плоскости ее покрыты крупными и мелкими фасетками сколов и ретуши. У орудия характерно изогнутое клювовидное острие. Острый конец инструмента четко оформлен по сторонам глубокими фасетками сколов с выступами между выемками вдоль одной из них. Обращают на себя внимание также продольные узкие и пластинчатые фасетки, следы тонкой двусторонней подтески самого клювовидного острия (рис. 20, 8). Описанным выше исчерпывается наиболее выразительный инвентарь галечного горизонта правого берега Хуанхэ.

Остальные находки связаны с горизонтами песчанистого лесса; при развешивании они оказались на поверхности. Среди собранных коллекций особого, а не суммарного описания, в надежде на возможное выделение в будущем хронологически обособленных комплексов, заслуживают изделия, обнаруженные при обследовании площадок на вершине возвышенностей. Они поднимаются над уровнем Хуанхэ приблизительно на 70 м; однако древнее или, напротив, моложе орудия, собранные на ней, по сравнению с другими сборами на террасах, сказать пока затруднительно. Во всяком случае, вследствие отсутствия среди находок так называемых «микролитов», а также шлифованных и иного типа изделий эпохи неолита, не остается сомнений в их верхнепалеолитическом возрасте. Тот же вывод подтверждается, как станет ясно, анализом типологии и техники обработки инвентаря. В качестве сырья на стоянках, приуроченных к возвышенностям, использовался кварцит, кремнь, кварц, а также зернистые сланцевые и изверженные породы. Инструменты из кварцита составляют подавляющее большинство. Нуклеусы среди находок отсутствуют, если не считать, что в качестве их, возможно, использовались те изделия, которые Чжан Шэнь-шуй описывает в категории рубящих орудий, изготовленных из галек. Однако отсутствие иллюстраций и слишком скупое описание предельно затрудняют их характеристику. Лишь отщепы в какой-то мере позволяют представить особенности желваков, с которых они скалывались, как и восстановить отдельные особенности техники обработки камня. Отщепы, собранные на вершинах холмов, отличаются небольшими размерами, значительной тонкостью и хрупкостью. Угол расщепления составляет 90—100°, ударный буторок выделяется достаточно отчетливо, но выступ в точке приложения удара, так же как радиальные волны на поверхности раскалывания, едва заметен. Спинки отщепов, как правило, сплошь покрыты фасетками предшествующих сколов и только у значительно меньшего количества образцов на них

сохраняются отдельные участки галечной поверхности.

Среди типологически выразительных орудий выделяются острокопечники, скребла и скребки. Острокопечников обнаружено всего 2. Первый из них по типу чрезвычайно примечательный, найден в местечке Люцин уезда Циншуйхэ. Он представляет собой скорее заготовку инструмента, чем законченное изделие, вследствие чего истинное назначение орудия все же не совсем ясно (рис. 21, 7). Оно изготовлено из характерного треугольного скола, значительная часть спинки которого сохраняет галечную поверхность. В особенности тщательно обработана крупными, параллельными друг другу фасетками правая сторона скола, где по краю наблюдаются также следы вторичной подправки в виде выперблин или мелкой ретуши. С левой стороны фасеток всего несколько и они не образуют сплошной линии. Такие подтреугольные по форме сколы, обработанные со спинки ретушью вдоль длинных боковых сторон действительно часто использовались на финальных стадиях верхнего палеолита Северной и Центральной Азии в качестве острокопечников. Они близки по типу мустьерским и составляют весьма примечательную и необычную для европейского верхнего палеолита часть инструментария древнекаменного века северной половины Азии. Некоторая искривленность приотстренного конца изделия тоже, кажется, подтверждает возможность использования его именно в качестве острокопечника мустьерского типа после завершения обработки. Однако, учитывая дополнительную подправку правого выпуклого края орудия, нельзя исключить использование его в качестве скребла. Второй «острокопечник», обнаруженный близ Ламавань, в том же уезде Циншуйхэ около местечка Байняо, изготовлен из трапециевидного по форме двустороннего пластинчатого скола. Острокопечник или, скорее, все же проколковидный инструмент, характерен тем, что каждая из длинных сторон его обработана мелкой, тщательной, с зубчиками ретушью не только со спинки, но и с брюшка. Две ретушированные стороны отщепа прямые, а третья слегка вогнутая и образует с одной из первых острый рабочий конец (рис. 21, 5). В заключение следует заметить, что вместе с острокопечниками найдено 19 мелких отщепов треугольной или подпрямоугольной формы. Самые крупные из них достигали в длину 2 см. Что касается острокопечников, то такого типа и вида инструменты не характерны для неолитических стоянок Внутренней Монголии и Ордоса, на которых в изобилии встречаются классические по типам «микролитические» изделия, обработанные с двух сторон.

В особенности многочисленны в коллекции скребла, которые подразделяются на несколько разновидностей. В первую включаются типологически не очень четкие скребловидные инстру-

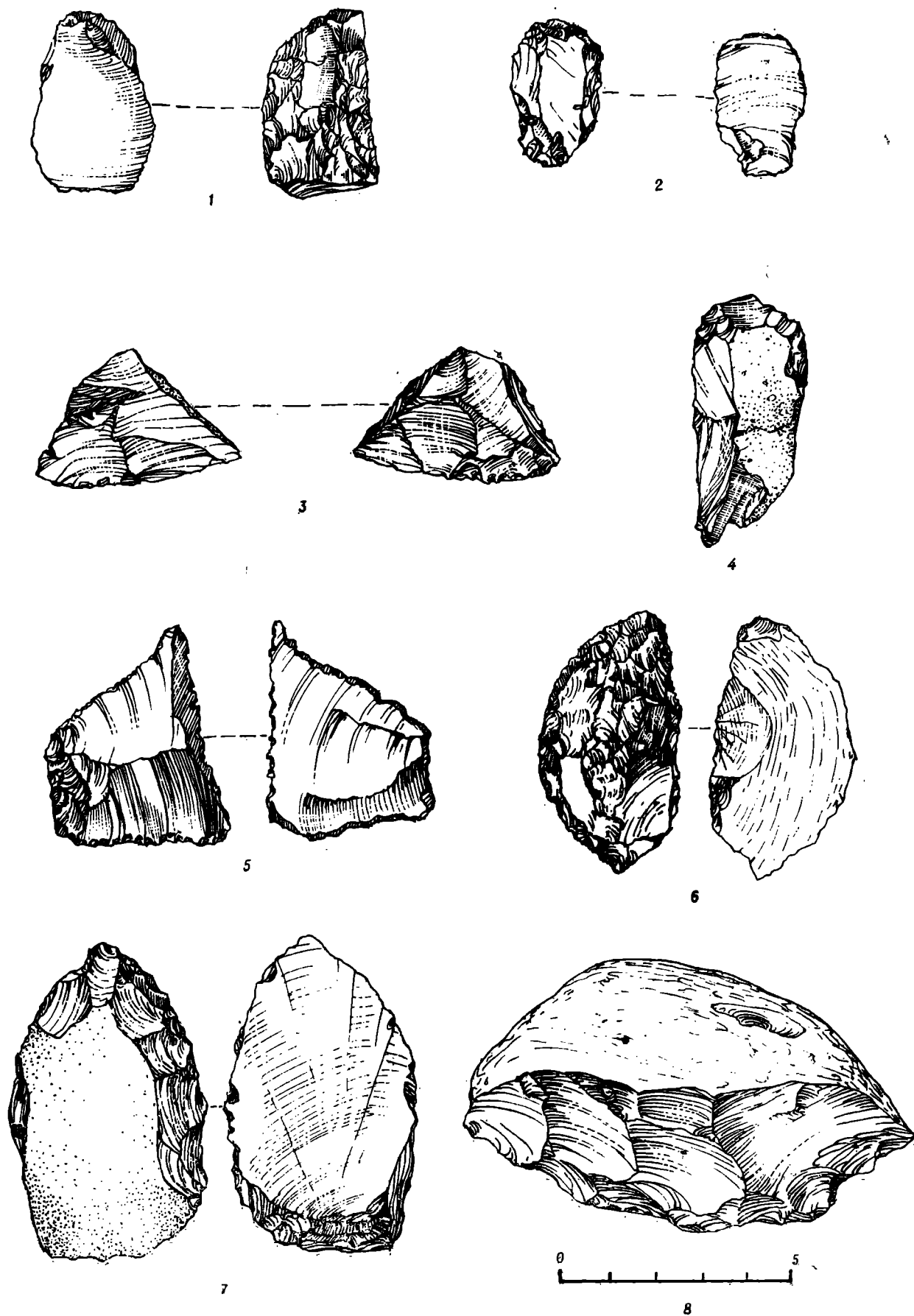

Рис. 21. Каменные изделия, обнаруженные на палеолитических стоянках Внутренней Монголии (8 — из Восточного Туркестана).

менты, изготовленные из случайных, неправильной формы сколов. В качестве рабочих лезвий использовались один или несколько краев, подправленных ретушью. Значительно более интересны скребла с выпуклым лезвием, изготовленные из подтреугольных или трапециевидных сколов с кварцитовых галек. Два из них найдены в районе Тоушувань около Бандзиншэнь (рис. 21, 3). Полукруглые рабочие края их подправлены ретушью, а поверхности несут на себе следы довольно грубой обработки. Образцом третьего вида скребел следует считать фрагмент изделия из красноватого кварцита, обнаруженного в районе Ламавань уезда Циншуйхэ. Скребло изготовлено из довольно правильной и, очевидно, сравнительно массивной пластины. Один край ее прямой, а второй, образующий по контуру плавную дугу, обработан в особенности тщательно и представляет собой рабочее лезвие. Вся поверхность спинки орудия сплошь покрыта фасетками выстругивающей ретуши, а брюшко пластины полностью лишено обработки (рис. 21, 1). В коллекцию входят также концевые скребки, изготовленные из пластин и правильных пластинчатых сколов. Один из такого типа скребков обнаружен близ Ламавань, а второй — в пределах Циншуйхэ. Для них характерны округлые, небрежно обработанные ретушью со спинки рабочие края. У одного экземпляра ретушью по краю и со спинки и продольной подтеской с брюшка в районе ударного бугорка оформлена рукоятка — конец, противоположный рабочему лезвию (рис. 21, 2). Возможно, к скребкам следует также отнести выделенные Чжан Шэнь-шэнем «круглые, небольшого размера» орудия, в большом количестве собранные на ряде стоянок. Однако отсутствие рисунков в публикации делает невозможным их точную типологическую идентификацию. В заключение следует заметить, что на поверхности большинства скребел и скребков отмечаются остатки земли, частицы которой не оставляют сомнений в вопросе о том, из какого геологического горизонта, уничтоженного эрозией, происходят они.

Значительную долю находок с вершин возвышенностей составляют грубые и массивные рубящие орудия. Часть из них, судя по описанию в самом деле, представляет собой ударные галечные инструменты типа чопперов и чоппингов или, возможно, как уже отмечалось, нуклеусы. Другие изделия, описанные в той же категории инструментов, изготавливались из массивных и широких сколов. Судя по забитости от долгого употребления рабочих краев, они действительно могли употребляться в качестве рубящих орудий, однако все же большинство их, очевидно, использовалось как скребла. Их полукруглый или округлый, обработанный грубыми сколами край предполагает наиболее рациональное использование такого рода изделий именно в качестве скребел. В целом орудия отличаются крупными размерами и округлыми

очертаниями. Изогнутые скребловидные лезвия с небольшими выступами-зубчиками (шипиками?) оформлялись иногда на нескольких краях сколов или галек. К таким инструментам относится обработанная с двух сторон галка, найденная в местности Ягоу уезда Циншуйхэ, и массивный широкий, односторонне оббитый отщеп, поднятый около Бедзилелян. Болас найден только один (около Лоцзымао, уезда Циншуйхэ). Округлая поверхность его почти сплошь покрыта сколами, и только незначительная часть сохраняет естественную корку исходного желвака. Следовательно, правильное определение назначения орудия в данном случае не вызывает сомнений.

Основную часть сборов на территории Внутренней Монголии и северо-запада Шаньси составляют изделия, обнаруженные на стоянках, которые располагаются в пределах участков перехода от второй к третьей надпойменной террасе. Именно на таких местонахождениях обнаружены наиболее типологически разнообразные и яркие по завершенной выразительности образцы индустрии поздней поры верхнего палеолита, позволяющие определить характерные черты донеолитической культуры контактной зоны лесов, пустыней и степей Центральной и Восточной Азии. Как уже отмечалось, находки здесь стратиграфически следует связывать с песчанисто-лессовыми пластами, сформировавшимися до начала голоцена. В качестве сырья для изготовления нуклеусов и орудий использовался главным образом кварцит, а также кварц, кремнь, опал, кремнистый известняк, черный тонкозернистый песчаник, а также роговиковые изверженные породы.

Нуклеусов обнаружено не очень много, но типология их определяется достаточно четко. К первой и типологически, пожалуй, наиболее архаической разновидности их относятся изготовленные из галек двуплощадные, так называемые леваллуазские нуклеусы. При публикации китайские археологи определяют их как «нуклеусы с подретушированными краями» или просто дают словесную характеристику особенностей без точного указания классификационного статуса. Однако нет никаких сомнений, что имеются в виду те нуклеусы, которые часто называют леваллуазскими. Строго говоря, термин такой по отношению к подобного рода галечным нуклеусам далек от точности, поскольку они не представляют собой истинно леваллуазской формы, как она описывается в специальных исследованиях. Их правильнее представлять архаическим вариантом двуплощадного односторонне призматического нуклеуса. Архаического потому, что нуклеусы такого типа действительно унаследовали от леваллуазского характерным образом обработанные и довольно сильно скошенные ударные площадки и, следовательно, пластины с них скалывались с частичным применением тех технических прие-

мов, которые разработали в свое время мастера леваллуа. Однако фасетки на поверхности скалывания со всей очевидностью свидетельствуют о том, что с нуклеусов снимали не истинно леваллуазские по типу пластины, ибо для того требовалась, как известно, соответствующая достаточно сложная подготовка с помощью серии сколов поверхности скалывания, а в большинстве случаев довольно правильные ножевидные пластины или пластинчатые отщепы. Следовательно, термин «нуклеус типа леваллуа» по отношению к галечным нуклеусам со скошенными площадками из Внутренней Монголии, а если рассматривать более обширные территории их распространения, то также со стоянок соответствующего времени эпохи верхнего палеолита Центральной и Северной Азии, нельзя признать удачным из-за его значительной условности. Между тем терминологическая неточность совсем не представляет лишь чисто академический интерес, поскольку она запутывает существо весьма примечательных сдвигов в технике получения заготовок для инструментов, не говоря уже о более серьезных проблемах, связанных с уяснением культурных потенций населения эпохи палеолита восточной половины Азии. Односторонние двуплощадочные подпризматические нуклеусы Внутренней Монголии, бесспорно, наследуют ряд броских леваллуазских традиций, но в то же время анализ отдельных особенностей показывает, как все же несправедливо называть именно их просто леваллуазскими. Тыльные стороны нуклеусов почти сплошь покрывают сколы, что свидетельствует о намерении оформить не только округлую, но и подтреугольную в сечении форму плоскости, противоположной поверхности скалывания. Если конфигурация естественной плоскости гальки устраивала мастера, то он мог ограничить обработку тыльной стороны лишь тщательной подтеской ударных площадок, а также одного или двух краев. В таком случае большая часть тыльной стороны нуклеуса оставалась покрытой галечной коркой (рис. 22, 7); изделие это описано в публикации как скребло с округлыми рабочими краями; возможно, оно действительно использовалось как скребло, но общий облик изделия не оставляет сомнений в том, что оно первоначально представляло собой заготовку «леваллуазского» по типу нуклеуса. Ударные площадки нуклеусов подтреугольные или овальные в сечении, тщательно подтесанные поперечными параллельными друг другу сколами, после нанесения которых на площадках остаются пластинчатые по форме фасетки. Поверхности скалывания нуклеусов подпрямоугольные или квадратные в плане, узкие или широкие, как правило, сплошь покрытые длинными фасетками снятых ножевидных пластин (см. рис. 20, 1; 22, 6). Скалывание их велось с двух концов, по-видимому, попеременно, что обеспечивало получение наиболее подходящих

заготовок. Очевидно, несовершенство техники отделения ножевидных пластин вынуждало мастеров оформлять на заготовке нуклеуса не одну, как в большинстве случаев делалось позже, а две ударные площадки. Они, как можно предположить, позволяли мастеру в случае неудач со скалыванием пластин с одной из площадок переходить на другую, что, разумеется, значительно рациональнее, чем необходимость приниматься за изготовление нового нуклеуса.

О том, насколько усовершенствовалась техника отделения ножевидных пластин на финальных стадиях палеолита Внутренней Монголии, свидетельствуют другие типологические разновидности нуклеусов. Первая из них, кстати, подтверждает мысль о необходимости осторожного подхода к употреблению термина «леваллуазский нуклеус», поскольку следующий типологический вариант представляет собой еще более ярко выраженную подпризматическую разновидность галечных нуклеусов, которая к тому же оказалась среди них наиболее многочисленной. Для изготовления нуклеусов подбирались гальки подпрямоугольной формы и на концах их оформлялись ударные площадки. Затем ударами по краю начиналось скалывание пластин. Подпризматический характер таких нуклеусов бесспорен. Они, по существу, представляют собой очередную и заключительную ступень в эволюции леваллуазских нуклеусов, когда плоскость ударной площадки образовывалась с поверхностью скалывания не острый, а прямой угол. Так для палеолитической индустрии Центральной и Восточной Азии впервые становится характерным призматический нуклеус, правда, еще, возможно, далекий от классических вариантов его. Ко второй разновидности относятся конические нуклеусы. Один из них, найденный на стоянке к югу от Янваньдунь, изготовлен из удлинненной гальки, с которой, после оформления одним пластинчатым сколом ударной площадки со всех боковых граней начали снимать ножевидные пластины. Судя по обилию фасеток, с гальки сняли большое количество ножевидных пластин и в результате она превратилась «в многосторонний конусообразный нуклеус». Коническая вариация — бесспорно очень развитая для палеолита форма нуклеуса, и именно она вместе с призматическими нуклеусами раскрывает развитый, а следовательно, и поздний по времени характер верхнего палеолита Внутренней Монголии и прилегающих к ней районов Ордоса, а также Шаньси. В заключение описания нуклеусов особенно следует остановиться еще на двух разновидностях. Один из них найден вместе с галечным подпризматическим («леваллуазским») образцом в местечке Чжунди около Тоушувань (см. рис. 20, 2). В качестве заготовки для нуклеуса использована небольшая кварцевая галечка. Один из концов ее сколот, и ударами по образовавшейся площадке начато скалывание правильных и

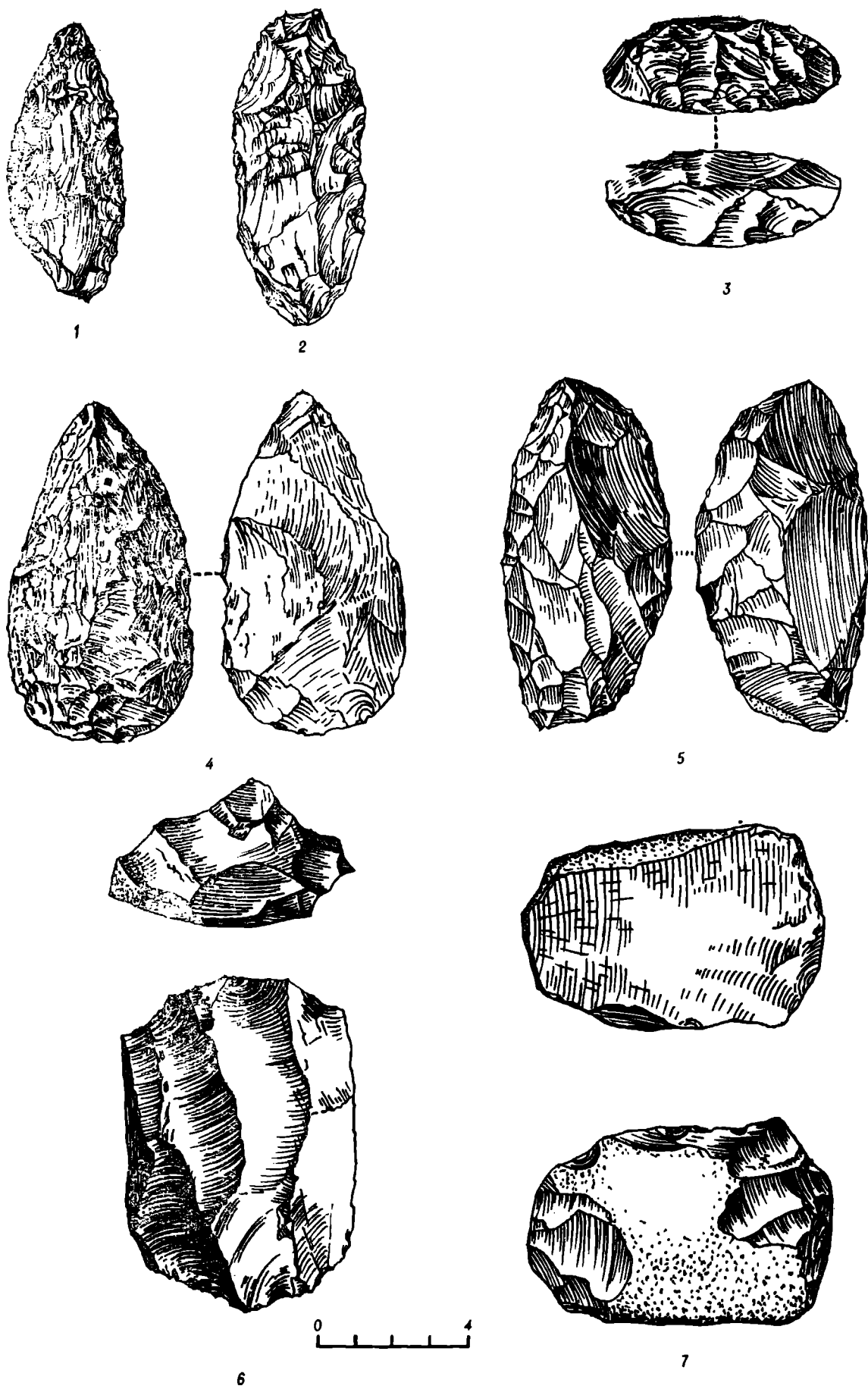

Рис. 22. Каменные изделия, обнаруженные на палеолитических стоянках, Внутренней Монголии.

достаточно миниатюрных ножевидных пластинок, которые, если бы они встретились отдельно, следовало назвать, используя терминологию китайских археологов, «микролитическими». Второй нуклеус еще более интересен. Он обнаружен на стоянке Дуншань, расположенной в пределах уезда Токэтосян и описан Чжан Шэнь-шуй как «трехгранное скребло в виде лодки». Однако рисунок и описание изделия позволяют иначе определить его назначение — «скребло в виде лодки» на самом деле представляет собой бесспорно один из вариантов нуклеусов-скребков гобийского типа (см. рис. 22, 3). У него тщательно выструганные боковые грани, а также оформленная пластинчатыми параллельными друг другу сколами ударная площадка. Чжан Шэнь-шуй отмечает в описании «следы косых ударов», расположенные на одном из концов, а также «горизонтальный» резцовый скол, аналогичный, по его мнению, «острому концу резца европейского типа». Из таких замечаний можно сделать вывод о том, что на одном из концов «лодкообразного орудия» располагалась поверхность скалывания микропластин нуклеуса-скребка гобийского типа. Подведя итоги, можно констатировать следующее: открытие на одной стоянке нуклеусов разных типов, как и само по себе наличие в индустрии миниатюрных нуклеусов и в особенности нуклеуса-скребка гобийского типа, — факты в особенности замечательные в свете поставленной в начале статьи проблемы взаимоотношений палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии.

Важные особенности техники расщепления камня и, в частности, обработки нуклеусов раскрывает коллекция ножевидных пластин и пластинчатых сколов, обнаруженных на стоянках в количестве около 40 экз. (см. рис. 20, 3, 4: эти образцы найдены в Чжунци, Тоушувань). Пластины, как замечено при осмотре территорий отдельных стоянок, встречаются обычно группами, на ограниченном пространстве, в определенных местах, что свидетельствует о расположении их в основном там же, где производилось скалывание с нуклеусов. Пластины не одинаковы по размерам — в коллекции содержатся как мелкие, так и большие экземпляры, но всех их объединяет незначительность толщины. На поверхности раскола обычно отчетливо выделяются точки приложения удара, ударные бугорки, из-за мощности нанесенного по краю площадки нуклеуса удара иногда с характерными метками (выщерблинками) и волнообразными радиальными выпуклостями. Однако на некоторых не очень, правда, многочисленных образцах пластин ударные бугорки едва заметны. Судя по особенностям участков ударных площадок нуклеусов, сохранившихся на концах пластин, большая часть из них скалывалась без дополнительной подправки ударных площадок. Тем не менее часть пластин характеризуется наличием фасетированных концов, где распола-

гается ударный бугорок. Угол, образованный плоскостью ударной площадки и поверхностью раскола брюшка пластины, составляет 90—100°. Помимо правильных прямоугольных по очертаниям ножевидных пластин в коллекции содержатся также пластинчатые сколы треугольной или трапециевидной в плане формы. Отдельные ножевидные пластины настолько совершенны и тонки, что допускается возможность скалывания их с нуклеусов с помощью костяных или роговых отжимников. К наиболее выразительным изделиям из сравнительно правильных пластин относятся 3 инструмента. Два из них, обнаруженные на стоянках Шаньйушувань и Дунхунтай уезда Чжунгээрци, в особенности примечательны (рис. 23, 1, 6). Они изготовлены из кварцита. Края пластин покрыты ретушью со спинки и с брюшка. Определяя назначение пластин, можно подумать, что они использовались в качестве остроконечников. Однако длительность использования одного из них в работе совершенно определенного типа, вследствие чего один край и пристроенный конец стали гладкими и округленными, свидетельствует о том, что пластины с ретушированными краями и обработанными концами применялись в качестве скребловидных инструментов и своего рода стамесок. Чжан Шэнь-шуй справедливо замечает, что ими длительный период времени «скоблили или полировали твердые предметы вроде веток». Третье орудие из подтреугольной массивной пластины обнаружено на стоянке Лунваноу уезда Чжунгээрци. В результате ударов отбойником на краях пластины появились глубокие выемки с расположенными между ними острыми зубчатыми выступами (см. рис. 25, 5). На пристроенном конце пластины видны следы «перпендикулярно нанесенных ударов». По мнению Чжан Шэнь-шуя, пластина использовалась в качестве скребловидного грубо обработанного инструмента. В особенности часто из кварцитовых пластин изготавливались концевые скребки. Их округлые лезвия обрабатывались со спинки ретушью (см. рис. 21, 4).

Среди разного рода категорий орудий эпохи палеолита Внутренней Монголии довольно многочисленны остроконечники. Типологически они подразделяются на несколько вариантов, причем некоторые из них отличаются особым совершенством и изяществом отделки. Такое заключение бесспорно оправдано прежде всего в отношении части остроконечников, обнаруженных на территории уезда Циншуйхэ. Самое характерное орудие первой разновидности, в которую включаются 3 изделия, представлено находкой в районе Ламавань (см. рис. 22, 4). Остроконечник изготовлен из удлиненного, почти идеально правильного, с легкой асимметрией острого конца, треугольного в плане кварцитового скола. Спинка инструмента сплошь покрыта фасетками тщательной выстругивающей ретуши, а края и плавно округленное основание к тому

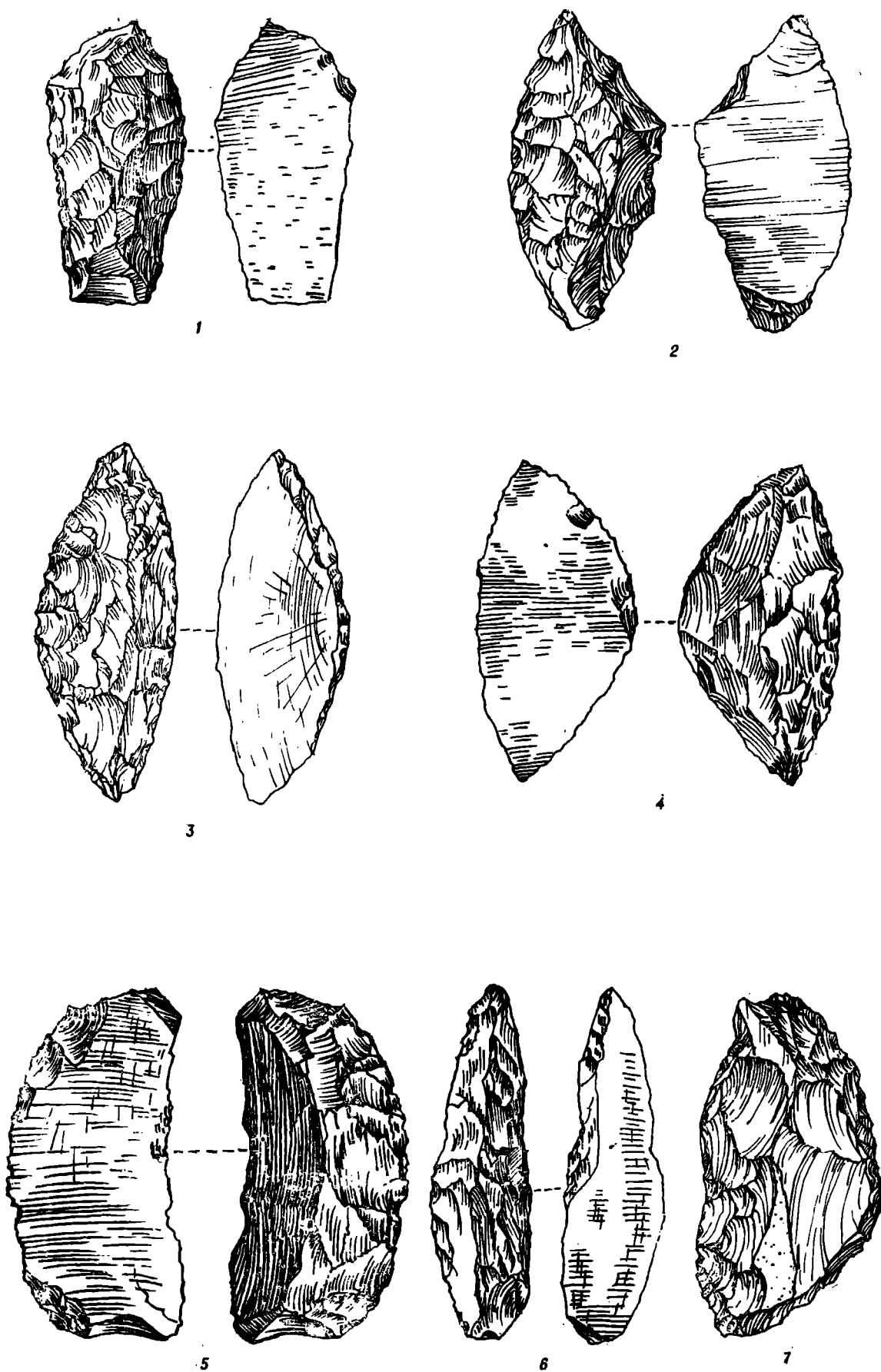

Рис. 23. Каменные изделия, обнаруженные на палеолитических стоянках Внутренней Монголии.

же дополнительно подправлены мелкой ретушью. Внимание привлекает также брюшко, представляющее собой не ровную плоскость раскалывания, а поверхность, покрытую обширными и не очень глубокими, в том числе пластинчатыми по характеру, сколами. С помощью их, судя по всему, выравнилась нижняя плоская сторона орудия. В этой связи примечательны также как обработка с брюшка округлого крутого основания остроконечника, так и подтеска острого его конца. Столь подробное описание характерных особенностей изделия приведено здесь потому, что наиболее характерный остроконечник первой разновидности вместе с тем представляет собой необычайно редкий до сих пор среди известных верхнепалеолитических орудий Восточной Азии образец двусторонне обработанного инструмента. Следовательно, он раскрывает особенности весьма примечательной для азиатского региона технической традиции. В заключение следует отметить, что наиболее массивная часть орудия — острый конец его, где со спинки довольно отчетливо проходит по середине лезвия продольное ребро. Если иметь в виду, что при использовании орудия в качестве метательного наконечника главная нагрузка при ударе приходилась на копец инструмента, то такая особенность не может быть случайной, а заранее предусматривалась мастером.

Вторая разновидность остроконечников не менее примечательна по типу. В качестве заготовок при изготовлении составляющих ее изделий использовались тонкие или, в других случаях, довольно массивные треугольные, характерным образом искривленные в приостренной части отщепы и сколы. По внешним очертаниям, а также по манере обработки отдельных экземпляров они во многом напоминают мустьерские остроконечники. Для большинства инструментов очередной группы типичны острые, своеобразно изогнутые концы, сплошная (рис. 24, 2) или занимающая значительную часть спинки как на образце из Чжуньцзи, Нифаняо (рис. 24, 3), обработка поверхности ударами, направленными от краев к центру, подтеска основания продольными сколами, иногда очень длинными пластинчатыми по форме, а также, в отдельных случаях, подправка краев вторичной ретушью. В то же время на некоторых стоянках, например, в Чжуньцзи около Тоушувань, найдены остроконечники, у которых крутой тщательной ретушью обработаны лишь края и основания, а остальная часть спинки и брюшко лишены фасеток подтески (рис. 24, 1). Остроконечники третьей разновидности характеризуются более короткими пропорциями, прямыми или слегка скошенными основаниями, которые, что в особенности примечательно, подтесывались со стороны брюшка эпизодическими, а порой, тщательно выполненными во всю ширину их сколами (рис. 25, 1—3). Спинка орудий далеко не всегда обрабатывалась сплошь. Чаще ретушь,

как и последующая подправка, наносилась лишь по краю. Один острокопечник, найденный в местности Шаньйюшувань уезда Чжунгээрци, изготовлен из подтреугольного скола с гальки (рис. 25, 4). Особенность его состоит в том, что острый, узкий, резко отделяющийся от широкого основания конец инструмента тщательно обработан по краю с брюшка, а не со спинки, как наблюдается обычно. Основание острокопечника трапецевидное по форме и не менее мастерски, чем приостренный конец, подтесано со спинки сколами, а затем подправлено по краю вторичной ретушью. Однако большая часть поверхности спинки изделия сохраняет галечную корку.

Самую, пожалуй, многочисленную группу изделий, собранных на верхнепалеолитических стоянках Внутренней Монголии, составляют скребла. Среди них, исходя из способов обработки и формы рабочих лезвий, можно выделить несколько выразительных типологических вариантов. Следует, однако, при этом иметь в виду, что в отдельных случаях не всегда удается достаточно четко определить истинное функциональное назначение инструментов, поскольку изделия, которые описываются далее в той или другой группе скребел, могли в действительности использоваться как ножи. Такая неопределенность связана, возможно, с тем, что скребла на самом деле могли в случае необходимости употребляться в деле как режущие орудия, но рассуждения по подобную тему вряд ли имеют смысл до проведения специальных трассологических исследований рабочих лезвий инструментов, которые порой исходя из формы представляются в качестве изделий для многостороннего использования. К первому типологическому варианту относятся полулунные скребла. Одно из них, изготовленное из кварцитового скола, обнаружено в местности Чжуньцзи около Нифаняо (см. рис. 21, 6). Спинка орудия сплошь покрыта крупными фасетками сколов, а прямой и полукруглый края его самым тщательным образом подправлены отжимной ретушью. Отдельные фасетки ее отмечены также вдоль прямого края со стороны брюшка. Второе скребло такого же, по существу, типа найдено в уезде Чжунгээрци на стоянке Сяйюшувань (см. рис. 23, 5). В качестве заготовки для него послужила сравнительно правильная кварцитовая пластинка, выпуклый край которой со стороны спинки покрывают фасетки сколов, оформляющих рабочее лезвие. С брюшка оно тоже подправлено, но не по центру, а по краям. Выгнутый край инструмента, противоположный лезвию, лишен следов какой-либо дополнительной обработки.

Ко второму типологическому варианту относятся 4 скребла, у которых рабочие края тоже закруглены, но менее круто, а главное, у них весьма характерны те части, что размещались при работе в ладони или пальцах мастера, а мо-

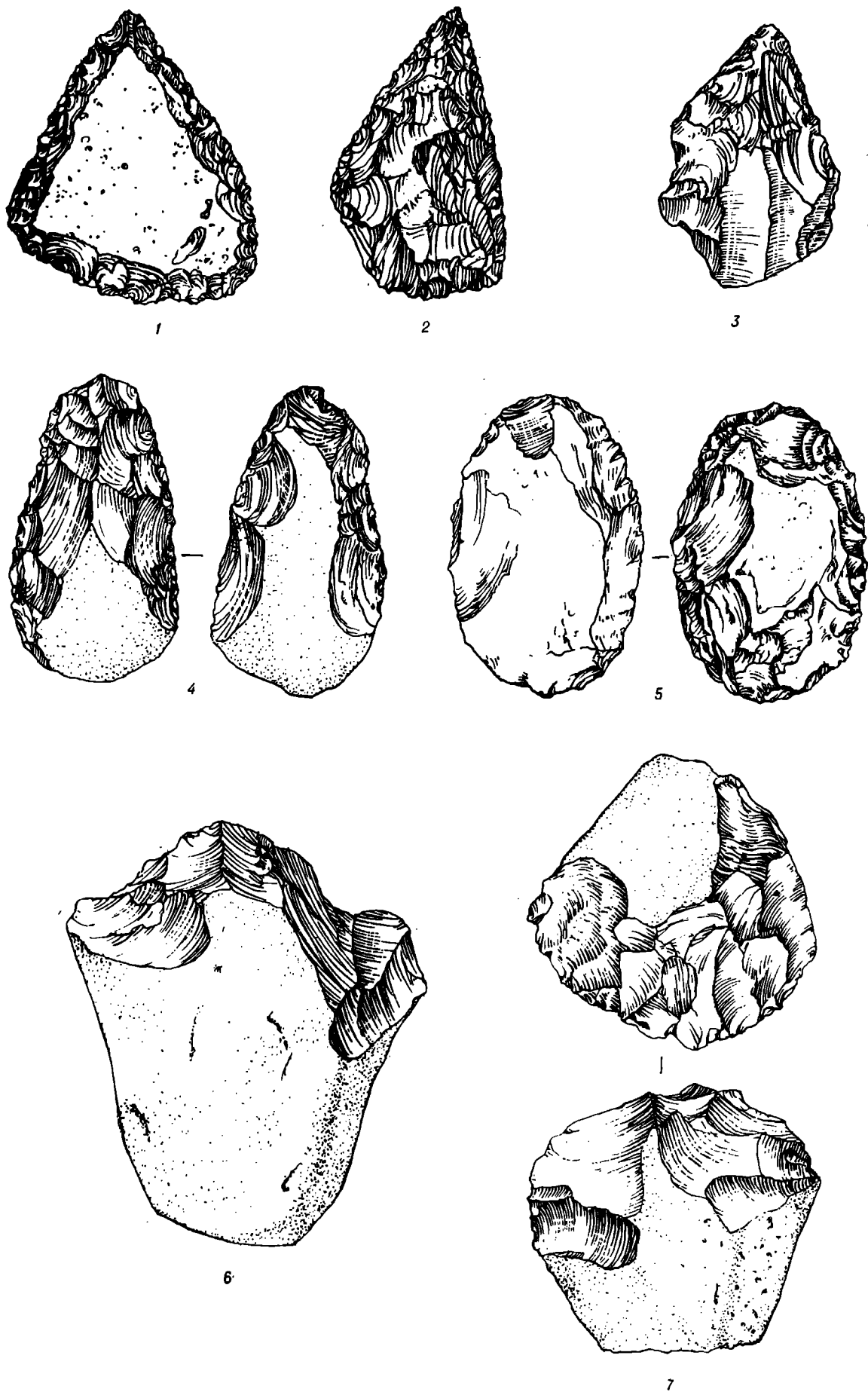

Рис. 24. Каменные изделия, обнаруженные на палеолитических стоянках Внутренней Монголии.

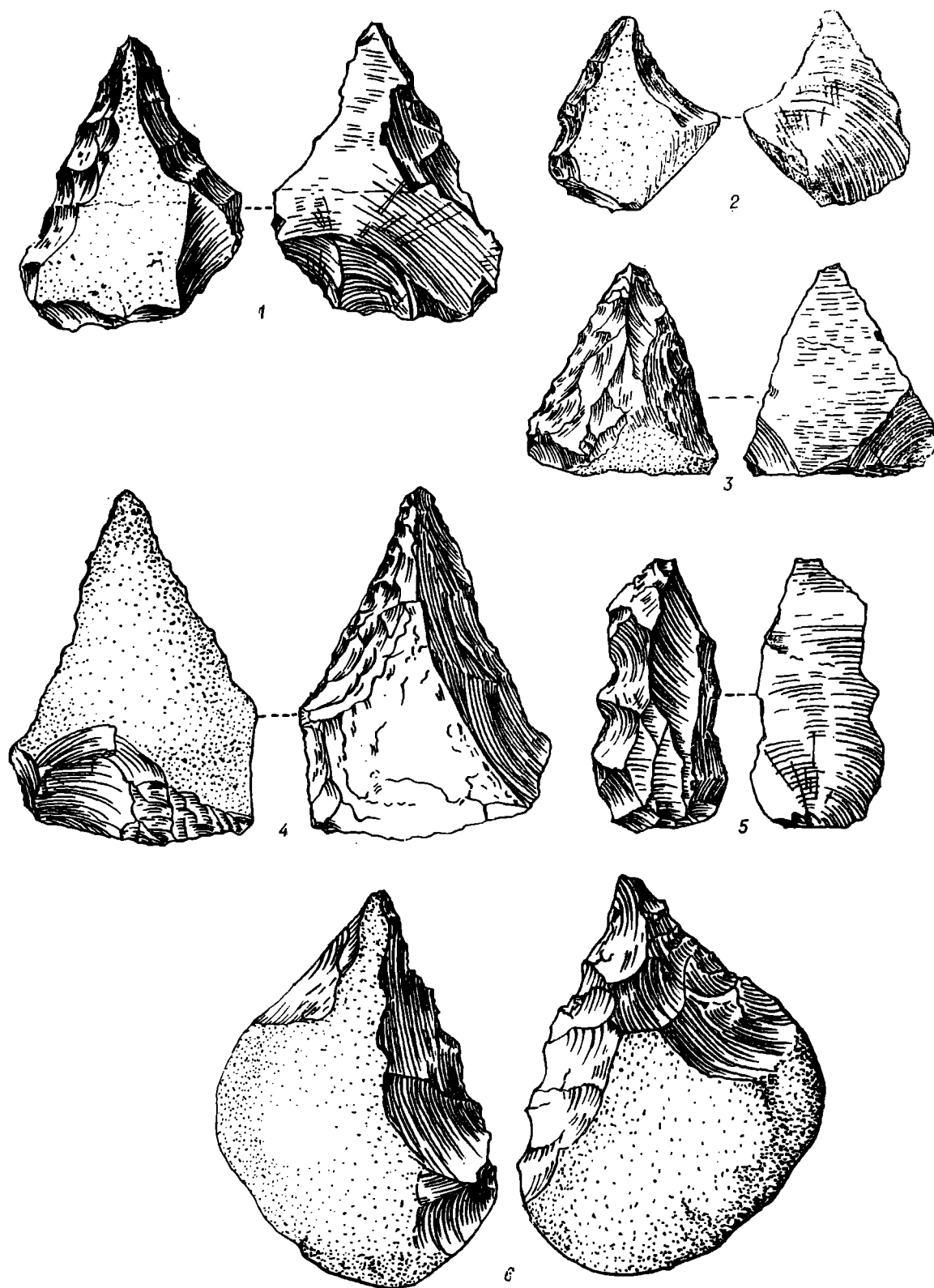

Рис. 25. Каменные изделия, обнаруженные на палеолитических стоянках Внутренней Монголии.

жет быть даже, в отдельных случаях, закреплялись в рукоятке. Они представляют собой два края массивного пластинчатого скола-заготовки, которые сходятся друг с другом под тупым углом (см. рис. 23, 2, 4; к этому же типу, пожалуй, следует отнести скребло из Чжунгээрци — рис. 23, 1). В плане большинство скребел такого типа подтреугольные, а не полудлинные по очертаниям. Они сплошь обработаны со спинки выстругивающими сколами, иногда параллельными друг другу. Мелкие фасетки отжимной ретуши прослеживаются вдоль лезвия, но порой вторичной обработке подвергались также один или оба края, противоположные рабочему. Брюшко обычно лишено следов подтески. На конце одного из скребел заметен четко оформленный шиповидный выступ — деталь весьма примечательная (см. рис. 23, 7). Образцы третьего типологического варианта скребел, так же как отдельные экземпляры второго, отличающиеся округлыми контурами очертаний, более, чем какие-либо другие скребловидные инструменты, близки по функциональному назначению ножам. В плане они не подтреугольные, а сильно вытянутые, и поэтому крутизна контура линии лезвия еще менее значительна (см. рис. 22, 1; 23, 3). Скребла-ножи отличаются особо тщательной отделкой поверхности спинки, а также тонкостью ретуши, оформляющей лезвие. У одного из скребел притупляющей ретушью обработан с брюшка также значительный по протяженности участок края, противоположный рабочему (см. рис. 23, 3). В заключение описания трех типологических разновидностей скребел следует заметить, что границы каждой из групп определяются не совсем четко и поэтому отдельные экземпляры инструментов можно считать переходными или связующими между ними звеньями. Следовательно, в целом они составляют более или менее единый по особенностям комплекс изделий. К нему, пожалуй, можно присоединить также крупное овальной формы скребло, изготовленное из массивного скола с гальки (Чжан Шань-шуй описывает это орудие как рубящий инструмент). Оба широких округлых рабочих края, обработанных со спинки сколами и дополнительно подправленных ретушью, использовались, судя по всему, как скребловидные лезвия. Со стороны брюшка орудия отсутствуют сколько-нибудь систематические следы обработки (см. рис. 24, 5).

Четвертый типологический вариант скребел или ножей заслуживает особого внимания, поскольку для изделий, составляющих его, характерна такая замечательная особенность, как двусторонняя обработка сколами широких плоскостей. Три таких инструмента обнаружены на стоянке Ваньцзячжай, расположенной в пределах уезда Пяньгуань провинции Шаньси (см. рис. 22, 2, 5). Они изготавливались из достаточно массивных пластинчатых по типу кварцитовых

сколов подходящей конфигурации. Как со спинки, так и со стороны брюшка заготовка будущего изделия обрабатывалась выравнивающими сколами, а затем по краям, одному выпуклому и другому со значительно меньшей кривизной контура, производилась дополнительная подправка ретушью. Определение функционального назначения такого рода инструментов на первый взгляд, кажется, не вызывает затруднений. Действительно, закругленный, довольно сильно выпуклый край подсказывает однозначное, в общем, решение: изделие, подобным образом обработанное могло использоваться в работе в качестве скребла или ножа. Возможно, так оно и было. Однако вместе с тем не исключена оправданность иного, значительно более интересного предположения: подобного рода бифасы могли представлять собой заготовки нуклеусов-скребков гобийского типа. В самом деле, достаточно продольно направленным ударом по краю снять с бифаса боковой скол, как образовавшуюся плоскость можно использовать в качестве ударной площадки для получения микропластин. В таком случае противоположный, более закругленный край заготовки превратится в обычное для гобийского нуклеуса-скребка ребро, а широкие плоскости бифаса в боковые грани нуклеуса, причем то и другое окажется просто классическим по характеристике. Соблазнительная вероятность такого вывода, как и большая его оправданность при определении истинного функционального назначения бифасов, собранных на стоянке Ваньцзячжай, усиливается в значительной мере при учете следующих двух обстоятельств. Во-первых, для палеолитических скребел и ножей Внутренней Монголии, при всех их типологических вариациях, непеременимым в установившихся приемах изготовления инструментов остается обработка таких изделий с одной, а не с двух сторон. Вряд ли при этом односторонней скребловидных инструментов требовалось изготовление того же типа орудия со значительно более усложненной техникой обработки, которая не увеличивала его рабочий эффект по сравнению с односторонне обработанным изделием. Во-вторых, скребла и ножи обрабатывались достаточно усердно, и все же тщательность и тонкость бифасов несравненно более высока. Недаром Чжан Шань-шуй, анализируя особенности сколов на поверхности одного из бифасов, сравнил их по техническому совершенству со сколами на поверхности наконечников начальной стадии солютре Европы. Мастерство обработки бифаса-заготовки обеспечивало в дальнейшем успех в превращении ее в один из оригинальнейших вариантов нуклеусов, названных в свое время Н. К. Нельсоном гобийскими. Итак, если разгадка истинного назначения бифасов из Ваньцзячжай правильна, то в таком случае разрушается впечатление уникальности находки заготовки гобийского нуклеуса на стоянке Дун-

шань уезда Токэтосянь. Важность открытия нового района распространения нуклеусов-скребков трудно переоценить. Достаточно сказать, что фиксация их в культуре верхнего палеолита Внутренней Монголии несомненно поможет в решении такой кардинально важной по значению общей проблемы, как определение места ее в семействе соседних культурных ареалов.

Значительную часть сборов со стоянок эпохи верхнего палеолита Внутренней Монголии составляют в каждой коллекции изделия из галек — чопперы, чоппинги, разнообразные инструменты с приостренным концом, топоровидные орудия, а также галечные нуклеусы. Находки подобного рода хорошо известны по сборам предшествующих лет на территории Ордоса и прилегающих к нему районов, и поэтому нет необходимости останавливаться на характеристике их достаточно подробно (см. рис. 24, 4, 6, 7; 25, 6). Следует лишь отметить, что инструменты изготавливались как из крупных, так и из очень больших галек продолговатой или иной формы с одним широким, а другим более узким концом, который использовался в качестве рукоятки. Большая часть широких плоскостей галек оставалась необработанной, а рабочие края с одной или двух сторон покрывают обширные фасетки грубых подтесывающих сколов. Лезвия у чопперов и чоппингов зубчатые, не отличающиеся особой остротой, хотя встречаются также и острые. У отдельных экземпляров орудий они в результате длительного использования притупились и сделались округленными, забитыми. Вес изделий из галек значительный; у галечного нуклеуса из Чжуньцзи, Тоушувань он достигает 1584 г. (см. рис. 24, 7), а у чоппера, найденного там же, — 1083 г (см. рис. 24, 6). Поверхность скалывания нуклеуса из Чжуньцзи покрыта почти параллельными друг другу фасетками пластинчатых сколов. Именно поэтому такое галечное изделие вряд ли справедливо определять как рубящий инструмент типа чоппинга. Среди ударных орудий из галек особо выделяется изделие не с широким сечковидным рабочим краем, а заостренным концом (см. рис. 25, 6). Двусторонне обработанная галька из Чжуньцзи, Тоушувань — уникальная находка (см. рис. 24, 4). Выше она условно названа топоровидным инструментом. Однако следует иметь в виду, что широкий конец гальки остался все же необработанным, и поэтому точно определить назначение орудия не представляется возможным. Не исключено, в частности, что мастер в дальнейшем намеревался превратить его в двусторонне обработанный наконечник копья или дротика, а, возможно, бифас представляет собой лишь внешне оформленную заготовку для нуклеуса-скребка. В коллекции из сборов 1958 г. со стоянки Ламавань уезда Циншуйхэ содержится также 4 боласа. Три из них изготовлены из кварцита, а один из желвака кремнистого из-

вестняка. На поверхности округлых боласов всюду видны следы оббивки — глубокие фасетки сколов. Кроме того, Чжан Шэнь-шуй описал 2 так называемых «двусторонних орудия». Одно из них, найденное на стоянке Шаньйюшувань в уезде Чжунгээрци, изготовлено из плоской, длинной кварцитовой гальки, оба края которой и один из концов оббиты каменным бойником и превращены в приостренные лезвия. Другой конец сохранил галечную корку и, очевидно, использовался при работе в качестве рукоятки, а противоположный при ударах настолько оказался забитым, что «превратился в округлую тупую грань».

В заключение следует отметить открытие почти на каждой из верхнепалеолитических стоянок южных районов центральной части Внутренней Монголии небольшого числа так называемых микролитов. Значительный процент их составляют пластинчатые отщепы и пластинки трапецевидной или прямоугольной формы. Кроме того, в перечне «микролитов» Чжан Шэнь-шуй упоминает 2 типа нуклеусов, нуклеус-скребок, острие, наконечник стрелы и 4 скребка с округлым рабочим краем. Орудия «микролитического типа» обрабатывались отжимной ретушью. Судя по всему, часть находок такого рода датируется более поздним временем, чем описанные выше изделия. Однако, отдельные «микролитические изделия», возможно, относятся к тому же верхнепалеолитическому комплексу.

Вслед за исследованиями 1958—1959 гг. последовали новые открытия верхнепалеолитических местонахождений Внутренней Монголии, расположенных, однако, в западных районах ее — на территории пустыни Алашань. Стоянки обнаружили в 1960 г. сотрудники полевой партии Института геологии АН КНР, работами которой руководил профессор Чжан Чжун-по. Собранные коллекции архаических каменных орудий, изготовленных главным образом из черного кварцита, геологи передали для изучения и последующей публикации в Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии, который стал к тому времени ведущим центром в изучении палеолита Китая. В 1964 г. сотрудники института Дай Эр-цзянь и Гай Пэй совместно с преподавателем Университета имени Сун Ят-сена Хуан Вэй-вэнем описали находки и подготовили к печати специальную статью о первых образцах палеолитических изделий пустыни Алашань³⁸. Судя по краткому описанию, обработанные камни располагались на поверхности третьей, самой высокой из трех озерных террас района Айликэтэбукэ, что находится в 4 км к югу-востоку от караванного пункта Дундутабукэ и восточнее горь Алагэлиньтайшань. Находки на верхней, так же как, впрочем, и на

³⁸ Дай Эр-цзянь, Гай Пэй, Хуан Вэй-вэнь. Оббитые каменные орудия из пустыни Алашань.

нижних террасах, ограничивались исключительно подъемными сборами, а развеянные ветрами и размытые временными водными потоками рыхлые отложения террас исключали возможность установить условия и место первоначального залегания камней со следами обработки в определенных горизонтах. Тем не менее характер изделий, их сохранность, разновидность сырья, из которого они изготавливались, и, не в последнюю очередь, высота расположения находок по отношению к озерной котловине, а также сравнение с обильными в тех местах коллекциями эпохи неолита не оставляют, в общем, особых сомнений в том, что большая часть из собранных в районе Айликэзбукэ обработанных камней датируется верхнепалеолитическим временем.

На третьей террасе геологи подняли 27 изделий, в том числе рубящие и скребловидные орудия, изготовленные из кварцитовых галек черного цвета, скребла, нуклеусы, ножевидные пластины, пластинчатые и обычного вида отщепы. Рубящие или, в других случаях, скребловидные инструменты отличаются грубой обработкой (рис. 26, 13, 14). Один или два рабочих края их оббиты обычно с одной стороны. Орудие с двусторонней обработкой лезвия обнаружено только одно. На стоянках в изобилии встречаются овальные гальки, грубо оббитые по неровным краям с двух сторон (рис. 26, 12). Возможно, в большинстве случаев их следует считать галечными нуклеусами. Края у галек, обработанных с одной стороны, выпуклые или прямые. Характеристика китайскими археологами изделий галечного комплекса из Айликэзбукэ свидетельствует о том, что на третьей террасе обнаружены широко распространенные на верхнепалеолитических местонахождениях Центральной и Восточной Азии чопперы, чоппинги, нуклеусы и скребла. Что касается скребел, изготовленных из отщепов, пластинчатых сколов и из крупных массивных пластин, то образцы их из Айликэзбукэ не отличаются особой выразительностью и типологической определенностью. Ретушь, оформляющая рабочие края скребловидных и скребловидных инструментов с одной или двух сторон, несистематична и небрежна. В то же время обращает на себя внимание зубчатый характер лезвий — пиповидные выступы усиливали их эффект в работе.

Нуклеусы, помимо возможных галечных разновидностей, обнаружены в небольшом числе. Типологически они довольно неопределенны, но, судя по единственному опубликованному образцу, а также пластинам среди них, кажется, обладали подпризматическими и коническими разновидностями (рис. 26, 9). Ударные площадки нуклеусов подправлялись не всегда, и в таком случае скалывание велось ударами по краю грани гальки или желвака кварцита. Что касается пластин и пластинчатых отщепов, то большинство их не отличается крупными размерами

и особой правильностью (рис. 26, 1—3). Как правило, они двугранные, угол ударной площадки составляет с поверхностью скалывания 90° , по краям видны следы эпизодического использования или небрежной ретуши. Ударные бугорки и волны от ударов отчетливо выделяются на поверхности раскалывания. Метки от значительных по силе ударов удивляют обширностью фасеток и глубиной их. Помимо узких и сравнительно правильных опубликован также крупный и массивный трехгранный в сечении пластинчатый скол, ретушированный по краям (рис. 26, 7). Его сколоид, по-видимому, с нуклеуса леваллуазского типа. Среди отщепов обращает на себя внимание огромный, трапециевидный по форме скол, ширина которого превосходит длину (рис. 26, 10). Угол, образованный плоскостью ударной площадки и поверхностью раскалывания, составляет 137° . Обе детали наглядно раскрывают архаичность техники обработки камня.

На второй и третьей террасах геологи подняли 14 изделий, изготовленных из жильного кварцита, агата и кремня. Среди находок упоминаются пластины со следами использования, сколотые с галек, скребла с выпуклыми, прямыми и вогнутыми краями (рис. 26, 11), пластина, которая, по мнению авторов, возможно, использовалась в качестве остроконечника (рис. 26, 4), а также серия рубящих инструментов с односторонне или двусторонне примитивно обработанными, по тем не менее ровными рабочими краями. Обнаружены, кроме того, пест и 5 округлых, плоских, с выемками по краю орудий загадочного назначения. В целом коллекция изделий, собранных на поверхности двух нижних террас, отличается по технике изготовления орудий, а также по типологии от находок на верхней террасе, и поэтому они датированы китайскими археологами эпохой неолита. Не исключено, однако, что часть инструментов, в частности скребла, относятся к более раннему времени. Что касается оборов на верхней террасе Айликэзбукэ, то их верхнепалеолитический возраст весьма вероятен. Во всяком случае, коллекция изделий из черного кварцита резко контрастирует во всем с обнаруженными там же так называемыми микролитическими орудиями и шлифованными инструментами, неолитический возраст которых подтверждается обломками керамики.

Палеолит Восточного Туркестана. Восточный Туркестан остается до сих пор самым, пожалуй, слабо изученным регионом Центральной Азии, представления о докерамической стадии культуры которого ограничиваются главным образом скудными сборами в нескольких пунктах, открытых П. Тейяр де Шарденом и Ян Чжун-цзянем еще в 1931 г., во время их путешествия на автомобилях центральноазиатской экспедиции Хаард-Ситроен к Турфану и Аксу, а также далее на запад. Как бы, однако, ни оставались

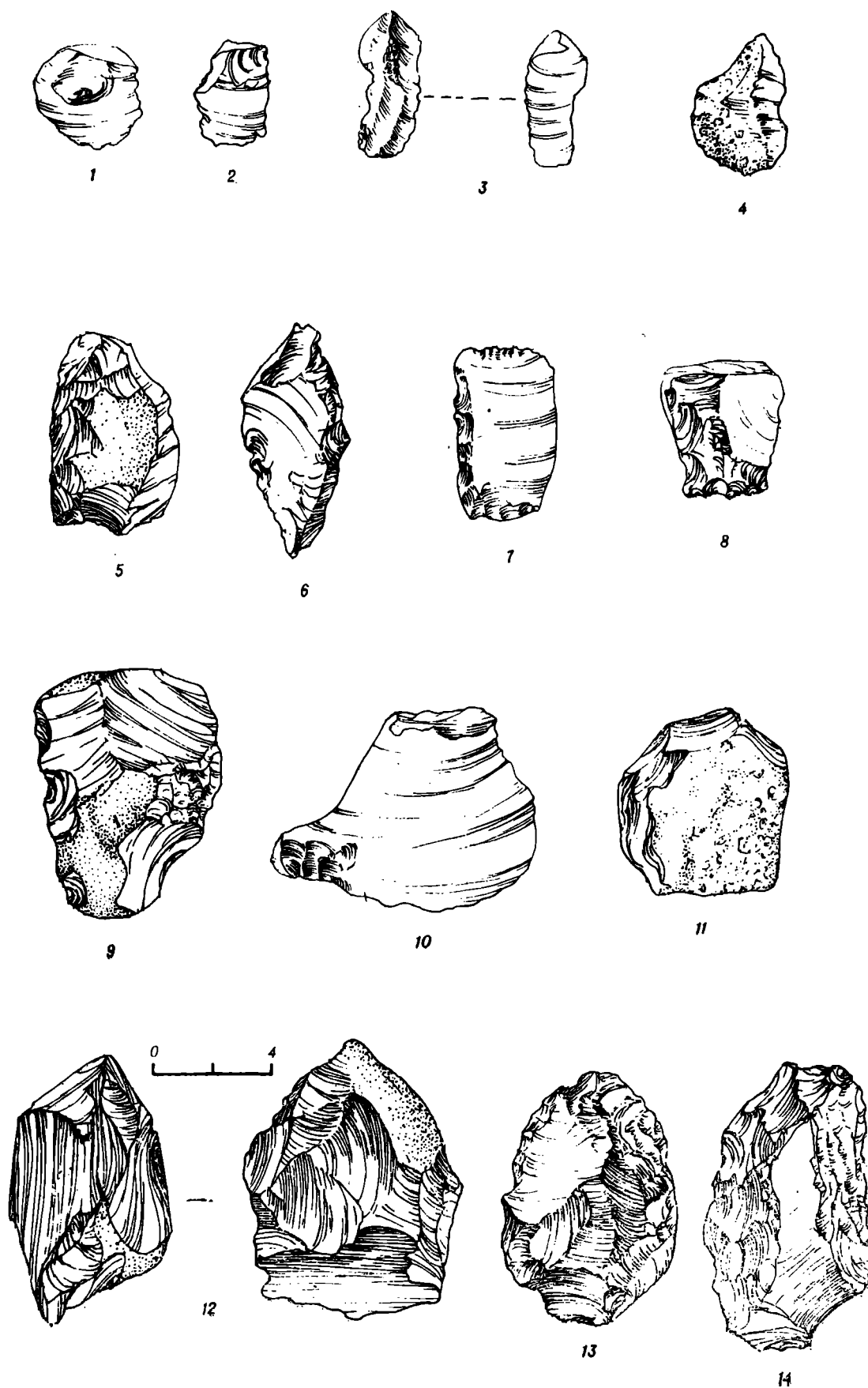

Рис. 26. Каменные изделия из пустыни Алашань.

пока немногочисленными находки отсюда, они тем не менее заслуживают самого пристального внимания не только вследствие их уникальности, но также, в отдельных случаях, весьма примечательной характеристики, позволяющей прийти к любопытным выводам. Во всяком случае, отдельные изделия, обнаруженные П. Тейяр де Шарденом и Ян Чжун-цзянем, оставляют мало сомнений в том, что охотники донеолитической эпохи освоили также западные пределы пустынно-степной зоны Центральной Азии, и, следовательно, задача археологов состоит в том, чтобы увеличить количество местонахождений палеолита, открыть памятники разного времени и решить по возможности точнее серию наиболее важных вопросов — к какому из этапов плейстоцена относится первоначальное появление человека на западе Центральной Азии, откуда происходило заселение района, и, наконец, попытаться выделить определенные стадии в эволюции культуры эпохи палеолита. Проблемы такого рода вряд ли, судя по всему, окажутся разрешимыми в ближайшем будущем и поэтому пока поневоле остается лишь на основании единичных находок представить хоть в какой-то мере главное — к какому культурному ареалу вероятнее всего следует отнести запад и юг Центральной Азии.

Первый пункт, где П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь обнаружили несколько крупных, бесспорно, архаических по типу и сильно патинированных изделий, находился в 120 км к северу от Сучжоу и в 170 км на юго-восток от Миншуй, недалеко от дороги на Хами. Инструменты, изготовленные из кварцита, а также отщепы располагались на пустынной поверхности 50-метровой террасы, верхняя часть которой — мощный пласт кварцитового галечника. Булыжники в нем отличались значительной патинизацией. В том же районе не遠далеке прослеживалась 10-метровая, тоже перекрытая сверху галечником терраса, датированная геологами поздней порой плейстоцена (рис. 27). Камни со следами обработки на ее поверхности найти не удалось. Достаточно ранний возраст инструментов и отщепов, собранных на поверхности 50-метровой террасы, подтверждается помимо отмеченных ранее общих признаков отсутствием изделий неолитического типа. Среди опубликованных орудий особой архаичностью выделяется скребло, изготовленное из расколотой

вдоль и обломанной на конце кварцитовой гальки. Край ее с одной стороны грубой и небрежной оббивкой превращен в неровное с крупными зубчатыми выступами скребловидное изделие (см. рис. 17, 4). Второе изделие, названное П. Тейяр де Шарденом и Ян Чжун-цзянем острием, представляет собой заготовку односторонне конического нуклеуса с закругленными тыльным ребром и концом, противоположным ударной площадке. Край их самым тщательным образом обработаны мелкой ретушью, а широкие боковые плоскости выструганы пластинчатыми сколами. Вытянуто-овальная ударная площадка заготовки сплошь обработана крупными сколами. Поверхность скалывания ножевидных пластин, судя по разрезу, не очень широка (см. рис. 17, 5). Функциональное назначение изделия, описанного как диск, определить по рисунку трудно. Оно могло представлять собой или остаток дисковидного нуклеуса, или, что более вероятно, скребло с крутым и массивным, полукруглым по очертанию основным рабочим краем (см. рис. 17, 2). К сожалению, П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь из-за недостатка времени провели лишь самый беглый осмотр поверхности террасы. По их впечатлениям, более тщательные в спокойной обстановке сборы могут привести к открытию в том месте богатых и интересных серий самых разнообразных инструментов.

Второй пункт с заслуживающей внимания находкой располагается в 81 км к западу от Хами около дороги, ведущей на Турфан и Урумчи. В том месте возвышается несколько лессовых холмов, около которых обычно протекают небольшие ручьи и стоят отдельные дома. Около одного из таких местечек, которое называется Сапьядаолиньца, удалось обнаружить богатую стоянку с многочисленными каменными орудиями, лежащими прямо на поверхности или слегка включенными в самые верхние горизонты лесса. Большую часть находок отсюда составляют крупные, в среднем до 12 см длины, скребла, изготовленные из риолита. Поверхности их лишены патины. П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь датировали этот комплекс изделий неолитическим временем, возможно, главным образом потому, что там же они обнаружили типичные для «маньчжурско-монгольского неолита» миниатюрную ножевидную пластину и цилиндрический микронуклеус из черного кремня. Однако, вместе с тем, на той же стоянке найден примечательный скребловидный с острыми выступами инструмент типа чоппинга, изготовленный из плоской овальной гальки зеленоватой кремнистой породы (см. рис. 21, 8).

Это изделие привлекает внимание потому, что в точности такая же порода камня использовалась при изготовлении самых, пожалуй, замечательных находок из Восточного Туркестана —

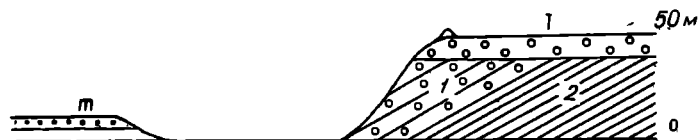

Рис. 27. Разрез террас в районе местонахождения, расположенного между Сучжоу и Хами.

1 — гранитные конгломераты (Саньмэнь — ?); 2 — красные глины (третичная эпоха); T — терраса, на которой найдены каменные изделия; m — позднелейстоценовая 10-метровая терраса.

двух классических по законченности и выразительности форм нуклеусов-скребков гобийского типа. Они обнаружены в 11 км от д. Цигуцзиньца, расположенной в удивительной по необычности песчанистой депрессии того же названия, где от дороги Хами — Урумчи начинается путь на Турфан, к сердцу Тянь-Шаня. Именно здесь, недалеко от дороги на Турфан, вблизи храма, выстроенного около стены, у подножия скалистого выступа удалось найти 2 гобийских нуклеуса-скребка (рис. 28, 3, 4). Для того и другого образца оказались характерными узкие, сильно скошенные плоскости скалывания, покрытые правильными, строго параллельными друг другу желобками-негативами снятых ножевидных микропластин; узкие, сильно вытянутые ударные площадки, напротив которых на противоположном крае располагались характерным образом закругленные и тщательно обработанные мелкой двусторонней ретушью грани, близкие по способу оформления к лезвиям ножа или скребла. Широкие боковые плоскости нуклеусов-скребков сплошь покрыты обширными фасетками продольных и поперечных выравнивающих сколов. Все, что известно теперь о нуклеусах-скребках гобийского типа, вызывает исключительный интерес к открытию самого западного пункта распространения их на территории Центральной Азии. П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь описали нуклеусы как «киле-видные изделия», «очень развитый, определенный и специализированный тип резца», а позже как «полиэдрические нуклеусы»³⁹. Несмотря на то, что ничего подобного никогда не находили ни на одном из памятников неолитических культур Центральной и Восточной Азии, они сначала, очевидно, из-за высокого совершенства инструментов, датировали их эпохой неолита, но и позже П. Тейяр де Шарден не допускал возможности появления такого рода изделий в периоды, предшествующие мезолиту, в частности времени культур, синхронных европейскому азилю. К тому же хронологическому этапу он относил нуклеус-скребок гобийского типа, обнаруженный В. В. Поносовым в Гусантуне в слое с костями мамонта и носорога, поскольку считал, что плейстоценовая фауна продолжала господствовать на юге Маньчжурии также и на стадии голоцена. Ошибочность такого представления теперь очевидна, и, следовательно, огромный интерес вызывает весь комплекс изделий, обнаруженный около Цигуцзиньца. К сожалению, П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь лишь упомянули большое количество отщепов, а также «много других ретушированных камней», но в статье сочли достойным опубликовать помимо нуклеусов-скребков

лишь огромный, достигающий длины 31 см инструмент, названный ими «пикой-топором, один конец которого использовался для рубки, а другой для пробивания»⁴⁰. «Пика-топор» оказался изготовленным из той же зеленой кремнистой породы, которая, как выяснилось, в изобилии встречается среди галек обширного гравиевого шлейфа, опускающегося с запада в депрессию Цигуцзиньца, а также *in situ* в коренных породах вдоль дороги на Турфан, на первом перевале, в 35 км к западу от Цигуцзиньца. П. Тейяр де Шарден и Ян Чжун-цзянь отметили мастерство, с которым был обработан топовидный край изделия, но в то же время обратили внимание на то, что ретушь оказалась не «солютрейской» по характеру, как наблюдается обычно на отдельных крупных образцах неолитических орудий Маньчжурии. Дело, однако, заключается в другом: если нуклеусы-скребки гобийского типа относятся к докерамической эпохе, то столь же ранним временем, возможно, следует датировать и две другие находки, изготовленные из зеленой кремнистой породы — скребловидное орудие, обнаруженное в Сандаолиньца, и «пик-топор» из Цигуцзиньца.

Подводя итоги обзора открытий памятников донеолитической эпохи в пустынно-степной полосе Центральной и Восточной Азии, оконтуривающей с севера и северо-запада лессовое плато, следует прежде всего отметить значительные сложности в определении времени существования их в рамках подразделений верхнего плейстоцена. Из-за нарушенности стратиграфии и подъемного характера сборов комплексы каменных изделий большинства стоянок трудно датировать, применяя обычные методы, ибо фаунистические ансамбли часто не связаны непосредственно с культурными остатками и соотносятся с ними лишь косвенно. Поэтому устанавливая возраст и оценивая особенности палеолитических культур, придется иногда оперировать разноплановыми доводами, прибегая к аналогиям или обращаясь к наиболее логически оправданным реконструкциям хода событий. Разумеется, меры такие вынужденные, и они далеко не гарантируют, впредь до появления новых материалов, точности заключений, но иного выхода нет. Картина эволюции палеолитических культур Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана из-за малочисленности фактов просматривается пока слишком контурно и обще, чтобы надеяться на лучшее.

Местные истоки палеолита Маньчжурии проследить не удастся, поскольку вообще представление о верхнеплейстоценовой культуре самого первого из выявленных этапов складывается, по существу, лишь на основании результатов

³⁹ Teilhard de Chardin P., Young C. C. On Some neolithic..., p. 94; Teilhard de Chardin P. On the presumable existence of a Worldwide Sub-arctic Sheet of Human culture at the dawn of the neolithic.— BGSC, 1939, v. 19, N 3.

⁴⁰ Teilhard de Chardin P., Young C. C. On Some neolithic..., p. 94.

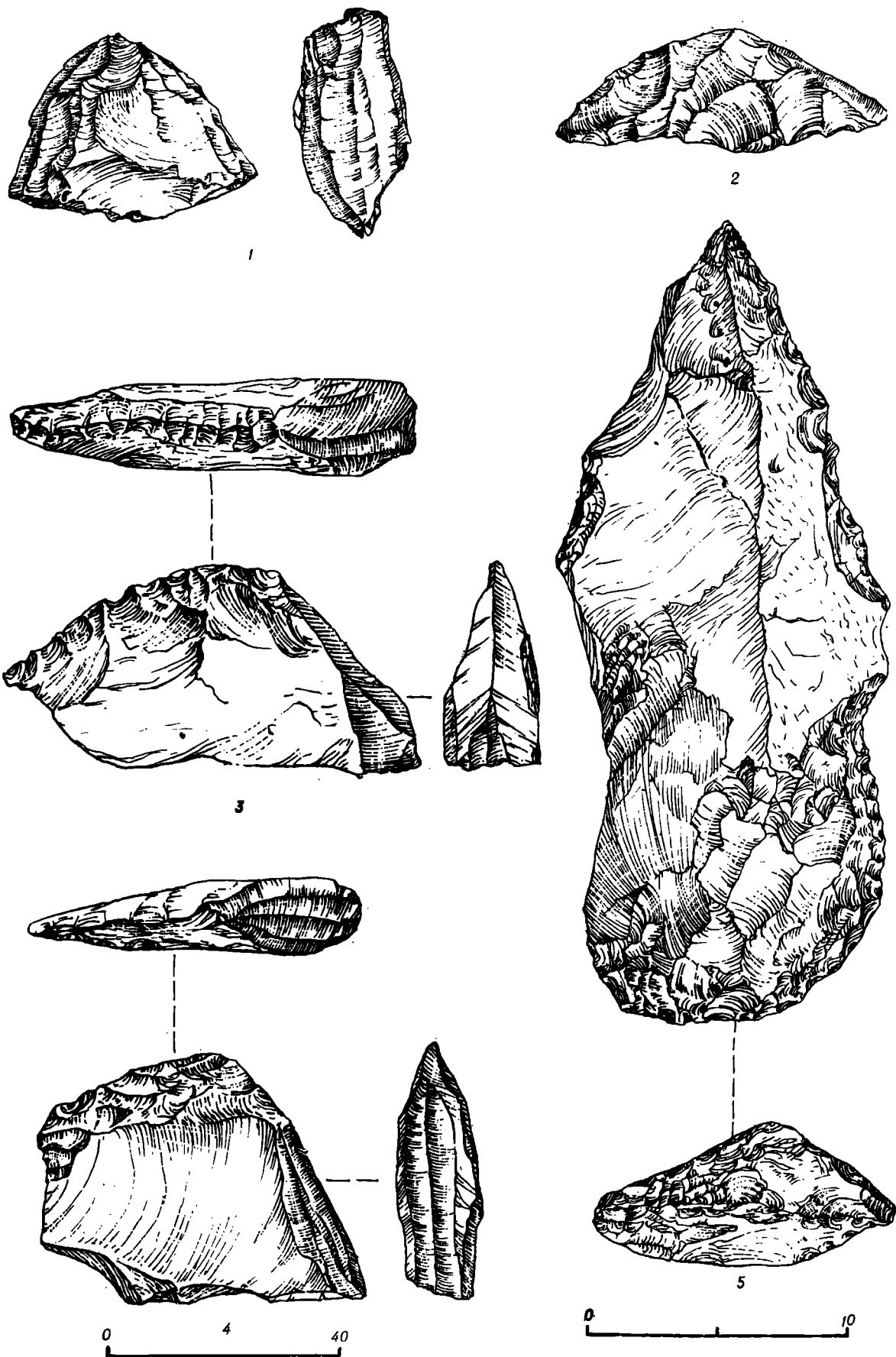

Рис. 28. Каменные изделия из Линьси (1), Датума (2) и Цигуцзинца (3—5).

исследований Гусянтуня и Хуаншаня. Возможно, правда, отщеп, обнаруженный А. Брейлем в красноцветных отложениях Ляодуна, относится к значительно более раннему времени, может быть, даже к среднему плейстоцену. Однако все же нет оснований утверждать это с уверенностью, да и сама по себе единичная находка, конечно, мало что проясняет в вопросе происхождения верхнего палеолита Маньчжурии. Анализируя особенности типологически выразительного, треугольного в плане, с характерным образом изогнутой площадкой отщепа, опубликованного А. Брейлем, можно лишь сказать, что его, очевидно, скололи с дисковидного, обладающего подправленной площадкой нуклеуса, и что по облику он чрезвычайно близок к отщепу, найденному при раскопках местонахождения № 15 Чжоукоудяня. Но подобное сходство, возможно, случайно. В то же время, учитывая достаточно древний возраст памятников верхнего палеолита в соседних на востоке и севере Маньчжурии районах Дальнего Востока, вряд ли можно сомневаться в том, что культура, представленная находками в Гусянтуне и Хуаншане, не самая ранняя. Ей, судя по развитости индустрии, предшествовало нечто более архаическое.

Относительно датировки Гусянтуня нет единого мнения, но, учитывая определенный примитивизм его каменных изделий, трудно принять точку зрения тех, кто относит памятник к голоценовой эпохе. Пожалуй, такое заключение более всего обусловлено почему-то прочно укоренившимися представлениями о необычайно долгом, захватывающем весь период голоцена, переживаний в Маньчжурии таких типично плейстоценовых животных, как мамонт и носорог. Однако подобные взгляды не подтверждаются бесспорными наблюдениями, и поэтому гораздо предпочтительнее кажется вывод о достаточно древнем возрасте как основного фаунистического комплекса, выявленного при исследованиях в Гусянтуне, так и тесно связанной с ним палеолитической культуры. Во всяком случае, анализ характерных особенностей набора каменных изделий ее, а также уникального костяного острья, сравнение с определенно более развитой и, по-видимому, значительно более поздней культурой, представленной находками на севере Маньчжурии — в Чэньцзи, на востоке Внутренней Монголии — в Циньшуйхэ и на севере Шаньси — в Чжикуй, и, не в последнюю очередь, отчасти прослеживающиеся аналоги с индустрией самого, пожалуй, раннего из верхнепалеолитических памятников Центральной Азии — Шуйдунгоу — предопределяют достаточную весомость вывода о плейстоценовом возрасте культуры Гусянтуня и самым тесным образом связанного с ними Хуаншаня. Действительно, одной из наиболее бросающихся черт палеолитической культуры юга Маньчжурии, судя по памятникам окрестностей Харбина, сле-

дует считать своеобразную и сравнительно хорошо развитую индустрию крупных и достаточно правильных ножевидных пластин. Отдельные образцы их, большей частью в обломках, обнаружены при раскопках Гусянтуня, однако поистине классические по выразительности экземпляры удалось найти А. Г. Малявкину во время его экскурсии на Хуаншань. К сожалению, среди харбинских находок отсутствуют типологически четкие разновидности нуклеусов, с которых скалывались такие пластины. Но тем не менее подтреугольная в плане плитка из Гусянтуня, с торца которой сняли несколько довольно крупных ножевидных пластин, так же как и плитка кремнистого сланца из Хуаншаня с широкими пластинчатыми желобками, протянувшимися вдоль широкой плоскости почти на всю ее длину, позволяет представить в общих чертах типологию верхнепалеолитических нуклеусов юга Маньчжурии. Судя не всему, в Хуаншане и Гусянтуне использовали для скалывания пластин крупные подпризматические, по всей видимости, со скошенными ударными площадками нуклеусы, которые называют леваллуазскими, а также какие-то архаические варианты торцовых нуклеусов. Кроме того, в Хуаншане обнаружен одноплощадочный вытянуто-овальный нуклеус леваллуазского типа (см. рис. 11, 1). Две широкие фасетки на его поверхности скалывания свидетельствуют о том, что с него сняли две короткие ножевидные пластины. Пластины из Хуаншаня, а также изделия из них не находят аналогий ни в каком другом памятнике ближайших районов, кроме Шуйдунгоу, хотя они, пожалуй, более совершенны по облику, чем соответствующие изделия из Ордоса. Сходство индустрии крупных пластин Хуаншаня, Гусянтуня и Шуйдунгоу не случайно, поскольку для культуры последнего характерны леваллуазские, дисковидные и, очевидно, подпризматические нуклеусы, но более древних вариаций.

Что касается сходства орудий из крупных пластин, то оно налицо: в Шуйдунгоу и Хуаншане обнаружены в общем сходные концевые скребки с ретушированными со спинки краями, а также острья. Вместе с тем, хуаншаньские орудия отличаются определенно более высоким совершенством — края скребков ретушировались тщательнее и, как правило, во всю длину, в то время как в Шуйдунгоу не всегда ретушировались оба края пластин. Мастер часто ограничивался обработкой одного края, а то и вообще оставляя тот и другой неретушированными. Острие из Хуаншаня оформлено на конце не только ретушью по краю, как обычно делалось в Шуйдунгоу, но и продольными сколами во всю ширину конца пластины. Кроме того, следует иметь в виду, что в Хуаншане помимо концевых скребков из пластин найдены также своеобразные языковидный и подпрямоугольный скребки поздних форм, не известных в коллекциях из

Шуйдунгоу. Небольшие острия и скребки развитых верхнепалеолитических разновидностей обнаружены также в Гусянтуне. О значительно более высоком уровне обработки камня в Хуаншане по сравнению с Шуйдунгоу свидетельствует также применение выстругивающей солютрейской по характеру ретуши, с помощью которой оказалась обработанной широкая плоскость одной из пластин, и освоение техники двусторонней оббивки изделий. Подтреугольный нож или заготовка нуклеуса-скребка из Хуаншаня, так же как два великолепных образца нуклеусов-скребков гобийского типа, со всей очевидностью подтверждают такой вывод. Вообще само по себе наличие в коллекциях из Гусянтуня и Хуаншаня подобных специализированных изделий, как классические по выразительности и совершенству обработки гобийские нуклеусы-скребки, не оставляют сомнений в том, что верхнепалеолитическая культура окрестностей Харбина находилась в расцвете, а не переживала начальные стадии становления. Поэтому если попытаться, используя аналогии, определить хронологическую позицию культуры палеолита юга Маньчжурии, то следует признать, что она, конечно, относится к более позднему, чем культура Шуйдунгоу, времени, но, очевидно, предшествует Шароосоголу с его высокосовершенной и специализированной индустрией миниатюрных изделий. Сопоставления с енисейскими и ангарскими памятниками верхнего палеолита Сибири проводить трудно.

Открытие в Гусянтуне и Хуаншане нуклеусов-скребков — факт, кроме всего прочего, чрезвычайно примечательный с точки зрения установления момента начала процесса «микролитизации» инвентаря в палеолите южных районов Дальнего Востока, а также соседних с ними на западе территорий Внутренней Монголии и северных провинций собственно Китая. Обращение к технике двусторонней оббивки и, как одно из следствий такого важного явления в эволюции индустрии, «изобретение» новой, невиданной ранее разновидности нуклеусов, с торца которых скалывались миниатюрные, отличающиеся почти идеальным совершенством и тонкостью ножевидные пластины, привело затем к появлению набора изделий, образующих вместе своеобразный комплекс. Особенности его в Маньчжурии позволяют отчасти представить немногочисленные количественно, но типологически очень яркие изделия, обнаруженные В. С. Стариковым в районе станции Чэньцзин. Как уже указывалось, для индустрии Чэньцзина характерна исключительно высокоразвитая техника отделения правильных ножевидных пластин. Они явно скалывались с нуклеусов иного, чем в Гусянтуне и Хуаншане, типа — с призматических или конических разновидностей их, не представленных среди находок в окрестностях Харбина. Эти пластины, судя по коллекции

В. С. Старикова, использовались в качестве заготовок при изготовлении орудий весьма оригинальных, а вследствие этого легко сопоставимых с соответствующими изделиями из других районов востока Азии. Среди них в первую очередь заслуживают внимания резцы типа арая, по существу ничем не отличающиеся от находок подобного же рода на типовой стоянке Арая в Японии (Хонсю). Они изготовлялись из пластин, края которых ретушировались, а затем на широком конце с помощью характерного трансверсального скола оформлялось рабочее лезвие резца.

Как известно, одна из специфических особенностей техники оформления изделий в индустрии арая связана с подтеской со стороны брюшка конца пластины, противоположного рабочему краю. В коллекции из Чэньцзина содержатся как раз такие пластины с подтесанными со стороны брюшка концами, где располагается ударный бугорок. В Чэньцзине обнаружен также третий неперенный элемент индустрии арая — оформленный с использованием методов техники юбецу, предполагающей изготовление вначале двусторонне обработанной в виде наконечника заготовки, нуклеус-скребок гобийского типа. Разумеется, на основании результатов единичного на севере Маньчжурии открытия трудно с уверенностью делать определенные выводы, и все же возможно, что индустрия Чэньцзина представляет собой итог эволюции палеолитической культуры, ранний этап которой характеризуют находки из Хуаншаня и Гусянтуня. Во всяком случае, если справедливо высказанное при описании пластин из Хуаншаня предположение о том, что на некоторых из них, вероятно, оформлялись резцовые сколы, если принять во внимание неперенную обработку краев пластин ретушью, выстругивание конца одной из них со спинки и, наконец, использование нуклеусов-скребков гобийского типа для получения микропластин, то верхнепалеолитическую культуру окрестностей Харбина можно считать базовой для развития из нее через неведомые пока звенья индустрии типа Чэньцзина.

Очевидное сходство изделий из Чэньцзина и инструментов, обнаруженных при раскопках стоянки Арая на Хонсю, позволяет установить время североманьчжурской донеолитической культуры и, следовательно, ориентировочно представить этап, к которому следует отнести стоянки Гусянтунь и Хуаншань. Из двух радиоуглеродных дат Арая наиболее вероятной считается $13\ 200 \pm 350$ В. Р. (GAK — 948)⁴¹. Вряд ли континентальный вариант культуры арая, открытый в районе Чэньцзина, датируется более поздним временем. В таком случае верхнепалео-

⁴¹ Morlan R. E. Chronometrie dating in Japan. — «Arctic Anthropology», 1967, v. 4, № 1.

литические стоянки района Харбина должны быть древнее этого рубежа на несколько тысяч лет, приближаясь к возрасту культурного горизонта с жилищем № 1 Сокдянни в Корее, где также обнаружены резцы типа арая, нуклеусы-скребки гобийского типа и лыжевидные пластины⁴², а возможно, и превосходя его. В самом деле, пластинчатая индустрия верхних горизонтов Сокдянни выглядит более развито по сравнению с культурой пластин Хуаншаня. Нуклеусы-скребки Сокдянни, так же как и совершенные по типологической четкости различные варианты торцовых нуклеусов местонахождения № 1, отличаются от находок в Хуаншане и Гусянтуне или вообще не находят аналогии среди них. Конечно, проблема происхождения культуры типа Чэньцзин далеко не так проста, как она изложена здесь, но вряд ли стоит до появления новых материалов по палеолиту Маньчжурии заниматься разработкой вариантов гипотетических реконструкций хода событий. Отдельные элементы каменной индустрии культуры Чэньцзин распространены на материке востока Азии очень широко. В частности, лыжевидные сколы, резцы типа арая, а также нуклеусы-скребки гобийского типа по отдельности или вместе зафиксированы на территории Центральной Азии (Хэрэ-ул), на севере и юго-западе лессового плато (Чжуйю, Линцзи). Хронологический диапазон периода существования в индустриях таких элементов широк. Он охватывает время позднего плейстоцена, а также голоцена. Все это создает труднопреодолимые пока препятствия для решения вопроса о происхождении развитой культуры верхнего палеолита на Дальнем Востоке и в восточных степных районах Центральной Азии, а также в разработке проблемы взаимоотношений ее с миром докерамических культур Японского архипелага. Поэтому наивными представляются попытки зафиксировать где-то на востоке Центральной Азии некую точку, откуда распространялось во все стороны мощное влияние, обусловившее возникновение на востоке Азии верхнепалеолитических культур со столь специфическими особенностями. Во взаимоотношениях островных и континентальных ареалов их остается много загадочного, и менее всего плодотворны попытки вскрыть суть дела на основе пристрастных оценок ограниченного круга фактов.

Недавние открытия новых палеолитических местонахождений на территории Внутренней Монголии в значительной мере расширили представление о характере культур крайних восточных районов Центральной Азии. Для понимания особенностей их, происхождения и взаимоотношения с культурами соседних и более отдаленных территорий важное значение приобрета-

ют также успешные поиски памятников финальной стадии верхнего палеолита в прилегающих к Верхней Монголии с востока и юга районах провинций Шаньси, Шэньси, Ганьсу и Хэнань. Однако несравнимо более широкая и определенная, чем в Маньчжурии, сумма сведений по палеолиту Внутренней Монголии отнюдь не предопределяет простоту проблем, которые возникают в связи с попытками обобщающего анализа древнейшего этапа культуры обитателей припограничной пустынной с лессовым плато зоны.

Ордосский ареал Внутренней Монголии непосредственно соседствует как раз с тем районом бассейна Хуанхэ, где в последние два десятилетия удалось обнаружить древнейшие для Восточной Азии памятники нижнего и среднего палеолита — Ланьтянь, Кэхэ, Динцунь, Саньмэнься. На крайних южных и восточных границах Внутренней Монголии — в районе Баотэ, Убао и Юйфангау — П. Тейяр де Шардену и Э. Лисану удалось обнаружить пункты, где палеолитические изделия залегали в горизонтах, сформировавшихся до начала отложения лессов маланской эпохи. Знаменитое Шуйдунгоу, где культурный горизонт прослежен в основании лессовой толщи, располагается недалеко, на западной окраине Ордоса. Таким образом, при возможных миграциях древнейших гоминид их маршруты могли пролегать по южным районам Внутренней Монголии и поэтому, в случае благоприятных условий, первоначальное освоение их человеком могло начаться достаточно рано. Тем не менее поиски палеолитических местонахождений на юге Внутренней Монголии привели пока к открытию только одного памятника — Шароосогола, верхнепалеолитический возраст индустрии которого не подлежит сомнению⁴³. Рассматривая в общем безрезультатную дискуссию о хронологической сопоставимости Шуйдунгоу и Шароосогола на основании геолого-палеонтологических фактов, приходится признать, что впредь до проведения специальных геоморфологических исследований на месте решающее слово должно принадлежать археологии. Различия в характере инструментария Шуйдунгоу и Шароосогола обусловлены отнюдь не особенностями сырья, которое применялось для изготовления орудий, а неодинако-

⁴³ Как странный курьез воспринимается теперь попытка Я. Козловского доказать синхронность и сходство индустрии Шароосогола и местонахождения № 15 Чжоукоудяня. Его вывод о мустерском возрасте и характере культуры Шароосогола основан на дилетантском сопоставлении фаунистических комплексов Шароосогола и местонахождения № 15 Чжоукоудяня, на что обратили внимание китайские археологи и палеонтологи. То же можно, впрочем, сказать относительно оценки археологического материала. Ср.: Kozłowski J. K. Op. cit.; Цзя Лань-по, Гай-Пэй, Ю Юй-чжу. Отчет о раскопках палеолитической стоянки Чжуйюй в пров. Шаньси. — «Каогу Сюэбао», 1972, № 26 (на кит. яз.).

⁴² См. в этом же сборнике статью В. Е. Ларичева «Палеолит Кореи».

выми хронологическими позициями памятников. Первый из них с немногочисленными, но очевидными чертами индустрии ориньяка датируется начальными стадиями верхнего палеолита Центральной Азии. Кстати, те же особенности в инвентаре подтверждают ранний возраст мальтинской культуры в Прибайкалье. Что касается, казалось бы, очевидных мустьерских черт в индустрии Шуйдунгоу, то они не должны вводить в заблуждение при учете раннего в рамках верхнего палеолита возраста памятника и, что в особенности важно, очевидного для восточно-центральноазиатского палеолита длительного переживания отдельных архаических элементов культуры предшествующих стадий.

Находки в Шароосоголе отражают начальный из выявленных пока этапов освоения верхнепалеолитическим охотником южных пределов пустынного теперь района Внутренней Монголии, но хронологически культура эта относится к более позднему времени при сравнении ее с комплексом Шуйдунгоу. Теперь, после открытия новых верхнепалеолитических памятников в пределах лессового плато на севере Шаньси — в Чжияюй, в Хэнани — около Линцзи и Сяонаньхай (вблизи Аньяна), а также мезолита в Шаньси — около Саньмэньшань (между Дали и Чаошань)⁴⁴, стало ясно, что Шароосогол — явление не уникальное, а представляет собой древнейший, пожалуй, памятник в серии других сходных по облику находок местонахождений неведомой ранее, развитой и чрезвычайно своеобразной культуры верхнего палеолита Центральной и Восточной Азии. Традиции ее, бесспорно, устойчивы, поскольку они сохранялись на протяжении тысячелетий, начиная с самой, очевидно, ранней стадии, представленной находками в Шароосоголе, и кончая поздней, которая охватывает, судя по характеру находок в Дали и Чаошань, мезолитический этап. Развернутая характеристика особенностей новой культурной стадии верхнего палеолита района Ордоса и соседних с ним областей лессового плато ввиду особой важности заслуживает того, чтобы стать темой специальной публикации. Сейчас же достаточно отметить в общем единый стиль каменного инвентаря каждого из перечисленных выше пунктов, в том числе и Шароосогола.

⁴⁴ Цзя Лань-по, Гай-Пэй, Ю Юй-чжу. Указ. соч.; Чжоу Го-син. Культурные остатки каменного века на стоянке Линцзи в уезде Сюйчан провинции Хэнани. — «Каогу», 1974, № 2; Ань Чжи-минь. Памятники культуры каменного века в районе Шаюань, Дали уезда Чаошань провинции Шаньси. — «Каогу сюэбао», 1957, № 3; Он же. Предварительные раскопки пещерных отложений палеолитической стоянки Сяонаньхай в уезде Аньян провинции Хэнани. — «Каогу сюэбао», 1965, № 1; Сяо Пин. Микролитические материалы, найденные в районе Линцзи в Сюйчан провинции Хэнани. — ВР, 1966, т. 10, № 1 (все статьи на кит. яз.); Ларичев В. Е. Неолит Дунбэй и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии. — В кн.: Археологический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1959.

Если попытаться охватить его основополагающие черты предельно кратко, то, пожалуй, наиболее подходящее слово — «микролитический», в том условном, разумеется, значении, в котором оно применяется китайскими, а также западноевропейскими археологами по отношению к мелким кремневым орудиям неолита степной полосы Центральной Азии и севера Китая. Вопрос о хронологическом соотношении Шароосогола, Чжияюй, Сяонаньхай и Линцзи до конца не решен, но, кажется, они располагают по мере уменьшения их древности именно в таком порядке. Если же сравнивать первые три пункта с Верхним гротом Чжоукоудяня, то последний, судя по составу фаунистического комплекса, окажется самым поздним. Итак, насколько удастся установить, Шароосогол следует считать памятником бесспорно более молодым, чем Шуйдунгоу, но несравненно более древним, чем Верхний грот. Конечно, такое определение относительно возраста желает много лучшего по точности, но из-за ограниченности возможных геоморфологических, палеонтологических и археологических сопоставлений приходится пока довольствоваться сказанным.

Возвращаясь к анализу палеолита Внутренней Монголии, важно подчеркнуть, что Шароосогол представляет самый ранний этап микролитического по характеру верхнего палеолита Ордоса и соседних с ним территорий. О предшествующих стадиях развития культуры такого плана можно лишь догадаться, поскольку прямо из индустрии Шуйдунгоу ее вывести невозможно, а утверждение Цзя Лань-по, Гай Пэй и Ю Юй-чжу о том, что микролитические традиции прослеживаются уже на этапе мустье в материалах, полученных при исследовании стоянки Хоутэ, не подкрепляется публикацией материалов. Вообще такое заключение настораживает, поскольку китайские археологи стремятся далее доказать, что «микролитичность» можно проследить начиная с этапа местонахождения № 1 Чжоукоудяня, и находят ее в инвентаре местонахождения № 15 Чжоукоудяня. Добавив сюда же Хоутэ как связывающее звено между нижним и верхним палеолитом севера Китая, они выдвигают идею о существовании единой культурной системы местонахождения № 1 Чжоукоудяня — Чжияюй. Если, однако, оставаться на почве реальных фактов и не увлекаться поисками слишком глубоких корней традиции «микролитизма» в палеолите Центральной и Восточной Азии, то индустрия Шароосогола — великолепный образец того, что дало истоки культуре, которую представляют такие памятники, как Чжияюй, Сяонаньхай, Линцзи, Дали и Чаошань.

Для инвентаря Шароосогола характерно прежде всего наличие миниатюрных, требующих тончайшей техники отделения микропластин нуклеусов конического типа, которые ранее приводили в немалое смущение всех, кто

обращался к изучению материалов, собранных П. Тейяр де Шарденом и Э. Лисаном. Казалось невероятным, что такие высокосоввершенные изделия, не отличимые по существу от иных неолитических, могли располагаться в одном слое с верхнеплейстоценовой фауной. Но факт оставался фактом, и последние исследования подтвердили его несомненную реальность. Вторая разновидность нуклеусов — торцовое с чрезвычайно узкой, клиновидной в плане поверхностью скалывания мелких ножевидных пластин, не менее замечательна. Они поражают тонкостью отделки и малыми размерами. Один из нуклеусов изготовлен из подтреугольного не очень массивного отщепца. Боковые стороны его оставлены без обработки, ударная площадка склонена к тыльному ребру, которое скошено к острому концу, покрыто по краю фасетками ретуши и образует с поверхностью скалывания острый угол. У второго нуклеуса боковые грани сплошь покрыты сколами, тыльное ребро закругленное, тщательно обработанное по краю, скребковидное по облику. Поверхность скалывания столь же узкая, как у первого нуклеуса. Особенности обработки и конфигурация тыльного ребра свидетельствуют о том, что часть изделий Шароосогола, которые описываются обычно как скребки, на самом деле, возможно, представляют собой заготовки торцовых с конической поверхностью скалывания нуклеусов. Конические и торцовые нуклеусы использовались для получения микропластин, которые, очевидно, применялись в качестве вкладных лезвий составных орудий. Нельзя не обратить внимание на то, что среди нуклеусов, предназначенных для производства микропластин, отсутствуют нуклеусы-скребки гобийского типа. Два заготовки их обнаружены в верхних горизонтах Шароосогола, относящихся к самому концу плейстоцена или, что более вероятно, к голоцену. Уместно, в связи с этим также отметить, что в Чжунюй, хронологически очень близком, по существу, почти синхронном Шароосоголу памятнике, нуклеусы-скребки также не обнаружены, но зато найден торцовый с подпрямоугольной поверхностью скалывания нуклеус. У него скошенное тыльное ребро, обработанное с одной стороны ретушью, и кельтовидный нижний конец, подтесанный с двух сторон и образующий с поверхностью скалывания тупой угол. Нуклеусы-скребки гобийского типа зафиксированы лишь в самой поздней из стоянок микролитического по характеру верхнего палеолита лессового плато — в Линцзи. Малочисленность коллекции каменного инвентаря Шароосогола, возможно, объясняет причину того, почему среди нуклеусов отсутствуют те варианты их, с которых скалывались более крупные и широкие ножевидные пластины. Однако отдельные экземпляры концевых скребков, а также орудий типа проколов и острий свидетельствуют о том, что для производства таких

пластин использовались нуклеусы конического или, как их называют китайские археологи, карандашевидного типа. Развитые варианты их обнаружены при раскопках в Линцзи. Что касается нуклеусов Шароосогола, то они также отличались, очевидно, от упомянутых вначале миниатюрных нуклеусов конического типа лишь размером.

Инструментарий Шароосогола поражает миниатюрностью изделий и тонкостью отделки орудий, демонстрирующей исключительно высокий уровень техники обработки камня. Набор изделий составляют серии концевых скребков, изготовленных из коротких сечений правильных пластин; миниатюрные скребки с прямыми или округлыми, обработанными тончайшей ретушью рабочими краями, — своего рода уменьшенные до предела «копии» скребел, характерных для верхнего палеолита востока Азии, в особенности севера ее; остря, слегка изогнутые на конце и изготовленные из подтреугольных пластинчатых сколов, которые обрабатывались по краю лишь со спинки, — тончайшие с изогнутыми рабочими концами проколки, в качестве заготовок для которых использовались как отщепы, так и пластины; мелкие инструменты с выемчатыми или прямыми рабочими краями, обработанными крутой, притупляющей ретушью, иногда противоположащей. Обработка обычно велась со стороны спинки, но обнаружены также экземпляры изделий, ретушированных с брюшка. Заметна, кроме того, тенденция превратить рабочий край с помощью специальных приемов ретуширования в пильчатое лезвие. Несмотря на миниатюрность, некоторые инструменты превращены в комбинированные орудия. У них два рабочих лезвия, одинаковых или разных по назначению. Крупные галечные орудия, обычные для палеолита востока Азии, среди находок в Шароосоголе отсутствуют. Однако такой факт отнюдь не означает, что самая характерная для ранних культур каменного века всего ареала традиция оказалась прерванной или забытой. Просто в Шароосоголе все подвергалось «миниатюризации», в том числе и галечные инструменты, что не в последнюю очередь объясняется особенностями сырья, которое находилось в распоряжении обитателей района широкого распространения песков. Серия изделий из мелких галечек, обнаруженных в Шароосоголе, подтверждает такой вывод. Они по всем признакам представляют собой микрокопии крупных галечных орудий, широко распространенных в индустриях палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии. В Линцзи такие крупные галечные орудия образуют неотъемлемую часть инструментария.

Оценивая в целом индустрию Шароосогола, можно сделать вывод о том, что микролитизация ее инвентаря связана не только с естественным прогрессом мастерства тех, кто обрабатывал камень, но также с совершенно определен-

ными хозяйственными потребностями, вызвавшими изменения в технических традициях. В тот период верхнего плейстоцена, к которому относится Шароосогол, в степной части Азии завершался процесс исчезновения крупных млекопитающих, поэтому обитатели его стали охотиться на таких трудно уловимых животных, как антилопы. Вот почему именно костные остатки *Procapra picticandata przewalskii* составляют подавляющую часть фаунистической коллекции Шароосогола. Обитатели стоянки специализировались в охоте на антилоп, а также других животных открытых степных и пустынных пространств, и тот инструментарий, который обнаружен при раскопках в Шароосоголе, более чем что-либо другое обеспечивал удачу в преследовании их. В Чжиюй охота велась главным образом на лошадей, но те, кто устроил там свой лагерь, тоже представляли коренных обитателей степей. Вообще, Шароосогол можно считать не только древнейшим, но и поистине классическим памятником микролитической по стилю, верхнепалеолитической культуры, которая формировалась прежде всего в пустынной и степной зоне Центральной Азии и, разумеется, на территории Внутренней Монголии как ее крайнего восточного форпоста. В пределы территории этой культуры входили также окраинные области лессового плато, а влияние распространялось еще далее на восток, что подтверждают открытия в Чжиюй, Линцзи, Дали и Чаош. Что касается Сяонаньхай, то нельзя не обратить внимание на отличие его от остальных памятников при некотором сходстве отдельных элементов культуры. Промежуточная хронологическая позиция Сяонаньхай, более молодого, чем Шароосогол и Чжиюй, но более древнего при сравнении с Линцзи, отнюдь не предопределяет проявления ожидаемого и столь же ярко выраженного микролитического стиля, который так характерен для остальных местонахождений. Конечно, с накоплением новых сведений многое может измениться, но пока напрашивается вывод о том, что Сяонаньхай, возможно, представляет иную верхнепалеолитическую традицию и другую культуру коренных обитателей лессового плато, соседей степных обитателей Центральной Азии.

До сих пор речь шла о единственном на юге Внутренней Монголии памятнике раннего этапа верхнего палеолита и характеристика культуры давалась на фоне материалов, полученных при исследовании стоянок, открытых недавно в пределах границ лессового плато. Между тем в то же время для сравнений не привлекались коллекции, собранные в Циншуйхэ, Чжунгээрци, а также в других местах севера Внутренней Монголии. Однако анализ велся именно по такому плану не случайно, поскольку открытые здесь памятники представляют не только иной хронологический этап верхнего палеолита Внутренней Монголии, но также другую по характе-

ру культуру. Проявление в ней новых, неведомых ранее специфических особенностей объяснить, при ограниченности фактической базы, а также неопределенности геологической датировки, нелегко. Причину можно искать в значительном хронологическом разрыве, отделяющем памятники Циншуйхэ и Чжунгээрци от Шароосогола, Чжиюй и Линцзи, когда неожиданно видишь финальный итог эволюции культуры, изменившейся до неузнаваемости. Столь же закономерно предположить, привлекая ближние и дальние аналогии, что изменения вызваны влияниями со стороны, а то и миграциями в пределы Внутренней Монголии носителей иных культурных традиций. Оценивая коллекции каменных изделий из Циншуйхэ и Чжунгээрци, следует также помнить, что публикации находок из Внутренней Монголии появились до открытий в Чжиюй и Линцзи, когда в особенности очевидной стала значимость культуры, представленной «микролитическими» по характеру изделиями Шароосогола. В публикациях же Мжан Шан-шуйя с большой осторожностью дается оценка факта открытия вместе с бесспорно палеолитическими изделиями микролитических по облику орудий. Его, естественно, смущала возможность примеси в коллекциях неолитических инструментов микролитической культуры степей Центральной Азии, вследствие чего он, по-видимому, воздержался от публикации мелкого инвентаря. Но в таком случае неолитическая культура Циншуйхэ и Чжунгээрци представлена в изданиях без интереснейшей составной части индустрии, что делает невозможным детальное сопоставление ее с культурой предшествующей стадии развития. Все это следует учитывать, оценивая весомость и оправданность итоговых выводов.

Отсутствие среди каменных изделий «микролитических» инструментов все же придает, при бесспорно высокой технике обработки камня и типологическом совершенстве орудий Циншуйхэ и Чжунгээрци, неоправданно архаический облик культуре. Публикация одного изготовленного из небольшой гальки нуклеуса подпризматического типа позволяет предполагать, что техника отделения мелких ножевидных пластин продолжала оставаться достаточно высокой. Такие микропластины по-прежнему использовались в качестве вкладных лезвий составных инструментов. Как известно, для Шароосогола, так же как для остальных памятников культуры того же круга, не характерны нуклеусы левалуазского типа, представленные, однако, среди находок в Шуйдунгоу. Но в Циншуйхэ и Чжунгээрци такого рода нуклеусы, значительно более развитые и превратившиеся по существу в подпризматические со скошенными ударными площадками, неожиданно появляются вновь. С них скалывали крупные и довольно правильные ножевидные пластины, из которых затем изготавливали концевые скребки, а также, при

достаточной ширине заготовки, ножи и скребла. Развитость в культуре пластинчатой техники не подлежит сомнению. Кроме того, оценивая наиболее броские особенности индустрии центральных районов Внутренней Монголии, следует отметить стремление мастеров при изготовлении орудий не ограничиваться регулированием рабочего края их, а выстругивать порой самым тщательным образом одну или, в более редких случаях, обе широкие плоскости. Обработанные в такой манере скребла, острокопечники или ножи, напоминая по очертаниям мустьерские изделия, выглядят весьма совершенными. Галечные орудия типа чопперов и чоппингов по типологии обычны, и ничего специфического в их особенностях не замечено по сравнению со множеством в той же манере обработанных галек, найденных в пределах лесового плато и на территории Центральной Азии. Что касается трех пунктов культуры типа Шароосогола, то оббитые гальки упоминаются только в описании находок Линцзи, т. е. самого позднего ее местонахождения.

Проблема датировки комплекса находок из Циншуйхэ и Чжунгэрци остается наиболее сложной. Китайские археологи ограничиваются указанием на то, что изделиями из центральных районов Внутренней Монголии представлен поздний этап верхнего палеолита. Чжан Шэн-шуй, пытаясь решить вопрос, сопоставлял коллекции из Внутренней Монголии с находками из Дали и Чаои в Шэньси, с единственным, что в то время знали по донеолитической культуре с микролитическими традициями. Эта мезолитическая культура, известная под названием Шаюань, по мнению Чжан Шэн-шуй, представляет несравненно более развитый этап, чем культура центральных районов Внутренней Монголии. Дело заключается даже не только в том, что среди находок из Дали и Чаои 85% составляли так называемые микролиты, 14% отщепы и 1% шлифованные изделия, а в том, что 20 орудий из кварцита культуры Шаюань резко отличались от инструментов, изготовленных из того же сырья на стоянках в Циншуйхэ и Чжунгэрци. В Дали и Чаои не обнаружены также определенного типа двусторонне обработанные орудия, крупные оббитые гальки и боласы. Чисто технические приемы в обработке камня тоже отличаются. Процент односторонне обработанных изделий в культуре Шаюань несравненно ниже, а сырье, применявшееся для изготовления орудий, не так многообразно по разновидностям, как на стоянках центральных районов Внутренней Монголии. Такие сопоставления позволили Чжан Шэн-шуй прийти к заключению о более позднем возрасте культуры Шаюань по сравнению с Циншуйхэ и Чжунгэрци. О том, насколько сложной остаются проблемы датировки находок отсюда и сопоставления с другими ставшими теперь известными памятниками верхнего палеолита лесового плато,

свидетельствует тот примечательный факт, что в публикациях, посвященных Чжуйю и Линцзи, они полностью обойдены. Между тем помимо отмеченного ранее сходства галечных орудий из центральных районов Внутренней Монголии и таких же по типу изделий в Линцзи можно еще привести факт открытия здесь и там нуклеусов-скребков гобийского типа, что, кстати, тоже подтверждает вывод о позднем по сравнению с Шароосоголом и Чжуйю возрасте коллекций из Циншуйхэ и Чжунгэрци. И все же в рамках известного по верхнему палеолиту Восточной Азии нет комплекса, с которым следовало сравнить находки, опубликованные Чжан Шэн-шуй. Поэтому как шаг отчаяния воспринимается его заключительный вывод о значительной близости инвентаря со стоянок центрального района Внутренней Монголии с изделиями, обнаруженными в Костенках IV и Староселье (1), вследствие чего допускается возможность хронологического сопоставления его находок с культурой «конца палеолита», а конкретно — «средней поры эпохи солиютре».

Очевидно, такие широкие трансконтинентальные сопоставления несут в себе долю риска. Между тем напрашиваются аналогии и сравнения, значительно более близкие и менее натянутые, причем пути к ним разрабатываются достаточно давно, по существу с того времени, когда удалось открыть ордосский палеолит и когда в 1920—30-е гг. начались широкие раскопки в долине Енисея, а затем на Ангаре. Речь идет о гипотезе существования огромной сибирско-центральноазиатской верхнепалеолитической провинции Старого Света. Она традиционна в теоретических разработках общих проблем палеолита востока Азии, впервые высказана П. Тейяр де Шарденом, Н. К. Ауэрбахом и Г. П. Сосновским и в наиболее значительном виде выражена С. Н. Замятниным. Эта гипотеза подразумевает единый, глубокий в основе тонус или настрой в культуре всего ареала, не исключающий одновременного существования внутри его отдельных достаточно ярких локальных подразделений. Если, однако, до сих пор сравнивались главным образом культурные комплексы, выявленные при раскопках Мальты, Афонтовой горы в Сибири и Шуйдунгоу на территории Центральной Азии, то теперь с появлением статей о находках в Циншуйхэ, Чжунгэрци, Чжуйю, Линцзи, позволяющих к тому же по-настоящему оценить старые коллекции из Шароосогола, сопоставления могут вестись на более многосторонней основе и с большей детализацией. Здесь не место заниматься решением такой специальной и чрезвычайно сложной проблемы. Подобная тема заслуживает особой публикации. Что же касается культуры, представленной материалами из центральных районов Внутренней Монголии, то сибирско-монгольский характер ее не подлежит сомнению. Разумеется, до появления в печати детального изда-

ния коллекций из Циншуйхэ и Чжунгээрци, так же как и монографических описаний материалов верхнепалеолитических культур юга Сибири и Монголии, вряд ли удастся сопоставить совершенно конкретные культурные ареалы, а тем более памятники. Речь в данном случае идет о том, чтобы на первой, предварительной стадии изучения подтвердить сибирско-монгольское направление связей культуры позднего палеолита восточных районов Центральной Азии.

С сибирскими верхнепалеолитическими комплексами широкой зоны, от долины Енисея на Западе и до Забайкалья на востоке, инструментарий поздней культурной стадии Внутренней Монголии связывает прежде всего разного рода типологические подразделения скребел. Конфигурация их, манера обработки рабочих краев во многих случаях сходны, хотя нельзя не обратить внимание на значительно большую тщательность отделки при сплошном выстругивании одной или двух широких плоскостей изделий. Некоторые скребловидные орудия настолько поразительно сходны, что кажутся выпешшими из рук одного мастера. В частности, на удивление близки подтреугольные или овальные инструменты, у которых крутой ретушью обрабатывался лишь край, а широкая плоскость сохраняла галечную корку или поверхность раскола. Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский, публикуя такие изделия, найденные при раскопках Афонтовой горы II, назвали их в одном случае «треугольной формы орудием», а в другом — «массивным острием»⁴⁵. Столь же похожи так называемые острия⁴⁶ и «узкое скребло»⁴⁷ Афонтовой горы III с орудием, названным китайскими археологами «длинным скреблом» (см. рис. 23, 6). К сходным по главным стилистическим особенностям орудиям относятся также подтреугольные с широким основанием острия, характерно симметричные и напоминающие отчасти мустьерские по типу. Возможно лишь, как и в случае со скреблами и ножами, изделия из Внутренней Монголии выглядят типологически более совершенными из-за тонкости и тщательности обработки широких плоскостей. Аналогии прослеживаются также в случаях с остриями, у которых приостренный, напоминающий проколку конец своеобразно загнут. Двусторонняя техника обработки орудий, столь отчетливо проявляющаяся на примерах целого ряда изделий, обнаруженных на территории Внутренней Монго-

лии, характерна, как теперь выясняется, и для палеолита бассейна Енисея. Близкие аналогии с Сибирью устанавливаются, кроме того, при сравнении проколковидных изделий, подпризматических (леваллуазских) по типу нуклеусов, концевых скребков и скребков из отщепов, топоровидных орудий, микронуклеусов и, конечно же, серий галечных инструментов типа чопперов и чоппингов. Некоторые специфические технические приемы, вроде подтески оснований острокопечных орудий с брюшка, также близки.

Разумеется, все это отнюдь не означает, что верхний палеолит Внутренней Монголии района Циншуйхэ и Чжунгээрци представляет собой точную копию культур соответствующего времени юга Сибири и Монголии. Специфика его очевидна, и она достаточно ярко проявляется в особых стилистико-типологических чертах орудий и своеобразии манеры чистовой отделки инструментов, в частности в уже отмеченном не один раз пристрастии мастеров к тщательному выстругиванию широких плоскостей изделий. Но в данном случае, когда совсем не ставится задача детального сопоставления находок из Внутренней Монголии с материалами совершенно конкретных памятников верхнего палеолита Сибири и Монголии, что привело бы к расширению и без того слишком затянувшегося повествования, важно лишь подчеркнуть бесспорно единый с северным ареалом культурный тонус. Он обуславливался контактами с севером, прямыми миграциями населения на юг и, несомненно, общей подосновой, сформировавшейся на раннем этапе верхнего палеолита, когда население степей севера и центра Азии, охотники на быстроногих стадных животных открытых пространств, формировали базу новой, микролитической в основе технической традиции, что ярко раскрывают коллекции из Шароосогола, Чжиюй, Линцзи и мезолитической культуры Шаюань в Шэньси. Иначе, судя по всему, развивались события в культурной истории лёссовых районов собственно Китая.

Имеющиеся пока в распоряжении археологов материалы по палеолиту и мезолиту Маньчжурии, Внутренней Монголии и, в особенности, Восточного Туркестана далеко не так обильны, чтобы яснее представить процесс эволюции культур и их особенности в каждом из регионов на этапах, предшествующих неолиту. Но увеличивающийся год от года масштаб исследований и поиски новых памятников докерамической эпохи позволят, очевидно, в недалеком будущем восстановить здесь более детальную картину хода событий. В связи с этим особого внимания заслуживают дальневосточный и сибирско-центральноазиатские ареалы локальных верхнепалеолитических культур.

⁴⁵ Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтовой горы II. — В кн.: Труды комиссии по изучению четвертичного периода, т. 1, 1932 (см. табл. III, рис. 2 и 5. Ср. рис. 24, 1).

⁴⁶ Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова гора III. — В кн.: Труды Общества изучения Сибири и ее производительных сил, вып. 7. Новосибирск, 1930 (см. табл. 7, 5).

⁴⁷ Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П. Указ. соч., табл. II, 6.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК АЧИНСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

До сих пор опубликована лишь небольшая часть материалов Ачинской палеолитической стоянки¹, а между тем этот своеобразный памятник заслуживает пристального внимания. Цель нашей статьи — публикация материала, добытого за 3 года исследований памятника (считая небольшие работы первооткрывателя стоянки Г. А. Авраменко в 1961 г.).

Раскопки Ачинской стоянки производились в 1963—1964 гг. под руководством В. И. Матющенко силами Томского государственного университета совместно с Ачинским краеведческим музеем. За 2 года работ вскрыт участок стоянки площадью 170 м². Однако культурный слой выявлен лишь на 75 м² площади: большая часть раскопа 1963 г. находок не содержала, поэтому участок, намеченный к вскрытию в 1964 г. (108 м²), был предварительно проверен системой траншей, показавших, что культурные остатки здесь прослеживаются не более чем на 50 м².

В 1963 г. в южном углу раскопа вдоль линии 1—1 сделана врезка 2×1 м и зафиксирован следующий разрез²: 1) светлая прослойка — выброс экскаватора, 0—30 см; 2) современный гу-

мус, черный, переплетенный корнями растительности, 30—40 см; 3) серый плотный делювиальный суглинок с черными вертикальными отдельностями (окись железа и марганца). В верхней его части, непосредственно под почвенным слоем, встречаются галька и гравий. Толщина слоя 40—125 см; 4) желтоватая неслоистая глина с отдельными вкраплениями окиси железа и марганца, 125—235 см. К этому геологическому горизонту приурочен культурный слой⁴; 5) плотная светло-серая глина юрского возраста, представляющая собой водонепроницаемый горизонт, прослеживается от глубины 235 см и далее.

Культурный слой зафиксирован в квадратах А-1-7, Б-2-8, В-2-8, Г-3-8 раскопа 1963 г. и в квадрате А₁-И₁-4-9. При разработке карьера он затронут лишь на небольшом участке — в квадрате А-Б-1-3⁵. На поврежденных участках мощность его невелика — 3—5 см⁶. Слой с находками залегает с уклоном к северу, что, вероятно, соответствует рельефу древней поверхности⁷. Культурный слой представляет собой прослойку светло-коричневого цвета с темными гумусированными и углистыми пятнами, отдельными вкраплениями угольков, пятнами окры, насыщенную костями животных, фрагментами расколотых камней, каменными и костяными орудиями⁸. Вокруг костей в глине, как правило, образовывался голубоватый ореол, толщина которого зависела от величины кости⁹. По свидетельству В. И. Матющенко, перекрывающая глина легко отделялась от куль-

¹ Авраменко Г. А. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска (предварительное сообщение). — В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

² Необходимо отметить, что цифровая нумерация квадратов раскопа 1964 г., указанная в отчете (Отчет о полевых исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева летом 1964 г. Архив музея археологии и этнографии ТГУ, № 281, с. 22 и далее; в дальнейшем ссылки на этот отчет обозначаются: Отчет 1964 г., страница), не соответствует действительности. Как показывает привязка части очажного пятна, раскопанной в 1964 г., к части того же пятна, раскопанной в 1963 г., квадраты, обозначенные в отчете 1964 г. № А-М-9, в действительности относятся не к девятой, а к пятой линии квадратов раскопа 1963 г., и должны иметь номера А-М-5. Соответственно смещаются и остальные квадраты. Линии квадратов, обозначенные в отчете № 4-1, автор вынужден отмечать как № 1¹-4¹ (см. рис. 2).

³ Отчет о полевых исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева летом 1963 г. Архив

музея археологии и этнографии ТГУ, № 265, с. 69—70. В дальнейшем ссылки на этот отчет обозначаются: Отчет 1963 г., страница.

⁴ К сожалению, не отмечена глубина залегания культурного слоя. На схеме колонки, приложенной к отчету 1963 г. (рис. 52), не соблюдены масштабы, и указать по ней точную глубину залегания культурного слоя невозможно. Но приблизительно, судя по схеме, культурный слой залегает в нижней части суглинка.

⁵ Отчет 1963 г., с. 66.

⁶ Там же.

⁷ Там же; Авраменко Г. А. Указ. соч., с. 21.

⁸ Отчет 1963 г., с. 66—68; Отчет 1964 г., с. 24.

⁹ Отчет 1963 г., с. 69.

турного слоя¹⁰. В целом культурный слой залегает *in situ*: он не переотложен при смыве с более высоких участков, вертикально не деформирован, остатки кострищ сохранились хорошо, вертикально торчащие кремни и кости не зафиксированы. Однако горизонт с находками несомненно потревожен делювиальным размывом, который происходил в двух смежных направлениях, что фиксируются вытянутостью зольных пятен и ориентацией длинных костей: юг — север и юго-восток — северо-запад. Эти направления совпадают с общим уклоном культурного слоя стоянки.

На раскопанной площади обнаружены ярко выраженные остатки двух кострищ: № 1, частично вскрытое в 1963 г. и докопанное в 1964 г., и № 2, полностью раскопанное в 1964 г. Кострище № 1, расположенное в квадратах А₁-4, А₄-5, представлено черным неправильной формы пятном, насыщенным углями. Размеры его 120×105 см, западные границы нечеткие¹¹, мощность слоя достигает 6—8 см¹². От основного пятна прослежено протянувшееся в северном направлении (квадраты А₄-5; Б₄-6; Б₅-6) пятно зольной и гумусированной земли с довольно редкими вкраплениями угольков и отдельными более темными гумусированными участками. Оно, очевидно, образовалось вследствие размыва кострища под уклон к северу, что соответствует, вероятно, основному направлению стока делювиальных вод на территории Ачинской стоянки.

Кострище № 2 располагалось в квадратах В₁-4; Б₁-45; А₁-5. Оно представляет собой темное пятно, насыщенное углями, вытянутое в северном направлении. Размеры его 250×90 см, северные границы нечеткие. Кострище размыто значительно сильнее первого — мощность его не превышает 3—4 см¹³. Оно не сохранило свои первоначальные очертания, хотя в южной части насыщено углями сильнее, чем в северной. Кроме того, в кв. В-2-3 прослежено еще одно пятно углистой земли, размытое в направлении юго-восток — северо-запад. Его размеры 120×40 см, оно значительно слабее окрашено, чем пятна кострищ № 1 и 2; его мощность не превышает 2—3 см¹⁴. Не исключено, что пятно представляет собой остатки третьего кострища.

Находки на раскопанной площади распределены неравномерно. Четко прослеживаются 2 скопления их: одно — в квадратах А₁-4-5; А₄-7; Б₄-8; В-7-8¹⁵ и второе — в кв. Б₁-4; В₁-3-4; Г₁-4; Д₁-3-4¹⁶. Они явно тяготеют к кострищам № 1 и 2. У пятна в кв. В-2-3 (кострище № 3 ?)

культурные остатки не обнаружены. В других квадратах находок значительно меньше. Особенно мало скоплений расщепленного камня, но кости встречаются чаще¹⁷. Очевидно, это связано с тем, что обработка камня на раскопанном участке стоянки велась около кострищ — явление обычное для палеолитических памятников. Костный материал Ачинской стоянки до сих пор не определен. Согласно предварительной оценке Г. А. Авраменко, на ее территории найдены кости мамонта, лошади, песца, козы или сайги, куропатки (?)¹⁸. Он обратил также внимание на преобладание в коллекции степных видов животных — лошади и сайги¹⁹. Общее количество каменных изделий, собранное за годы раскопок, составляет 1673 экз. Большая часть их хранится в музее археологии и этнографии Томского университета, меньшая — в краеведческом музее г. Ачинска. Коллекцию обработанного камня составляют: 1) заготовки и отходы производства (кроме нуклеусов) — 1367 экз.; 2) нуклеусы без явных следов использования их в качестве орудий труда — 70 экз.; 3) изделия со следами вторичной обработки — 236 экз.

Г. А. Авраменко указывал, что сырьем для изготовления орудий труда обитателей Ачинской стоянки служил галечник из юрских отложений, в изобилии встречающийся во вторичном залегании на бортах долины²⁰. О том, что все стадии обработки камня от первичной оббивки гальки до изготовления инструмента выполнялись на территории стоянки, свидетельствует достаточно высокий процент заготовок, имеющих валунную корку: из 1367 экз. заготовок и образцов отходов производства валунная корка отмечена у 344 экз., что составляет приблизительно 25%. Некоторые оббитые камни представляют собой довольно крупные фрагменты расколотых галек. При всем обилии и доступности сырья отличалось низким качеством. Кремень и яшма встречались редко. Использование малоподходящих для обработки пород, в том числе кремневого дерева²¹, приводило при обработке камня к увеличению количества отбросов.

Явное преобладание отщепов и аморфных обломков по сравнению с пластинами и пластинчатыми отщепами — свидетельство плохого качества сырья. Что касается пластинчатой техники, то она для Ачинской стоянки, конечно, же характерна. Изучение заготовок, превращенных в орудия подтверждает такое предположение. Анализ произведен по системе Л. Вертеша,

¹⁰ Отчет 1964 г., с. 24.

¹¹ Отчет 1963 г., с. 67; Отчет 1964 г., с. 25.

¹² Отчет 1964 г., с. 25.

¹³ Там же.

¹⁴ Отчет 1963 г., с. 67.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Отчет 1964 г., с. 25.

¹⁷ Отчет 1963 г., с. 67—68.

¹⁸ Авраменко Г. А. Указ. соч., с. 23; Отчет 1963 г., с. 74—75.

¹⁹ Отчет 1963 г., с. 75.

²⁰ Авраменко Г. А. Указ. соч., с. 23; Отчет 1963 г., с. 74.

²¹ Там же.

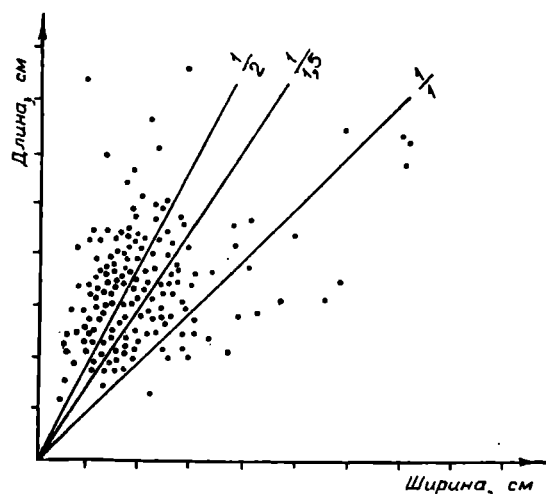

Рис. 1. График распределения орудий труда по их длине и ширине.

дополненной Н. Д. Прасловым²² с помощью графика, на котором все заготовки со следами вторичной обработки (в том числе сломанные) представлены в виде заключенной в системе координат совокупности точек, каждая из которых отражает размеры изделия. На графике проведены разграничительные линии — по значимому для характеристики заготовки отношению ширины к длине (рис. 1). Для количественной характеристики вычислены индексы каждой из этих групп: $X_1 = 11,3\%$; $X_2 = 27,1\%$; $X_3 = 18,2\%$; $X_4 = 43,4\%$. Индекс пластичности X_1 превышает индексы отщепов, даже вместе взятые ($X_1 + X_2 = 38,4\%$), и намного больше индекса пластинчатых отщепов. Таким образом, несомненное предпочтение здесь отдается удлинённой заготовке и в первую очередь — пластине для изготовления орудий труда. Но в то же время индекс пластичности в Ачинской стоянке ниже, чем в типичных верхнепалеолитических памятниках Европы, где он превышает 50%. Здесь, очевидно, в первую очередь из-за плохого качества сырья он больше соответствует индексам пластинчатости памятников позднего европейского мустье²³. Интересно проследить некоторые особенности приемов оформления заготовок, которые применялись при обработке камня на Ачинской стоянке. Важный показатель — характер ударных площадок. Общее количество определимых ударных площадок среди изделий коллекции 226 экз. Их можно классифицировать следующим образом:

Ударная площадка	шт.	%
Галечная корка	100	44
Простая	84	37
Фасетированная	42	19

²² Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. — МИА, Л., 1968, № 157, с. 88—90.

²³ Там же, с. 90.

Большинство ударных площадок в коллекции образует простая галечная корка без следов специальной обработки. Однако в подавляющем большинстве случаев они обладают идеально ровной поверхностью. Таким образом, можно предположить, что причина преобладания «естественных» ударных площадок объясняется специальным отбором сырья: при выборе галек мастера обращали, вероятно, особое внимание на те из них, у которых хотя бы одна сторона была ровной и представляла собой готовую, не требующую дополнительной подправки ударную площадку.

Важные особенности техники расщепления камня раскрывают нуклеусы. Их в коллекции довольно значительное количество — 70 экз., и, кроме того, 20 экз. превращены в орудия разного типа²⁴. Почти все ачинские нуклеусы сработаны до предела. Высота большинства их невелика — 1,5—8 см, а в основном не превышает 2—4 см. Следует прежде всего отметить открытие 2 дисковидных нуклеусов, диаметр которых составляет 3,5—5 см (рис. 2, 7). Их, конечно, нельзя назвать типичными изделиями такого типа, но радиальный принцип снятия заготовок прослеживается достаточно четко. Среди остальных 68 нуклеусов можно выделить 13 экз. (8 одноплощадочных, 4 двухплощадочных, 1 четырехплощадочный), изготовленных (кроме четырехплощадочного) из небольших галек, у которых сколами снята незначительная часть галечной корки. Они отличаются от остальных несколько большими размерами (у 10 экз. высота равна 5—8 см, и только у 3 несколько меньшая), а главное — большей грубостью обработки. У 7 нуклеусов ударными площадками служила галечная корка. С поверхности скалывания большинства из них снято несколько пластинчатых сколов, а с некоторых — не более двух (рис. 2, 8). Вероятно, эти нуклеусы, помимо четырехплощадочного, представляют собой предварительно опробованные гальки. Плохое качество сырья устанавливалось после первых же сколов, и галька тут же выбрасывалась.

Особого внимания заслуживает четырехплощадочный нуклеус (рис. 2, 1). Он изготовлен из специально отобранной подчетырёхугольной в поперечном сечении гальки, ровные боковые грани которой использовались как готовые ударные площадки. Первоначально она была, вероятно, длинной. Мастер вначале попытался использовать в качестве ударной площадки один из концов ее, но почему-то ограничился лишь снятием одной пластины. В дальнейшем скалывание производилось в поперечном направлении: в ударные площадки превращались попеременно четыре ровные боковые грани, а плоскостями скалывания становились концы гальки. На-

²⁴ В это число автор не включает нуклеовидные обломки, не имеющие сколько-нибудь выраженной ударной площадки и плоскости скалывания.

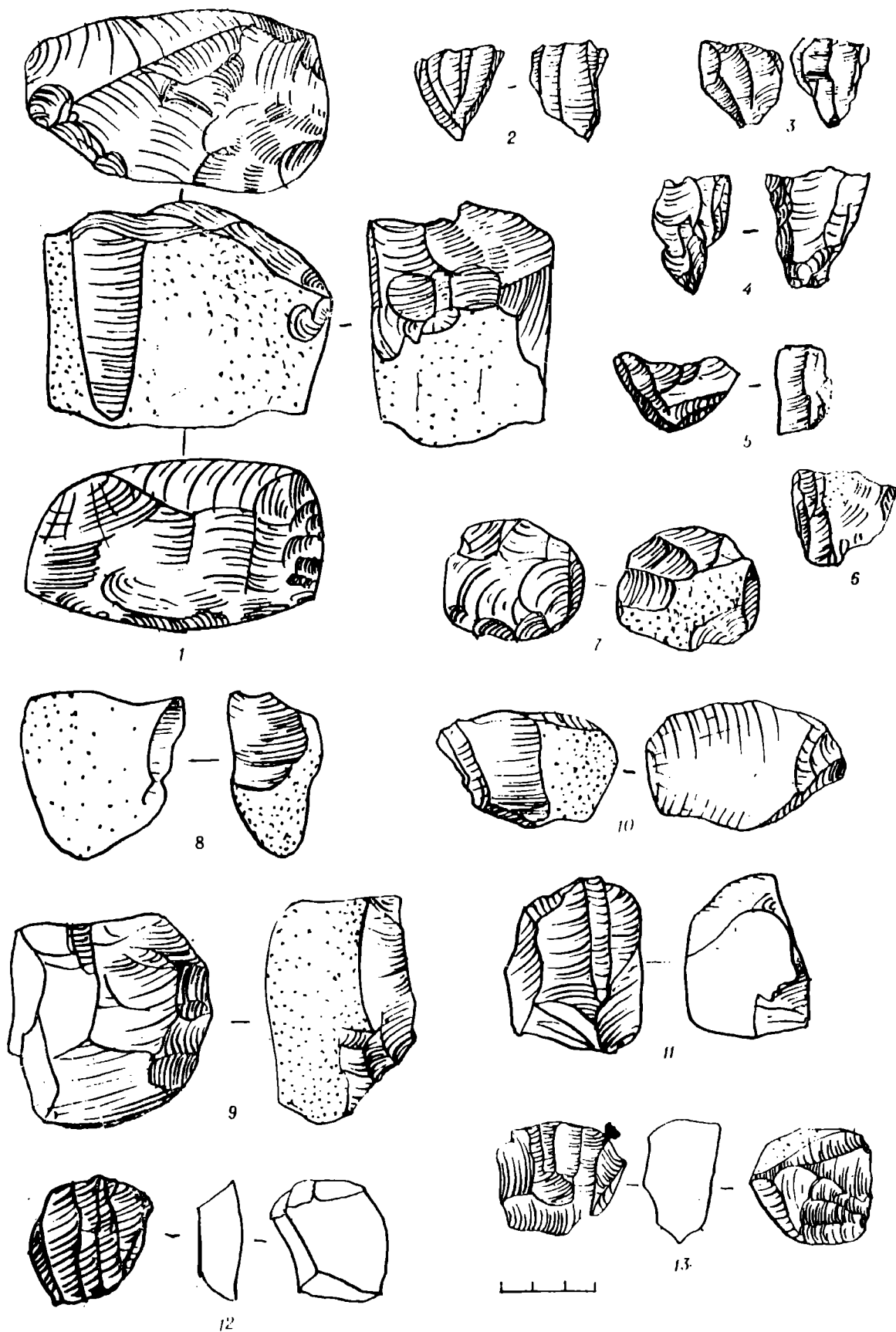

Рис. 2. Нуклеусы. Ачинская стоянка.

конец с нее начали снимать пластины, как с призматического нуклеуса, используя в качестве ударной площадки наиболее выраженную боковую грань. Скалывание велось не только в прежней плоскости, но и на широких боковых гранях, служивших прежде ударными площадками. Работа, однако, была прервана в самом начале, и к четырехплощадочному нуклеусу мастер более не вернулся. Нуклеус интересен тем, что в отличие от большинства остальных он не сработан до предела. Не исключено, что обработка его концов преследовала цель придать ему определенную форму, а затем снимать пластины.

Остальные 54 нуклеуса по количеству ударных площадок подразделяются на одноплощадочные (30 экз.), двухплощадочные (18 экз.) и трехплощадочные (6 экз.). Из одноплощадочных особое внимание заслуживают грубопризматические (14 экз.) и с суженной ударной площадкой (3 экз.). Грубопризматические нуклеусы обладают характерными признаками верхнепалеолитических призматических нуклеусов, предназначенных для снятия пластин. В ряде случаев по очертаниям они приближаются к конусовидным (рис. 2, 2—4). У 5 экз. нижний конец подправлен (рис. 2, 3, 4), края ударных площадок подправлены у каждого. У одного нуклеуса ударную площадку образует ровная галечная поверхность, у трех — площадки фасетированы. Высота шести нуклеусов 2,5—3 см, шести других 3,5—4 см, у одного — около 4,5 см. В целом ачинские нуклеусы более грубые, чем наиболее совершенные образцы призматических нуклеусов, что, вероятно, объясняется плохим качеством сырья, но 3 наименьших экземпляра (рис. 2, 2, 3), изготовленных из кремня, вполне соответствуют самым совершенным образцам, описанным М. З. Паничкиной²⁵. Она отмечала тенденцию, характерную для всего верхнего палеолита, к выработке суженной формы нуклеуса, когда мастер хотел получить узкие и длинные пластинки²⁶. У 3 нуклеусов из Ачинска отмечается именно такая особенность — узкая, не более 1 см ударная площадка (рис. 2, 5, 6). С одного из них пластинки снимались с двух противоположных концов ударной площадки (рис. 2, 5), но ни в одном из этих случаев не прослежена такая специфическая форма суженного нуклеуса, характерная для сибирского палеолита, как клиновидная²⁷. Остальные одноплощадочные нуклеусы Ачинской стоянки (13 экз.) более грубы и аморфны. Они сильно сработаны, их ударные площадки обычно широкие, и чаще всего заготовки с них снимались не по окружности, а в одной плоскости. Один

из них представляет собой «вторичное ядрище»: он изготовлен из массивного отщепы (рис. 2, 10).

У двухплощадочных нуклеусов Ачинской стоянки (18 экз.) во взаимном расположении ударных площадок и плоскостей скалывания наблюдается определенная система, позволяющая подразделить их на 2 основные группы: 1) нуклеусы с противолежащими ударными площадками и скалыванием пластин во встречном направлении (10 экз.). Строго говоря, противолежат здесь края ударных площадок, с которых снимались пластины, плоскости же площадок могут и примыкать друг к другу (рис. 2, 11, 12). У семи нуклеусов пластины снимались в одной плоскости, у трех — в разных; 2) ударные площадки примыкают друг к другу, а пластины с них снимались во взаимно перпендикулярном направлении (7 экз.). У трех нуклеусов они скалывались в одной плоскости (рис. 2, 9), у четырех — в разных (рис. 2, 13). Кроме того, у одного двухплощадочного нуклеуса ударные площадки противолежащие. Пластины с них снимались не во встречном, а во взаимно перпендикулярном направлении. Но экземпляр этот невыразителен, возможно, случаен, негативы сколотых пластин немногочисленны.

Многоплощадочные нуклеусы, очевидно, не характерны для Ачинской стоянки. У трехплощадочных нуклеусов (6 экз.) хорошо выражены лишь 2 ударные площадки, либо противолежащие, либо примыкающие друг к другу; третья же образовывалась, видимо, в результате попытки использовать двухплощадочный нуклеус после того, как обе его площадки использовались до предела. Во всяком случае, какой-либо системы во взаимном расположении трех ударных площадок проследить не удалось.

Как уже отмечалось, для 20 орудий Ачинской стоянки в качестве заготовок использованы сильно сработанные нуклеусы: 1 дисковидный, 12 одноплощадочных и 7 двухплощадочных (см. таблицу).

Таким образом, среди ачинских нуклеусов преобладают одноплощадочные и двухплощадочные. Среди одноплощадочных нуклеусов заметное место занимали грубопризматические, лучшие образцы которых сопоставляются с лучшими образцами европейских призматических нуклеусов. Нуклеусы с узкой ударной площадкой для Ачинска не характерны. Двухплощадочные нуклеусы четко подразделяются на 2 описанные выше группы с противолежащими и с примыкающими ударными площадками. Многоплощадочные нуклеусы не типичны. В коллекции, хотя и в очень небольшом количестве, представлена древняя форма — дисковидные нуклеусы.

В коллекции Ачинской стоянки насчитывается 236 изделий со следами вторичной обработки, что составляет 14% от общего количества найденных здесь обработанных камней. Несмо-

²⁵ Паничкина М. З. Палеолитические нуклеусы. — В кн.: Археологический сборник гос. Эрмитажа. вып. 1. Л., 1959, с. 54, рис. 23, 3, 4.

²⁶ Там же, с. 66.

²⁷ Там же, с. 58.

Соотношение видов нуклеусов, в том числе превращенных в орудия, экз.

Нуклеусы	Не превращенные в орудия	Превращенные в орудия	Всего, экз. (%)
Дисковидные	2	1	3 (3)
Одноплощадочные			
призматические	14	?	
с суженной ударной площадкой	3	—	50 (56)
прочие (в том числе неопределенные)	21	12	
Двуплощадочные			
противолежащие ударной площадке	11	3	
примыкающие к ударной площадке	10	1	29 (32)
прочие	1	3	
Трехплощадочные	7	—	7 (8)
Четырехплощадочные	1	—	1 (1)
Всего			90 (100)

тря на плохое качество сырья, пластины представляют собой преобладающий тип заготовок для орудий. Помимо пластин и пластинчатых отщепов, в том же качестве использовались также обломки и осколки (18 экз. или 7,5% от всего количества орудий), сработанные нуклеусы (20 экз., 8,5%) и гальки (15 экз., 6,3%). Ниже описаны орудия по отдельным категориям.

1. Скребки — 31 экз. Первооткрыватель памятника Г. А. Авраменко, характеризуя особенность инвентаря, обратил внимание на большое количество скребков высокой формы, изготовленных из нуклеусов²⁸. К числу такого рода нуклевидных скребков в коллекции принадлежат лишь 9 изделий (рис. 3, 2—4, 17). Они выделяются из числа остальных нуклеусов меньшей высотой, более или менее правильными и ровными очертаниями края ударной площадки (лезвие скребка), а также подправкой его. Однако провести четкую грань между нуклевидными скребками и нуклеусами невозможно, поскольку они весьма разнородны и почти все, судя по характеру негативов, переделывались из сработанных нуклеусов после весьма незначительной подработки²⁹. Поэтому нет уверенности в том, что, во-первых, 9 нуклевидных скребков выделены правильно (не являются ли по крайней мере некоторые из них просто нуклеусами?), а во-вторых, что среди уже описанных выше нуклеусов нет таких, которые использовались также в качестве скребков. Из девяти вы-

деленных с такими оговорками нуклевидных скребков 3 изготовлены из массивных отщепов, причем у одного из них зубчатое лезвие охватывает большую часть края (рис. 3). Среди остальных шести изделий, несомненно переделанных из нуклеусов, обращают на себя внимание 2 «ладьевидных» или «килевидных» скребка, один из которых — двойной (рис. 3, 4), а у другого боковую грань образует плоскость раскалывания, сильно сработанного нуклеуса (рис. 3, 3).

Остальных скребков в коллекции 22 экз. (один из них сломанный). Восемь скребков (рис. 3, 5—8) принадлежат особому типу концевых скребков, изготовленных из отщепов. Обработка их хотя и не нуждалась, очевидно, в больших затратах труда, но все-таки вполне отвечала определенным требованиям, которые выражаются в следующих морфологических

признаках: 1) в качестве заготовки использовались отщепы, преимущественно шириной 1,5 см и высотой 2—2,5 см; 2) очертания скребков лезвий уплощенно-дугообразные (только у одного инструмента дуга несколько асимметрична); 3) край скребкового лезвия ровный только в трех случаях, у остальных орудий он более или менее зубчатый; 4) ретушь, оформляющая рабочее лезвие, конвергентна только у одного скребка, у остальных она не конвергентна; 5) дополнительная ретушь по боковому краю нанесена лишь у одного из восьми скребков (рис. 3, 6); у второго скребка, отличающегося большими размерами заготовки, выделяется примыкающая к лезвию отретушированная выемка (рис. 3, 8); у остальных шести орудий краевая ретушь отсутствует.

Особенность скребков заключается также в том, что половина их изготовлена не из верхней, как обычно, а из нижней части отщепа.

Остальные скребки коллекции подразделяются на следующие группы: 1) 2 скребка, изготовленные из верхних частей сломанных пластин или пластинчатых отщепов. Помимо заготовок, важный признак, определяющий орудия, состоит в обработке обоих боковых краев, в одном случае — в виде противолежащих выемок, а в другом — зубчатой ретушью. Очертания скребковых лезвий правильные, дугообразные, их края ровные (рис. 3, 9, 10); 2) два концевых скребка, изготовленные из очень узких и тонких пластинок. Их объединяет и отличает от прочих скребковидных изделий характер заготовки. В остальном же они весьма различны: рабочие лезвия у них дугообразны, но у одного край лезвия ровный (рис. 3, 13), а у другого

²⁸ Авраменко Г. А. Указ. соч., с. 23.

²⁹ К ачинским нуклеусам относятся 9 нуклевидных скребков, хотя в принципе нельзя исключить, что один или два из них с самого начала представляли собой просто скребки.

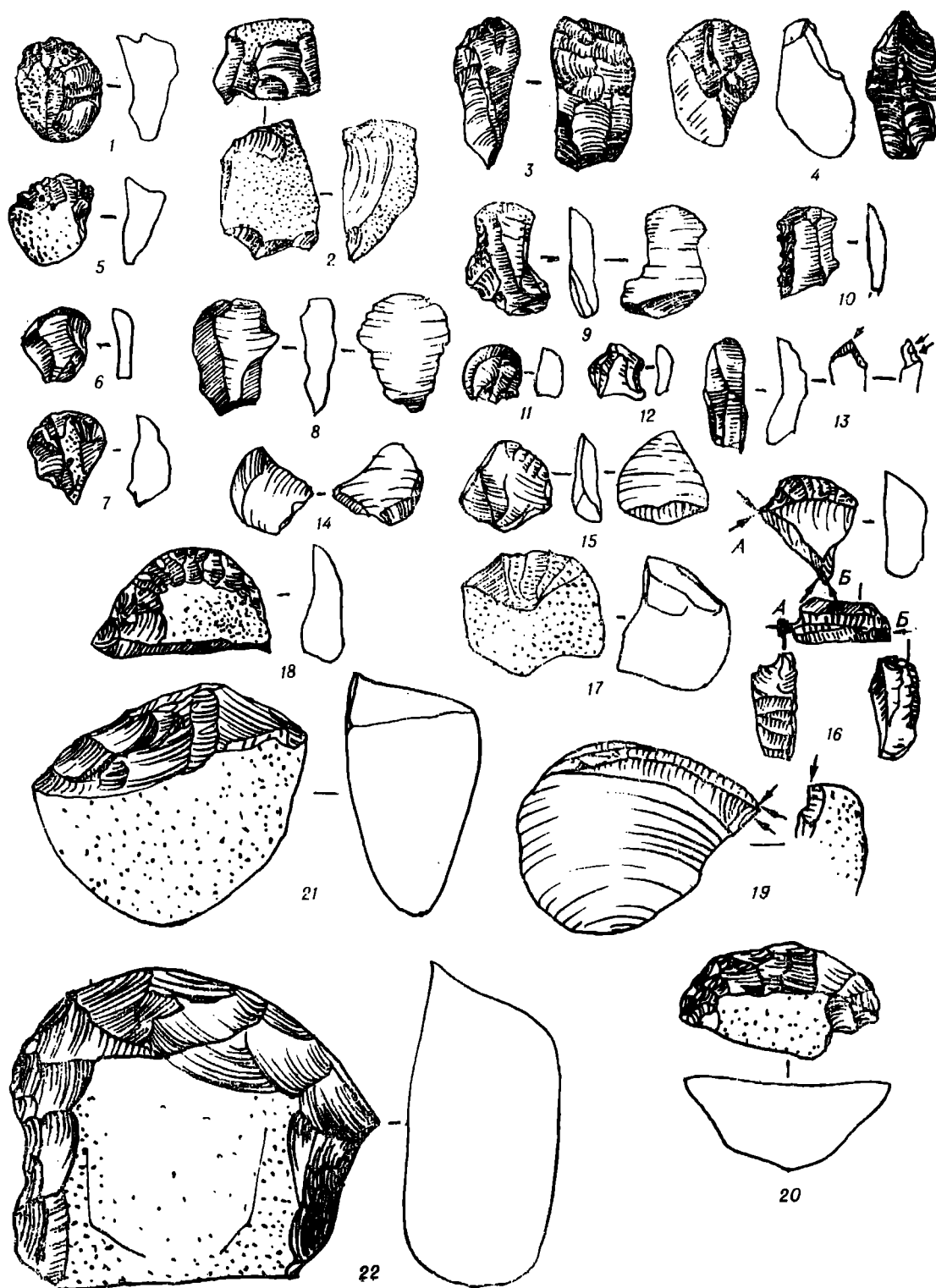

Рис. 3. Скребки (2—17) и скребла (18—22).

зубчатый. У скребка с зубчатым лезвием правый край с брюшка подправлен ретушью, а у второго скребка на противоположном конце оформлено резовое лезвие; 3) 2 укороченных скребка по пропорциям приближаются к округлым (диаметром около 1,5 см). У одного из них (рис. 3, 11) ровное дугообразное лезвие, оформленное конвергентной ретушью, занимающей значительную часть, но не весь периметр заготовки, а у другого лезвие протянулось по всему периметру, но по очертаниям оно асимметрично. На одном из участков его выделяется оформленное ретушью острие (рис. 3, 12); 4) 3 двойных скребка, изготовленные из отщепов. Двойные скребки Ачинской стоянки отличает характерный способ оформления лезвий: они примыкают друг к другу, но расположены на противоположных сторонах заготовки (рис. 3, 14); 5) 2 боковых скребка. Единственный признак, объединяющий их, — положение рабочего лезвия. Заготовкой в одном случае послужил отщеп (рис. 3, 15), в другом — верхний конец сломанной пластины. У последнего рабочее лезвие выражено слабо.

Выделенные группы по значению не равноценны. В некоторых из них, особенно в первой и четвертой, сочетание признаков достаточно характерно, чтобы предположить, что при последующем накоплении материала они окажутся типами³⁰. В то же время другие группы, в особенности пятая, не обладающие специфическим сочетанием признаков, могут остаться случайными объединениями. Каждый из оставшихся скребков коллекции по типу своеобразен. Из них наиболее интересно комбинированное орудие — скребок-двойной резец (рис. 3, 16). Его скребковое лезвие образует обычную уплощенную дугу; резовые лезвия оформлены атипичными, многократно возобновляемыми резовыми сколами.

При изготовлении скребел (12 экз.) использовались 2 вида заготовок: крупные отщепы (3 экз.) и гальки (9 экз.). Естественно, что 2 разновидности одного типа орудия резко отличаются друг от друга как по пропорциям, так и по приемам вторичной обработки. Лезвия скребел из отщепов — округлые. В двух случаях ретушированные края подправлялись дополнительно (рис. 3, 18, 20). У одного из скребел (рис. 3, 20) противоположные концы округлого лезвия приострены. Третье скребло своеобразно:

оно изготовлено из отщепа, на котором выделяются 2 поперечных плоских резовых скола, нанесенных с брюшка, и последующая подправка ретушью (рис. 3, 19). На правом углу орудия сделан еще один продольный резовый скол.

Из девяти галечных скребел выделяются 4 изделия (одно расколотое), которые характеризуются следующими морфологическими признаками: в качестве заготовки использовалась массивная галька, по ее краю тщательной ступенчатой ретушью оформлялось округлое лезвие скребла. Оно подправлялось затем мелкой ретушью по всей длине рабочего края. Боковые стороны скребла непременно стесывались, но они не представляют собой продолжение лезвия, а резко отличаются от него. В плане такое скребло отдаленно напоминает укороченный концевой скребок (рис. 3, 22). Повторяющиеся сочетания признаков позволяют выделить эти скребла в особый тип.

К ним близки 3 орудия, округлые лезвия которых оформлены по краю поперечно расколотых галек: в одном случае — тщательной ступенчатой ретушью, у остальных двух — более грубыми сколами с дополнительной подправкой. Боковые стороны этих скребел не обработаны (рис. 3, 21). Еще 2 изделия, которые также можно отнести к категории скребел, отличаются более грубой обработкой. Большинство орудий из Ачинска относится к категории скребел, хотя в коллекции есть также изделия из галек и других разновидностей.

Характерная черта каменного инвентаря Ачинской стоянки — отсутствие типичных, хорошо выраженных резов, хотя с техникой резового скола мастера были, бесспорно, знакомы, что подтверждается, в частности, наличием в коллекции восьми выразительных краевых резов, изготовленных из отщепов. Помимо описанных выше комбинированных орудий — двух скребков-резов и одного скребла-резца, в коллекции выделены 4 невыразительных резца. Один из них изготовлен из пластины, на которой сделан поперечный резовый скол (рис. 4), а 3 можно отнести к числу нуклевидных, поскольку заготовками для них послужили небольшие (приблизительно 2×3 см) нуклевидные обломки, а в одном случае настоящий двуплощадочный нуклеус (рис. 4, 2). Их рабочие лезвия оформлены атипичными резовыми сколами и подправлены мелкой ретушью.

Небольшую, но своеобразную категорию составляют орудия с чешуйчатой подтеской (5 экз.). Наиболее выразительны из них 3 экз., изготовленные из пластинчатого отщепа (рис. 4, 4), сильно сработанного двуплощадочного нуклеуса (рис. 4, 5) и двойное орудие на осколке (рис. 4, 6). Еще у двух оставшихся орудий рабочие края намного грубее; они производят впечатление незакопченных или неудачных изделий (рис. 4).

³⁰ В определении сущности понятия «тип» автор следует за теми археологами, кто видит в них не искусственные, «служебные» объединения, «выдуманные» исследователем, но «явление, реально существовавшее и исторически обусловленное». (Шер Я. А. Интуиция и логика в археологическом исследовании. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 13). Отсюда, для уверенности в правильном выделении типа, необходимо в частности, многократное повторение в комплексе типобразующего сочетания признаков.

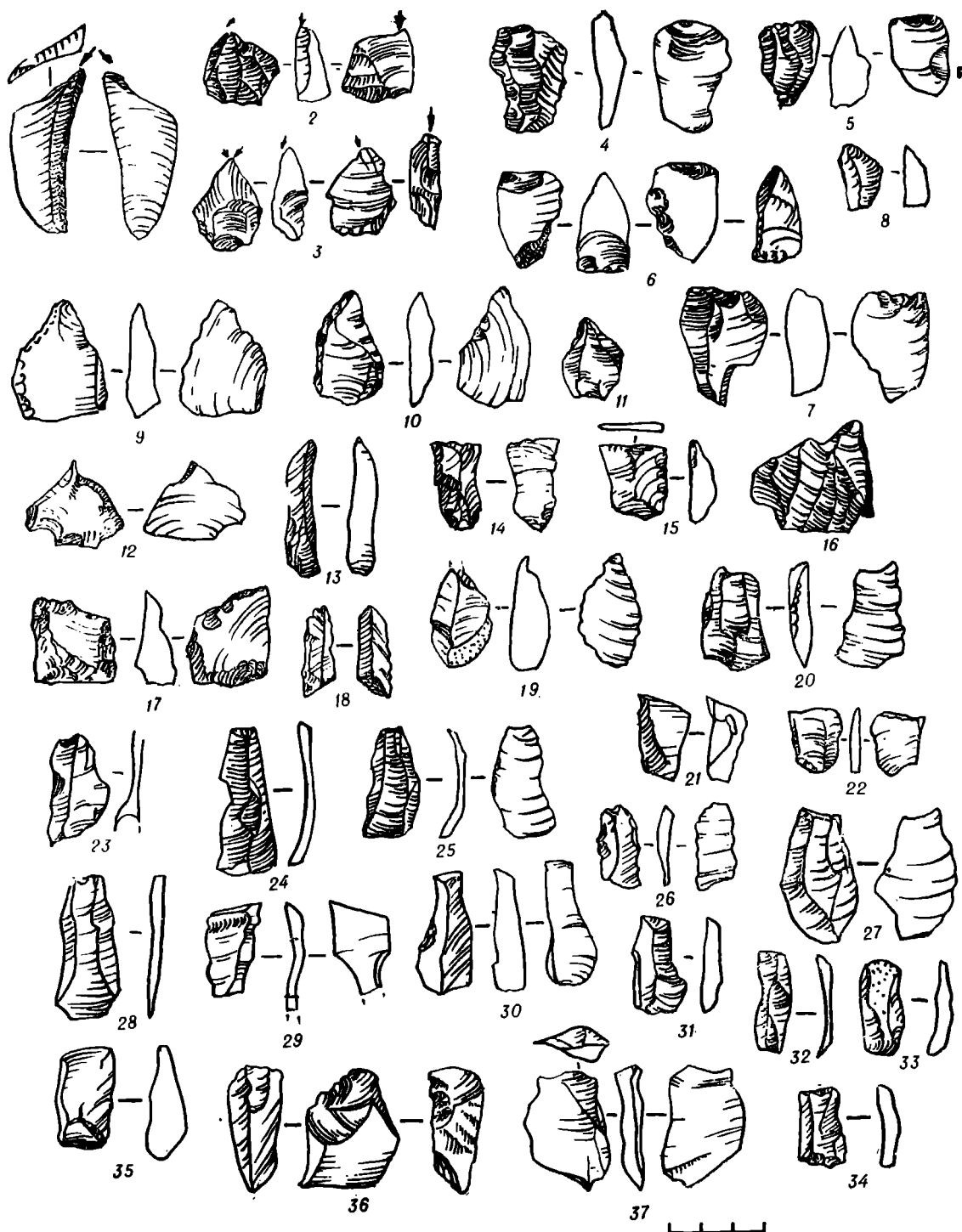

Рис. 4. Резцы (2—3), орудия с подтеской концов (4—6), острия (8—17, 19), проколки (18, 20—22), орудия с усеченными концами (23—35, 37).

Довольно велика в коллекции категория острий (14 экз.). Большинство из них (9 экз.) изготовлено из отщепов, 3 — из пластин и пластинчатых отщепов и 2 — из обломков нуклеусов. По форме острого конца они подразделяются на 2 вида: остроконечные острия (9 экз.), отрегу-

шированные края которых образуют острый угол (в основном $70-75^\circ$), и округлоконечные (5 экз.), у которых рабочий конец не острый, а намеренно закруглен. Такие значительные отличия в форме рабочего конца инструментов вряд ли случайны. С другой стороны, трудно оп-

ределить оба вида острий как типы: они не обладают для этого достаточной однородностью. Возможно, отличия их связаны со специфическим производственным назначением каждой разновидности. Из девяти остроконечных острий 4 экз. по главным признакам настолько схожи, что их можно описать как особый тип. Они (рис. 4, 9—11) изготовлены из отщепов, острый конец которых подправлялся по краям ретушью, не изменяющей сколько-нибудь значительно очертаний заготовки. У трех инструментов ретушь эта противолежащая. К этому типу близко еще одно острие, изготовленное из отщепа. Приостренный конец изделия образован ретушированным краем и другим — с изломом (рис. 4, 12). Остальные четыре остроконечных острия разнородны: два из них изготовлены из отщепов, а один по размерам небольшой, но массивный (высота его не более 2 см, а толщина 0,7 см). Острия подобного рода можно назвать атипичными: их острые концы обработаны ретушью лишь по одному краю (рис. 4, 8, 15). Одно из орудий отретушировано и по противоположному, не связанному с острием, краю (рис. 4, 15).

Два последних остроконечных острия изготовлены из пластины и пластинчатого отщепа. Первое из них — единственное орудие из коллекции острий, у которого ретушью обработаны оба края и оба конца заготовки (рис. 4, 14). Рабочий конец инструмента помимо краевой ретуши подправлен с брюшка тонкой плоской ретушью (рис. 4, 13). Округлоконечные острия еще более разнообразны, чем остроконечные. Из пяти орудий 2 сделаны из отщепов, 2 — из сработанных нуклеусов и 1 — из пластинчатого отщепа. У двух острий, из отщепа и пластинчатого отщепа, ретушь покрывает сходящиеся края, причем у одного из них (рис. 4, 17) она двусторонняя. Одно острие из нуклеуса обработано конвергентной ретушью и напоминает лезвие скребка (рис. 4, 16). Два последних острия, из отщепа и нуклеуса, отделаны только плоской ретушью (рис. 4, 19). Эта черта сближает такого типа инструменты, в особенности острие из отщепа (рис. 4, 19), с описанным выше остроконечным острием из пластины (рис. 4, 13).

Категория проколов представлена пятью экземплярами изделий. Все они изготовлены из пластинчатых отщепов, причем у четырех острие проколки оформлено на левом углу заготовки (рис. 4, 20—22). У двух орудий рабочий конец преднамеренно утончался с помощью плоской ретуши (рис. 4, 22). Одну проколку, заготовка которой отличается массивностью, можно назвать атипичной, поскольку ее рабочий конец образован небольшой отретушированной выемкой только с одной стороны, а с другой — лишь изломом (рис. 4, 21). Характерная черта ачинских проколов — наличие у них, за исключением атипичной, дополнительной ретуши, нанесенной по боковому краю. Так, у двух проколов выделяются отретушированные выемки (рис. 4,

22), у одной видна зубчатая ретушь по всему левому краю (рис. 4, 18), а у последней проколки обработаны оба края — зубчатый и ровный (рис. 4, 20).

Следующая категория орудий Ачинской стоянки — орудия с усеченным или отретушированным концом (23 экз.). Сюда входят изделия, у которых один или оба конца отретушированы, а краевая ретушь либо отсутствует вовсе (у 11 экз.), либо не занимает значительную часть края. Поперечная ретушь или значительно изменяет пропорции заготовки, «усекает» ее, или только выравнивает конец. 7 орудий достаточно четко выделяются в особый тип пластин с выемчатым концом (рис. 4, 23—26). Заготовками для них служили пластины, длина которых в среднем составляет 3,5 см. Во всех случаях выемка оформлялась на нижнем конце пластины так, что ретушь частично срезала ударный бугорок. Любопытно, что длина хорды выемок в шести случаях из семи постоянна, 0,7 см, и только у одного орудия несколько меньшая (0,6 см). Что касается дополнительных морфологических признаков отдельных орудий, то у двух из них слева по краю сделаны две близко прилегающие друг к другу выемки (рис. 4, 26), у двух других полностью или частично отретушированы противоположные концы заготовок (рис. 4, 24); у одного на краях видны две противостоящие друг другу выемки (рис. 4, 23); у одного правый край отретуширован почти полностью со спинки и частично — с брюшка (рис. 4, 25). К тому же типу можно отнести, очевидно, еще одно, восьмое по счету орудие (рис. 4, 27). Выемка у него сделана на нижнем конце заготовки, в качестве которой использована, однако, не пластина, а пластинчатый отщеп. Выемка у инструмента крупнее по сравнению с другими: ее хорда составляет 1 см.

Среди остальных орудий с усеченным или обработанным концом выемка оформлена лишь у одного, сделанного из грубого обломка, у которого оба края, прилегающие к ней, покрыты ретушью. По характеру заготовки орудие резко отличается от описанных выше, хотя размер хорды выемки приблизительно такой же — 0,7 см. Среди остальных 14 орудий четкие типологические разновидности не выделяются. Одно из них изготовлено из грубого удлиненного осколка, 1 из отщепа, 7 из пластин, 5 из пластинчатых отщепов. Оба конца обработаны только у 2 экз. — они сделаны из пластины и пластинчатого отщепа. У 11 орудий отретуширован только верхний конец заготовки, а у одного, изготовленного из отщепа, только нижний. Ретушью обычно выравнивался конец заготовки, и только в двух случаях (рис. 4, 33) он выглядел слегка выпуклым. У 6 орудий верхние концы обработаны очень тонкой ретушью, лишь слегка удаляющей острую кромку. У одного из них притупляющей ретушью срезан также противоположный конец (рис. 4, 28). От описанных орудий отли-

чаются пластинчатый отщеп, 2 пластинки с прямо усеченным верхним концом, у которых фасетки ретуши заходят на спинку заготовки (рис. 4, 29, 31, 32). У 4 инструментов концы усечены притупляющей ретушью (рис. 4, 33—35).

Вторичная обработка боковых краев заготовки прослежена у 6 орудий: у 3 она имеет вид частичной ретуши края, а у остальных выделяются ретушированные выемки различной величины. Среди последних примечательны пластинчатый отщеп с прямым ретушированным концом (рис. 4, 29). По краям изделия у противоположного обработанному концу участку противоположающей ретушью оформлены 2 выемки так, что в целом изделие выглядит как какое-то специфическое уникальное в коллекции орудие с черешком. Резко отличается от других изделий также отщеп с усеченным нижним концом. У него широкими фасетками почти полностью снят ударный бугорок и образованная таким образом довольно широкая (ок. 1 см) площадка подправлена по краю мелкой ретушью (рис. 4, 37).

Характерная черта каменного инвентаря Ачинской стоянки — обилие зубчатых (23 экз.) и выемчатых (52 экз.) орудий (среди них не учтены орудия, отнесенные к перечисленным выше категориям, но у которых отретушированы выемки или прослеживается зубчатый край (19 экз.)³¹. Среди выемчатых зубчатых орудий выделить типологические подразделения не удается. Ниже приводится ряд таблиц, рассматривающих такого рода изделия с точки зрения заготовок, взаимного расположения выемок и участков, занятых зубчатой ретушью, характера ретуши, формирующей выемки.

Основной заготовкой для производства выемчатых и зубчатых орудий преимущественно служили пластины и пластинчатые отщепы. У зубчатых чаще ретушировался только один край. Иногда на противоположном краю оформлялась выемка, причем ее величина обычно намного превышала величину выемок между зубцами (рис. 5, 17). Более половины орудий составляют изделия с одной выемкой. Очень любопытны инструменты, выемки у которых расположены на противоположных краях заготовки. У 5 из них отретушированы выемки находятся строго напротив друг друга, причем у трех — ближе к центру заготовки, в результате чего появился своеобразный перехват (рис. 5, 9), а у двух — ближе к основанию, формируя черешок (рис. 5, 10, 12). Подобные выемки оформлены также у трех орудий иных категорий (1 скребок и 2 пластины с усеченным концом: см. рис. 3, 9; 5, 23, 29), из них у одного

³¹ К зубчатым орудиям отнесены заготовки, у которых на одном краю имеется более одного выделенного ретушью зубца. Так, орудие с двумя примыкающими друг к другу выемками относится к выемчатым (выделяется только один зубец), но изделие с тремя примыкающими друг к другу выемками — к зубчатым

они формируют черешок. Концы остальных изделий с противоположащими выемками обломаны. На основании сопоставления орудий можно предполагать, что, хотя такие выемки — очень характерная черта ачинского инвентаря, возможно, даже один из определяющих признаков его, они тем не менее не относятся к какому-то определенному виду орудий и поэтому объединять их в особый тип пока преждевременно.

Поскольку в коллекции нет ни одного изделия, где бы выемка оформлялась чередующейся ретушью, то в таблицу включены только орудия как минимум с двумя выемками. Из таблицы видно, что при изготовлении зубчатых орудий ретушь преимущественно наносилась с одной стороны. Изделий с чередующейся и противоположащей ретушью в этой категории менее 30%. Несколько чаще противоположащая ретушь встречается у выемчатых орудий (у 11 из 25, т. е. почти у половины). Учет инструментов других категорий снижает общий процент противоположащих выемок до 39%. Особенно характерна группа выемчатых орудий с двумя примыкающими друг к другу выемками — из 18 изделий у 10 выемки образованы противоположащей ретушью (рис. 5, 4, 5, 8). Такая черта позволяет определить некоторую специфику данной группы, во-первых, по отношению к орудиям с выемками на противоположных краях, и, во-вторых, по отношению к зубчатым орудиям, у которых зубцы в подавляющем большинстве случаев оформляются ретушью. В то же время, учитывая разнородность орудий по другим признакам, вряд ли можно выделять здесь особый тип изделия. Из числа упомянутых выше орудий с противоположными выемками последние оформлялись противоположащей ретушью только в двух случаях, и в обоих в результате обработки выделялся черешок (см. рис. 4, 29; 5, 10).

В подавляющем большинстве случаев выемки у выемчатых и зубчатых орудий оформлялись характерной ретушью с фасетками разной величины: в центре они крупнее, а по краям мельче. Обычно кромка таких выемок подправлялась дополнительно мелкими фасетками, что придавало ретуши в целом сходство со «ступенчатой» (рис. 5, 2—5, 8—15, 17—20). Тонкая ретушь отмечается реже. Еще более редки выемки, образованные одним сколом, иногда с последующей подправкой края. Выемки без подправки оформляют зубцы по краям небольших расколотых галек (рис. 5, 21, 22). Крутая ретушь встречается лишь изредка. В 9 случаях замечено сочетание различных видов ретуши.

Таким образом, выемчатые и зубчатые орудия Ачинской стоянки обрабатывались в основном двумя видами ретуши — с разновеликими фасетками и тонкой. Количественное соотношение между ними внутри каждой из двух категорий орудий резко не различается. В целом между выемчатыми и зубчатыми орудиями нет четкой грани: для изготовления использовались

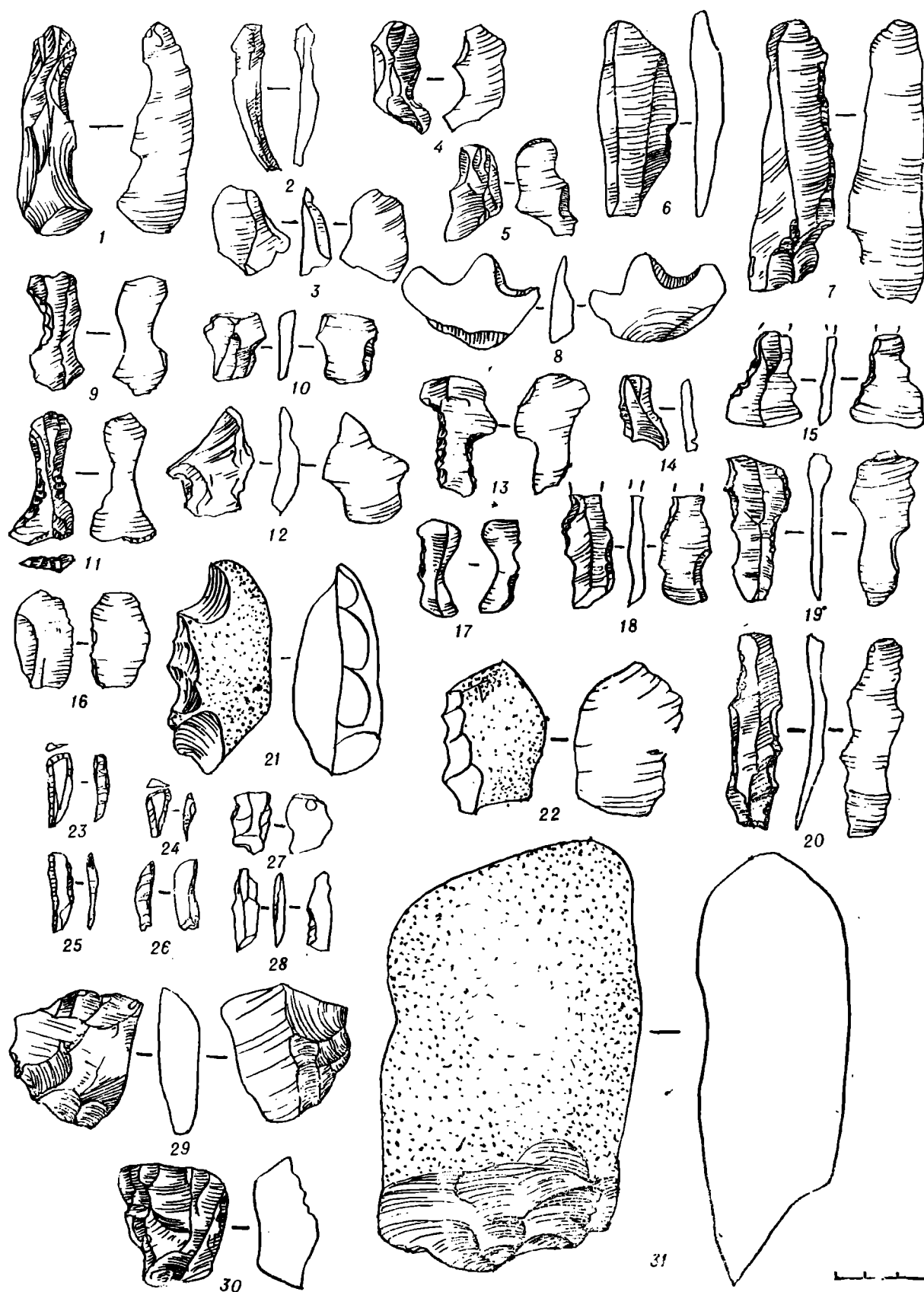

Рис. 5. Выемчатые орудия (1—14), зубчатые (15—22), микроорудия (23—28), рету шированные нуклеусы (29—30), чоппер (31).

однотипные заготовки, характер ретуши тоже сходен и к тому же среди зубчатых орудий встречаются зубчато-выемчатые формы. Однако нельзя проводить тождество тех и других, поскольку у зубчатых орудий, как правило, выемки заметно мельче, внутри каждой из категорий, кроме того, неодинаково соотношение между односторонней и противоположной или чередующейся ретушью. Обособленные типы в этих категориях не выделяются, но среди выемчатых инструментов можно отметить орудия с примыкающими выемками и орудия с противостоящими выемками. Среди зубчатых изделий обращают на себя внимание 2 орудия, изготовленные из небольших расколотых галек.

В коллекции довольно значительно количество различных заготовок и отходов производства со вторичной обработкой в виде краевой ретуши — 54 экз. Они разнородны по происхождению, назначению и морфологическим признакам. Выделить среди них какие-либо характерные формы не удастся, и поэтому ограничимся систематизацией по характеру использованной заготовки и положению ретуши на ее краях. По особенностям ретушь в подавляющем большинстве случаев однотипна: очень мелкие фасетки срезают кромку края (47 экз.). У 7 экз. ретушь иная: у двух она круглая, у пяти — фасетки разной величины заходят глубже на поверхность заготовки. Что касается протяженности ретуши по краю, то фасетки покрывают весь край (один или оба) лишь у 25 экз. У остальных предметов края ретушированы частично, как правило около половины их длины. Кроме того, весьма своеобразно одно орудие с полукруглым лезвием, обработанным с двух сторон и напоминающим лезвие скребка (см. рис. 4, 36).

К числу галечных орудий помимо описанных ранее скребел и зубчатых инструментов относятся изготовленные из удлиненной гальки чоппер, поперечное лезвие которого обработано на конце грубыми сколами (рис. 5, 31), и 3 отбойника из округло-уплощенных галек. Края их сильно забиты от ударов по камню.

Ачинская коллекция содержит небольшую, но выразительную серию микроорудий (8 экз.). 7 из них изготовлены из типичных микропластинок, одно из микроотщепов. 5 обработанных микропластинок относятся к так называемым «пластинкам с притупленным краем» (рис. 5, 23—26). В четырех случаях один левый край у них полностью обработан крутой ретушью, срезающей значительную часть заготовки. Учитывая этот признак в сочетании с одинаковыми пропорциями целых инструментов, можно говорить об особом типе изделий, допуская, что с накоплением материала произойдет дифференциация их на подтипы, а возможно, и на самостоятельные типы. Основанием для подобного предположения служат следы вторичной обработки концов у двух микроорудий и небольшая ретушированная выемка на необработанном крае

еще у одного. Кроме того, в коллекции имеется микропластинка, у которой тонкий край частично обработан очень тонкой ретушью. Микропластинка с ретушированной выемкой на одном краю и с частично обработанным с противоположной стороны противоположным краем (рис. 5, 28) и микроотщеп с ретушированной выемкой (рис. 5, 27).

Итак, каковы же характерные особенности каменного инвентаря Ачинской стоянки? Прежде всего следует отменить существование в одном комплексе мелких орудий верхнепалеолитического облика и массивных галечных орудий, преимущественно скребел. Последние по количеству немногочисленны: 9 галечных скребел, 2 зубчатых орудия и один чоппер составляют всего около 5% изделий коллекции. Эта черта невольно заставляет вспомнить памятники мальтинской культуры Прибайкалья³². Вторая особенность заключается в том, что каменная индустрия Ачинска основана на технике получения пластинок, хотя в качестве заготовок довольно широко использовались также отщепы, осколки и сработанные нуклеусы. Причем последние даже чаще, чем гальки. Пластины скалывались с призматических нуклеусов, в ряде случаев соответствующих по совершенству европейским образцам, и это опять-таки сближает Ачинскую стоянку с Мальтой и Буретью³³.

В каменном инвентаре следует отметить: обилие концевых, наличие нуклевидных и незначительного числа миниатюрных округлых скребков, характерных для многих сибирских палеолитических памятников³⁴, немногочисленность, несовершенство и атипичность ачинских резцов, что не противоречит сибирским палеолитиче-

³² Герасимов М. М. Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931, с. 7—12; Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953, с. 474—475; Окладников А. П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья. — КСИИМК, М.—Л., 1940, т. 5, с. 59—60; Он же. Освоение палеолитическим человеком Сибири. — В кн.: Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М., 1950, с. 152.

³³ Впервые на сходство Ачинской стоянки с Мальтой и Буретью («полное отсутствие клиновидных нуклеусов, основа для орудий — ножевидная пластинка неправильных очертаний, обработанная ретушью по краям и на конце, отдельные формы орудий...») указала З. А. Абрамова. См.: Абрамова З. А. Локальные особенности палеолитических культур в Сибири. — В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, с. 52; Она же. О локальных различиях палеолитических культур Ангара и Енисея. — СА, 1966, № 3, 10. Это же сходство подчеркивает А. П. Окладников. См.: Окладников А. П. Древние связи культур Сибири и Средней Азии. — В кн.: Бахрушинские чтения, 1966, вып. 1. Новосибирск, 1968.

³⁴ Астазов С. А. О путях первоначального заселения человеком долины Енисея. — В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, с. 60; Замятин С. Н. О локальных различиях в культуре палеолитического периода. — Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия. М., 1951, т. 16, с. 137.

ским традициям в целом³⁵, преобладание по сравнению со всеми другими категориями зубчатых и выемчатых орудий, большое количество пластин и пластинчатых отщепов, усеченных поперечной ретушью, среди которых выделяется особый тип пластин с выемчатым нижним концом и, наконец, наличие специфических орудий с чешуйчатой подтеской конца. К характерным особенностям каменного инвентаря можно отнести также наличие небольшой, но выразительной серии микроорудий. Все перечисленные черты в первую очередь характеризуют своеобразие Ачинской стоянки, и именно на них следует обращать особое внимание при сопоставлении ее с другими памятниками.

Помимо каменных орудий при раскопках обнаружены костяные изделия, наиболее выразительные образцы которых хранятся в Ачинском краеведческом музее. К ним относятся: 1) 3 костяных острия (наконечники —?), длина которых около 18 см. 2 из них округлые в поперечном сечении, одно в центре квадратное в сечении, а концы его утончены и округлы; 2) 3 сломанных острия из бивня мамонта (?) «с яркими следами обработки в виде параллельных бороздок»³⁶. У двух поперечное сечение подчетырехугольное, уплощенное, у одного — квадратное. Длина не превышает 5,5 см; 3) 3 обломка изделий из бивня мамонта (острия —?). В поперечном сечении округлые. Диаметр около 1 см, длина не превышает 6,5 см; 4) обломок изделия из бивня мамонта, подчетырехугольный в поперечном сечении, размером 1×0,5 см. Одна из узких сторон сплошь украшена косыми насечками. Этот фрагмент — единственный в коллекции со следами гравировки. Хранится в музее археологии и этнографии ТГУ; 5) подвеска из кости каплевидной формы со сквозным отверстием на узком конце; 6) наковаленка размером 4,5×4×10,5 см. Один ее конец, вероятно, вкапывался в землю, а противоположный покрыт многочисленными и отчетливыми следами ударов.

Детальное сравнение ачинских материалов с коллекциями других палеолитических стоянок Сибири и Средней Азии³⁷ выходит за рамки статьи, цель которой — публикация находок. Однако провести некоторые общие сопоставления имеет смысл. Вряд ли можно сомневаться в том, что Ачинская стоянка не принадлежит к кругу палеолитических памятников бассейна Енисея, для которых характерно преобладание в каче-

стве заготовок расколотых галек, отщепов и осколков и где для изготовления вкладышей использовались микропластины, снятые с клиновидных нуклеусов, а в инвентаре преобладают скребла и скребки³⁸. Возможно, при тщательном анализе отдельных ачинских орудий найдутся аналогии среди изделий енисейских стоянок³⁹, но вряд ли в итоге изменится общая картина резкого различия памятников. Наибольшее сходство у Ачинской стоянки с Мальтой и Буретью выражается прежде всего в использовании пластин как ведущей формы заготовки и широком использовании призматических нуклеусов для снятия пластин. Далее сходство проявляется в одинаково редком использовании галечных орудий. Наконец, в Мальте обнаружены такие ведущие формы Ачинской стоянки, как выемчатые орудия, в том числе пластины с противостоящими выемками⁴⁰, пластины с усеченным концом, в том числе тип пластин с выемками на нижнем конце⁴¹, концевые и высокие скребки. При раскопках Ачинской стоянки, как в Мальте и Бурети, не найдены клиновидные нуклеусы, чрезвычайно распространенные в палеолите Сибири. Впрочем, сходство это вряд ли стоит преувеличивать. Целый ряд изделий, характерных для мальтинско-буретинской культуры, или слабо связан, или вообще не обнаруживает аналогий в материалах Ачинска. Это относится в первую очередь к резцам, распространенным в Мальте⁴², но слабо представленным в инвентаре Ачинской стоянки. В последнем отсутствуют также мальтинские дисковидные орудия⁴³. Серия проколов в Мальте гораздо богаче, чем в Ачинске⁴⁴, хотя отдельные орудия этого типа весьма похожи⁴⁵. Наконец, в Мальте отсутствуют ретушированные микропластинки, представленные в Ачинской стоянке но-

³⁸ Астазов С. Н. Указ. соч., с. 58, 59, 62; Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии. — «Труды II Междунар. конф. ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», 1934, вып. 5, с. 265.

³⁹ Детальное сравнение Ачинской коллекции с материалами енисейских палеолитических стоянок тем более необходимо, поскольку они не одновременны и не единокультурны: «Говорить об обособленной культуре палеолита Енисея можно лишь в одном смысле: при сравнении енисейские стоянки более сходны между собой, чем любая из них со стоянками других территорий...» Абрамова З. А. Новые данные по палеолиту Енисея. — МИА, Л., 1971, № 173, с. 280. Последнее обстоятельство дает основание для предварительного сопоставления Ачинской стоянки с енисейским палеолитом вообще.

⁴⁰ Ефименко П. П. Указ. соч., с. 476, рис. 233.

⁴¹ Герасимов М. М. Указ. соч., с. 8—9 («пластины-скребки», «скребки вогнутые»), табл. 4, а, в; табл. 5.

⁴² Герасимов М. М. Указ. соч., с. 10—11; Ефименко П. П. Указ. соч., с. 475, рис. 230, 231, 232; с. 476.

⁴³ Ачинские дисковидные нуклеусы намного грубее этих изделий. (См.: Ефименко П. П. Указ. соч., с. 476—477, рис. 234—235).

⁴⁴ Герасимов М. М. Указ. соч., с. 9—10.

⁴⁵ Там же, табл. 7, в.

³⁵ Замятин С. Н. Указ. соч., с. 137.

³⁶ Авраменко Г. А. Указ. соч., с. 24—25; табл. 6. В настоящей работе даны рисунки костяных изделий, выполненные Г. А. Авраменко.

³⁷ В печати уже высказывалась мысль о том, что Ачинская стоянка является «примером далекого проникновения среднеазиатской культуры». См.: Астазов С. Н. Указ. соч., с. 56. Детально вопрос о связях Средней Азии и Сибири в эпоху палеолита рассматривается в работе А. П. Окладникова. «Древние связи культуры Сибири и Средней Азии».

большой, но весьма выразительной серией, которая аналогична группе микропластин Красно-го Яра, по мнению З. А. Абрамовой, генетически связанного с Мальтой, но датированного более поздним временем⁴⁶. Ачинский костяной инвентарь весьма отличен от уникальной коллекции костяных изделий приангарских стоянок. Орнаментация в виде насечек встречается как в Мальте, так и на енисейских стоянках⁴⁷. Ачинская подвеска чрезвычайно похожа на подвеску из Мальты⁴⁸. Но округлые и уплощенные острия из бивня (наконечники —?) более напоминают афоновские, нежели мальтинские⁴⁹.

Сравнение ачинского комплекса с материалами Самаркандской стоянки, «единственного хорошо выраженного поселения людей позднего палеолита на всей территории Средней Азии»⁵⁰, показывает, что сходство между этими памятниками проявляется в гораздо меньшей степени, чем сходство Ачинской стоянки с Мальтой и Буретью. Оно ограничивается сочетанием в одном комплексе галечных и мелких орудий труда, незначительностью резцов, использованием пластин для изготовления разного рода инструментов и наличием призматических нуклеусов⁵¹. Отмечаются также некоторые параллели

между формами инструментов отдельных категорий: выемчатыми орудиями, скребками, нуклеидными изделиями. Но наиболее характерные черты инвентаря, определяющие своеобразие каждого из памятников, весьма различны. В Самаркандской стоянке, по свидетельству Д. Н. Лева, большинство орудий изготовлено из галек⁵², а в Ачинской галечные орудия составляют незначительный процент. Иное также соотношение орудий различных категорий⁵³. Наконец, в материалах Ачинской стоянки нет своеобразных самаркандских топоров и тесел, но, в свою очередь, в коллекции Самаркандской стоянки отсутствует такая разнообразная серия выемчатых и зубчатых орудий, а также усеченных пластин, как в Ачинской, где они наиболее характерны. В Самаркандской стоянке пластины с выемками составляют всего 4% от общего количества орудий⁵⁴.

Обзор ачинских изделий и их предварительное сопоставление с инструментами других памятников подтверждает мысль о связи стоянки с памятниками мальтинской культуры. Границы ее, таким образом, могут быть существенно отодвинуты на запад — вплоть до Чулыма. Вопрос о связях Ачинской стоянки с палеолитом Средней Азии более спорный, но полностью отрицает возможность контактов пока нельзя. Что касается датировки стоянки, то, возможно, она окажется моложе Мальты и Бурети, если учесть отсутствие в фауне носорога и наличие в инвентаре ретушированных микропластинок.

⁴⁶ Абрамова З. А. О локальных различиях..., с. 10; Она же. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея. — КСИА, М., 1967, № 111, с. 17.

⁴⁷ Астахов С. Н. Указ. соч., с. 61—62.

⁴⁸ Герасимов М. М. Указ. соч., табл. 10.

⁴⁹ Астахов С. Н. Указ. соч., с. 61; Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова III. Новосибирск, 1930, табл. 11, № 6.

⁵⁰ «Труды Самарканд. ун-та. Новая серия», 1964, № 135, с. 4. Предисл. Борисковского П. И.

⁵¹ Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде. — «Труды Самарканд. ун-та. Нов. серия», 1964, № 135, табл. 7—4, с. 89—94.

⁵² Там же, с. 102—103.

⁵³ Там же, табл. 1—4, с. 89—94.

⁵⁴ Подсчеты автора по таблице Д. Н. Лева. См. Лев Д. Н. Указ. соч., табл. 4, с. 93—94.

К ВОПРОСУ О ПАЛЕОЛИТЕ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Первоначальное заселение Американского континента, выяснение направлений миграций древнейшего населения северо-востока Азии остаются актуальными для археологов проблемами. Большинство исследователей предполагает, что заселение Америки произошло из районов Центральной Азии по так называемому Берингийскому мосту суши в один из этапов ледниковой эпохи. Накопление фактического материала позволяет предположить, что одно из направлений миграционных потоков связало с островами Тихого океана.

В 50—70-е гг. палеолитические и мезолитические памятники удалось открыть в новых районах Северной и Восточной Азии¹. Однако в цепи распространения древних культур не доставало двух важных звеньев — на Сахалине и Курильских островах донеолитические стоянки отсутствовали, в связи с чем высказывались мнения, что в тех районах население появилось не ранее II тыс. до н. э.² В ходе работ, проведенных в последние годы на Сахалине Амуро-Сахалинским отрядом, Североазиатской археологической экспедиции удалось сделать ряд открытий, показавших неосновательность таких зак-

лючений. Особенно результативным оказалось полевой сезон 1973 г. Ранней весной на юге Сахалина удалось обнаружить стоянку, каменный инвентарь которой, в частности пластины и го-бийский нуклеус, позволили предполагать донеолитический возраст ее. В августе того же года сотрудник отряда Б. И. Лапшин обнаружил в районе ст. Имчин II на севере острова типичные чопперы и чоппинги.³

Итак, оставались лишь Курильские острова, где пока не обнаружены памятники эпохи палеолита, хотя специальные поиски их производились неоднократно. Наконец, в ходе разведывательных работ 1971 г. на южной оконечности о-ва Парамушир в районе оз. Пернатого между песчаными дюнами удалось собрать большое количество расколотых в продольном и поперечном направлении галек из базальтовых пород черного цвета, массивные, подтреугольные в сечении, сильно окатанные и патинированные отщепы и галечные сколы палеолитического облика. Осенью 1974 г. начальник Амуро-Сахалинского отряда Североазиатской археологической экспедиции В. О. Шубин нашел в двух пунктах о-ва Шумшу весьма архаичные каменные орудия, не сопровождавшиеся керамикой. Шумшу — сравнительно небольшой, холмистый, совершенно белесый островок, самый северный в Курильской гряде. От соседнего п-ва Камчатка и от о-ва Парамушир он отделен мелководными проливами (рис. 1, 4).

Батиметрические исследования показали, что вдоль тихоокеанского побережья Курильских островов, а также на дне Охотского моря отчетливо выражены подводные террасы и затопленные морем речные долины⁴. Аналогичная картина наблюдается на Камчатке⁵. Четвертичная

¹ Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Хабаровск, 1973; *Они же*. Палеолит Амура. — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973; Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема дальневосточного мезолита. — В кн.: Четвертичный период Сибири. М., 1966; Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности, вып. 3. Новосибирск, 1970; Диков Н. Н. Палеолитическое жилище на камчатской стоянке Ушки IV. — Там же; *Они же*. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. — В кн.: История и культура народов севера Дальнего Востока, вып. 17. М., 1967; Васильевский Р. С. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине. — *Изв. Сиб. отд-ния АН СССР*, 1973, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2; *Они же*. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973; Андреева Ж. В., Худяков Г. И. Палеолитический памятник на реке Зеркальной. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.

² Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967.

³ Подробности см. в статье Васильевского Р. С. и Шубина В. О. в настоящем сборнике.

⁴ Криштофович А. Н. Геологический обзор стран Дальнего Востока. М., 1932; Канаев В. Ф. Геоморфологические наблюдения на Курильских о-вах. — *Труды Ин-та океанологии АН СССР*, 1960, т. 32.

⁵ Удинцев Г. Б. О некоторых морфологических признаках погруженных древних береговых линий. — *Докл. АН СССР*, 1952, т. 85, № 4.

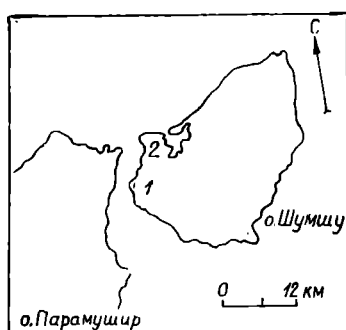

Рис. 1. Палеолитические находки на о-ве Шумшу.
1 — Козыревск I; 2 — на оз. Большом.

история района чрезвычайно интересна. По данным Ю. С. Желубовского⁶, в верхнем плейстоцене началось общее тектоническое поднятие островной дуги, которое совпало с похолоданием, обусловившим возникновение горного и долинного оледенения. После него остались морены, которые видны на поверхности террас высотой 20—40 м. Стратиграфическое значение их весьма важно⁷. В Японии в тот период развивались явления, связанные с оледенениями Поросири (аналог риссу Европы). Хоккайдо соединялся тогда с большинством Курильских островов, а также с Сахалином и Приморьем⁸. По сухопутным мостам с континента на острова проникали крупные плейстоценовые животные, в том числе мамонты⁹, а вслед за ними могли переселяться палеолитические охотники.

В периоды межледниковых потеплений началось эвстатическое поднятие уровня моря, сухопутные перешейки затапливались. Последнее соединение островов с Приморьем и Камчаткой произошло на стадии оледенения Тотабецу II, соответствующего вьюрму Европы и висконсину Америки. Именно в то время, около 40—25 тыс. лет тому назад, люди впервые проникли в Новый Свет¹⁰. В голоцене началось общее опускание островной дуги и трансгрессия моря, что

привело к окончательному отделению островов от Камчатки и Хоккайдо. Последнедевский климатический оптимум способствовал образованию на Курильских островах богатейших экологических ниш.

Археологические памятники того времени расположены, как правило, на голоценовой 5—8-метровой террасе. Растительность о. Шумшу сходна с флорой Камчатки и Северной Америки, но по сравнению с Камчаткой она обеднена — леса отсутствуют и вместо них господствуют густые заросли низкорослого кедрового стланика¹¹.

Как известно, Ч. С. Чард развивал идею островного варианта миграций палеолитического человека из Азии в Америку¹², но если раньше она обосновывалась с помощью геологических фактов, то с открытием двух, по-видимому, донеолитических местонахождений на о-ве Шумшу открылась перспектива археологического обоснования возможности заселения островов человеком в плейстоцене.

Первое местонахождение, Козыревск I, расположено на пологом склоне 20—35-метровой морской террасы, в 200 м от отвесного обрыва ее к морю и в 400 м к северо-западу от поселка того же названия. Находки концентрировались в отвалах суглинка желто-бурого цвета. Всего найдено 5 изделий. Три из них изготовлены из жерновов (стяжений) конкреций кремнистых пород — низкосортной яшмы желтого цвета¹³. На поверхности некоторых орудий видны остатки коры выветривания. Ниже приводится описание находок.

1. Сработанный нуклеус, превращенный крупными сколами в чоппинг. Овальное, довольно острое извилистое лезвие оформлено попеременными асимметрично расположенными крупными фасетками ударной ретуши. Следов дополнительной подправки вторичными сколами нет. На рабочем крае видны следы зазубривания, появившиеся в результате использования инструмента в деле. На боковых плоскостях видны негативы крупных неправильной формы пластин. Обухок орудия приострен (рис. 2, 1). Изделие в некотором отношении сходно с наиболее ранними из оббитых камней, обнаруженных в Приморье в районе г. Уссурийска и оз. Хан-

⁶ Геология СССР, т. 31, М., 1964, с. 638.

⁷ Федорченко В. И., Шилов В. Н. К вопросу о стратиграфическом расчленении четвертичных отложений Курильских островов. — В кн.: Четвертичный период Сибири. М., 1966, с. 156.

⁸ Гальцев-Безюк С. Д. О соединении Сахалина с материком и о. Хоккайдо в четвертичное время. — Изв. АН СССР. Серия геогр., 1964, № 1, с. 56—62.

⁹ Урита Т. Зубы мамонта, найденные на Южном Сахалине. — Геол. журн., 1937, т. 44 (на япон. яз., фонды СахКНИИ); Мацумото Х. Об ископаемых остатках двух видов мамонта, встреченных в море близ Оттомари на Южном Сахалине. — Зоол. журн., 1937, т. 49, № 1 (на япон. яз., фонды СахКНИИ).

¹⁰ Ларичева И. П. Древнейшие памятники культуры западных районов США. — В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока, вып. 1. Новосибирск, 1968, с. 285.

22*

¹¹ Васильев В. Н. Растительность северной части вулканического кольца Тихого океана. — Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, 1944, т. 76, вып. 5.

¹² Chard Ch. S. New World Migration Routes. — «Anthropological Papers of the University of Alaska», 1958, v. 7; Он же. Routes to Bering Strait. — «American Antiquity», 1960, v. 26, N 2; Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1963; Он же. О роли Берингии в заселении Алеутских островов. — В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск, 1973, с. 135—137 и др.

¹³ Здесь и далее определение пород камня любезно выполнил зав. лабораторией геохронологии ИГиГ СО АН СССР Л. В. Фирсов.

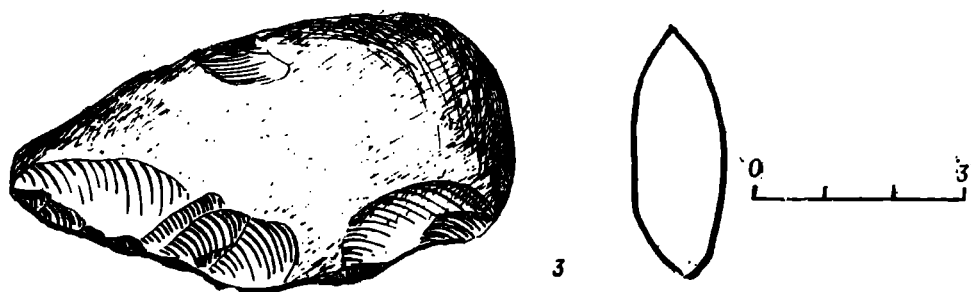
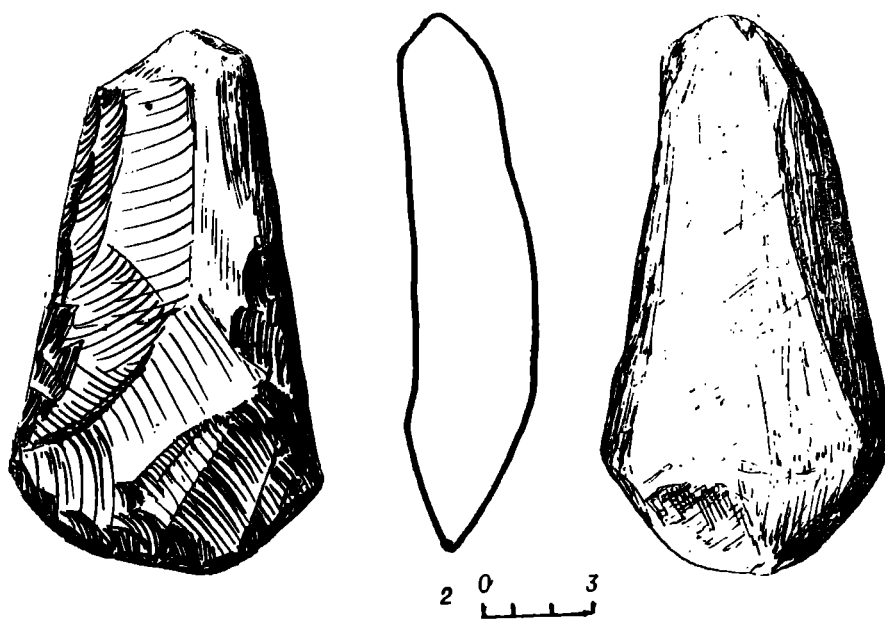
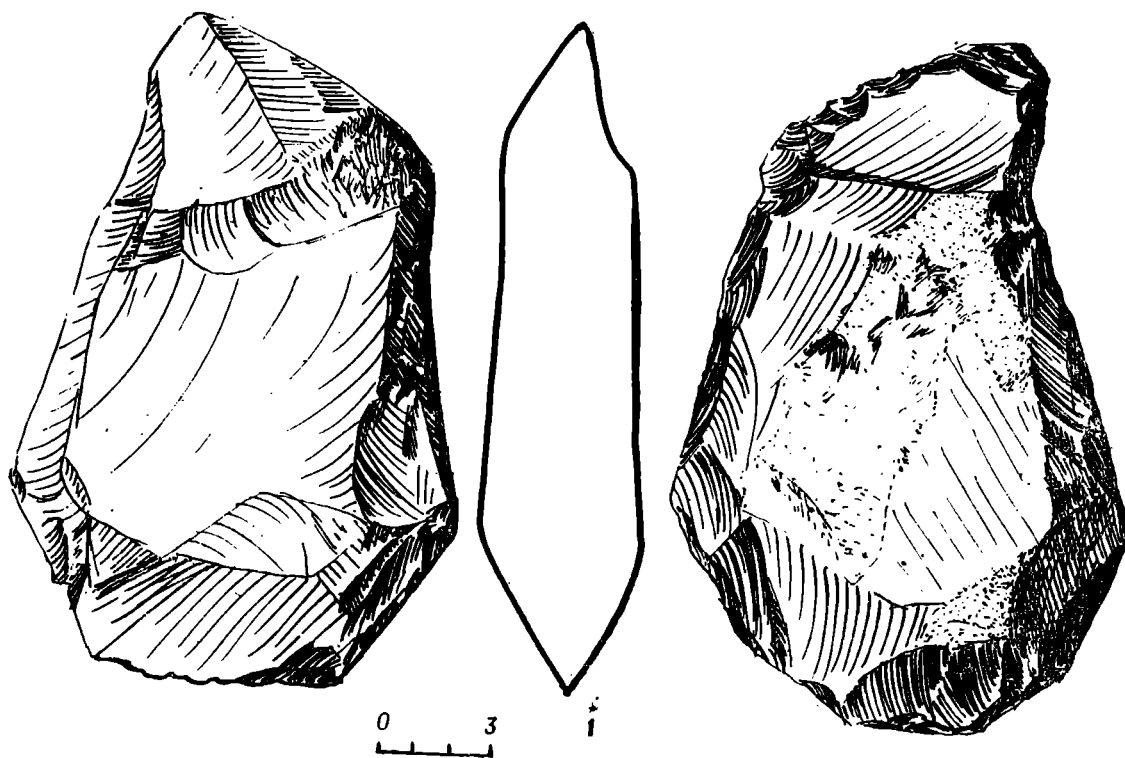

Рис. 2.

ка,— с грубыми пуклевидными орудиями, сходными с чоппингами, чопперами и ашельскими рубилами¹⁴. Ряд общих черт у него с наиболее грубыми орудиями Японских островов¹⁵ и инструментами «стадии до наконечников» Северной Америки¹⁶. Прямые аналогии орудия можно подобрать также в комплексе Содзюдай на о-ве Кюсю. Здесь, как и на Шумшу, тщательная двусторонняя попеременно нанесенная ретушь, оформляет острый рубящий или скребловидный конец изделия. Обработка чоппингов не ограничивалась только рабочим краем. На отдельных экземплярах первоначальная галечная корка выветривания, как на изделиях с о-ва Шумшу, оставалась на незначительных участках¹⁷.

2. Орудие типа кирки или мотыги (рис. 3, 1). Остатки нуклевидного орудия, тремя мощными сколами превращенного в грубый скребловидный инструмент. Овальное рабочее лезвие круто затесано. Посредине его— шипообразный выступ.

3. Часть сработанного торцового нуклеуса (рис. 3, 8). С заранее подготовленных скопленных ударных площадок нуклеуса скалывались массивные неправильной огранки пластины. Выделяются негативы 6 глубоких сколов (самый большой 12×4,5 см). Удары наносились с двух противоположных приостренных концов.

4. Чоппер, изготовленный из серой кремнистой опоконидной породы значительной твердости. Орудие сильно патинировано даже в местах сколов. Оно туфлеобразной в профиле формы. В отличие от изделий Содзюдай, овальное рабочее лезвие затесано не очень круто и слегка подправлено мелкими фасетками вторичной ретуши (см. рис. 2, 2).

5. Чоппер из метаморфического кремнистого сланца темно-серого цвета. Одна сторона изделия полностью покрыта сколами с частичной подправкой вторичной ретушью отдельных участков. На противоположной гладкой галечной поверхности видны фасетки только нескольких сколов, расположенных преимущественно вдоль одного края.

Чоппинги, чопперы и грубое скребло, изготовленные из массивного скола с характерным шипообразным выступом и круто обработанными краями, свидетельствуют о том, что на Курильских островах, как и на сопредельных тер-

риториях, длительное время переживали верхнепалеолитические традиции, характерные для круга древних азиатских культур¹⁸.

Второй пункт — Большое I. Каменные изделия обнаружены здесь на поверхности обнажения, полого спускающегося к озеру-лагуне Большое. Коллекцию, собранную в том месте, составляют несколько десятков орудий, заготовок и отщепов. Среди них особого внимания заслуживают следующие: 1) краевой галечный скол из базальтовидной породы (см. рис. 3, 2). Отретушированный по краям, он превращен в примитивный скребок; 2) ретушированное по краю лезвие ножа или скребка. Оно изготовлено из пластины базальтовидной породы (рис. 3, 3); 3) два ретушированных по краям пластинчатых отщепов из обсидиана (рис. 3, 4, 5); 4) тесло с овальным лезвием, заканчивающимся по краям характерными выступами-шипами. Оно изготовлено из массивной, подтреугольной в сечении пластины вулканической породы с вкраплениями плагиоклазов. Брюшко сплошь покрыто крупными сколами, а по краям видны фасетки вторичной ретуши. Спинка ретуширована только по периметру (рис. 3, 6); 5) пластинчатый подтреугольный в сечении патинированный отщеп из метаморфической кремнистой породы (рис. 3, 7). Замечены следы ретуши.

Интерес вызывает также уплощенная подпрямоугольных очертаний галка эффузивного андезитодацита с ксенолитами. С помощью крутых, почти вертикальных сколов ей придана форма скребловидного инструмента. Фасетки сильно патинированы и по цвету мало отличаются от галечной поверхности (рис. 4, 1). Из двух полностью сработанных торцовых нуклеусов коллекции один изготовлен из сильно окремененного метаморфического сланца. Удары при скалывании с него пластин наносились по подготовленной площадке. Позже нуклеус, по-видимому, использовался вторично в качестве топорика (рис. 4, 2). Второй сработанный нуклеус употреблялся как грубый отжимник (рис. 4, 3).

Из анализа материалов, собранных в районе оз. Большого на Шумшу, можно сделать заключение о сочетании в индустрии новой для Курил культуры галечных традиций и пластинчатой техники. Истоки последней большинство исследователей, занимающихся проблемами палеолита и мезолита северной части Тихого океана, склонны искать в культурах материковой части Азии. Ближайшие аналогии, в частности, усматриваются в комплексах устиновской культуры Приморья¹⁹. Выявленная на Курильских

¹⁴ Окладников А. П. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг. — В кн.: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, с. 5—18.

¹⁵ Окладников А. П., Горегляд В. П. Новые данные о древнейших культурах каменного века на севере Японии. — «Сов. археология», 1958, № 3.

¹⁶ Ларичева И. П. Древнейшие памятники культуры..., с. 285.

¹⁷ Ларичев В. Е. Пути и время первоначального заселения Японии палеолитическим человеком. — «Изн. Сиб. отд-ния АН СССР», 1968, № 1, Серия обществ. наук, вып. 1, с. 87—94.

¹⁸ Ларичева И. П. Палеолит Северной Америки и проблема его связей с каменным веком Сибири. — «Изн. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 5. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 100.

¹⁹ Окладников А. П. Древнее поселение на р. Та-души..., с. 351—372.

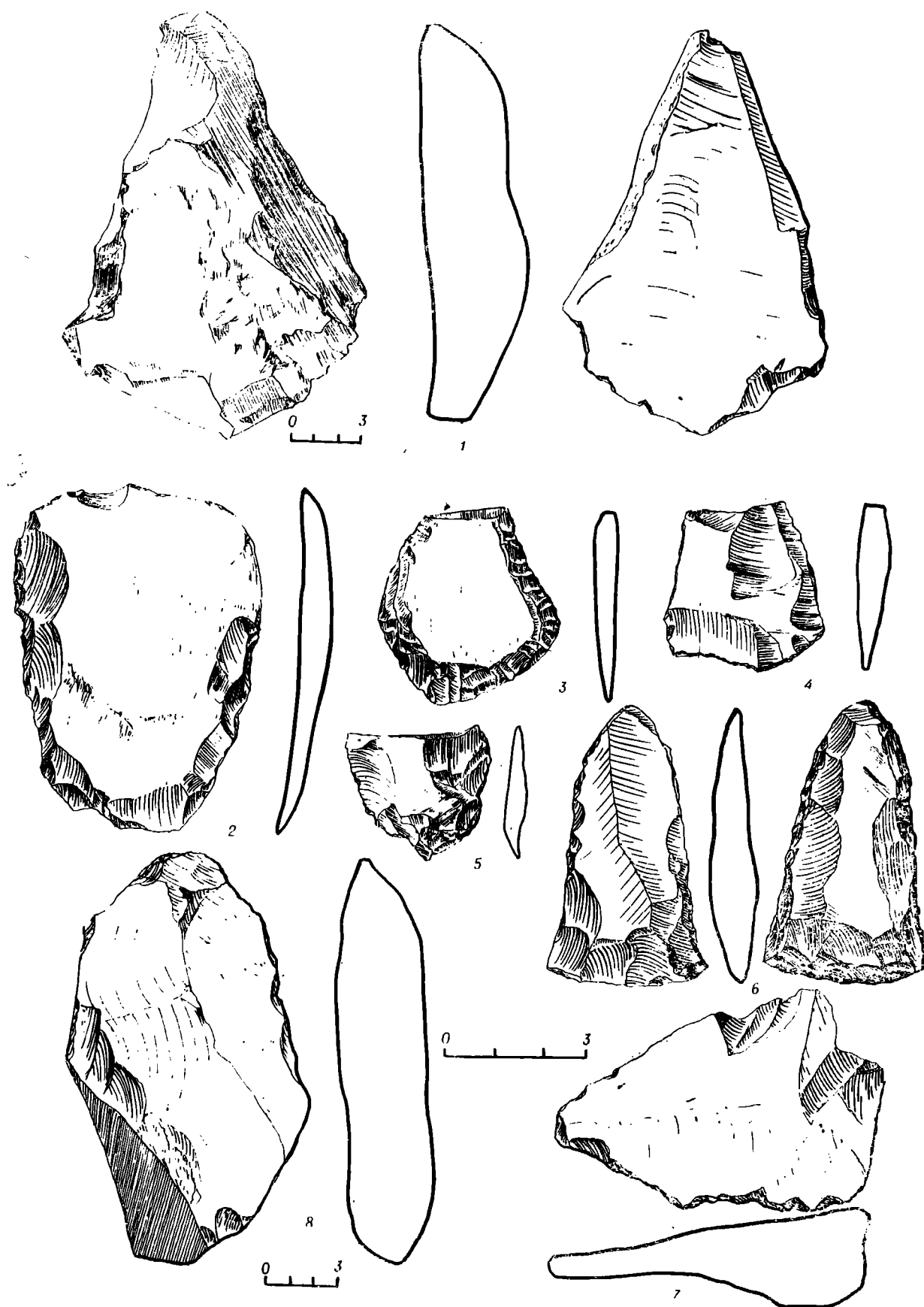

Рис. 3.

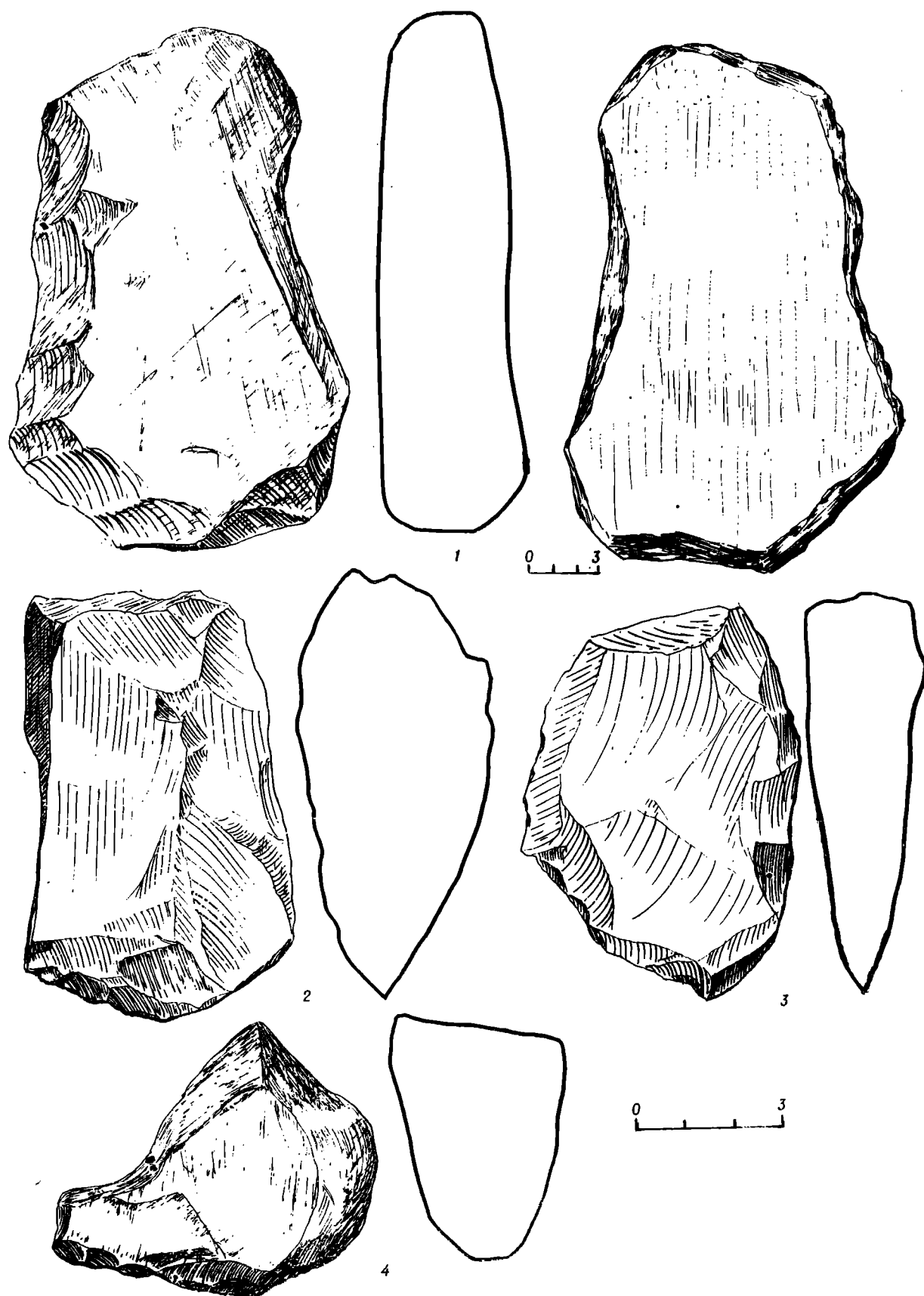

Рис. 4.

островах устойчивая галечная традиция позволяет включить их в зону сибирско-монгольской палеолитической провинции. Два новых местонахождения на о. Шумшу представляют самые восточные пункты распространения галечных комплексов.

Вопрос о датировке стоянок Козыревск I и Большое I остается пока открытым. Новые находки только предварительно можно сопоставить с комплексами Содзюдай, Гонгэнъяма I и II, Ивадзюку I, Фудзияма (Гонгэнъяма датировается по радиоуглероду $22\,000 \pm 850$ лет)²⁰. Очевидно, такого рода каменная индустрия Курил находилась на стадии перехода от собственно палеолитических культур к мезолиту. Вместе с тем отчетливо прослеживаются аналогии с культурами Японии, Приморья и Северной Америки.

²⁰ Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии, с. 77.

Важно, что новые находки открыты в местах, где, возможно, проходили пути миграции древнего населения Азии в Америку. Отсутствие на о-ве Шумшу костяных остатков крупной плейстоценовой фауны, по-видимому, позволит в ходе дальнейших исследований на Курильских островах вплотную подойти к решению проблемы приморской адаптации, которая, очевидно, началась достаточно рано²¹. Обнаружение двух, по всей видимости, докерамических памятников на о. Шумшу позволяет определить некоторые закономерности расположения древних стоянок и открывает перспективы к находке такого же рода памятников на других островах Курильской гряды.

²¹ Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера (истоки, адаптации и эволюция приморских культур). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1974, с. 28.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ В ДОЛИНЕ Р. ТОККО

Местонахождения с наскальными рисунками палеолитического времени в СССР немногочисленны. К ним относятся Зараут-камара, Кабыстан, Мгвимеви и Агца в Грузии, Каменная Могила, Каповая пещера и изображения быка и двух лошадей на скалах у д. Шишкино на Лене. К тому же нужно учитывать, что за исключением петроглифов Кабыстана и росписей Каповой пещеры палеолитический возраст других пунктов оспаривается. Вот почему такой интерес вызывает возможность выделить новые, очевидно, палеолитические по времени наскальные рисунки, открытые в долине р. Токко (приток р. Чары). Первые известия о наскальных рисунках в том месте Сибири появились в 1924 г. в заметке, опубликованной в газете «Автономная Якутия»: «В 650 и 180 верстах от г. Олекмы на берегу Олекмы и на речке Токко есть старинные рисунки и какие-то знаки на скалах. Изображены звери, люди, война и пр.»¹. О том же, ссылаясь на газетную заметку, писал Н. Н. Грибановский². В 1971 г. токкинскую писаницу обследовали участники археологической экспедиции Якутского университета, однако материалы экспедиции пока не опубликованы. В 1973 г. автор посетил писаницу и скальпировал рисунки.

Скалы с рисунками расположены на правом берегу р. Токко в 18 км от ее устья. Река в том месте делает дугобразную петлю и выходит на трехкилометровый плес. С правой стороны ее берег ограничен грядой скал, с левой — болотом. При осмотре правобережных скал в нескольких местах удалось открыть обособленные группы рисунков, выполненных красной охрой. Токкинская писаница представляет собой своего рода древнюю картинную галерею, которая раскрывает мировоззрение, быт и духовную культуру древнего человека на протяжении нескольких тысячелетий.

Палеолитическим временем следует, по всей

видимости, датировать изображения быков и лошадей, поскольку именно они относятся к характерным животным плейстоценовой эпохи. Их образ жизни неразрывно связан с иными, чем теперь, географическими условиями, которые характеризуются господством открытых травянистых пространств древних тундр и степей, простиравшихся некогда там, где теперь раскинулась современная тайга. При раскопках более поздних археологических памятников, датированных временем вплоть до средневековья, на территории Якутии костные остатки лошадей и быков не встречаются. Высказывания некоторых исследователей о том, что в Якутии дикая лошадь дожила до XIX в., маловероятны³.

Палеолитические изображения токкинской писаницы выявлены в четырех пунктах. Первая группа рисунков располагалась на юго-востоке скалистой гряды. Они самые крайние среди изображений в верхней части реки. Группа представлена рисунком быка и двумя гребенкообразными пятнами, залитыми по контуру охрой. Плоскость скалы, на которой они располагаются, отстоит от подножия на 12 м и ориентирована на юго-запад. Скала с петроглифами на том участке берега отвесная и совершенно ровная. Сверху рисунки надежно защищены огромным карнизом. Их можно скалькировать только при малой воде, соорудив у скалы специальные леса или воздвигнув огромную лестницу. При повышенном уровне воды к скале подойти невозможно, к тому же мешает быстрое течение реки (рис. 1).

Изображение быка реалистично. Древний художник выполнил рисунок объемно и удачно передал оттенки с помощью темно-бордовой ох-

¹ *Тунгиро-Алданский район*. — «Автономная Якутия», 1924, 23 дек.

² *Грибановский Н. Н.* Сведения о писаницах Якутии. — СА, 1946, № 6, с. 281—284.

³ *Серошевский В.* Якуты. Опыт этнографического исследования, т. 1. Спб., 1896, с. 164; *Огнев С. И.* Млекопитающие Северо-Восточной Сибири. Владивосток, 1926, с. 154; *Antonius O.* Die Pferde als aussterbende Tiergruppe. Leipzig, 1936; *Роговский М. И.* Коневодство Якутской АССР. — Труды СОПС. М., 1941, с. 46—47; *Он же.* Коневодство Якутской АССР. — В кн.: Вопросы животноводства в районах Крайнего Севера. М., 1940; *Липпинг В. О.* Якутская лошадь. — «Коневодство», 1937, № 6, с. 30—31.

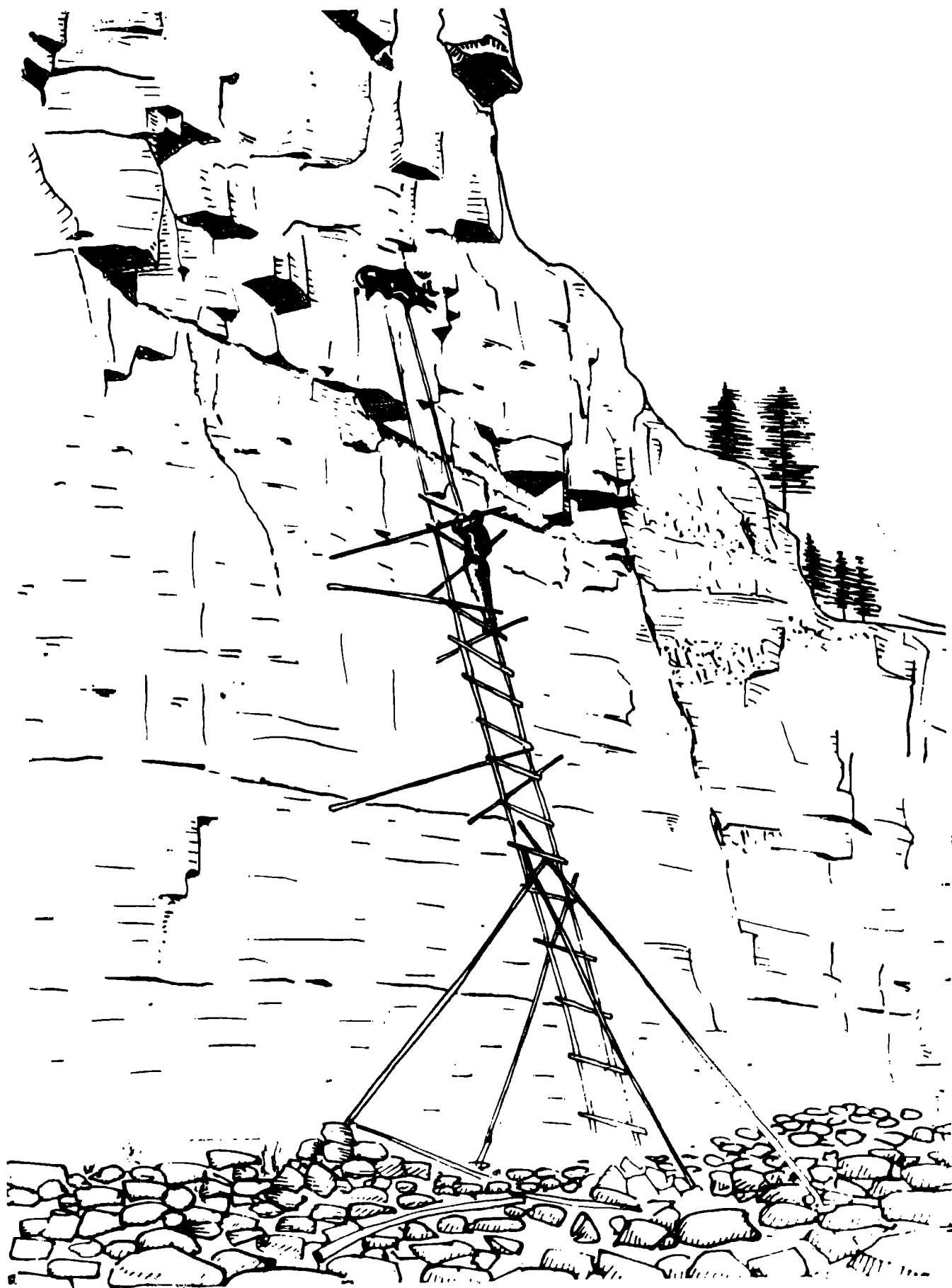

Рис. 1. Общий вид скалы с изображением первой группы рисунков.

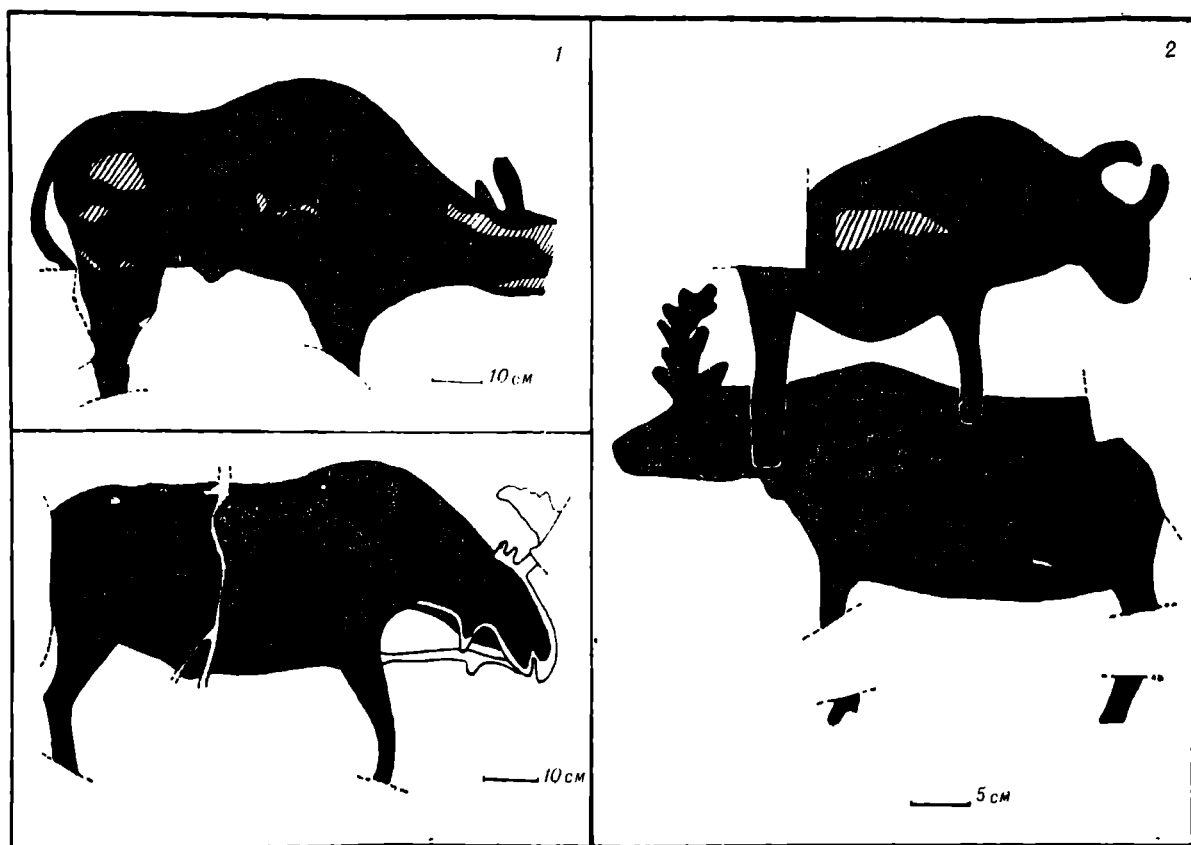

Рис. 2. Наскальные рисунки.
1 — первая группа; 2 — четвертая, 3 — третья.

ры. У животного тяжелая голова, длинный, расширяющийся кверху и закругленный на конце рог, клинообразное ухо прижато к шее. Линия мощной шеи переходит в огромный горб и хорошо выделенную сильную грудину. Спина немного прогнута. Круп и хвост выписаны дугообразной линией. Грудная клетка глубоко опущена, живот подтянут, четко выделена пуповина. Ноги сохранились не полностью, но и по тому, что сохранилось, чувствуется, как эффективно удалось художнику подчеркнуть силу зверя. Животное изображено в профиль (рис. 2, 1).

Вторая группа рисунков расположена в 300 м ниже по течению реки. Изображения открыты на плоскостях останца, который поднимается над грядой береговых скал. Палеолитические рисунки размещены на двух разделенных изломом скалы плоскостях. Они находятся на одной высоте. На одной плоскости изображена лошадь, на второй — бык (рис. 3, В). Сверху рисунки надежно прикрыты карнизом. Изображение лошади довольно реалистичное. Голова ее приподнята, спина прямая, круп очерчен дугообразной линией, брюшина опущена, пышный хвост откинут назад. Ноги выписаны в виде дугообразных линий. Желто-красная контурная полоса, очерчивающая тело, сохранилась очень плохо. Фигура животного еле просматривается на

фоне скалы. Рисунок выполнен в профиль (рис. 3, В). Бык изображен во вздыбленном положении. У него тяжелая, типично бычья голова с раскрытым ртом, четко выделенная крутая лобовина, один загнутый во внутрь рог. Уши маленькие и намечены небольшими выступами, толстая шея переходит в кругой горб и могучую грудину. Спина слегка прогнута. Круп выписан дугообразной линией. Хвост заброшен набок, а четыре ноги разбросаны в стороны. Рисунок слегка развернут от зрителя (рис. 3, В, 1).

Рисунки на плоскостях с изображениями быка и лошади разновременны, что доказываются не только стилистическими особенностями, но также различиями в цвете краски и фактами перекрытия одних рисунков другими. Судя по наиболее выгодному, центральному, расположению, к древнейшим относятся изображения лошади и быка. Позже на плоскостях появились рисунки оленей (рис. 3, А, 1, 2). Древние художники, выполнившие самые поздние из рисунков (рис. 3, А, 3, 5; В, 2, 3), подправили также изображение оленя (рис. 3, А, 1), принадлежащего ко второй хронологической группе. О значительной древности рисунков быка и лошади свидетельствует и то обстоятельство, что на второй плоскости ниже быка изображена человеческая фигурка с П-образно расставленными

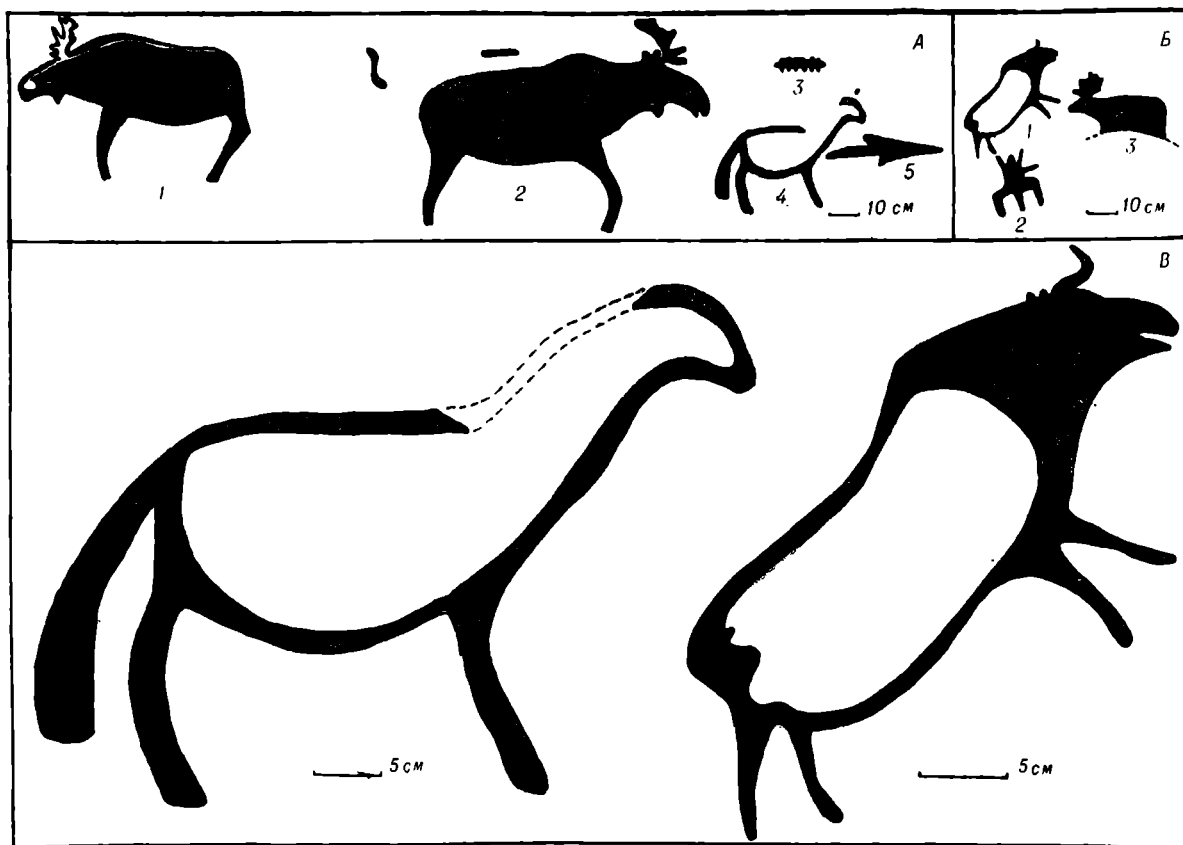

Рис. 3. Вторая группа рисунков.

ми ногами и сплошной линией между ними (рис. 3, Б, 2). Голова и шея очерчены подковообразной линией. Плечи по сравнению с животом и тазом узкие, руки подняты вверх. Скульптурка, по контуру сходная с рисунком человека, обнаружена Г. А. Максименковым в погребении с окуневским инвентарем⁴. Сходные изображения встречаются также на плитах, которые использовались в качестве строительного материала для окуневских погребальных сооружений в могильниках Черновая VIII и Сыды V. Они зафиксированы, кроме того, на писанице Тепсей III⁵.

Женские изображения такого рода вообще встречаются часто повсюду в виде наскальных рисунков (Сахара, Южная Родезия), деревянных скульптур (Новая Гвинея, Соломоновы острова, Северная Америка), в резьбе по дереву (Конго), а также на тканях (Северная Америка), печатах (Индия), масках и вышивках (Конго, Борнео)⁶. Женщины изображаются с согнутыми коленями и раздвинутыми ногами, т.е. как бы сидящими на корточках, и часто

⁴ Устное сообщение Г. А. Максименкова.

⁵ Вадецкая Э. В. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 261—264, рис. 1, 2.

⁶ Frobenius L. Ektab die felsbilder ferrous. Leipzig, 1937, S. 49—53.

с поднятыми руками и отчетливо обозначенными женскими половыми признаками. Иногда в области живота помещался рисунок ребенка или между бедер изображалась голова его. Это, бесспорно, рисунки рожениц в разные моменты родов. На основании сопоставлений рисунок женщины и сопровождающие ее фигуры можно датировать первой половиной II тыс. до н. э., а первые две хронологические группы рисунков относятся к самому древнему этапу, когда на скалах впервые появились писаницы.

Третий пункт с рисунками располагался в 1,5 км ниже первого. Здесь, на высоте 8 м, обнаружено второе изображение животного, по стилистике сходного с быком из первого пункта (см. рис. 2, 3). Плоскость с рисунком, выполненным светло-красной охрой, защищена огромным карнизом. Рисунок ориентирован на юг. Изображение позднее подрисовывалось и поэтому не сохранило полностью первоначальный облик. Ясно все же, что художник нарисовал быка. У него огромный крутой горб, прямая спина, а круп очерчен дугообразной линией. Живот у быка подтянут и, что в особенности важно, у него отчетливо выделяется пуповина. У парнокопытных пуповина посредине живота бывает только у быка, а у оленей она располагается между пахами задних ног. Древность рисунка быка подтверждается также тем, что его

в более позднее время дважды подправляли. Есть основания предполагать, что последняя подправка выполнена тем же художником, который изобразил на скале второго оленя (рис. 3, А, 2) среди рисунков второго пункта. Во всяком случае, манера, в которой выписаны рога и головы животных, по существу одна и та же.

Четвертый пункт рисунков находится в 200 м ниже по реке от третьего. Здесь на плоскости с нависающим над нею карнизом изображены ориентированные на юг рисунки быка и оленя. Рисунки находятся на высоте 8 м от основания скалы. Сохранность их удовлетворительная. У быка клиновидная морда и ухватаобразные рога. Толстая шея его плавно переходит в крутой горб и грудину. Слегка округлые спина и круп скошены назад. Брюшина у животного провисшая, а прямые ноги слегка расширяются в месте соединения их с туловищем. По контуру рисунок залит бордовой охрой. Животное

изображено не строго в профиль, но слегка развернуто (см. рис. 2, 2). Рисунок оленя столь же реалистичен. Голова у животного вытянута вперед по направлению движения. Клинообразное ухо прижато к шее, рога изображены в виде ветки. Четко выделена холка, спина прогнута, брюшина опущена. Ноги сохранились частично, причем у передней выписано копыто. Рисунок по контуру залит бледно-розовой охрой. Его перекрывает изображение быка (см. рис. 2, Б).

Описанные наскальные рисунки р. Токко можно, вероятно, датировать палеолитическим временем. Поражают их размеры, особый реалистический художественный стиль, характерный для древних изображений. Кроме того, бесспорен тот факт, что ранние рисунки перекрываются фигурами зверей, которые не могли появиться на плоскостях скалы позже II тыс. до н. э. Следует также иметь в виду, что рогатый скот и лошади появились в бассейне Лены лишь с приходом якутов.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ САХАЛИНА

Сахалин — крупнейший тихоокеанский остров Советского Союза. С севера на юг он протянулся почти на 1000 км. От материка его отделяют пролив Невельского, ширина которого в самой узкой части около 7,5 км, и Татарский пролив. С запада и юго-запада Сахалин омывается водами теплого Японского моря, с севера и востока — холодным Охотским морем. Вследствие меридиональной вытянутости острова, сложности рельефа, различного термического режима омывающих его морей климатические условия, природные ландшафты здесь весьма разнообразны. Значительные различия наблюдаются между севером и югом, между внутренними районами острова и его побережьем. В целом климат Сахалина муссонный с холодной, но более влажной и менее суровой, чем на материке, зимой и дождливым летом. Такая климатическая особенность обуславливается положением острова в переходной зоне от Евразийского континента к Тихому океану. В южной части острова благодаря влиянию теплого Цусимского течения климат теплый и влажный с небольшими морозами (среднеянварская температура минус 10—12°), метелями зимой и умеренно теплым летом (средняя температура августа на юго-западе +20°, а в отдельные дни поднимается до 30—35°). На северном Сахалине зима суровая с морозами, достигающими до 48—50°, при среднеянварской температуре минус 20—22°. Суровость зимы усиливается частыми и длительными метелями. Лето позднее, прохладное и быстрое.

Если в северной части острова преобладают леса и редколесья из даурской лиственницы, березы с зарослями кедрового стланика, багульника, переходящие к северу в типичные тундры и торфяниковые болота, то к югу от пос. Ныш

начинается елово-пихтовая тайга, а еще южнее происходит смешение северных и южных элементов флоры: рядом с аянской елью растет лимонник, пихту обвивает дикий виноград, багульник соседствует с курильским бамбуком. На самом юге острова встречаются широколиственные породы: монгольский дуб, маньчжурский ясень, бархат, клен, сахалинская вишня. В недрах острова запасы нефти, газа, каменного и бурого угля, ртути, полиметаллов. Моря, омывающие берега острова, изобилуют рыбой, морским зверем, а леса — дичью.

История Сахалина богата событиями, в частности ранняя история его населения. По мере расширения наших знаний по археологии Сахалина все отчетливее становится роль древних культур его в общеисторических процессах, происходивших в островном мире Дальнего Востока. Известно, что первые археологические исследования на Сахалине производил инженер-геолог И. А. Лопатин в 1867—1868 гг. В процессе изысканий в районе оз. Тарайки (современное название оз. Невское), у пос. Найбучи (Стародубское), в устье р. Онеай и других местах он обнаружил остатки древних поселений с богатым каменным инвентарем и фрагментами глиняных сосудов. И. А. Лопатин первым в русской литературе сообщил легенду о тончах, легендарном народе, которому, по его мнению, и принадлежали древние стоянки¹.

Начало исследования стоянок Анивского залива, в частности знаменитой Сусуйской стоянки, связано с именем И. С. Полякова, работав-

¹ Лопатин И. А. О разведках на Сахалине в 1868 г. — Архив ЛОИИМК, д. 34, 1869.

шего в этом районе в 1881 г.² Большой вклад в дело изучения археологии Сахалина внес Л. Я. Штернберг. На основании сходства типа жилищ древних обитателей Сахалина с айскими землянками, которые бытовали у них еще в XIX в., сходства элементов и мотивов орнамента на древних предметах с орнаментами современных айнов Л. Я. Штернберг доказывал, что топи — такой же легендарный народ, как и коропкуру на Японских островах, а в древних жилищах обитали предки самих айнов³. Этнограф Б. О. Пилсудский — последний из русских дореволюционных исследователей, кто занимался археологией на Сахалине (1902—1905 гг.)⁴.

Этими работами фактически и ограничиваются исследования по археологии Сахалина в дореволюционный период. Основное внимание в то время, как свидетельствуют имеющиеся данные, уделялось изучению айских памятников.

В 30-х гг. японские археологи выделили на Южном Сахалине особую культуру, которая получила название «охотской». Однако хронологические рамки относящихся к ней памятников также не выходили за рубеж нашей эры.

В 1954 г. на Сахалине начал археологические работы специальный отряд Дальневосточной экспедиции ЛОИИМКа под руководством Р. В. Чубаровой (Козыревой). За три полевых сезона отряд исследовал около 30 различных стоянок. Самые богатые материалы получены при раскопках таких памятников, как Стародубское, Сусуя, Верхняя Саппосава на Южном Сахалине и Ноглики в северной части острова. Результаты исследований обобщены и опубликованы Р. В. Козыревой в ряде работ⁵. Анализируя имеющиеся материалы, Р. В. Козырева выделяла три хронологических этапа в развитии древних культур Сахалина. Наиболее ранний этап представлен стоянкой Стародубское II на юге Сахалина, которая датируется II тыс. до н. э., и стоянкой Ноглики I на севере, относя-

щейся к концу II тыс. до н. э. Ближайшие аналогии в каменном инвентаре и керамике древнейших стоянок Сахалина Р. В. Козырева находит в неолитических культурах Приморья и Приамурья, что, по ее мнению, свидетельствует о материковом происхождении древнейшего населения острова.

Интересен также вывод Р. В. Козыревой о различиях в культурно-этническом развитии населения юга и севера Сахалина. Он аргументируется сравнительным анализом археологического материала Стародубского и Ногликов. Причины отличия северных и южных памятников Р. В. Козырева видит в самих истоках культур, в происхождении племен, оставивших стоянки. Северные из них она генетически связывает с низовьями Амура, южные — с Приморьем. Заселение юга острова, согласно Р. В. Козыревой, произошло раньше, чем севера, где первое население появилось только к концу II тыс. до н. э. или в начале I тыс. до н. э.

Второй этап представлен культурой раковинных куч, которая датируется концом I тыс. до н. э. — началом II тыс. н. э. В то время наряду со связями с Приморьем и Приамурьем устанавливаются контакты с Камчаткой, Курильскими островами и Аляской, что подтверждается аналогиями в каменном и костяном инвентаре. Последний этап древней истории Сахалина характеризуется появлением предметов айского происхождения, в том числе грубых сосудов с внутренними ушками и металлических изделий.

Интерпретируя полученные материалы, Р. В. Козырева в отличие от Л. Я. Штернберга и других исследователей, считавших, что Сахалин сразу заселили айны, доказывала, что их не следует считать первыми жителями острова. Айны, по ее мнению, переселились на него сравнительно поздно, лишь во второй половине II тыс. н. э. Исследования Р. В. Козыревой могут считаться этапными в изучении археологии Сахалина. Предложенная ею периодизация древних культур значительно дополнила старые хронологические схемы, в которых история Сахалина начиналась только с охотской культуры. В периодизации Р. В. Козыревой наиболее раннее место среди сахалинских культур занимал комплекс Стародубское II, относящийся к развитому неолиту (II тыс. до н. э.). Ее связи получили широкое распространение и доминировали до последнего времени.

² Поляков И. С. Путешествие на о. Сахалин в 1881—1882 гг. — «Приложение к ИРГО», Спб., 1883, т. 19, вып. 1.

³ Штернберг Л. Я. Айская проблема. — Сб. МАЭ, т. 8, Л., 1929; Он же. Культ и нау у айнов. — В кн.: Гиляки, орочи, голды, пегидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

⁴ Пилсудский Б. О. Отчет по командировке к айпам и орокам о. Сахалин. — «Изв. Русск. ком. для изучения Средней и Восточной Азии», 1907, № 7.

⁵ Козырева Р. В. Неолитическое поселение Стародубское II на о. Сахалине. — В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока, вып. 1. Новосибирск, 1964, с. 49—72; Древний Сахалин. Л., 1967.

Однако еще в 1965 г. сотрудник Южно-Сахалинского краеведческого музея В. В. Вязовская на правом берегу р. Имчин, в 1,5 км от пос. Ноглики на Северном Сахалине собрала коллекцию каменных изделий, в том числе ранее не известные на острове призматические ножевидные пластины, микропластинки, резцы. К сожалению, замечательное открытие В. В. Вязовской, несмотря на сообщение в печати, не получило должного резонанса⁶. В 1969—1970 гг. в Южно-Сахалинский краеведческий музей поступили новые сведения о находках микропластин, нуклеусов, собранных в карьерах по берегам р. Имчина учащимися Ногликской школы-интерната.

Стало очевидным, что для выяснения характера имчинских находок необходимы не только повторные сборы подъемного материала, но и специальные археологические раскопки. Такие работы предпринял в августе 1972 г. Р. С. Васильевский с группой сотрудников лаборатории полевых исследований Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Обследование и разведочные раскопки установили наличие на Имчине своеобразного археологического комплекса, значительно отличающегося от всех ранее известных на Сахалине памятников. Он характеризовался отсутствием керамики и шлифованных каменных орудий. Большинство найденных здесь изделий оказались архаическими по облику, а в технике их изготовления сохранялись древнейшие традиции, восходящие к мезолиту и даже палеолиту. В процессе сравнительного анализа находок удалось проследить интересные параллели с материалами мезолитического слоя поселения Устиновка в Приморье и докерамическими комплексами Японских островов⁷. На основе типологических сопоставлений возраст имчинского комплекса предварительно определялся в пределах IV—V тыс. лет до н. э.⁸ Японский археолог М. Иосизаки — автор раскопок стоянок Тачикава, Саккоцу, Тачи-

карусинаи на о. Хоккайдо, ознакомившись с материалами Имчина во время работы IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Чикаго, высказал мнение, что имчинский инвентарь более всего сближается с материалами стоянки Тачикарусинаи и что возраст комплекса Имчин никак не моложе 10 тыс. лет.

В 1972 г. на р. Имчин были открыты еще 2 стоянки — Имчин II и Имчин III — с аналогичным набором каменных орудий. В 1973 г. В. О. Шубин обнаружил бескерамический комплекс и на юге острова, в Долинском районе на стоянке Такое II. Стоянка Такое II располагается на 3-метровой террасе правого берега р. Большой Такой, притока р. Найбы, в 2 км к югу от г. Долинска. Терраса сложена аллювиальными отложениями с отчетливо видимой горизонтальной слоистостью. Верхняя часть отложений более супесчанистая, нижняя — суглинистая. Поверхность террасы разрушена огородами и развеейна. У северного края террасы В. О. Шубин собрал небольшую, но выразительную коллекцию каменных изделий. Она характерна сочетанием микропластинок и мелких изделий с крупными орудиями (рис. 1, 3). Для изготовления микропластинок использовался обсидиан. Крупные орудия и пластины сделаны из кремнистого сланца, аргиллита, сургучнокрасной яшмовидной породы. Среди мелких изделий интересны 3 пластинчатые острия из черного обсидиана (рис. 1, 18, 19). Края их тщательно обработаны мелкой аккуратной ретушью только на брюшке, а заостренное лезвие оформлено двусторонней ретушью. По форме они напоминают треугольные наконечники стрел на пластинках. Обращает на себя внимание небольшая обсидиановая пластинка размером 3,7×1 см с прямоугольным поперечным сечением (рис. 2, 11). По форме и характеру дорсальной поверхности, фасеткам сколов на боковых гранях она близка так называемым «лыжевидным сколам» — побочным продуктам производства клиновидных нуклеусов способом юбецу. На Сахалине такое изделие найдено впервые. Кроме того, обнаружены пластинки с выемками, оформленными крутой краевой ретушью (см. рис. 1, 15; 2, 5, 7), пластины-вкладыши с лезвиями, обработанными крутой односторонней ретушью (см. рис. 1, 13); небольшие проколки (см. рис. 1, 9, 10), ножи из пластин с краями, покрытыми крутой ретушью, чаще односторонней (см.

⁶ Вязовская В. В. Неолитическая стоянка на р. Лютоге и микролитические пластинки Имчина. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968, с. 138—144.

⁷ Васильевский Р. С. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1973, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 127—133.

⁸ Там же, с. 132.

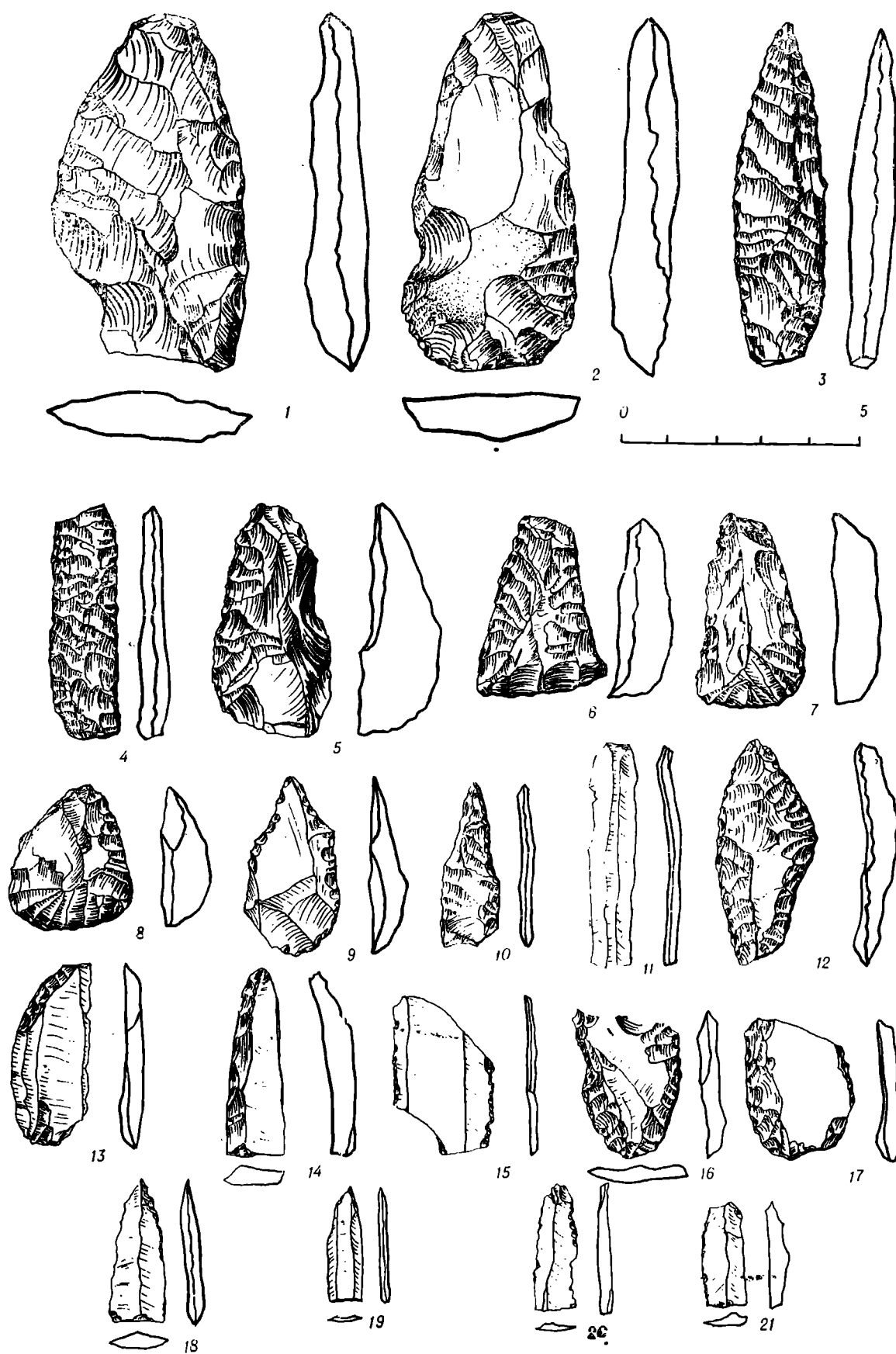

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Такое II.

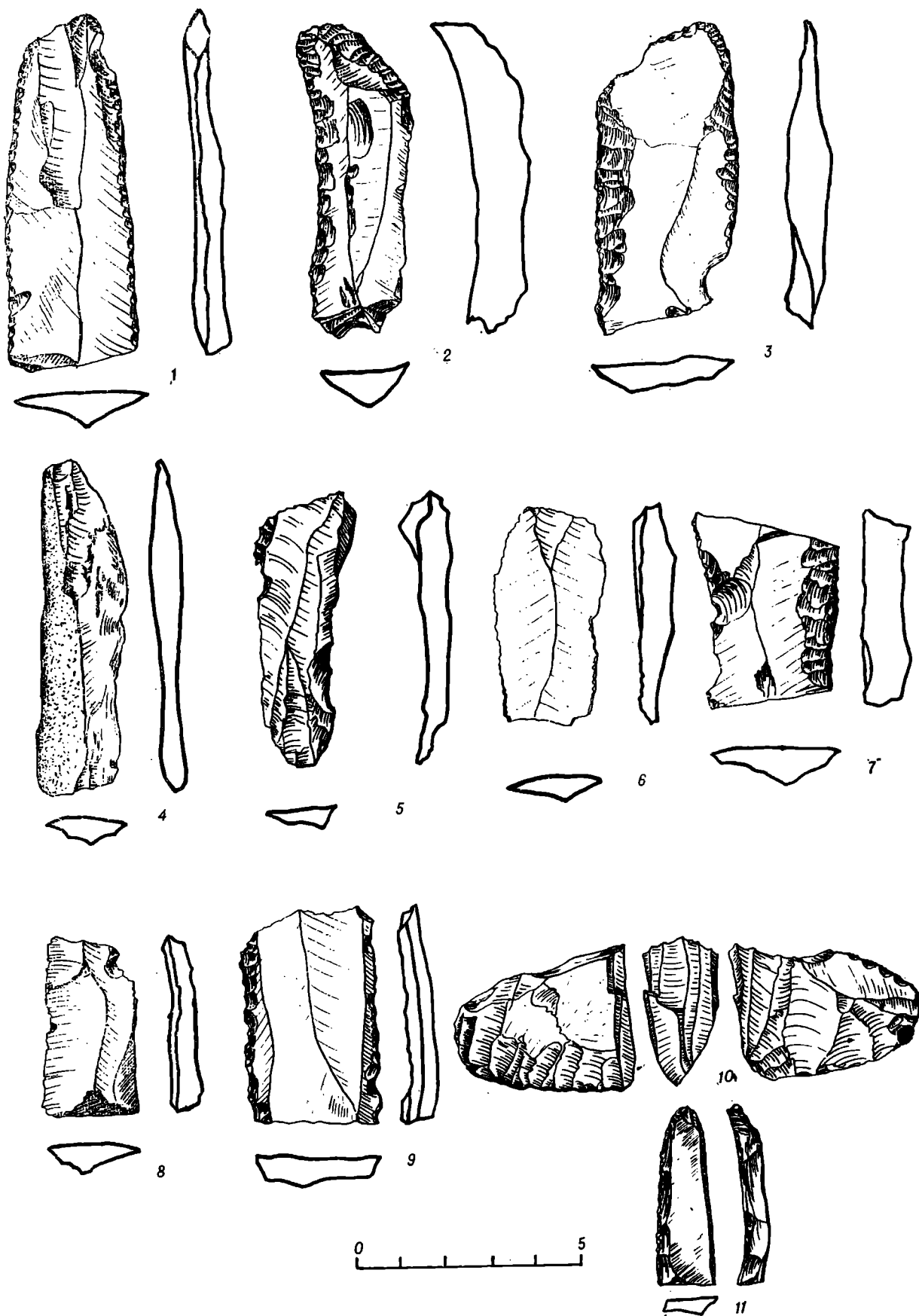

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Ташк II.

рис. 1, 12; 2, 9), концевые скребки с выпуклым лезвием и высокой спинкой (см. рис. 1, 6—8). Примечательна находка типичного клиновидного нуклеуса. Две его сходящиеся под углом грани покрыты фасетками ретуши, ударная площадка удлиненно-овальной формы, на торцевом конце видны четкие желобки снятых микропластинок (см. рис. 2, 10).

В особую группу выделяются широкие (до 2,5—3 см), сравнительно крупные (до 8 см) пластины с треугольным поперечным сечением. По краям они обработаны крутой мелкой ретушью. Среди них имеются пластины со скошенным концом (рис. 2, 2), с выемчатым краем (рис. 2, 7), комбинированные инструменты типа нож-скребок (рис. 2, 3). Встречаются также краевые сколы (рис. 2, 4).

Все изделия коллекции, за исключением двух листовидной формы наконечников, обработанных двусторонней диагональной ретушью (см. рис. 1, 3, 4), и ножа из массивного отщепа (см. рис. 1, 1), характеризуются односторонней обработкой, чаще всего лишь по краю. В целом инвентарь архаичный. Ему нет аналогий в неолитических комплексах сопредельных областей. Наиболее близкие соответствия находкам Такое II обнаруживаются в материалах стоянки Устиновка на р. Тадуши⁹ и в докерамических культурах Японии¹⁰. Для всех комплексов характерны широкие и крупные пластины с одной продольной гранью на спинке, клиновидные нуклеусы, концевые скребки с выпуклым рабочим краем и высокой спинкой, обработанной ретушью. С японскими культурами стоянка Такое II сходна вследствие наличия микропластинок и мелких изделий из них. С той же точки зрения интересны также находки на Такое II клиновидного нуклеуса и лыжевидной пластинки (см. рис. 2, 10, 11). Такойский нуклеус аналогичен нуклеусам традиции Саккопу-Арая Северной Японии, ответвлением которой К. Хаяси считает технологию юбецу¹¹.

⁹ Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновка и проблемы Дальневосточного мезолита. — В кн.: Четвертичный период Сибири. М., 1966, табл. IV—VIII.

¹⁰ Oda S. Some Aspects of Japanese Preceramic Age: The Microlithic Tendency in the Southwestern Parts of Japan. — «Journ. of the Anthropol. Soc. of Nippon», 1969, v. 77, N 5—6; Voshiraki M. Tachikarushuna; Site. Hokkaido. — «Kokodaku», 1973, N 3, fig. 20—22.

¹¹ Hayashi K. The Fukui Microblade Technology and Its Relationships in Northeast Asia and North America. — «Arctic Anthropol.», 1968, v. 5, N 1, p. 179—180.

Техника юбецу развивалась на Хоккайдо в период между 15 000—12 000 лет назад. Ее отличительная особенность — производство клиновидных нуклеусов из двусторонне обработанных заготовок-бифасов. В процессе расчленения бифаса с него сначала скалывался краевой продольный скол, трехгранный в поперечном сечении, а затем пластинчатые сколы, своеобразной лыжевидной формы, формирующие базу нуклеуса, с одного из концов которого снимались микропластинки¹². Найдена на Сахалине специфических лыжевидных сколов, побочных продуктов производства клиновидных нуклеусов, свидетельствует о том, что древнее население острова применяло технические приемы юбецу.

Исходя из типологических сопоставлений, комплекс каменных орудий Такое II можно отнести ко времени развития докерамических культур. Вместе с тем, учитывая широкий хронологический диапазон японских докерамических культур с пластинчатой техникой (от 8 000 до 19 000 лет), а также изолированность Сахалина и возможность переживания отдельных типов и форм орудий, по-видимому, следует пока, до открытия стратифицированных памятников на Сахалине, ограничиться для Такое II верхней из возможных дат. С группой имчинских стоянок комплекс Такое II связывает техника микропластин и такой типологически характерный элемент, как концевые скребки с овально-выпуклым рабочим лезвием и высокой спинкой, сплошь обработанной отжимной ретушью.

Новые материалы по каменному веку Сахалина убедительно свидетельствуют о довольно раннем заселении острова. Оно, по-видимому, произошло в самом конце голоцена или даже раньше и было связано с той миграционной волной с материка, которая на рубеже плейстоцена — голоцена захватила Хоккайдо. Маршруты переселения из Приамурья — Приморья происходили, скорее всего, через Нижний Амур, Татарский пролив, Сахалин и на Хоккайдо. Такое заключение подкрепляется геологическими и геоморфологическими данными, указывающими на существование около 12—10 тыс. лет назад

¹² Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 66—108; Kobagashi T. Microblade Industries in the Japanese. — «Archipelago Arctic Anthropol.», 1970, v. 7, N 2, p. 38—40.

сухопутных мостов, которые связывали Сахалин с материком и Хоккайдо. О том свидетельствует ряд фактов: 1) подводные террасы на дне заливов Терпения и Анива, а также Татарского пролива на глубине 30—40 и 20 м¹³; 2) значительное переуглубление долины западного побережья Южного Сахалина, достигающее в отдельных местах до 50 м¹⁴; 3) находки на дне залива Анива у г. Корсакова на глубине 40 м остатков мамонта¹⁵. Наличие сухопутных перешейков способствовало свободной миграции древних охотников между материком, Сахалином и Хоккайдо.

Существенно, что по сочетанию таких определяющих элементов, как клиновидные нуклеусы,

¹³ Удинцев Г. Б. Геоморфологическая карта дна Охотского моря.— «Труды Ин-та океанографии АН СССР», 1957, т. 22.

¹⁴ Рудич Е. М., Скиба С. И. Основные этапы развития рельефа и новейшая тектоника Южного Сахалина.— «Вестн. Моск. ун-та. Серия геологии и географии», 1959, № 3.

¹⁵ Саса Я. Плейстоценовые отложения в окрестностях г. Корсакова на Южном Сахалине и местонахождение остатков мамонта.— «Журн. геол. наук», 1937, т. 44, № 527.

«лыжевидные» сколы, микропластинки, сахалинские памятники типа Такое II сходны не только с поздними докерамическими комплексами Японских островов, но и с докерамическими культурами Монголии (Хэрэ-ул), Забайкалья, а также Камчатки (ушковские стоянки). Таким образом, ранние комплексы Сахалина входят в единый круг с обобщенными традициями пластинчатой техники. Первоначальный очаг таких культур, возможно, находился в Монголии. Здесь, в инвентаре стоянки Хэрэ-ул, обнаружены клиновидные нуклеусы, лыжевидные сколы, микропластинки, резцы типа арая, чопперовидные изделия, сибирские скребла, которые рассеянно представлены в разных местах на Дальнем Востоке, в Японии, Забайкалье, Прибайкалье, на Камчатке, Алеутских островах и Аляске. Логично искать центр происхождения отдельных элементов там, где они встречаются вместе.

Таковы новые находки на Сахалине. Они вносят значительные коррективы в представления о древней истории острова.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ. Основные этапы истории антропологического состава населения Китая (палеолит и мезолит)	8
В. Е. ЛАРИЧЕВ. Палеолит Кореи	25
А. К. ГХОШ. Мустьероидная фация в палеолитических культурах Индии	84
В. А. РАНОВ. Некоторые вопросы изучения палеолита Индостана	90
В. Е. ЛАРИЧЕВ. Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана	94
М. В. АНИКОВИЧ. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки	155
О. А. САЛОВА. К вопросу о палеолите Курильских островов	170
А. И. МАЗИН. Палеолитические наскальные рисунки в долине р. Токко	177
Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ, В. О. ШУБИН. Новые материалы по древней истории Сахалина	182

**СИБИРЬ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ.
ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА**

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

**Ответственный редактор
Виталий Епифанович Ларичев**

Редакторы А. Н. Антонов, М. А. Лапшина
Художественный редактор Л. В. Финнашутина
Технический редактор А. В. Семкова
Корректоры А. М. Картавин, А. С. Матушевская

Сдано в набор 10 ноября 1975 г. Подписано в печать 9 сентября 1976 г. МН 10630. Бумага типографская № 2. Формат 60×84¹/₈. 24 печ. л., 22,3 усл. печ. л., 22,8 уч.-изд. л. Заказ № 699. Тираж 1800 экз. Цена 1 р. 43 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

**СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- Васильевский Р. С., Голубев В. А.** Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка).
- Ларичева И. П.** Палеоиндейские культуры Северной Америки.
- Мочанов Ю. А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии.
- Горюшкин Л. М., Бочанова Г. Н., Цепляев Л. Н.** Новосибирск в историческом прошлом. Конец XIX — начало XX в.
- Окладников А. П., Мазин А. И.** Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья.
- Деревянко Е. И.** Троицкий могильник.
- Ельницкий Л. А.** Скифия евразийских степей (историко-археологический очерк).
- Медведев В. Е.** Культура амурских чжурчжэней (конец X—XI век).
- История городов Сибири досоветского периода.**
- Русакова Л. М.** Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII — XIX вв.

Книги высылаются наложенным платежом. Заказы направляйте по адресу: 630090, Новосибирск, 90, Морской проспект, 22. Магазин «Наука».

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117464, Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110, Ленинград, П-110, ул. Петрозаводская, 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»

480391, Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
370005, Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005, Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;
734001, Душанбе, проспект Ленина, 95;
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 303;
252030, Киев, ул. Ленина, 42;
277012, Кишинев, ул. Пушкина, 31;
443002, Куйбышев, проспект Ленина, 2;
192104, Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
199164, Ленинград, Менделеевская линия, 1;
199004, Ленинград, 9 линия, 16;
103009, Москва, ул. Горького, 8;
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076, Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090, Новосибирск, Морской проспект, 22;
620151, Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700029, Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73;
700100, Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
634050, Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450075, Уфа, ул. Коммунистическая, 19;
450075, Уфа, проспект Октября, 129;
720001, Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310003, Харьков, Уфимский пер., 4/6.

Цена 1 р. 43 к.

